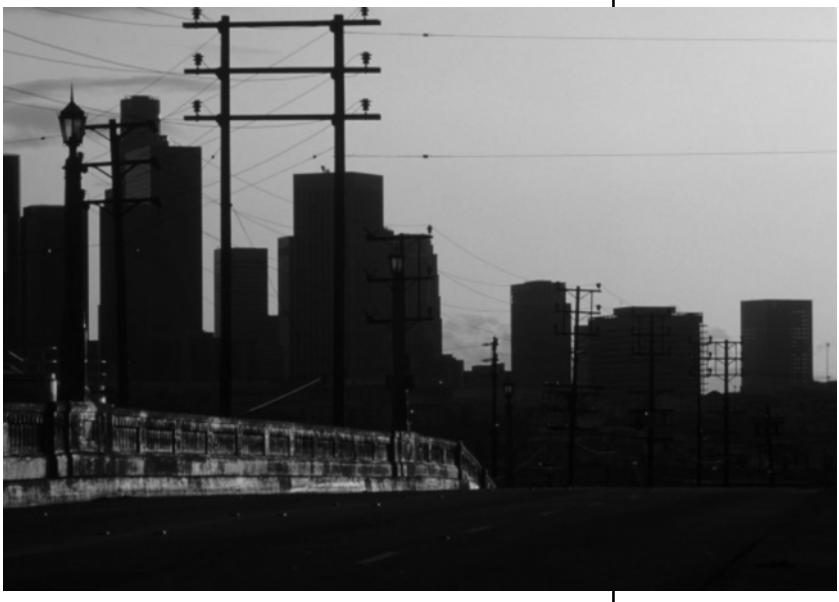
Социология

ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ



3
2008

Содержание

Семья и демография

Беляева М.А.
Технология диагностики состояния семьи в практике социальной работы ... 4
Бессчетнова О.В.
Насилие в семье: что думает об этом современная молодежь? ... 14
Василенко И.А.
Роль рекламы в формировании ценности семьи ... 24
Гольцова Е.В.
Экологические факторы демографического поведения семьи ... 30
Медков В.М.
Рождаемость в переписях населения России ... 34
Смакотина Н.Л.
Отношение московских семей к принятию детей-сирот ... 43
Смирнова Т.В.
Кризис профессиональной адаптации в пожилом возрасте ... 50
Тараданов А.А.
«Глядя на старую семейную фотографию...» (семейное благополучие на Урале после войны) ... 50
Шабунова А.А., Калачикова О.Н.
Репродуктивный выбор семьи: факторы и условия ... 72

История русской социологии

Афанасьев В.В., Устян А.Р.
Политический византизм Константина Леонтьева ... 80
Богданов А.В.
П.Я. Чаадаев как социолог ... 96
Никифоров Я.А.
Разработка Н.Г. Чернышевским частных социологических теорий ... 109

Междисциплинарные исследования

Тогунов И.А.
Закон универсальности социальных организаций ... 122

Менеджмент

Зайцева Т.В., Снежко С.В.
Влияние неформальных отношений на лояльность персонала ... 132
Мисютин А.
Социальные аспекты внедрения систем Project Management ... 143
Панченко Н.В.
Корпоративная культура на крупном предприятии ... 151

Политика

Бажин И.И., Маленькая М.А.
Навыки принятия управленческих решений госчиновников 158
Дзуцев Х.В.
Общественное мнение о социально-политической и экономической ситуации 168
Романович Н.А.
Отношения населения к Президенту 180
Титова Л.Г. Епархина О.В.
Идентификация как фактор социально-политической адаптации россиян (региональная специфика) 196
Щебланова В.В.
Организующая и мобилизующая риторика терроризма 207

Дебют

Титова М.А.
Феминистский дискурс и аналитическая техника Жака Лакана 226
Береговой В.И.
Прогнозирование военно-политических конфликтов 234
Семакова О.С., Ходырев В.Н.
Социальный статус врачей и реализация Национального проекта здравоохранения 242
Шумилов В.К.
Будущее Российской демократии 250
Мухамедьянов Б.Ф.
Социальная, историческая и нравственная память как формы развития исторического самосознания личности 256
Говорухин Г.Э.
Пространство Дальнего Востока: ретроспектива освоения Российских территорий 261
Баликоев А.В.
Системное насилие как самоупорядочивающийся социальный процесс 267
Байбородов А.Ю.
Коэкзистенциальное общение как символическая реальность 273
Клюев Ю.В.
Степень закрепления маркетинговых технологий в организационной структуре музеев Кемеровской и Омской областей и Алтайского края 280

Хроника научной жизни

Социологический форум в Барселоне 284

Наши авторы 287

СЕМЬЯ И ДЕМОГРАФИЯ

© 2008 г.
Беляева М.А.

Технология диагностики состояния семьи в практике социальной работы

Начальный этап в социальной работе с семьей, как правило, предполагает оценку ее состояния. В технологии проведения этого диагностического анализа можно выделить три этапа: 1) выбор диагностических критериев; 2) их оценка и 3) постановка диагноза.

Этап первый — выбор диагностических критериев.

Целям социальной работы, на наш взгляд, отвечает диагноз, констатирующий **структурно-функциональный тип семьи, уровень ее социальной адаптации, существующие у семьи проблемы и потребности,** поэтому в качестве критериев выступают:

1. Структурные характеристики семьи:

◆ наличие брачных партнеров (полная /формально полная/ неполная);

◆ порядок вступления в брак (брак первичный /повторный);

◆ количество поколений (простая /расширенная семья);

◆ количество детей (с указанием пола и возраста детей);

◆ характер родственных отношений между родителями и детьми (семья с естественным харак-

тером родственных отношений, семья усыновителей, опекунская семья, приемная семья).

2. Функциональные характеристики семьи:

◆ материальное благосостояние семьи, определяющее уровень ее социально-экономический адаптации;

◆ психологический климат семьи, отражающий уровень ее социально- психологической адаптации;

◆ уровень общей культуры семьи, определяющий ее социально-культурную адаптацию;

◆ уровень ситуационно-ролевой адаптации, демонстрирующий, насколько успешно семья осваивает новые для нее роли в трудной жизненной ситуации.

Возможные сочетания перечисленных уровней адаптации см. в табл. 1.

3. Индивидуальные характеристики членов семьи:

а) характеристики взрослых членов

◆ социально-демографические(-возраст, национальность, образование, профессия);

◆ физиологические (состояние здоровья, наличие хронических заболеваний, инвалидности);

◆ психологические характеристики (настроение, черты характера и др.);

◆ наличие зависимостей (наркотическая, пищевая и др.).

б) характеристики ребенка:

◆ возраст, уровень физического, психического, речевого развития ребенка;

◆ интересы, способности;

◆ образовательное учреждение, которое он посещает,

◆ успешность общения и обучения;

◆ наличие поведенческих отклонений и патологических привычек (агрессивность, клептомания, замкнутость, сосание пальцев и др.);

◆ речевые и психические нарушения (заикание, тики и др.).

Сочетание индивидуальных характеристик членов семьи с ее структурными и функциональными параметрами складывается в комплексную характеристику — **статус** семьи. Мы будем использовать понятия: социально-экономический, социально-психологический, социально-культурный, ситуационно-ролевой статусы семьи, выделяя три возможных состояния этих статусов: высокий, средний, низкий.

Этап второй — проведение оценки диагностических критериев.

Отцы и дети

Оценивание диагностических критериев предполагает использование комплекса методов, таких как наблюдение, тестирование, анкетирование, интервьюирование, патронаж, анализ документов, использование экспертных оценок, причем в качестве экспертов могут выступать не только специалисты, но и люди, входящие в ближайшее окружение семьи.

Индивидуальные характеристики членов семьи констатируются в ходе интервьюирования ее членов или ближайшего окружения семьи (соседей, например), непосредственного наблюдения и (или) по результатам обследований, проведенных соответствующими специалистами.

Структурные характеристики семьи определяются в большинстве случаев во время беседы или изучения официальных документов. Оценивание критериев, определяющих успешность функционирования семьи, в силу их интегративности не столь однозначно.

Так, **материальное благосостояние** — складывается из бюджета семьи (совокупность ее доходов и расходов), качества жилищно-бытовых условий, в которых она живет, а также из ее предметного окружения (кроме одежды и предметов личного пользования в предметное окружение входит мебель, электробытовые и другие технические средства, позволяющие рационально организовать быт, облегчить домашний труд, разнообразить досуг).

Если уровень жилищных условий и доходов семьи, ниже существующих норм, вследствие чего она не может удовлетворять самые насущные потребности (пища, одежда, оплата за жилье), то такая семья считается малообеспеченной, ее социально-экономический статус — низкий (СЭС—Н).

Если материальное благосостояние семьи соответствует социальным нормам или несколько превышает их, то такая семья считается среднеобеспеченной, ее социально-экономический статус — средний (СЭС—С).

Высокий уровень жилищных условий и доходов, позволяющий не только удовлетворять основные потребности жизнеобеспечения, но и пользоваться различными видами услуг, свидетельствует о том, что семья является материально обеспеченной, имеет высокий социально-экономический статус (СЭС—В).

Помимо очного интервью или

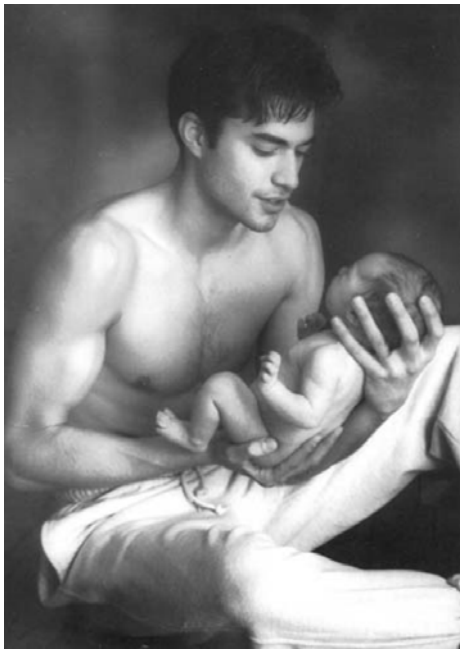
анкетного опроса оценка социально-экономического статуса предполагает непосредственное наблюдение условий жизни семьи в ходе патронажа, анализ официальных документов (справок), отражающих уровень доходов семьи.

Чтобы оценить состояние психологического климата семьи или, иными словами, ее социально-психологический статус (СПС), целесообразно разделить все взаимоотношения на отдельные сферы по принципу участвующих в них субъектов: на супружеские, детско-родительские и отношения с ближайшим окружением.

Для определения качества этих отношений примем следующую градацию: благоприятные отношения, удовлетворительные, неудовлетворительные.

Благоприятными считаются отношения, построенные на принципах равноправия и сотрудничества, уважения прав личности, характеризующиеся взаимной привязанностью, эмоциональной близостью, удовлетворенностью каждого члена семейной системы качеством этих отношений. Если психологический климат в семье соответствуют вышеприведенному определению, то ее социально-психологический статус — высокий (СПС—В).

Как неудовлетворительные будем определять такие семейные отношения, в одной или нескольких сферах которых существуют хронические трудности и конфликты; члены семьи испытывают постоянную тревожность, эмоциональный дискомфорт, в отношениях господствует отчуждение. Все это препятствует выполнению



семьей одной из главных своих функций — психотерапевтической, т.е. снятию стресса и усталости, восполнению физических и душевных сил каждого члена семьи. В этой ситуации социально-психологический статус — низкий (СПС—Н). Причем неблагоприятные отношения могут трансформироваться в кризисные, то есть в отношения, характеризующиеся полным непониманием, враждебностью друг к другу и желанием разорвать связывающие узы.

Промежуточное состояние семьи между двумя вышеописанными состояниями психологического климата, когда неблагоприятные тенденции еще слабо выражены, не имеют хронического характера — социально-психологический статус семьи — средний (СПС—С).

В случае неполных семей суп-

ружеские отношения расцениваются как отсутствующие. В случае официально неоформленных брачных отношений, но при условии ведения совместного хозяйства, такие отношения должны приниматься во внимание и оцениваться как супружеские.

В оценки состояния психологического климата специалист социальной работы может полагаться на заключение психолога, а также собственные наблюдения, результаты опроса членов семьи и их ближайшего окружения.

Определяя **уровень общей культуры семьи**, следует учитывать образованность ее взрослых членов, а также бытовую и поведенческую культуру всех членов семьи, которая наблюдается в ходе встреч или в домашних условиях в ходе патронажа. Важной составляющей культурного статуса семьи является педагогическая культура, определяющая характер детско-родительских отношений.

Социально-культурный статус семьи считается высоким (СКС-В), если семья справляется с ролью хранительницы обычаев и традиций, обладает широким кругом интересов, развитыми духовными потребностями, в семье рационально организован быт, разнообразен досуг, причем преобладают совместные формы досуговой деятельности; семья ориентирована на всестороннее (эстетическое, физическое, эмоциональное, трудовое) воспитание детей и поддерживает здоровый образ жизни.

Если духовные потребности семьи не развиты, круг интересов ограничен, быт не организован, отсутствует объединяющая семью культурно-досуговая деятельность, слаба моральная регуляция поведения членов семьи (превалируют насильственные методы регуляции); семья ведет неблагополучный (нездоровый) образ жизни, то ее уровень культуры — низкий (СКС—Н).

В том случае, когда семья не обладает полным набором характеристик, свидетельствующих о высоком уровне культуры, но осознает пробелы в своем культурном уровне и проявляет активность в направлении его повышения, мы определяем ее социально-культурный статус как средний (СКС—

С).

Определение у**ровня ситуационно-ролевой адаптации** семьи предполагает оценку: 1) отношения к возникшей трудной жизненной ситуации (ТЖС); 2) активности в ее преодолении или, иначе, **реабилитационной активности**; 3) наличия необходимых знаний, умений, ценностей, т.е. наличия **реабилитационной культуры.**

Под реабилитационной активностью семьи мы понимаем все усилия, направленные на решение возникшей трудной жизненной ситуации, в частности, она включает: активность в поиске источников помощи (материальной, психологической, медицинской и др.); своевременность, последовательность и тщательность в выполнении рекомендаций специалистов; поддержание с ними регулярных контактов; способность семьи эффективно защищать свои права; предпочтение жизненной стратегии «выигрывающий» и т.д.

Реабилитационная культура, на наш взгляд, представляет собой специфическую систему ценностей, идей, знаний и навыков, необходимость которых обусловлена наличием трудной жизненной ситуации. Реабилитационная культура помогает решать конкретные задачи реабилитационного процесса.

Если отношение к проблеме — конструктивное, семья проявляет высокую реабилитационную активность и владеет необходимой реабилитационной культурой, то уровень ситуационно-ролевой адаптации (СитРС) — высокий. Если, например, в отношении к сложившейся ТЖС присутствует акцентуация (реабилитационная активность может быть как высокого, так и среднего уровня), ситуационно-ролевой статус (СитРС) характеризуется как средний. В случае игнорирования проблемы реабилитационная культура и активность семьи, как правило, низкие, поэтому в целом СитРС — низкий.

Третий этап — постановка диагноза.

Оценив диагностические критерии семьи, можно вывести ее структурно-функциональный тип и, вместе с тем, определить уровень ее социальной адаптации (УСА) в обществе.

Существуют многочисленные (психологические, педагогические, социологические) типологии семьи, но задачам деятельности специалиста социальной работы, отвечает следующая комплексная (структурно-функциональная) типология, которая предусматривает выделение четырех категорий семей, различающихся по уровню социальной адаптации (УСА), это:

- благополучная семья (УСА— высокий);
- семья группы риска (УСА— средний);
- неблагополучная семья (УСА— низкий);
- асоциальная семьи (УСА— крайне низкий).

Благополучная семья — это семья, хорошо адаптированная к имеющимся условиям, успешно справляющаяся с возложенными на нее функциями; ее материальное благосостояние отвечает современным представлениям (не ниже социальных норм); психологический климат стабильный, благоприятный; семья владеет общей культурой и способна быстро осваивать новые социальные роли в том числе в трудной жизненной ситуации.

Таким образом, за счет высоких социально-экономического, социально-психологического, со-

циально-культурного и ситуационно-ролевого статусов благополучная семья имеет высокий уровень социальной адаптации. Благополучие семьи, не следует связывать с отсутствием проблем. Главным признаком в ее определение следует считать наличие возможностей их самостоятельного решения, т.е. наличие адаптивных способностей, которые основываются как на материальных резервах, так и психологической гибкости (формализованное обозначение благополучных семей см в таблице).

Неблагополучная семья. Общей характеристикой неблагополучных семей является то, что они имеют низкий социальный статус в какой-либо из сфер жизнедеятельности или в нескольких одновременно. В результате чего семьи не справляются с возложенными на них функциями, их адаптивные способности существенно снижены. Процесс адаптации к трудной жизненной ситуации протекает с большими трудностями, медленно, малорезультативно.

С определенной мерой условности можно разделять неблагополучные семьи на испытывающие преимущественно нужды, связанные с жизнеобеспечением (материальные нужды, угроза безопасности) и имеющие низкий социально-экономический статус; или нужды, связанные с взаимодействием (психологические, педагогические), личностной самореализацией (духовные), ролевыми противоречиями — в этом случае низкими могут быть социально-психологический, социально-культурный, ситуационно-ролевой статусы (формализованное обозначение неблагополучных семей, см. в табл. 1).

Семьи группы риска это промежуточная группа между благополучными и неблагополучными семьями. К ним относятся те се-

мьи, в которых существует некоторое отклонение от норм, не позволяющее определить ее как благополучную. Но это отклонение еще не стало дезадаптирующим фактором, так как компенсировано другими положительными характеристиками, причем несоответствие социальным стандартам не осознается членами семьи как значительная проблема, способная нарушить ее жизнедеятельность. Тем не менее, адаптивные возможности семей группы риска снижены, они решают свои жизненные проблемы с большим напряжением своих сил (формализованное обозначение семей группы риска см в таблице).

Факторы социального риска:

1) по структуре семьи:

◆ неполная семья (или формально полная);

◆ многодетная семья (больше 3 детей);

◆ расширенная семья;

◆ повторный брак (при наличии детей в предыдущем браке);

1) по функциональным показателям: средние значения социально-психологического, культурного, ситуационно-ролевого статусов (низкие значения свидетельствуют уже о явном неблагополучии)

2) по индивидуальным характеристикам:

◆ возраст брачных партеров не больше 21 года;

◆ имеется существенная разница в возрасте брачных партнеров (если жена старше мужа более чем на 5 лет; муж старше жены более чем на 10 лет);

◆ национальность членов семьи является причиной социальной дискриминации;

◆ низкий уровень образования взрослых членов семьи;

◆ отсутствие работы у взрослых членов семьи;

◆ инвалидность кого-либо из членов семьи, сужающая профессиональный выбор или полностью исключающая возможность трудиться, в том числе и инвалидность ребенка.

Асоциальная семья. Асоциальные семьи имеют низкие доходы, высокий уровень потребления алкоголя или наркотиков, плохие жилищно-бытовые условия, или вообще отсутствие пригодного для жизни жилья. В большинстве случаев родители ведут аморальный, противоправный образ жизни; дети оказываются безнадзорными, полуголодными, отстают в развитии, становятся жертвами насилия как со стороны родителей, так и других граждан того же социального слоя. Асоциальная семья представляет собой нарушенную систему, разбалансированную по всем параметрам; непригодную для выполнения социальных функций; все функциональные характеристики асоциальной семьи имеют преимущественно низкие значения (см. таблицу) соответственно и уровень ее социальной адаптации крайне низкий.

Таким образом, на основании оценки целого ряда критериев и применения комплекса методов специалист социальной работы должен поставить диагноз, характеризующий: 1) состояние семьи — ее структурно-функциональный тип (благополучная, семья группа риска, неблагополучная, асоциальная); 2) уровень социальной адаптации (высокий, средний, низкий, крайне низкий); 3) наиболее актуальные проблемы и потребности семьи.

Проблемы и потребности, обна-

Таблица

Варианты сочетаний функциональных характеристик семьи

	ВВ	СВ	ВС	СС	ВН	НВ	СН	НС	НН
ВВ	ВВВВ	ВВСВ	ВВВС	ВВСС	ВВВН	ВВНВ	ВВСН	ВВНС	ВВНН
СВ	СВВВ	СВСВ	СВВС	СВСС	СВВН	СВНВ	СВСН	СВНС	СВНН
ВС	ВСВВ	ВССВ	ВСВС	ВССС	ВСВН	ВСНВ	ВССН	ВСНС	ВСНН
СС	ССВВ	СССВ	ССВС	СССС	ССВН	ССНВ	СССН	ССНС	ССНН
ВН	ВНВВ	ВНСВ	ВНВС	ВНСС	ВНВН	ВННВ	ВНСН	ВННС	ВННН
НВ	НВВВ	НВСВ	НВВС	НВСС	НВВН	НВНВ	НВСН	НВНС	НВНН
СН	СНВВ	СНСВ	СНВС	СНСС	СНВН	СННВ	СНСН	СННС	СННН
НС	НСВВ	НССВ	НСВС	НССС	НСВН	НСНВ	НССН	НСНС	НСНН
НН	ННВВ	ННСВ	ННВС	НСС	ННВН	НННВ	ННСН	НННС	НННН

руженные в ходе диагностической работы, должны быть ранжированы (т.е. выделены главные и второстепенные) и классифицированы, например, по своей сути (материальные, психологические и др.) или по степени осознания членами семьи (осознаваемые / неосознаваемые) и т.д.

Определяя уровень социальной адаптации семьи, надо иметь в виду, что семья — это развивающаяся динамическая система, которая с течением времени может менять свой социальный статус, а значит и свой структурно-функциональный тип, но в каждый отдельный промежуток времени, располагая достаточной информацией, специалист может достоверно определить ее состояние и ключевые проблемы.

Примечание

Подобно тому, как в медицинской практике диагноз не всегда сообщается больному, так и в практике социальной работы выводы о состоянии клиента, сформулированные на профессиональном языке, не должны быть легко доступными. В этом смысле формализованное обозначение типа семьи имеет большие преимущества, позволяя сэкономить время на ведении записей и не вызывать раздражения клиентов.

Данная таблица систематизирует и формализует возможные варианты сочетаний социально-экономического (СЭ), социально-психологического (СП), социально-культурного (СК), ситуационно-ролевого (СитР) уровней адаптации (статусов) семьи.

В первой вертикальной колонке данной таблицы расположено 9 возможных сочетаний значений СЭ и СП уровней адаптации; в первой горизонтальной колонке — 9 сочетаний СК и СитР уровней адаптации. В остальных клетках таблицы — комбинации из значений всех четырех параметров, причем на первом месте в формуле стоит значение социально-экономического статуса (СЭС), на втором социально-психологического статуса (СПС), на третьем — социально-культурного (СКС), на четвертом — ситуационно-ролевого.

При условии, что каждый статус может иметь три значения (высокий, средний, низкий), а всего параметров, используемых нами, — четыре, то общее число возможных комбинаций — 81 (3, возведенное в

4-ю степень). Из этого числа комбинаций благополучным семьям (уровень социальной адаптации — высокий) соответствует 2 варианта: ВВВВ и СВВВ (второе — как исключение, с учетом неблагоприятной экономической ситуации).

Семьям группы риска (средний уровень адаптации) соответствует 14 вариантов сочетаний, причем статусы могут иметь только высокие и средние значения. На неблагополучные семьи (низкий уровень адаптации) приходится 60 комбинаций, в которых один или несколько статусов имеют низкие значения. Асоциальные семьи, как правило, имеют низкие статусы во всех сферах жизнедеятельности, поэтому им соответствует вариант — НННН, но не исключается возможность присутствия в комбинации одного среднего значения. С учетом этого замечания на асоциальные семьи приходится 5 возможных вариантов сочетаний функциональных характеристик семьи.

Например, формула ВНСС подразумевает, что данная семья имеет высокий СЭС, т.е. является материально обеспеченной; состояние ее психологического климата в целом — неудовлетворительное, так как имеются серьезные нарушения в какой-то из сфер семейных отношений (например, детско-родительских), общая культура недостаточно высокая; ситуационно-ролевая адаптация, в следствии, например, отсутствия знаний и умений по преодолению школьной неуспеваемости ребенка, так же имеет среднее значение. Так как один из статусов семьи имеет низкое значение, то семья на данный момент относится к социально-неблагополучным: фактор ее неблагополучия — неудовлетворительное состояние психологического климата, препятствующая полноценному социальному функционированию семьи.

Литература

1. Беляева М.А., Кузнецов И.Е. Социально-педагогическая работа с семьей ребенка-инвалида: учеб. пособие / Академия социального образования. Екатеринбург: АМБ, 2001.

2. Методика и технологии работы социального педагога: учеб. пособие / Б.Н. Алмазов, М.А. Беляева, Н.Н. Бессонова и др. ; под ред. М.А. Галагузовой, Л.В. Мардахаева. М.: Академия, 2002.

3. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений: курс лекций. М.: Апрель-Пресс : ЭКСМО-Пресс, 2000.

Исследование поддержано Федеральным агентством по науке и инновациям совместно с Советом по грантам Президента Российской Федерации по государственной поддержке молодых ученых — кандидатов наук и их научных руководителей (грант МК — 3335.2005.6)

© 2008 г.
О.В. Бессчетнова

Насилие в семье: что думает об этом современная молодежь?

Проблема семейного насилия приобретает все более актуальный характер в научном и общественном сознании. Хотя она не нова и имеет многовековую историю во многих культурах, тем не менее, в обществе годами складывались определенные стереотипы мышления, которые рассматривали семейное насилие как индивидуальную особенность семьи, ее право на проявление жестокости по отношению к своим членам, а не как нарушение конституционных прав личности. Необходимость решения вопросов, связанных насилием в семье, во многих развитых зарубежных странах хорошо осознается государством и обществом в целом, о чем свидетельствует наличие скоординированной системы государственных, негосударственных, частных и благотворительных организаций и учреждений, оказывающих необходимую помощь семье и детям.

К сожалению, в нашей стране, решение проблемы семейного насилия остается неудовлетворительным до настоящего времени, о чем говорит отсутствие необходимого учета и контроля за выявлением случаев насилия в семье по отношению к детям, женщинам, пожилым, людям с ограниченными физическими и умственными возможностями; несформированность системы учреждений по оказанию различных видов помощи потерпевшим; слабое юридическое поле по защите прав жертв насилия; недостаток квалифицированных специалистов, включенных в систему профилактики жестокого обращения в семье.

В настоящее время семейное насилие в его различных формах приобрело в России такие масштабы и глубину, которые представляют угрозу основам безопасности и существованию общества. По данным российской статистики, около 2 млн детей в возрасте до 14 лет ежегодно избиваются родителями; более 50 тыс. детей убегают из дома, спасаясь от жестокого обращения в семье; 25 тыс. из них находятся в розыске; около 2000 детей ежегодно сводят счеты с жизнью; более 50% преступлений в быту совершается в присутствии детей; 30—40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье; 70% всех жертв тяжких насильственных посягательств составляют женщины и дети; около 70% преступлений в сфере семейно-бытовых отношений совершается в состоянии алкогольного опьянения; увеличивается из года в год количество преступлений, совершенных подростками в состоянии наркотического опьянения; увеличивается количество самосудов-расправ с семейными тиранами, которые совершают женщины, дети и старики, не нашедшие поддержки и защиты у государства; более трети (38%) всех убитых на почве нездоровых семейно-бытовых отношений составляют дети, престарелые, инвалиды [1, с. 7].

Как известно, в семье закладываются основы любви, уважения, нравственности и терпимости. Дети, ставшие жертвами или свидетелями семейного насилия, нередко сами проецируют подобную модель поведения на членов своей семьи во взрослой жизни, тем самым, способствуя распространению и передаче жестокого поведения через поколения. Данный факт находит свое научное и практическое подтверждение, поскольку более половины обидчи-

ков, агрессоров, преступников вырастают в семьях, где имели место насилие и жестокость.

Насилие — применение индивидом или группой лиц различных форм принуждения в отношении других индивидов или групп с целью приобретения или сохранения господства, прав и привилегий. В числе факторов, обуславливающих его проявление, можно выделить:

◆ индивидуальный фактор, действующий на уровне психобиологических предпосылок асоциального поведения, которые затрудняют социальную адаптацию индивида;

◆ психолого-педагогический фактор, проявляющийся в дефектах школьного и семейного воспитания;

◆ социально-психологический фактор, раскрывающий неблагоприятные особенности взаимодействия несовершеннолетнего со своим ближайшим окружением в семье, на улице, в учебно-воспитательном коллективе;

◆ личностный фактор, который, прежде всего, проявляется в активно-избирательном отношении индивида к предпочитаемой среде общения, к нормам и ценностям своего окружения, к педагогическим воздействиям семьи, школы, общественности, а также в личных ценностных ориентациях и личной способности к саморегулированию своего поведения;

◆ социальный фактор, определяющийся социальными и социально-экономическими условиями существования общества.

Таким образом, недостаточная теоретическая изученность проблемы, ее причин и последствий кратковременного и долговременного характера, разрозненность, а порой и полное отсутствие механизма межведомственного взаимодействия социальных служб,

недостаток квалифицированных специалистов, скудность методов и технологий в решении проблемы семейного насилия, говорят о необходимости ее дальнейшего изучения.

С целью изучения общественного мнения молодежи по проблеме семейного насилия автором проведено пилотажное социологическое исследование на территории г. Балашова. Общая площадь территории г. Балашова и Балашовского района составляет 2,92 тыс. кв.

км с численностью постоянного населения 128,4 тыс. человек, из которых 76,8% — горожане, 23,2% — сельские жители. В 2005 г. на территории района проживало 16493 семьи с несовершеннолетними детьми, в которых воспитывалось 22807 детей. Главной особенностью сложившейся социально-демографической ситуации в районе является естественная убыль населения, которая составила 11,4 на 1000 населения, что превысило число родившихся в 2,6 раза. Среди общего числа семей с несовершеннолетними детьми можно выделить многодетные семьи — 403, в которых проживает 1243 ребенка; неполные — 10111, опекунские — 224, семьи, находящиеся в социально-опасном положении — 244, в которых воспитывается 379 детей; семьи, состоящие на социальном патронаже — 1699, где проживает 2888 детей [2].

Эмпирическую базу научного исследования составили статистические данные социозащитных учреждений, результаты и материалы социологического исследования, проводимого среди студентов 2-го, 3-го и 4-го курсов Саратовского государственного социально-экономического университета Балашовского филиала (БФ СГСЭУ), Поволжской академии государственной службы (ПАГС), Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского Балашовского филиала (БФ СГУ). Выборочная совокупность респондентов составила 181 человек в возрасте от 18 до 23 лет. В ходе пилотажного исследования были использованы анкетный опрос, анализ документов, стандартизированное интервью, различные методы группировки первичных эмпирических данных и измерения социальных показателей. Анкета состояла из 22 вопросов открытого и закрытого типа с несколькими вариантами ответов. В анкетировании принимали участие 27,6% юношей и 72,4% девушек, не замужем/неженаты — 95,5%, замужем/женаты — 0,5 %, свое материальное положение оценили как среднее — 31,6%; хорошее — 25,1%; ниже среднего — 5,5%; высокое — 2% и выше среднего — 1,5%.

В ходе опроса было установлено, что содержание понятия «насилие» молодые люди рассматривают как «унижение достоинства другого человека» — 54,7%; «причинение вреда другому человеку» — 43,7%; «принуждение другого человека совершать не характерные для него поступки» — 27,1%; «ситуация власти одного человека над другим» — 13%; «способ самоутверждения» — 5%; «способ контроля эмоций и поведения другого человека» — 3%.

При обработке результатов анкетирования было выявлено, что подавляющее большинство молодежи (89,4%) осуждает любые формы проявления насилия, 12,5% заявили, что решительно отстаивают права тех, кого унижают. Тем не менее, 7,5% молодых людей рассматривает насилие как приемлемую форму решения конфликтов в определенных ситуациях и 1% респондентов относится к насилию нейтрально.

В отношении наибольшей распространенности видов насилия в современной российской семье были названы психологическое насилие — 58,7%; физическое —

57,2%; сексуальное — 20,1% и экономическое — 10%.

На вопрос анкеты «В отношении кого, с Вашей точки зрения, чаще всего совершается насилие в семье?» лидирующие позиции были отданы детям — 68,3%; женщинам — 60,7%; реже пожилым — 10% и мужчинам — 2,5%. Интересным представляются результаты анкетирования, связанные с оценкой физических наказаний по отношению к детям как акта насилия. Положительно на вопрос «Рассматриваете ли Вы наказания детей как акт насилия?» ответили 15%; «скорее да, чем нет» — 27,6%; отрицательно ответили 20,1%; «скорее нет, чем да» — 38,1%. Полученные данные позволяют судить о достаточном распространении насилия в семье, его закреплении в культурных традициях, стереотипах поведения и мышления людей, поскольку больше половины (58,2%) молодых людей считает физические наказания детей приемлемой формой воспитания и не рассматривает их как проявление насилия. Данная тенденция приводит к тому, что часто ребенок воспринимает жестокое обращение с ним как «заслуженное», а некорректные методы воспитания считают оправданными и правомерными.

При ответе на вопрос, «Какие виды наказаний ребенка в семье Вы можете отнести к акту насилия?» ответы респондентов распределились следующим образом: физическое воздействие (побои,

порка ремнем, нанесение телесных повреждений) отметили 74,8%; сексуальные домогательства по отношению к ребенку — 71,3%; оскорбления — 30,6%; запрет на деятельность, приносящую удовлетворение — 10%; лишение удовольствия — 8%. При сравнении результатов, полученных на два предыдущих вопроса, можно отметить, что насилие в сознании и восприятии респондентов ассоциируется с побоями, травмами, сексуальными домогательствами, тогда как «легкие» наказания, такие как шлепки, толчки, пощечины, ограничение свободы не рассматриваются как проявление насилия над детьми.

Что касается оценки действий, расцениваемых респондентами как насильственных по отношению женщинам, были названы следующие: физическое насилие — 84,9%; психологическое насилие, включающее угрозы, шантаж, запугивание, принуждение — 64,8%; сексуальные домогательства — 62,3%; контроль за отношениями с другими людьми — 9,5%; экономическое — 8,5%; контроль за поведением женщины, включая выбор одежды, прически, макияжа и т.д. — 5,5%.

В качестве насильственных действий по отношению к мужчинам были названы следующие: физическое воздействие — 63,8%; психологическое воздействие — 56,2%; сексуальные домогательства — 29,1%; контроль за отношениями с другими людьми — 15%; контроль за поведением — 9%; экономическое воздействие посредством лишения денег, контроль за расходованием средств назвали 8,5% респондентов. Из результатов опроса видно, что насилие по отношению к «сильному» полу в семье также имеет место и не вызывает у опрашиваемых затруднений или недоумений при ответе на данный вопрос. Более того, респонденты указывают на широкий спектр проявлений насильственных действий по отношению к мужчинам, где присутствуют все основные виды насилия, включая физическое, сексуальное, психологическое (эмоциональное) и экономическое. С одной стороны, на наш взгляд, это может быть связано с все большим «раскрепощением» женщин, приобретением ими независимости, повышением их социального статуса как в самой семье, так и за ее пределами (более высокое служебное положение, заработная плата, образование по сравнению с мужчинами), с другой стороны с тенденцией к обращению общества к проблеме насилия не только по отношению к женщинам и детям как наибо-

лее уязвимым категориям населения, но и к мужчинам как исторически более сильным представителям человеческого рода, которым традиционно предписано быть мужественными, агрессивными, настойчивыми и т.д.

На вопрос анкеты «Наказывали ли Вас родители, когда Вы были ребенком? Если да, то, как именно?» были получены следующие ответы: отрицательно ответили 30,6%, положительно 42,7% респондентов, 26,7% затруднились с ответом. В качестве методов семейного воспитания были названы такие воздействия как наказание «углом» — 36,1%; лишение денег — 2,5%; прогулок — 1,5%; развлечений — 1%; побои с использованием ремня — 1,5%; крик — 1%; ограничение свободы (закрывали в комнате) — 0,5%; беседы (воспитывали без применения насилия) — 0,5%.

Несмотря на то, что большая часть респондентов указывает на наличие опыта физических наказаний в родительской семье, абсолютно не считает себя жертвой насилия 47,7%, с некоторой долей сомнения «скорее нет, чем да» — 14,5%; «скорее да, чем нет» — 3,5% и, наконец, 1,5% участвующих в анкетировании, признают себя жертвой насилия. Основными видами семейного насилия по отношению к себе 26,6% респондентов называют психологическое насилие; 22,1% — экономическое; 9,5% — пренебрежение их нуждами и потребностями; 8,5% опрошенных имели опыт физического насилия; 4% — сексуального. Однако на вопрос «Ощущаете ли Вы себя защищенным и любимым в своей семье?» 86,9% респондентов ответили утвердительно, 13% — отрицательно.

В качестве основных причин насилия в семье молодые люди указывают на склонность личности к насилию — 61,3%; неуравновешенность эмоциональной сферы — 56,7%; демонстрацию насилия в печатных и телевизионных СМИ — 29,1%; жизненные проблемы — 22,1%; традиции воспитания человека в родительской семье — 18%; ситуацию безысходности и отчаяния — 14%; неурядицы на работе — 9,5%.

Помимо всего вышеперечисленного респонденты отмечают на на-

личие следующих факторов, влияющих на рост и эскалацию насилия в семье: снижение уровня нравственности и морали в обществе — 69,3%; увеличение фильмов и телепередач, основной темой которых является насилие и жестокость на ТВ — 51,7%; снижение уровня материального обеспечения населения — 21,6%; увеличение количества неполных семей — 13,5%; а также появление тенденции к росту гражданских браков — 4,5%. Из-за усиливающейся конкуренции между телевизионными каналами журналисты в погоне за сенсацией демонстрируют главным образом сцены насилия, агрессии, несчастные случаи, катастрофы и войны, которые сопровождаются видом разрушений и смерти. Зачастую сама культура отражает скрытое санкционирование жестокости на телевидении и в средствах массовой информации, в выборе героев и сюжетов. Эти факторы могут частично объяснить силовой эффект демонстрации жестокости и насилия на телеэкране, где герои чаще вознаграждаются, чем наказываются за свое агрессивное поведение. Поощрение жестокости приводит к неоднократному повторению подобного поведения и, наоборот, наказание ведет к контролю агрессии.

Социологическое исследование, проведенное в г. Москве показало, что в репертуар российских школьников входили следующие жанры: «боевики (18%), историко-приключенческие фильмы и фантастические боевики (по 14%), эротика (12%), комедии (10%), эротические комедии (7%), боевики — детективы (5%). В целом киноменю школьников оказалось довольно однообразным: каждый третий фильм — боевик, каждый пятый — эротический. Из 328 фильмов, наиболее типичными целями и мотивами киногероев являлись: удовлетворение либидо — 41% фильмов, совершение убийства преступников, выполнение заказа на убийство —17%, освобождение из заключения, спасение своей жизни — 17%, богатство — 10%, выполнение свого гражданского или служебного долга — 9%» [3, с. 93].

Подражая героям — маргиналам, цели и мотивы поведения которых представлены в положительном свете, юные зрители приобщаются к стремлениям и чувствам, далеким от идеалов добра, справедливости и сочувствия. «В иерархии ценностных ориентаций героев доминирует секс в различном проявлении — 74% фильмов. Далее следуют: обладание физической силой или оружием как средством добиться своей цели — 40%, деньги, богатство — 14%, месть — 10%, сохранение жизни — 10%» [3, с. 94]. Такие ценности, как дружба, справедливость, достоинство и честь представлены крайне слабо 3%. Погружение юных зрителей в этот искаженный ценностный мир в определенных случаях формирует скрытые мотивы поведения, заставляя юного зрителя подсознательно проникаться мыслью, что подлинные ценности не столько истина и закон, добро и справедливость, сколько грубое насилие, сверхъестественная сила и оружие, знание боевых искусств и т. д. Таким образом, практику проката кинофильмов необходимо пересмотреть

кардинальным образом с установкой на защиту нравственного, психологического и физического здоровья подрастающего поколения.

О необходимости проведения информационно-профилактической работы по предотвращению семейного насилия говорит и тот факт, что подавляющая часть опрошенных либо затрудняется с ответом на вопрос «Какие из учреждений помощи семье Вы знаете?», либо указывают известные им учреждения социального обслуживания населения, часто независимо от их реальной деятельности. Так, среди ответов фигурируют, такие как центр «Семья» — 36,1%; «ЦСОН», «Красный крест», «суд по правам человека» — 3,5%; Молодежь плюс — 2,5%; «центр реабилитации» — 1,5%; «комитет по семейным делам» — 1,5%; органы внутренних дел — 1,5%.

Кроме того, об актуальности информирования населения по проблеме насилия в семье свидетельствует и низкая правовая грамотность молодежи, что отражается в результатах анкетирования. Так, на вопрос анкеты «Какие правовые документы по защите семьи от насилия существуют в современном российском законодательстве?» ответ «не знаю» дали 30,1% респондентов; Семейный Кодекс назвали 19,5% опрошенных; Конституцию РФ — 14%; УК РФ — 7,5%; Конвенцию ООН по правам ребенка — 4,5%; Гражданский кодекс — 4%. На основании полученных результатов можно утверждать, что молодежь недостаточно осведомлена не только о своих правах, которые закреплены в действующих международных и федеральных законах, но и часто не знает о наличии в своем населенном пункте соответствующих служб, организаций и учреждений, куда можно обратиться за квалифицированной защитой и помощью в случае семейного насилия.

Ответы молодежи на вопрос о вероятности существования семейного насилия в благополучных, материально обеспеченных, полных семьях не оставляет сомнения в том, что данная проблема является мультидисциплинарной и напрямую не коррелирует с низким материальным статусом семьи, алкоголизмом или отсутствием одного из родителей. Поэтому ответы респондентов распределились следующим образом: «да» — 41,2%; «скорее да, чем нет» — 29,6%; «скорее нет, чем да» — 33,1%; «нет» — 4,5%.

Отсутствие полноценной информации по проблеме насилия в семье, его видов, форм, причин, последствий осознается и самой молодежью. Так, на вопрос «Нужны ли учебные дисциплины (курсы по выбору, спецкурсы, факультативы) в учебной программе вуза по проблеме семейного насилия?» были получены следующие ответы: «да» — 10% респондентов; «скорее да, чем нет» — 37,6%; «нет» — 6%; «скорее нет, чем да» — 7%. Это подтверждается и ответом на другой вопрос анкеты «Что бы Вам хотелось узнать о семейном насилии?», где респонденты высказываю следующие суждения: «все», «побольше», «причины возникновения», «какие учреждения могут оказать помощь», «каким образом можно избежать семейного насилия», «мера наказания», «все знаю», «ничего»,

«чем больше знаешь, тем вероятнее насилие» и т.д. Ответы респондентов говорят о необходимости проведения просветительской, информационной и профилактической работы, направленной на повышение знаний населения о проблеме семейного насилия, его видах, формах, причинах и последствиях, учреждениях социальной сферы, оказывающих квалифицированную помощь пострадавшим.

В заключении хотелось отметить, что, несмотря на положительные сдвиги в сфере проведения социальной политики в городе и районе, существует необходимость повышения социально — психологической, правовой компетентности и культуры населения, в том числе и информированности общества по проблеме семейного насилия. Необходимо издание научно-популярной литературы для населения, в которой бы в доступной форме объяснялись вопросы, связанные с насилием в семье, обеспечение специалистов социальных служб наглядными справочными материалами, памятками, содержащими контактную информацию учреждений, оказывающих профессиональную помощь, проведение обучающих семинаров, конференций, «круглых» столов для специалистов социальной сферы по данной проблеме, осуществление организации механизма межведомственного взаимодействия социальных служб, освещение проблемы семейного насилия в СМИ с привлечением психологов, юристов, педагогов, специалистов социальной работы.

Литература

1. Социально-психологическая помощь детям — жертвам семейного насилия: Сб. науч.-метод. материалов / М.Н. Бородатая, И.И. Осипова, М.В. Злоказова, и др.; под общ. ред. Н.Н. Ершовой. М.: Полиграф сервис, 2005.

2. http://www.mzsr.saratov.gov.ru/

3. Рондели Л.Д. Киноменю школьников // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 92—94.

© 2008 г.
И.А. Василенко

Роль рекламы в формировании ценности семьи

Реклама стала неотъемлемой частью информационного пространства современного общества. С каждым годом растет ее удельный вес среди других форм массовой коммуникации. Различные сферы общества испытывают на себе ее воздействие. Являясь массовой коммуникацией, реклама оказывает колоссальное влияние на общественное сознание.

Известно, что реклама апеллирует к ценностным ориентациям, разделяемым большинством членов общества. Реклама, транслирующая разделяемые целевой аудиторией ценностные ориентации, становится все более эффективным инструментом коммуникации. Кроме отражения ценностных ориентаций в целях достижения более высокого результата реклама может выступать в роли фактора, формирующего те или иные общественные ценности. Опираясь на это утверждение, можно заявить о целесообразности использования рекламы как инструмента поддержания ценности семьи, состояние которой вызывает у многих исследователей тревогу. Предположение о влиянии рекламы на ценность фамилизма вытекает из институциональной сущности рекламы: как любой социальный институт она вступает во взаимодействие с другими институтами и общественными явлениями.

Результаты социолого-демографического исследования «Россия-2000», проведенного под руководством А.И. Антонова кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, свидетельствуют о широком распространении в обществе ориентаций на внесемейные ценности. Хотя семья пока еще продолжает считаться жизненно важной ценностью для многих людей, большую значимость имеют такие внесемейные ценности, как высокий доход, карьерный рост, повышение квалификации. Таким образом, семья с детьми становится неконкурентоспособной в борьбе престижных ценностей [2].

А. Антонов пишет: «...рост внесемейных ориентаций в связи с падением ценности семьи и детей заставляет оценить любое изменение условий жизни и жизненного цикла семьи как неприемлемое для рождения ребенка. Поэтому, сокращение числа детей в семье и рождаемости объясняется не финансовыми и жилищными трудностями, а девальвацией самого семейного образа жизни, непопулярностью фамилизма как стиля поведения в обществе, антиценностью материнства и отцовства» [1]

И другие исследователи констатируют кризис показателей института семьи в современном российском обществе. А.Б.Орлов пишет: «В России, в частности, прямыми и косвенными показателями неблагополучия семей являются: катастрофическое снижение рождаемости, самый высокий в мире показатель числа абортов, рост внебрачной рождаемости, очень высокая младенческая и материнская смертность, низкая продолжительность жизни, высокий уровень числа разводов, распространение альтернативных типов брака и семьи (материнских семей, сожительства, семей с раздельным проживанием партнеров, гомосексуальных семей, семей с приемными детьми и т.д.), рост случаев жестокого обращения с детьми в семьях»[6]. По заявлению А.Антонова, «без радикального изменения положения института семьи среди других институтов, без преобразования всей системы ценностей в обществе с индивида на семью, ситуация не улучшится»[1].

Именно характеристика «ценностный» подчеркивает специфику кризиса института семьи в современном обществе. В.Н.Архангельский называет явной ошибкой большинства людей связывать депопуляцию только с экономическим условиями современной России, с низким уровнем жизни. Медков В.М. отмечает, что: «потребность в детях, это некий социокультурный комплекс, который управляет человеческим поведением. Для того, что бы повысить рождаемость материальные блага уже не могут сыграть никакой роли, — потому, что они не могут в принципе изменить этот

сформировавшийся социокультурный комплекс..»[3].

В обществе назрела острая необходимость поддержания института семьи и поддержание значимости ценности семьи среди населения. Пренебрежение ценностью семьи и материнства подрывает духовное здоровье всей нации и возможности ее развития.

Существует множество мер, направленных на поддержание института семьи. Это в первую очередь государственные меры материального стимулирования рождаемости и поддержки молодых семей. Но ценность — это категория нравственная, духовная. И, следовательно, инструменты по поддержанию ценности семьи лежат в несколько иной плоскости. В качестве одного из возможных инструментов трансляции ценности семьи в современном обществе выступает реклама.

Обозначенная проблематика предполагает различное использование видов рекламы в целях трансляции ценности семьи. Основная классификация видов рекламы предполагает ее разделение на три вида: коммерческую, социальную и политическую. Подобное разделение происходит на основе дифференциации целей и задач рекламы.

Говоря о политической рекламе, следует отметить ее специфические черты, позволяющие сделать вывод о невысокой степени ее влияния на ценности семьи. Одна из главных особенностей, закрепленных законодательно, — период трансляции рекламы. Он укладывается в сроки избирательных кампаний. Другой важный момент — негативная оценка общественности имиджевой рекламы политических партий с эксплуатацией общезначимых ценностей. Особенности политической рекламы, ее сущность и воплощение в период избирательных кампаний, короткий жизненный цикл, специфика целей и задач вызывает наиболее неоднозначное отношение общественности, чем остальные виды рекламы. Корень негативной окраски кроется в отношении россиян к политике в целом и к политической рекламе как к самостоятельному виду рекламы в частности.

Основной целью коммерческой рекламы является распространение товара или услуги с целью извлечения прибыли. В ней реализуется множество задач: создание благоприятного имиджа товара или фирмы-производителя, оповещение населения о новом това-

дерального закона «О рекламе», все рекламораспространители обязаны осуществлять размещение социальной рекламы «в пределах пяти процентов годового объема распространяемой им рекламы (в том числе общего времени рекламы, распространяемой в теле- и радиопрограммах, общей рекламной площади печатного издания, общей рекламной площади рекламных конструкций)»[8]. Но несовершенство законодательной базы ведет к тому, что в среднем производство социальной рекламы занимает по разным подсчетам, в среднем лишь 1% от общего количества произведенной рекламы. В России отсутствует целенаправленная государственная политика в области социальной рекламы и нет единого органа, координирующего социальные рекламные кампании. Законодательство также не предусматривает сторону, финансово ответственную за создание социальной рекламы. Основные заказчики социальной рекламы, некоммерческие организации, часто не располагают нужными финансовыми

Литература

1. Антонов А.И. Повышение рождаемости — это проблема формирования ценностей // http:// www. demographia.ru/ articles_N/ /index.html?idR=19&idArt=757

2. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России в XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000.

3. Кризис семьи и депопуляция в России («круглый стол») // Социс. 1999. № 11. С. 51, 54.

4. Музыкант В.Л. Теория и практика современной рекламы: монография. Ч. I. М.: Евразийский регион, 1998.

5. Николайшвили Г.Г. Краткая история социальной рекламы // Тезисы межрегиональной лингвистической конференции. Екатеринбург, 2002 г.

6. Орлов. А.Б. Эволюция межличностных отношений в семье: основные подходы, ориентации и тенденции // http:// www.follow.ru/article/340

7. Ромат Е.В. Реклама: краткий курс. СПб.: Питер, 2007.

8. Федеральный закон «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ.

© 2008 г.
Е.В. Гольцова

Экологические факторы демографического поведения семьи

В январе 2006 г. Службой социологических рейтингов Российского государственного социального университета было проведено исследование «Семья. Демография, Социальное здоровье населения». Данные этого исследования свидетельствуют о том, что репродуктивное поведение россиян в основном, определяется тремя факторами:

1) финансово-материальные проблемы (74,6%);

2) состояние здоровья супруга (46,4%);

3) страх за будущее своих детей (45,6%).

Характерно, что страх за будущее своих детей как причина отказа от репродуктивной установки на желаемое количество детей увеличивает свою значимость с увеличением возраста респондентов. В качестве основной причины отказа от детей его назвали 37% респондентов в возрасте 18—24 лет и 53% — в возрасте 35—54 года [3].

Экологичность других факторов социальной среды связана с её способностью обеспечивать насущные потребности человека. Более значимыми из них, являются, на наш взгляд, такие факторы, как:

1) доступность общепризнанных мест отдыха или сезонной перемены типа жилища;

2) обеспеченность социально-психологическим пространственным минимумом, защищающим от нервно-психического стресса перенаселения;

3) комфорт сферы услуг, выражающийся в отсутствии очередей, качестве обслуживания и т.п.

В отношении планов рождения детей в ближайшие годы были выявлены существенные различия в зависимости от места проживания респондентов: самый низкий процент (6%) среди респондентов, проживающих в сельской местности; это почти в 2 раза меньше по сравнению с москвичами и петербуржцами и в 2 раза меньше по сравнению с жителями малых и больших городов. Из респондентов, которые оценивают материальное положение своей семьи как хорошее, почти сорок процентов

имеют планы заиметь еще одного ребенка в ближайшие 2—3 года, что в 5 раз больше по сравнению с теми, кто оценивает материальное положение семьи как плохое и в 13 раз больше по сравнению с теми, кто оценивает положение своей семьи как очень плохое [5]. Таким образом, лимитирующее воздействие экономического фактора социальной среды проявляется в том, что респонденты все чаще выражают категорическое «нет» рождению детей, демонстрируя свое отношение к трудностям нынешней социально-экономической и политической жизни страны.

Негативные тенденции в демографическом поведении россиян укрепились уже настолько, что даже реализация социальной программы «Материнский капитал», которая начата с 2007 г., вряд ли может существенно повлиять на изменение репродуктивных установок в сторону увеличения. Хотя каждый второй респондент (50%) уверен, что решение о выплате материнского капитала будет способствовать росту рождаемости, треть (32%) проявляет скептицизм на этот счет, а 18% затрудняются с выводами, насколько данная программа будет способствовать подъему демографии[6]. При этом многие опрашиваемые обращали внимание на то, что для семей более актуальна постоянная (ежедневная), а не целевая финансовая поддержка и не через три года, а непосредственно сразу после рождения ребенка. Многие считают, что вместо выплаты разового материнского капитала лучше увеличить ежемесячное пособие на ребенка. Едва ли не самая главная претензия к «Материнскому капиталу» — это относительно небольшой размер суммы. Респонденты полагают, что если уж государство берется помогать семьям в решении жилищной и других проблем, то эта помощь должна быть более существенной.

Кроме вышеназванных основных детерминант демографического поведения следует отметить еще несколько, на наш взгляд, второстепенных, но все же имеющих достаточно большой вес, чтобы ими можно было пренебречь. Установлено, что репродуктивное

поведение зависит от типа населенного пункта. Опросы конца 1990-х и 2000-х гг. демонстрируют, что показатели «идеального», «желаемого» и «ожидаемого» числа детей возрастают от города к сельским населенным пунктам. Влияет на демографическое поведение и образование. По опросу 2000 г. показатели «идеального», «желаемого» и «ожидаемого» числа детей у женщин, имеющих высшее или среднее образование, ниже, чем у мужчин. В целом, все три показателя возрастают при повышении образовательного уровня: величина показателя «ожидаемое число детей» у респондентов обоего пола, имеющих образование ниже среднего, на 46% ниже значения этого показателя у респондентов, имеющих высшее и незаконченное высшее образование [5].

На репродуктивное поведение влияет и вероисповедание. Респонденты, не считающие себя верующими и относящие себя к православию, обладают более низкими репродуктивными установками по сравнению с представителями ислама и других религий. Особенно это заметно по показателю «желаемое» число детей: респонденты, не считающие себя верующими, имеют наименьшее его значение — 1,99, православного вероисповедания — 2,14, респонденты, исповедующие ислам и другие религии — 2,91. В то же время православные, занимая центральную позицию в представлении идеального и желаемого числа детей, уступают всем остальным группам по показателю ожидаемого числа детей [5].

На репродуктивные ориентации существенно влияют региональные различия. Норма детности остается низкой для жителей всей России, но при этом значительно варьирует по регионам. Респонденты, проживающие в Волго-Вятском районе, например, ожидают в 2,3 раза меньше детей, чем на Дальнем Востоке (0,60 и 1,40). До второй чеченской войны традиционное лидерство принадлежало Северо-Кавказскому региону, затем оно перешло к Дальнему Востоку и в Западной Сибири. В последние годы более высокие показатели снова отмечаются у Северного Кавказа, в частности у Чеченской республики.

Последняя детерминанта, которую хотелось бы отметить, это занятость женщин вне дома. Репродуктивное поведение женщин находится в явной зависимости от их занятости вне дома. Интерес-

но, что с точки зрения показателя «идеального» числа детей работающие женщины опережают неработающих: 2,23 и 2,03. Показатель «желаемое» число детей практически совпадает. «Ожидаемое» число детей существенно выше у неработающих женщин по сравнению с работающими: соответственно 1,02 и 0,82. Также минимальные потребности в детях демонстрируют одинокие матери в возрасте от 35—39 лет. Эта тенденция появилась в конце 1990-х гг. и продолжает увеличиваться [7].

Рассмотрение детерминант демографического поведения было бы неполным без упоминания такой крайней формы поведения, как полный отказ от детей. Если в развитых странах Запада наряду с культом детей все чаще встречаются люди, добровольно отказывающиеся иметь детей, как приверженцы некой «моды», то в России полный отказ от детей характерен для людей одиноких, по каким-либо причинам выбирающих одинокий образ жизни. В том и другом случае речь идет о социальной проблеме, выражающейся в исчезновении у человека потребности в семье и детях.

В заключение рассмотрим возможности изменения репродуктивных установок. В опросе 2000 г. был задан вопрос, направленный на выявление основных условий, способствующих увеличению числа детей в любой семье. Более трети респондентов высказали мнение, что активизировать репродуктивное поведение может уверенность населения в завтрашнем дне. 16,8% опрошенных серьезным препятствием увеличению рождаемости называют страх безработицы. В 1998 г. 11% респондентов обращали внимание на рост цен на продукты питания и самые необходимые вещи, который может помешать семье в реализации репродуктивных планов. В 2000 г. число таких респондентов возросло до 20%. С точки зрения 13,5% респондентов помощь государства могла бы также содействовать появлению ребенка в семье. Доля пессимистов, которые считают, что в современных условиях уже ничто не может повлиять на увеличение рождаемости, возросла с 3% в 1997—1998 гг. до 19% — в 2000 г.

Литература

1. Реймерс Н.Ф. Экология: теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М.: Россия молодая, 1994.

2. Аникин В.А. Жизненные проблемы россиян и их запросы к социальной политике // СОЦИС. 2006. № 12.

3. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках Россия // СОЦИС. 2006. № 11.

4. Осипова И.И. Социально-здоровая семья — основа государства / Социальные проблемы российского общества // Социальная политика и социология. 2006. № 3.

5. Бодрова В.В. Репродуктивное поведение и репродуктивные права населения России в переходный период // Народонаселение. 1999. № 2.

6. Вовк Е. Отношение россиян к материнскому капиталу // Социальная реальность. 2007. № 7.

7. Русанова Н.Е. Позднее материнство — проблема или благо? VI Международный социальный конгресс / Глобализация: настоящее и будущее России. М. РГСУ, 2007. С. 155—158.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 06-03-00330а — Семья с несколькими детьми и оптимизация демографической структуры. Руководитель проекта — А.И. Антонов.

© 2008 г.
В.М. Медков

Рождаемость в переписях населения России

В настоящей статье анализируются данные Всероссийской переписи населения 2002 г., имеющие отношение к рождаемости. Эта перепись была первой после распада СССР, что и определяет ее место в новейшей истории России. С одной стороны, она продолжила традицию изучения вопросов рождаемости, начатую в переписи населения 1979 г., в программу выборочной части которой (опрашивалось 25% населения) впервые был включен вопрос о числе детей, рожденных женщиной за всю жизнь. В то время это справедливо мотивировалось необходимостью углубленного исследования динамики рождаемости и изучения факторов, влияющих на воспроизводство населения. К сожалению, возможности, которые открывались благодаря этому, не были в то время реализованы. Эпоха «застоя», перевод все большей части демостатистической информации в разряд секретной или закрытой обусловили то, что большая часть данных переписи 1979 г. оказалась недоступной не только для широкой общественности, но и для большинства специалистов. Ее материалы были изданы лишь в 1989—1990 гг., когда они стали представлять главным образом лишь исторический интерес.

С другой стороны, перепись 2002 г. стала своеобразным отступлением от сложившейся к тому времени практики изучения проблем рождаемости в ходе переписей населения и специальных социально-демографических исследований. Ее программа в этой части беднее даже программы переписи 1989 г., не говоря уж о программах микропереписей 1985 и 1994 гг. Напомню кратко их историю.

В 1985 г. было проведено «Всесоюзное выборочное социально-демографическое обследование населения», фактически — микроперепись населения СССР. Она впервые на официальном уровне отразила понимание недостаточности и неполноты чисто статистического, фиксирующего информа-

Таблица 1

Среднее ожидаемое число детей по ответам замужних женщин отдельных национальностей союзных республик СССР

(на 1000 женщин соответствующего возраста и национальности) по данным Всесоюзного выборочного социально-демографического обследования населения 1985 г.[2]

Национальности	Всего	В том числе в возрастных группах, лет					
		18—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44
Все население							
Русские	1946	1923	1923	1966	1978	1919	1921
Украинки	2059	1965	1977	2048	2080	2094	2106
Белоруски	2134	2004	2015	2088	2126	2187	2301
Узбечки	5559	5244	5111	5277	5801	6292	6521
Казашки	4206	3488	3477	3712	4244	4830	5649
Грузинки	2666	2878	2794	2724	2681	2598	2505
Азербайджанки	3916	3490	3444	3593	4016	4394	4926
Литовки	2130	2059	2043	2094	2180	2175	2152
Молдаванки	2669	2356	2458	2628	2702	2751	2911
Латышки	2077	2102	2121	2197	2105	2070	1935
Киргизки	5555	4889	4977	5151	5848	6417	6979
Таджички	6154	5523	5441	5845	6613	7426	7466
Армянки	2945	3003	2905	2916	2906	2987	3090
Туркменки	6356	6099	5909	6027	6486	7118	7126
Эстонки	2207	2241	2258	2283	2240	2211	2062
Городское население							
Русские	1856	1861	1864	1892	1892	1818	1766
Украинки	1903	1888	1879	1927	1938	1901	1844
Белоруски	1965	1919	1928	1972	1989	1983	1930
Узбечки	4448	4192	4047	4156	4602	5047	5290
Казашки	3386	2818	2972	3059	3449	3733	4436
Грузинки	2365	2536	2488	2452	2400	2314	2159
Азербайджанки	3320	2982	2969	3111	3420	3653	3888
Литовки	1967	1934	1955	1989	2024	1960	1900
Молдаванки	2176	2177	2160	2220	2220	2127	2065
Латышки	1922	2055	2043	2055	1951	1911	1734
Киргизки	4134	3476	3841	3923	4357	4595	5089
Таджички	4874	4404	4422	4514	4967	5718	6167
Армянки	2757	2786	2720	2740	2745	2785	2834
Туркменки	5174	4538	4809	4875	5433	5775	5880
Эстонки	2035	2188	2223	2088	2074	2019	1846
Сельское население							
Русские	2272	2077	2109	2226	2319	2355	2436
Украинки	2333	2064	2135	2278	2379	2454	2453
Белоруски	2556	2182	2222	2424	2585	2721	2830
Узбечки	6047	5626	5522	5755	6375	6956	7134
Казашки	4697	3832	3779	4127	4754	5495	6210
Грузинки	3007	3134	3069	3024	3018	2996	2899
Азербайджанки	4735	3876	3967	4282	4982	5589	6204
Литовки	2529	2318	2242	2367	2606	2700	2702
Молдаванки	2872	2412	2577	2805	2942	3004	3163
Латышки	2379	2163	2248	2438	2418	2484	2341
Киргизки	6042	5219	5361	5642	6368	7054	7365
Таджички	6641	5786	5775	6399	7290	8178	8023
Армянки	3446	3350	3276	3361	3456	3683	3842
Туркменки	6778	6689	6326	6454	6880	7547	7479
Эстонки	2488	2323	2307	2543	2486	2593	2488

цию только о событиях, подхода к изучению социальной действительности. Часть вопросов микропереписи была направлена на выявление намерений и мнений населения, чего прежде никогда не было. В частности, в программе микропереписи большое внимание уделялось проблемам рождаемости. Соответствующие вопросы были обращены к женщинам 18—59 лет, которых спрашивали о месяце и годе рождения каждого ребенка, о возрасте (годе) смерти, если ребенок умер (для умерших в 1984 г. — также о месяце смерти). Кроме того замужним женщинам в возрасте 18—44 г. задавался вопрос об ожидаемом числе детей.

Хотя эти вопросы были обычными для т.н. выборочных обследований брачности и рождаемости, их включение в программу микропереписи населения было знаковым событием. Оно маркировало официальное признание необходимости применения в изучении рождаемости социологических методов, необходимости получения информации не только о событиях, но и о мнениях и намерениях людей. Если первое — довольно привычное для статистиков дело, то второе было маленькой мировоззренческой революцией.

Материалы микропереписи остались фактически неизвестными, поскольку их публикация была более чем скромной. Данные микропереписи о среднем ожидаемом числе детей по ответам замужних женщин были частично опубликованы В.А. Борисовым в 1989 г. в справочнике «Население мира» (см. табл. 1). Они касались только т.н. «титульных» национальностей союзных республик бывшего СССР с разбивкой по возрастным группам и городскому и сельскому населению. Поэтому использоваться для характеристики «ожидаемой» рождаемости населения Российской Федерации они могут, строго говоря, только с весьма значительной долей условности. Тем не менее, данные микропереписи позволили В.А. Борисову сделать вывод о том, что и реальный и «ожидаемый» (по ответам замужних женщин) уровень рождаемости гораздо меньше того, который необходим для обеспечения простого воспроизводства. «Закономерность,— отмечал В.А. Борисов, — состоит в том, что младшие поколения женщин (вернее супружеских пар) планируют в своей жизни иметь в среднем меньше детей, чем старшие, что указывает на возможность сокращения рождаемости»[1].

Как показали события, этот прогноз, к сожалению, полностью оправдался во всех без исключения быв-

Таблица 2

Средние желаемые и ожидаемые числа детей в семьях России
(по материалам микропереписи населения 1994 г.)[4]

	Среднее число детей в расчете на 1000 женщин в возрасте 18—44 года						Отношение показателей для женщин, состоящих в браке, к соответствующим показателям для всех женщин	
	Все женщины			Женщины, состоящие в браке				
	желаемое	ожидаемое	желаемое / ожидаемое	желаемое	ожидаемое	желаемое / ожидаемое	желаемое	ожидаемое
Фактические показатели								
Все население	1913	1767	1,083	2032	1904	1,067	1,062	1,078
Городское население	1816	1642	1,106	1926	1770	1,088	1,061	1,078
Сельское население	2229	2169	1,028	2331	2283	1,021	1,046	1,053
Сельское / городское	1,227	1,321	—	1,210	1,290	—	—	—
Стандартизованные показатели								
Все население	1880	1709	1,100	1987	1823	1,090	1,057	1,060
Городское население	1793	1594	1,125	1893	1699	1,114	1,056	1,066
Сельское население	2163	2076	1,041	2256	2173	1,038	1,043	
Сельское/ городское	1,206	1,302	—	1,192	1,279	—	—	—

ших союзных республиках СССР, а ныне независимых государствах. И прежде всего в нашей стране.

Последняя перепись населения СССР (1989 г.) была явным шагом назад по сравнению с микропереписью 1985 г. В программе переписи остались только два вопроса: о числе рожденных детей и о том, сколько из них были живы на момент переписи. Вопрос об ожидаемом числе детей в ней отсутствовал, хотя на его включении настаивали практически все специалисты-демографы.

Микроперепись 1994 г. характеризуется тем, что в ее программу кроме вопроса об ожидаемом числе детей был включен также вопрос об их желаемом числе. К сожалению, эти данные официально не публиковались. Впервые их опубликовал В.А. Борисов в 1997 г., сделавший чрезвычайно важный вывод об ограниченности возможностей пронаталистской демографической политики[3].

Эти возможности лежат лишь

в пределах наличной потребности в детях (в настоящее время — не более двух детей у большинства населения нашей страны). В работе В.А. Борисова индикатором этой потребности является желаемое число детей, индикатором возможного прогнозного уровня рождаемости — ожидаемое число. Любое улучшение жизненного положения российских семей способно лишь повысить степень реализации имеющейся потребности в детях, но отнюдь не изменить саму эту потребность. Из табл. 2 следует, что даже при самых благоприятных с точки зрения семей условиях уровень рождаемости в России не достигнет необходимых хотя бы для простого воспроизводства населения 2,13—2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Единственное исключение — сельские женщины, чье репродуктивное поведение, однако, вот уже сорок лет никак не компенсирует низкой рождаемости городских женщин. Учитывая же, что в городских поселениях и фактическая рождаемость, и репродуктивные установки являются более низкими по сравнению с сельской местностью, а также то, что тенденция роста доли городского населения сохранится[5], уровень рождаемости в ближайшие десятилетия будет продолжать снижаться.

В указанных выше пределах потребности в двухдетности, кстати, лежат и возможности нынешнего «демографического проекта», с которым наше правительство выступило в прошлом году, поскольку его целью опять-таки является лишь улучшение условий реализации имеющейся потребности в детях, а отнюдь не повышение самой этой потребности[6].

Перепись 2002 г., к сожалению, стала новым шагом назад в использовании переписных данных в анализе рождаемости. В окончательном варианте ее программы остался лишь вопрос о числе рожденных детей. Тем не менее, данные переписи 2002 г. позволяют получить некоторое представление о динамике рождаемости (в частности, в реальных поколениях[7]), а также о некоторых факторах, определяющих современный уровень рождаемости в стране. В настоящей статье показана зависимость числа детей, рожденных женщиной за всю жизнь, от типа поселения, занятости, образования и возраста женщин, проведено там, где возможно, сравнение с данными предшествующих переписей населения.

Одним из информативных статистических показателей, позволяющих дать первичную оценку уровня рождаемости, является коэффициент детности, т.е. соотношение между численностью детей в возрасте 0—4 года и численностью женщин репродуктивного возраста. Согласно данным переписи 2002 г., величина коэффициента детности составила 174,41 ребенка на 1000 женщин репродуктивного возраста (среднее квадратичное отклонение — 41,96), при этом минимальным показатель оказался в Центральном федеральном округе (142,97 при среднем квадратичном отклонении 8,157), максимальным — в Южном федеральном округе (204,26 при среднем квадратичном отклонении 63,212).

Сравним теперь величины сред-

Таблица 3

Среднее число рожденных детей по федеральным округам

(на 1000 всех женщин возрасте 15 лет и старше, указавших это число)[8]

	Городские населенные пункты	Городские населенные пункты	Сельские населенные пункты
Российская Федерация	1 513	1 350	1 993
Центральный федеральный округ	1 408	1 296	1 839
Северо-Западный федеральный округ	1 365	1 259	1 874
Южный федеральный округ	1 614	1 406	1 937
Приволжский федеральный округ	1 576	1 358	2 142
Уральский федеральный округ	1 515	1 409	2 025
Сибирский федеральный округ	1 598	1 407	2 099
Дальневосточный федеральный округ	1 571	1 440	2 032

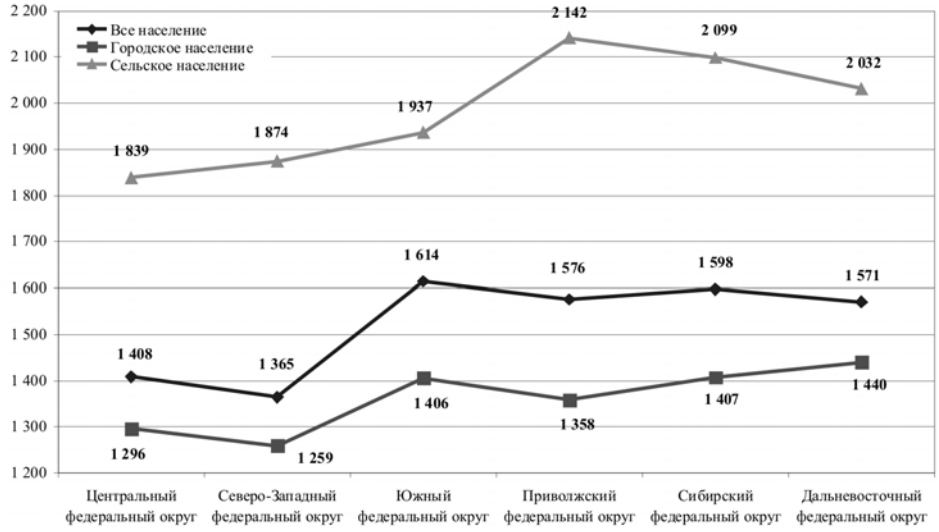


Рис. 1. Среднее число рожденных детей по федеральным округам (на 1000 всех женщин возрасте 15 лет и старше, указавших это число)

него числа детей по федеральным округам Российской Федерации (табл. 3 и рис. 1).

Как видно из табл. 3, в Центральном (ЦФО) и Северо-Западном (СЗФО) федеральных округах средние числа рожденных детей оказались ниже общероссийских значений, что легко объяснимо, поскольку именно эти два федеральных округа отличаются наиболее высоким уровнем экономического развития. К тому же в них находятся Москва и Санкт-Петербург — два весьма «продвинутых» мегаполиса, репродуктивное поведения населения в которых практически на целое поколение опережает таковое в остальной части страны. В целом же разброс значений средних чисел рожденных детей оказался не слиш-

Таблица 4

Среднее число рожденных детей женщинами, имеющими различный уровень образования
(на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше)

	Всего	У женщин, имеющих образование						Среднее число рожденных детей женщинами, не имеющими начального общего образования
		профессиональное			общее (включая окончивших профессиональное или профессионально-техническое училище)			
		послевузовское и высшее	неполное высшее	среднее	среднее (полное)	основное	начальное	
Все население	1513	1305	751	1511	1381	1515	2354	2671
Городское население	1350	1259	698	1434	1235	1303	2006	2440
Сельское население	1993	1657	1152	1805	1788	1913	2737	2838

Таблица 5

Среднее число рожденных детей женщинами, имеющими различный уровень образования
(на 1000 женщин в возрасте 45—49 лет)

	Всего	У женщин, имеющих образование						Среднее число рожденных детей женщинами, не имеющими начального общего образования
		профессиональное			общее (включая окончивших профессиональное или профессионально-техническое училище)			
		послевузовское и высшее	неполное высшее	среднее	среднее (полное)	основное	начальное	
Все население	1878	1602	1707	1833	1994	2401	2577	1510
Городское население	1733	1549	1635	1743	1832	2038	2019	1649
Сельское население	2351	1978	2137	2174	2409	2822	2980	1392

ком большим: среднее квадратичное отклонение этого показателя равно 97,7, в т.ч. в городских поселениях — 67,1, в сельских — 113,1.

Одним из факторов, на статистическом уровне детерминирующих различия в среднем числе рожденных всеми женщинами детей, является уровень урбанизации субъектов Федерации и соответственно федеральных округов. Коэффициент корреляции Пирсона между долей городского населения и средним числом рожденных детей равен, по данным переписи 2002 г., — 0,810. Разумеется, уровень урбанизации связан с уровнем рождаемости не непосредственно, а через ряд опосредую-

щих ступеней, отражая различия в репродуктивном поведении населения различных регионов страны, обусловленные в конечном счете глубиной трансформации системы ценностей, изменением соотношения семейных и внесемейных ценностей, переходом от потребности в многодетности и среднедетности к потребности в малодетности.

Среди субъектов Федерации наименьшие значения среднего числа рожденных всеми женщинами перепись 2002 г. зафиксировала в Санкт-Петербурге (1,12 ребенка в среднем на 1 женщину) и Москве (1,22 ребенка в среднем на 1 женщину). Максимальные — в Агинском Бурятском автономном округе (2,45 ребенка в среднем на 1 женщину), в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе (2,36 ребенка в среднем на 1 женщину) и в Республике Ингушетия (2,35 ребенка в среднем на 1 женщину)[9]. В целом только в четырех субъектах Федерации значения среднего числа рожденных всеми женщинами превышали (по данным переписи 2002 г.) уровень простого воспроизводства: к трем вышеперечисленным добавляется еще Коми-Пермяцкий автономный округ (2,20 ребенка в среднем на 1 женщину).

Одной из промежуточных ступеней, опосредующих влияние уровня социально-экономического развития на рождаемость, является уровень образования населения, женского населения в частности. Неоднократно статистически зафиксированная обратная связь между уровнем образования и рождаемостью в действительности означает, что образование одновременно выступает и как один из индикаторов изменения системы ценностных ориентаций личности, когда на смену превалирования преимущественно семейных ценностей приходит лидерство ценностей внесемейных (говоря иначе, образование — это фактор уменьшения потребности в детях), и как условие удовлетворения последней, когда учеба воспринимается как «помеха» к рождению желаемого числа детей. Материалы переписи 2002 г. позволяют на статистическом уровне оценить роль образования в современных условиях в детерминации рождаемости, точнее говоря, в детерминации числа детей, рожденных женщиной за всю жизнь (табл. 4).

В табл. 4 четко прослеживается обратная связь между уровнем образования женщин и числом рожденных за всю жизнь детей. В приведенных данных только два исключения: при переходе от высшего образования к неполному высшему и от среднего профессионального к среднему общему. Однако эти исключения легко объяснимы: в таблице 4 приведены данные обо всех женщинах старше 14 лет, включая и тех, кто еще продолжает обучаться в высших учебных заведениях (студентки) и не закончил (или даже не начал) процесс деторождения.

В целом же коэффициент корреляции Пирсона между уровнем образования и числом рожденных за всю жизнь детей, рассчитанный для всех женщин в возрасте старше 14 лет, по данным переписи 2002 г., был равен — 0,479, что можно рассматривать как наличие сильной обратной связи числа лет обучения в учебных заве-

дениях разного уровня и среднего числа[10].

Эта таблица, повторю, страдает тем недостатком, что в ней представлены все женщины в возрасте 15 лет и старше. Более четкую зависимость можно получить, если взять группу женщин, уже закончивших и процесс деторождения, и обучение (табл. 5).

Коэффициент корреляции Пирсона для этого случая имеет гораздо большую абсолютную величину: он равен — 0,675. Учитывая, что уровень образования населения нашей страны в ближайшей и более отдаленной перспективе будет, скорее всего, повышаться, как будут нарастать и ориентации молодежи на получение более высокого (высшего, прежде всего) образования, следует ожидать дальнейшего снижения числа рожденных женщинами за всю жизнь детей.

Вывод из анализа материалов переписи 2002 г. заключается в том, что снижение рождаемости в нашей стране в обозримой перспективе будет продолжаться. Выход из депопуляции возможен только при условии проведения совершенно новой демографической политики, целью которой является возрождение фамилизма как соционормативной системы и, на этой основе, — повышение рождаемости до уровня, гарантированно обеспечивающего устойчивое воспроизводство населения нашей страны.

Ссылки

[1] Население мира. Демографический справочник / Составитель В.А. Борисов. М.: Мысль, 1989. С. 45.

[2] Там же. С. 43—44.

[3] Борисов В.А. Желаемое число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 года // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 2. С. 29—64. См. также: Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М., 2006. Приложение 10. С. 152—191.

[4] Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М., 2006. Приложение 10. Табл. 1. С. 152.

[5] По данным микропереписи 1994 г., коэффициенты корреляции Пирсона между долей городского населения и величинами желаемого и ожидаемого чисел детей были соответственно равны −0,526 и −0,645. Что касается фактического числа рожденных детей, то, согласно данным переписи 2002 г., коэффициент корреляции Пирсона между долей городского населения и долей родивших 3 и более детей равен −0,768.

[6] Подробнее о реальной эффективности мер, озвученных в ежегодном послании Президента РФ от 10 мая 2006 г., см. в статье А.И. Антонова «О соответствии мер и средств демографической политики ее долгосрочным целям (опыт демографической экспертизы)» (Демографические исследования. 2006. № 4).

[7] Материалы переписи 2002 г. в аспекте рождаемости в реальных поколениях проанализировал В.Н. Архангельский. См.: Архангельский В.Н. Рождаемость в реальных поколениях // Демографические исследования. 2005. № 2.

[8] Здесь и далее все ссылки на результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. даются по ее официальному интернет-сайту (http://www.perepis2002.ru).

[9] Данные о числе рожденных детей по Чеченской Республике в официальной публикации материалов переписи 2002 г. отсутствуют.

[10] При расчете среднего числа лет обучения в учебных заведениях условно принималось: послевузовское образование — 19 лет; высшее профессиональное — 16 лет; неполное высшее — 14 лет; среднее профессиональное — 13 лет; начальное профессиональное — 11 лет; среднее (полное) общее — 11 лет; основное общее — 9 лет; начальное — 4,5 года.

© 2008 г.
Н.Л. Смакотина

Отношение московских семей к принятию детей–сирот

В условиях переходного периода в России возникло новое массовое явление – сиротство детей. Причины этого явления во многом связаны с политической и экономической нестабильностью страны, тяжелым экономическим положением населения, жизненной неопределенностью, разрушением прежних ценностей. Возникшая еще в советское время институциональная система воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, не справляется с этой проблемой в силу её не соответствия массовости данного явления и формального, не индивидуализированного подхода к воспитанию таких детей.

Одним из возможных способов решения проблемы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, является, наряду с развитием институциональных форм воспитания таких детей, реализация политики деинституциализации этого процесса, развитие семейных форм их воспитания.

Для выявления и оценки потенциальных возможностей взрослого населения города Москвы в реализации политики деинституциализации воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, особенностей целевых групп, ресурсных для приема таких детей, и прогноза развития потребностей в семейных формах устройства детей группой ученых социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова проведено социологическое исследование взрослого населения города Москвы в возрасте от 25 до 50 лет, обладающего социально и экономически защищенным статусом.

Выборочная совокупность формировалась методом районированной выборки, которая обеспечила отбор жителей в выборочную совокупность в каждом округе. Критериями отбора выступали: социально и экономически защищенный статус жителя (он не состоит на учете в органах социальной защиты населения как малоимущий), наличие постоянной регистрации

в Москве, возраст от 25 до 50 лет. В 10 округах г. Москвы опрошено 1200 человек по 120 человек в каждом округе. Обработка данных проведена с помощью специального пакета программ SPSS (Statistical Package for Social Sciences), являющегося международным стандартом обработки социологической информации.

Прежде чем рассмотреть отношение москвичей к проблеме усыновления, представим социальный портрет респондентов. Большинство мужей и жен с высшим образованием. При этом мужей с высшим образованием (67,2%) несколько больше, чем жен (59,5%); жен со средним специальным образованием (21,4%) несколько больше, чем мужей (14,9%).

Оказалось, что примерно у 80,4% опрошенных есть дети. Абсолютное большинство московских семей имеет одного ребенка во всех возрастных категориях детей. Численность семей, имеющих двоих и троих детей, падает в зависимости от возраста детей. Чем меньше возраст детей, тем у меньшего количества семей есть такое количество детей.

Распределение московских семей с точки зрения количества лет, которое они состоят в браке, относительно равномерное в рамках различных диапазонов длительности брака. Подавляющее большинство супругов состоят в первом браке. Во втором браке состоят примерно два раза больше мужей (22,4%) по сравнению с женами. При этом 82,5% опрошенных москвичей имеют отдельную обычную благоустроенную квартиру.

Примерно в каждой 13-й московской семье есть дети от других браков. Менее одного процента московских семей имеют детей, которых они взяли на воспитание от других родственников или из детских воспитательных учреждений (домов ребенка, детских домов, приютов и т.д.). У каждой десятой московской семьи есть семьи родных, близких, друзей, которые взяли детей на воспитание из других семей или из детских воспитательных учреждений (детских домов, приютов и т.д.). В истории каждой двенадцатой (8,5%) московской семьи были случаи воспитания неродных детей.

Ежемесячный доход большинства респондентов (91%) складывается из зарплаты, премии членов семьи по основному месту работы. Половине московских семей имеющихся доходов хватает, но делать сбережения не получается. У трети семей доходов хватает на сбережения.

Ценностная структура и социально-психологический климат московских семей выглядит следующим образом. Базовыми ценностями для москвичей служат: благополучная, крепкая семья (56,8%); здоровье (52,9%); материальная обеспеченность, жизненный комфорт (41,7%). При этом 69,1% респондентов вполне (30%) или в основном (39,1%) довольны тем, как сложилась (или складывается) их семейная жизнь. В абсолютном большинстве московских семей ссоры, конфликты между супругами и их родителями почти не бывают (53%).

У большинства сравнительно редко ссоры; конфликты бывают

между родителями и детьми (49,1%) и между супругами (49,6%). Основные причины, которые обычно приводят к ссорам, конфликтам в московских семьях, следующие: разногласия в воспитании детей (28,7%); неурядицы на работе (26,3%); распределение обязанностей по дому (25,8%); разные интересы, взгляды на жизнь (23,5%); учеба детей, их поведение в школе (23%); вмешательство родителей в отношения с мужем (женой), с детьми (21,2%). В абсолютном большинстве московских семей решающий голос при возникновении сложных проблем, при решении жизненно важных вопросов принадлежит обоим супругам (50,7%).

Большинство московских семей считают, что родителей, которые лишают своих детей заботы, не могут или не хотят их воспитывать, надо привлекать к административной и уголовной ответственности (47,8%), лишать родительских прав (43,5%).

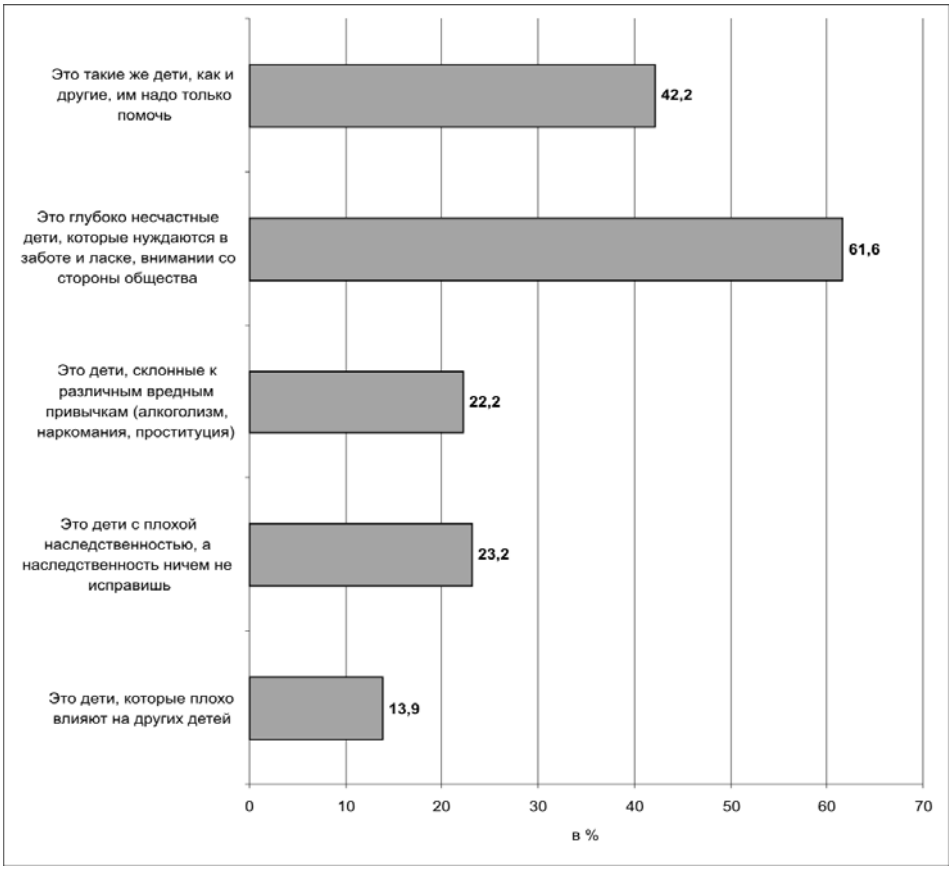


Рис. 1. Как московские семьи относятся к детям, лишенным родительской заботы (Сумма ответов составляет больше 100%, так как отвечающие могли выбирать несколько альтернатив одновременно).

Отношение московских семей к принятию детей, лишенных родителей, зависит от отношения к таким детям. На диаграмме (рис. 1) представлены данные о том, как московские семьи относятся к детям, лишенным родительской заботы.

В большинстве московских семей существует благоприятное отношение к детям, лишенным родительской заботы. Почти две трети респондентов считают, что это глубоко несчастные дети, которые нуждаются в заботе и ласке, внимании со стороны общества (61,6%) или что они — такие же дети, как и другие, им надо только помочь (42,2%).

На следующей диаграмме (рис. 2) представлены оценки московских семей по поводу того, что может

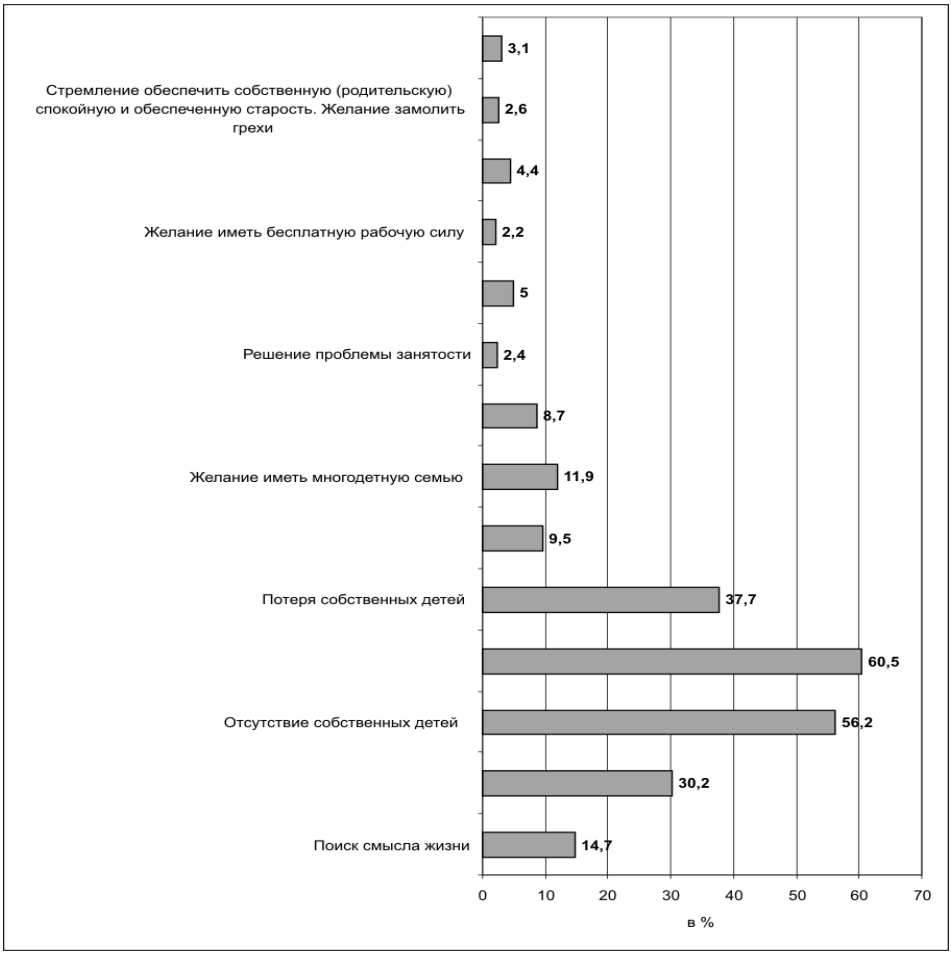


Рис. 2. Оценки московских семей по поводу того, что может толкнуть семью взять чужих детей, лишенных родительской заботы, в свою семью (Сумма ответов составляет больше 100%, так как отвечающие могли выбирать несколько альтернатив одновременно)

толкнуть семью взять чужих детей, лишенных родительской заботы, в свою семью. По мнению москвичей, основными причинами, которые может толкнуть семью взять чужих детей, лишенных родительской заботы, в свою семью, являются: 1) отсутствие собственных детей (56,2%); 2) невозможность иметь собственных детей (60,5%).

Несмотря на благоприятное в целом отношение москвичей к усыновлению чужих детей, реально решились бы взять в свою семью детей-сирот только 2,5% респондентов. Если государство поможет, то яды добровольцев пополнятся еще 3%. Ни при каких условиях не примут на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, 40,4%. Еще 35,5% откажутся из-за того, что для этого, по мнению респондентов, у них нет условий. Наконец, колеблющихся обнаружено 18,6%.

А в какой степени москвичи информированы о том, как можно принять ребенка, оставшегося без попечения родителей? Оказалось, что лишь 7,5% основательно знакомы с проблемой, 51,4% кое-что знают об этом, а 41,1% плохо информированы.

Среди московских семей самыми известными формами воспитания детей, оставшихся без родительской заботы, являются институциональные формы: детский дом (93,7%); усыновление или удочерение (85,7%); школа-интернат (80,9%); дом ребенка (79,4%).

По мнению московских семей, основными причинами, которые мешают им принять детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в свою семью являются следующие: в семье могут

Рис. 3. Оценки московских семей того, что мешает им принять детей на воспитание в свою семью.

начаться конфликты, и это может подорвать семью (27,7%); не хватает средств и для своих детей (29,3%) (см. ри.3).

Основными условиями, при которых московские семьи готовы принять на воспитание детей, лишенных родительского попечения, являются: 1) соответствующая материальная поддержка со стороны государства (53,8%); 2) поддержка и консультационная помощь специалистов по работе с семьей и детьми — психологов, социальных работников, врачей и т.д.(49,1%).

Как показало исследование, большинство московских семей, которые готовы принять на воспитание детей, лишенных попечения родителей (а их, напомним, чуть более 5%), намерены принять чужих детей пожизненно, навсегда (66,8%). Их жизненный выбор поддержали бы самые близкие люди. Так, большинство других членов семьи (65,9%), родственников (48,4%), соседей (52,7%), коллег по работе (49,2%) одобрили бы решение взять ребенка, лишенного родительского попечения, в семью.

А как могли бы сложиться их отношения с детьми, которых они приняли бы на воспитания в свою семью, когда дети вырастут? Большинство московских семей (60,7%) считают, что дети остались бы жить в их семьях и стали бы им опорой на старости лет.

Московские семьи выделяют в основном два вида поддержки, на которые должна рассчитывать семья, решившая взять на воспитания детей, лишенных родительской заботы: на оплату труда их воспитания — зарплату для родителей (39%); на выплату средств, необходимых на содержание и воспитание таких детей.

По мнению наших респондентов, основными льготами, которыми должна пользоваться семья, решившая взять на воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, являются следующие: специализированная медицинскую помощь — семейный врач, бесплатные лекарства и лечение (59,6%); льготная оплата жилья (56,6%); получение муниципального жилья — постоянного, на время приема детей (50,3); бесплатные учебники и бесплатное обучение (52%); льготная оплата летнего отдыха детей — путевки в детские лагеря, на море и т.д. (51,9%).

Подавляющее большинство московских семей (70,5%) считают, что заботиться о детях, оставшихся без родительской заботы, должно государство. Мнения московских семей о роли государства в обеспечении семьи разделились:

◆ большинство московских семей отводят государству роль гаранта в обеспечении минимума материальных и социальных благ для всех семей (45,6%);

◆ примерно каждая пятая московская семья считает, что государство должно помогать только тем семьям, кто сам не в состоянии обеспечить прожиточный минимум (21,4%);

◆ примерно каждая пятая московская семья считает, что роль государства должна заключаться только в том, чтобы научить семьи жить самостоятельно, без посторонней помощи (20,6%);

◆ примерно каждая восьмая

московская семья считает, что на надо надеяться не на государство, а на себя, самим обеспечить достойную жизнь (12,2%).

Относительное большинство московских семей (43,2%) оценивают деятельность московских властей по привлечению семей москвичей к приему детей, оставшегося без попечения родителей, в свои семьи положительно (18,2%) или скорее положительно, чем отрицательно (25%). При этом 56,1% опрошенных не знают о размере существующей в городе ежемесячной денежной компенсации на содержание ребенка (пособия). А какой должна быть ежемесячная денежная компенсация на содержание ребенка (пособия)? Для большинства оно должно составлять примерно 8000 руб., при этом примерно половина московских семей называет размер этого пособия не более 6000 руб. Для трети респондентов пособие должно превышать 8000 руб. и доходить до 11000 руб.

Такова цена вопроса усыновления чужого ребенка. Сами же москвичи, согласно данным проведенного исследования, в целом живут не так уж и богато. Более четырех пятых московских семей (82,7%) имели в прошлом месяце доход в расчете на одного члена семьи от 6000 руб. и более; у каждой третьей семьи доход превышал 12000 руб.

Оказалось: чем выше вознаграждение, тем сильнее мотивация на усыновление. Примерно каждую пятую московскую семью (20,4%) наличие пособия на содержание ребенка смогло бы заставить подумать об усыновлении. Абсолютное большинство московских семей (56,1%), если бы у них были другие и достаточные для жизни источники доходов, согласились бы не работать (29,3%) или перешли бы на другую работу (26,8%).

Среднее значение размера ежемесячной заработной платы патронатному воспитателю или приемной семье, исходя из оценок московских семей, должно составлять примерно 28000 руб. При этом примерно половина московских семей называет размер такой заработной платы не более 20000 руб.

С точки зрения москвичей, размер ежемесячной заработной платы патронатного воспитателя или приемной семьи должен зависеть в наибольшей степени от: наличия инвалидности (95,2%); числа детей (90,1%); медицинского статуса ребенка (87,5%).

Абсолютное большинство московских семей (91%) считают, что надо ввести пособие на ребенка в размере опекунского.

Среди дополнительных льгот, предоставляемых семье, взявшей на воспитание ребенка (кроме усыновления и родственной опеки), лидируют: на оплату квартиры (86%), электроэнергии, газа (81%); преимущественное право на получение путевок для ребенка (85%); сохранение непрерывного трудового стажа при воспитании приемных детей (80,6%).

© 2008 г.
Т.В. Смирнова

Кризис профессиональной адаптации в пожилом возрасте

Обращение к семантике слова «старость» позволяет видеть его изначально позитивный смысл. В древних языках «старость» была связана по значению с жизненной силой и энергией. Так, в славянских языках «старый» означает «крепкий». Положительный смысл старости присутствует в английском и немецком языках: английское «ageing» имеет два значения – старение и взросление. В немецком языке имеет место очевидная связь слов «старость» (Alter) и «родители» (Eltern).

Принципиальные изменения в отношении определения места и роли пожилых людей в социуме внесла индустриализация. Если до перехода к капиталистическому обществу отношение к старикам было в целом положительным, то теперь такие понятия, как опыт, авторитет и традиции потеряли прежнее значение. Вместе с этим начал снижаться социальный статус представителей старшего поколения — типичный случай нисходящей групповой мобильности. Временное совпадение роста числа пожилых людей с усилением неопределенности социального статуса и роли лишь усугубило негативные тенденции. Заметно пострадал имидж работника третьего возраста. Пожилые работники воспринимаются как неспособные к выполнению своих обязанностей на высоком уровне, что отвечало бы современным требованиям. Называя в качестве одной из детерминант профессиональных деструкций возрастные изменения при старении, Э. Зеер делает жесткий вывод: «Нельзя отрицать очевидного: старение деформирует профессиональный профиль человека, отрицательно сказывается на достижении вершин профессионального мастерства» [1.С.56].

Преодолевая желание не согласиться с такой формулировкой из-за ее безаппеляционности, следует признать, что в целом автор прав. Если делать вывод из непосредственно увиденных, наблюдаемых жизненных ситуаций, то цепочка «старение – профессиональные деструкции» действительно выглядит очевидной. Однако при более внимательном рассмотрении обозначенной взаимосвязи

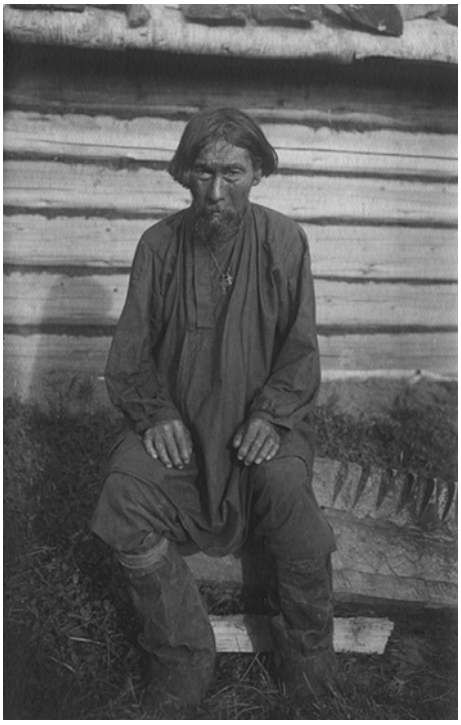
можно обнаружить ряд промежуточных звеньев – факторов, определяющих профессиональные деструкции именно в пожилом возрасте. В частности, возникновение профессиональных деструкций в третьем возрасте, по нашему мнению, в сильной степени обусловлено социальными причинами. Среди них основными являются: социальные ожидания и социальные нормативы, предъявляемые социумом представителям третьего возраста, подстройка своего жизненного сценария пожилыми под эти ожидания, а также геронтологическая неграмотность, преувеличение роли возрастных изменений в жизни пожилого человека окружающими. Для проведения анализа степени влияния социальных факторов на возникновение и развитие кризиса профессиональной адаптации у лиц третьего возраста представляется целесообразным сравнить следующие позиции:

◆ объективные возрастные изменения;

◆ понятие о возрастных изменениях и суждения о раннем пенсионном возрасте представителей молодого и среднего возрастов;

◆ взгляд на возрастные изменения трудовых способностей самих пожилых людей.

Проблема возрастных изменений интересовала ученых не одно десятилетие. Долгое время выводы исследователей были весьма пессимистичными: снижение интеллекта с возрастом казалось очевидным и значительным. Однако дальнейшая работа позволила установить, что неутешительные выводы были обусловлены несовершенством, а скорее несоответствием выбора методов исследования проблемы. Применяемый метод поперечных исследований выявлял не столько снижение интеллекта человека с возрастом, сколько расхождение в уровне этого показателя у представителей различных возрастных групп: так называемый эффект когорты доминировал над изучаемыми процессами. При применении такого метода не учитывались расхождения в опыте, уровне образования и культуры, обусловленные принадлежностью к разным поколениям. Следовательно, изучать возрастные изменения имеет смысл лишь при нейтрализации эффекта когорты, что становится возможным при лонгитюдных исследованиях. Новые исследовательские подходы в значительной степени опровергают прежние неутешительные выводы. Однако сложность поставленной задачи и в этом случае находит отражение в неоднозначности результатов. Так, К. Шаи, проведя Сиэтлское лонгитюдное исследование старения, констати-



ровал снижение результатов умственной деятельности у людей после 65 лет [2]. Отметим, что такие выводы носили значительно более оптимистичный характер по сравнению с доминирующим ранее представлениями, согласно которым изменения, вызванные старостью, обнаруживают себя уже в среднем возрасте.

Представляет особый интерес тема обязательности снижения когнитивных способностей человека с возрастом. Действительно ли 65-летие — тот рубеж, за которым начинается разрушение интеллекта, принимающее характер непреодолимой силы. На этот вопрос отвечают исследования П. Рэббита, обнаружившего в группах пожилых большую вариативность по результатам тестирования интеллектуальных способностей, чем в группах молодежи. При этом автор указывает на тот факт, что лучшие и худшие результаты во всех возрастных группах оказались практически одинаковыми [3]. Следует отметить, что заметное снижение интеллекта наблюдается, как правило, у индивидов, которые на протяжении всей жизни не занимались умственным трудом. В иных случаях интеллект человека, как правило, остается высоким на протяжении всей жизни. Более того, способность интеллекта человека к синтезу может достигнуть максимума именно в позднем возрасте [4. С. 59]. Это подтверждают многочисленные примеры выдающихся деятелей науки, литературы, искусства, которые продолжали работать и творить до глубокой старости — Микеланджело работал в 87 лет над базиликой в Риме, Ньютон в 72 года написал знаменитое предисловие к своим трудам, Галилей в возрасте 72 лет продолжал плодотворно работать. Г. Несветайлов приводит данные исследований, проводимых в шести европейских странах, с целью определения влияния возраста научного работника на его профессиональную деятельность, согласно которым один из двух пиков публикационной продуктивности для ученых из академических подразделений приходится на возраст пятидесяти пяти лет [5. С. 116].

В рамках обсуждаемого вопроса особый интерес представляет вывод О. Красновой о существенном несоответствии между субъективными жалобами пожилых на нарушения памяти и реальной способностью к запоминанию, которое объясняется давлением социальных стереотипов, заставляющих пожилых людей подстраиваться под общепринятые стандар-

ты, ощущать порой несуществующее ухудшение некоторых функций [6.С.40]. Вследствие того, что окружающие часто думают, что они забывчивы, пожилые могут быть более чутки к ошибкам памяти, что приводит к заниженной самооценке [7.С.101].

Объяснительная модель устойчивости трудовых навыков и способностей в условиях физиологического старения имеет своей основой целый ряд современных исследований процесса старения, которые изменили представления об интеллектуальном развитии пожилых людей и содействовали более позитивному восприятию перспектив. В пожилом возрасте в ответ на некоторые неизбежные изменения в организме человека формируются и начинают работу компенсаторные механизмы, призванные обеспечить сохранение на прежнем уровне интеллекта человека, а так же нормальную деятельность практически всех жизненно важных органов и функций организма. В частности, немецкие ученые пришли к выводу, что так называемая «Kompetenz»-модель постепенно становится преобладающей над господствующей долгое время «Defizit»-моделью, допускающей ухудшение многих параметров с возрастом [8.С.42].

Профессиональный и жизненный опыт вкупе с биологически обусловленными компенсирующими стратегиями обеспечивают возможность пожилым людям выполнять производственные задачи на таком же, а часто и более высоком уровне, чем это способны сделать их молодые коллеги. Так, при исследовании работы машинисток различного возраста было обнаружено, что, несмотря на снижение скорости работы пальцами и увеличение времени реакции, в скорости печати пожилые обследуемые не уступают молодым. Это обусловлено тем, что пожилые «предвидят» более длинную последовательность движений, которую необходимо будет совершить при наборе того или иного текста [9.С.351]. Аналогичные результаты были получены при наблюдении за игрой шахматистов. Автор исследования обнаружил, что некоторое, действительно имевшее место снижение важных для игры в шахматы способностей, полностью компенсировалось опытом решения задач [10.С.28]. Институтом геронтологии АМН Украины проведено исследование, ориентированное на выявление особенностей профессиональной адаптации в условиях постарения человека, результатом которого стал важный вывод о том, что особенности умственной деятельности определяют различные пути профессиональной адаптации. К примеру, система обработки информации в условиях возрастной инволюции у журналистов становится все более стохастической, а у научных работников – более детерминированной [11.С.38]. Н.И. Шаталова на основании проведенных исследований, привлекая терминологию М. Вебера, делает вывод о преобладании целерациональности в трудовом поведении молодежи и склонности к традиционным моделям поведения представителей третьего возраста [12]. Благодаря таким особенностям, представители третьего возраста вносят большой вклад в стабилизацию трудового коллектива, обеспечивая сохранность традиций и обычаев организации.

Старение – гетерогенный процесс: схожесть пожилых людей

между собой меньше, чем среди представителей других возрастных групп. По меткому выражению Я. Стюарт-Гамильтона, «сложнее оправдать использование термина «типичный пожилой человек», нежели термина «типичный молодой человек» [7.С.52]. Таким образом, объективных фактов, позволяющих считать, что собственно пожилой возраст несет необратимые ухудшения, ведущие к снижению качества выполнения профессиональных обязанностей нет. Однако проблема интеллектуальных и физических возможностей в пожилом возрасте в современном обществе на различных уровнях до сих пор рассматривается в основном с точки зрения констатации ограничений.

С целью исследования позиции представителей различных возрастных групп по вопросу наличия негативных возрастных изменений у пожилых людей автором совместно с Центром социальных исследований РОСС-XXI век (г. Саратов) в 2007 г. проведено социологическое исследование методом анкетного опроса. При формировании выборочной совокупности применялась методика квотного отбора по признакам пола, возраста, образования и дохода. Объем выборки составил 812 человек.

С утверждением, что человеческие качества и характер с годами портятся, согласились 31,8% респондентов. При этом наблюдается редкое единодушие среди респондентов в возрасте от 16 до 55 лет (различие 2-3%), в этих группах данное мнение разделяют около 37%. Респонденты старше 55 лет в меньшей степени солидарны с таким утверждением (25,3%). Интересно, что такое снижение имеет место в основном за счет пожилых респондентов, продолжающих трудовую деятельность, среди которых согласных с тем, что человеческие качества и характер с годами портятся, только 16,1%. А вот среди их ровесников, оставивших работу – 31,2 %.

С ухудшением с возрастом памяти и умственных способностей человека согласны 63,2% респондентов. Интересно, что среди опрошенных от 16 до 55 лет значение этого показателя варьирует в пределах 65–75%. Аналогичной точки зрения придерживаются 43,6% респондентов старше 55 лет. И вновь мы можем наблюдать очень сильное расхождение во мнении по этому вопросу работающих и неработающих пенсионеров. Так, среди пожилых людей, продолжающих трудовую деятельность, согласны с общепринятой позицией только 25,1%, тогда как среди неработающих пенсионеров нелестного мнения об умственных способностях пожилых

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «С какими суждениями по поводу пенсионного возраста Вы согласны?», в %

Представления о пенсионном возрасте	16—25 лет	26—35 лет	36—45 лет	46—55 лет	Старше 55 лет	Средний
1. Это заслуженный отдых	58,7	66,3	65,8	62,2	50,1	60,6
2. Время для любимых дел, творчества	19,0	28,5	51,2	48,4	38,3	37,0
3. Начало жизни, отдыха и удовольствий	11,9	23,3	15,1	18,7	10,6	15,9
4. Период «доживания»	19,0	19,1	5,1	21,2	32,9	19,5
5. Отчужденность и невостребованность	14,2	4,7	5,2	22,4	15,7	12,4
6. Потеря достигнутого статуса	16,6	9,5	7,6	15,1	23,2	14,4
7. Другое	1,5	1,0	0,9	0,9	1,3	1,1

Примечание: *Распределение в зависимости от возраста респондентов. Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответов.*

придерживаются 55,2% опрошенных. 28% респондентов в нашем исследовании соглашаются с тем, что «пожилые люди чаще всего озабоченные и озлобленные». Среди респондентов старше 55 лет согласны с тем, что их ровесники именно такие 22,1%. Однако в этом случае расхождение во мнении работающих и неработающих пенсионеров особенно велико. Среди пожилых людей, продолжающих трудовую деятельность, так считают только 7,1% опрошенных, тогда как среди тех, кто оставил работу – 33,1%, что значительно выше, чем в среднем по выборке.

Итак, в массовом сознании доминирует мнение об ухудшении в пожилом возрасте умственных способностей, памяти. Отмечается явное преувеличение возрастных изменений, приписывание пожилым людям отрицательных, а также социально неодобряемых качеств. Среди пожилых респондентов распространенность мнений об ухудшении с возрастом приведенных в анкете качеств, несколько ниже, чем среди представителей других возрастных групп. Тем не менее, доминирование взгляда на третий возраст как период снижения умственных и трудовых способностей, а также акцентирование на негативных качествах характера пожилых, отмечается и в группе респондентов старше 55 лет. В тоже время среди представителей третьего возраста, продолжающих трудовую деятельность, почти в два раза меньше тех, кто считает, что умственные способности и память ухудшаются с возрастом, и в пять раз меньше убежденных в озлобленности пожилых, по сравнению с их ровесниками, оставившими работу.

Интерпретации сделанных выводов будут способствовать данные о представлениях наших респондентов о пенсионном возрасте. Как видно из таблицы, респонденты старше 55 лет выбирают позитивные варианты ответов несколько реже, чем в среднем. Интересно, что положительное восприятие пенсионного возраста менее характерно для представителей старшего поколения и респондентов в возрасте 16—25 лет.

Выбор отрицательных суждений о пенсионном возрасте пожилыми людьми встречается значительно чаще, чем в среднем по выборке. Кроме того, отмечается

следующая тенденция. В ранней молодости (16–25 лет) частота встречаемости таких ответов довольно велика: в таком возрасте старость представляется чем-то очень далеким и одновременно пугающим. Затем, с увеличением возраста респондентов, происходит резкое падение числа ответов, свидетельствующих о негативных взглядах на поздний период жизни. Однако уже в группе респондентов 46–55 лет наблюдается рост количества выбранных отрицательных утверждений о старости, который продолжается при переходе в старшую возрастную группу.

Тот факт, что среди респондентов в возрасте 46–55 лет 21,2% считают поздний период жизни временем «доживания», 22,4% — порой отчужденности и невостребованности и 15,1% связывают пенсионный возраст с потерей достигнутого статуса, свидетельствует о кризисном состоянии данной группы, спровоцированном социальными факторами. Эта социально-демографическая группа, вошедшая в так называемое «десятилетие перед пенсией», уже чувствует на себе прикосновение пугающих перспектив пенсионной жизни. Среди респондентов старше 55 лет связывают пожилой возраста с перечисленными негативными факторами соответственно 32,9%; 15,7% и 23,2%.

При сравнении суждений о пенсионном возрасте работающих и неработающих представителей третьего возраста выявлены следующие различия. Значительная разница зафиксирована в выборе утверждения о том, что пенсионный возраст – период доживания. Так считают 39,1% пожилых людей, оставивших трудовую деятельность и только 21,8 % их ровесников, продолжающих трудиться. Обращает на себя внимание и тот факт, что такой непопулярный взгляд на пожилой возраст как на начало жизни, отдыха и удовольствий имеют 11,8% работающих пенсионеров и 6,9% неработающих пожилых людей. В тоже время отсутствие существенных различий в выборе утверждения о пожилом возрасте как о «потере достигнутого статуса и обществе» среди работающих и неработающих пенсионеров (соответственно 22,9% и 23,4%), вызывает интерес и требует объяснений, так как на первый взгляд именно в численности такого ответа разница должна быть значительной. Как известно, статус определяет в первую очередь профессиональная деятельность, работа. Тем не менее, 22,9% пожилых, продолжающих трудовую деятельность указывают на потерю статуса. На наш взгляд, это объясняется дискриминационными практиками, отношением на рабочих местах к представителям третьего возраста, как к «второсортным» работникам.

При сопоставлении результатов исследований суждений о возрастных изменениях и представлениях о пенсионном возрасте наблюдается следующая картина, объясняющая некоторые выводы, сделанные выше. Напомним, что речь шла о доминировании в массовом сознании мнения об ухудшении в пожилом возрасте умственных способностей, памяти и характера. Кроме того, было выявлено значительное преувеличение возрастных изменений самими пожилыми людьми. При этом работающие пенсионеры указывают на негативные возрастные изменения в несколько раз реже,

чем пожилые люди, оставившие работу. В тоже время обнаружено, что представители среднего возраста видят жизнь на пенсии в более светлых тонах, чем те, кого это непосредственно касается либо предстоит в самое ближайшее время. Отметим, что «решающий голос» в формировании общественного мнения принадлежит поколению взрослых, но не старых людей. Иными словами, в массовом сознании сложилась определенная модель жизни на пенсии: в третьем возрасте люди значительно слабеют умом и памятью, становятся озлобленными. Работать на привычном уровне уже не представляется ни возможным, ни целесообразным. Образ жизни должен соответствовать имеющемуся снижению параметров. Поэтому для людей со сниженными возможностями жизнь на пенсии в общем неплохая.

...о рано наступающей старости

Работающие пенсионеры самим фактом продолжения трудовой деятельности противостоят такой модели, т.е. противостоят социальным стереотипам. Именно поэтому среди них гораздо меньше тех, кто соглашается признать ухудшение умственных и трудовых способностей. С другой стороны, продолжая работать, они обеспечивают себе соответствующий образ жизни в материальном, коммуникативном и многих других аспектах. Как результат – их взгляд на пенсионный возраст довольно оптимистичен. Иная ситуация складывается у неработающих пенсионеров. Оставление работы, сосредоточение интересов уже в раннем пенсионном возрасте на узком круге домашних проблем полностью тождественно общественным ожиданиям. Продолжая придерживаться этих нормативов, пожилые люди фиксируют у себя ухудшение основных умственных и физических способностей и пр., которых в действительности, по крайней мере, в такой степени выраженности нет. Как следствие, они вынуждены жить более скромно в материальном, событийном и др. аспектах, чем им позволяют их желания и ресурсы. Конечное звено логической цепи – крайне высокая степень недовольства жизнью на пенсии неработающих пожилых людей, которое и было зафиксировано в нашем исследовании.

Преувеличенное восприятие в массовом сознании негативных возрастных изменений, беспочвенное приписывание их представителям третьего возраста приводит к соглашательской позиции по этому вопросу самих пожилых людей. Вслед за убежденностью в

ухудшении собственных интеллектуальных и иных способностей происходит во многих случаях искусственное (обусловленное самовнушением и социальными ожиданиями) снижение уровня выполнения производственных задач. В свою очередь прекращение трудовой деятельности способствует росту влияния стереотипов о возрастных изменениях на пожилого человека, во многих случаях ведя к ухудшению его физического состояния. Профилактическими мерами по предотвращению и снижению влияния социальных причин возникновения профессиональных деструкций в пожилом возрасте могут стать геронтологическое просвещение, знакомство администрации и сотрудников предприятий с информацией о пожилом возрасте на основе современных научных данных. Искоренение в профессионально-деловой сфере социального неравенства на основе возрастных различий, создание благоприятных условий для продолжения трудовой деятельности пожилых будут способствовать решению проблемы, так как сама профессиональная деятельность содержит в себе сдерживающие механизмы, препятствующие развитию негативных возрастных изменений.

Литература

1. Зеер Э.Ф. Психология профессий. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1997.

2. Schaie K.W. The Seattle Longitudinal Study: A 21-year exploration of psychometric intelligence in adulthood. / Longitudinal Studies of Adult Psychological Development. New York: Guilford Press, 1983. P. 74—78.

3. Rabbit P. Memory impairment in the elderly / Psychiatric Disorders in the Elderly. London: Mental Health Foundation, 1984. P. 101—119.

4. Карсаевская Т.В. Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека. М., 1978.

5. Несветайлов Г.А. Научные кадры: возраст и творчество // Социологические исследования. 1998. № 9. С.115-119.

6. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости. М.: Издат. Центр «Академия», 2002.

7. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. – СПб.: Питер, 2002. – 256с.

8. Tews C.P. Gerontologie // Rumd uns Alter. Alles Wissenswerte von A bis Z. Beck Munchen, 1996. S. 40—51.

9. Salthouse, T.A. Effects of age and skill in typing / Journal of Experimental Psychology. 1984 (13). P. 359.

10. Charness, N. Aging and skilled problem solving / Journal of Experimental Psychology. 1981 (11). P. 21—38.

11. Коробейников Г.В., Федько Г.П., Коробейникова Л.Г. Возрастные особенности переработки информации у лиц разных профессий, занимающихся умственным трудом / Проблемы старения и долголетия, Т. 11, № 4, 2002. С. 381—387.

12. Шаталова Н.И. Система трудового потенциала работника / http://ecsocman.edu.ru

© 2008 г.
А.А. Тараданов

«Глядя на старую семейную фотографию…» (семейное благополучие на Урале после войны)

В рамках темы ГБ-83 Исследование процессов и показателей семейного благополучия в Уральском Федеральном округе (коды по ГРНТИ: 04.51.67) в апреле-июне 2006 года проведен опрос взрослых (18 лет и старше; выборка случайная) жителей Уральского Федерального округа, ведущих семейный или брачный образ жизни, на территориях Курганской (1569 респ.), Свердловской (2049 респ.), Тюменской (ЯНАО 498 респ.) и Челябинской (933 респ.) областей: всего 5049 человек.

По авторской методике четыре уровня и восемь типов благополучия рассчитаны для семьи УрФО по результатам анкетирования. Самый нижний уровень представляют социально неблагополучные, кризисные семьи, не имеющие благополучия ни в общественном, ни в семейном, ни в индивидуальном сегментах своего бытия. Это такие семьи, в которых одновременно: а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость ниже, чем один ребенок каждые пять лет совместной жизни); б) не обеспечивается полнота семьи (в семье лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) отношения между членами семьи преимущественно напряженные и конфликтные (нет лада в семье). Доля кризисных семей в составе опрошенных 7,1%.

Следующий уровень составляют проблемные семьи, благополучные по одной из трех составляющих, но неблагополучные по двум другим: то есть, их получается три типа. Это семьи: 1) детные, в которых а) обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость не ниже, чем один ребенок каждые пять лет совместной жизни); б) не обеспечивается полнота семьи (в семье лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) отношения между членами семьи преимущественно напряженные и конфликтные (нет

лада в семье);

2) парные, в которых: а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость ниже, чем один ребенок каждые пять лет совместной жизни); б) обеспечивается полнота семьи (имеются оба супруга); в) отношения между членами семьи преимущественно напряженные и конфликтные (нет лада в семье);

3) тихие, в которых: а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения; б) не обеспечивается полнота семьи (лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) лад в отношениях между членами семьи.

При этом детные семьи в выборочной совокупности составили 0,7%, парные семьи — 23,0%, тихие семьи — 2,4%

Третий уровень представляют семьи, в которых наличествует благополучие по двум составляющим и неблагополучие по одной составляющей: их, соответственно, тоже получается три типа. Это семьи: 1) детские, в которых а) обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость); б) не обеспечивается полнота семьи (лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) лад в отношениях между членами семьи;

2) западные, в которых а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость ниже, чем один ребенок каждые пять лет совместной жизни); б) обеспечивается полнота семьи (имеются оба супруга); в) лад в отношениях между членами семьи;

3) полные, в которых а) обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость); б) обеспечивается полнота семьи (есть оба супруга и дети); в) нет лада в отношениях между членами семьи.

При этом детские семьи в выборочной совокупности составили 0,2%, западные семьи — 30,9%, полные семьи — 11,4%

И самый высокий, четвертый уровень, представляют семьи с полным набором основных элементов благополучия, т.е.: а) обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость не ниже, чем один ребенок каждые пять лет совместной жизни); б) обеспечивается полнота семьи (есть оба супруга и дети); в) лад в отношениях между членами семьи. Это соци-

ально благополучные семьи (СБС). Их доля в выборочной совокупности составила 13,7%.

Первое предварительное замечание. Исследование по аналогичной методике на Урале уже третье с 1994 г. Первое исследование проведено нами в 1994—1996 гг. с выборкой 6553 респондента; доля СБС тогда составила 10,7%. Второе исследование проведено в 1999 г. с выборкой 6229 респондентов; доля СБС составила 6,9%. То есть, получается, что с 1996 по 1999 гг. мы теряли СБС один пункт ежегодно; с 1999 по 2006 гг. ежегодно на тот же один пункт доля СБС повышается.

Второе предварительное замечание. Поскольку анкетирование проводилось добровольно и анонимно (а с семьей иначе и нельзя), некоторые респонденты не ответили на некоторые вопросы. В результате образовалась группа неопределенные семьи — это те, где не получены ответы либо на вопрос о семейных неполадках, либо на вопрос о количестве детей, либо на вопрос о продолжительности брака, и потому эти семьи не могут быть отнесены к той или иной категории семейного благополучия. Отметим, однако, что абсолютное большинство из них принадлежит (по другим показателям) к категории проблемных семей.

Проведенное исследование позволяет нам заглянуть достаточно далеко в эпоху застоя и даже за железный занавес, когда никакими социологическими исследованиями в СССР даже и не пахло, поскольку в анкетировании 2006 г. задавались вопросы не только о собственной семье респондента, но и такие же вопросы о той семье, в которой рос респондент; о *родительской* семье. Анализируя полученные данные от разных возра-

стных групп респондентов, мы сможем проникнуть в разной отдаленности периоды истории советских семейных отношений.

Дальше всего вглубь времен мы заглянем, изучив ответы респондентов возрастной группы старше 50 лет. Это значит, наш респондент родился ранее 1956 г. Если учесть, что большинство детей рожают женщины до 30-летнего возраста, а в войну семьи практически не создавались и не рожали, мы получаем информацию о семьях, создавшихся в первое послевоенное десятилетие (1946—1956 гг.): это голод, разруха, беспризорность, преступность, продолжение репрессий. Правда, период основной социализации родившихся в это время респондентов приходится уже на следующее десятилетие: 1956—1966 гг. (хрущевская оттепель и некоторая эйфория от происходящих и ожидаемых перемен). На этот же период приходятся и *понимаемые* респондентами отношения в родительской семье; но *помнят* эти респонденты и отношения в их семье в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (конец сталинизма).

Соответственно, респонденты возрастной группы 41—50 лет дадут нам информацию о *родительских* семьях, создавшихся и рожающих в 1956—1966 гг. (хрущевская оттепель, массовое строительство хрущёб и переселение в них из коммуналок и бараков, целина и комсомольские стройки, 20-летняя Программа построения коммунизма 1961 года). *Понимаемые* респондентами отношения в родительской семье приходятся на следующее десятилетие: 1966—1976 гг., но *помнят* эти респонденты и отношения в их семье в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Респонденты возрастной группы 31—40 лет дадут нам информацию о *родительских* семьях, создавшихся и рожающих в 1966—1976 гг. (критика хрущевских реформ и попытки возврата к старому (сталинскому) порядку, комсомольские стройки и БАМ).

А вот уже респонденты возрастной группы 18—30 лет дадут нам информацию о *родительских* семьях, создавшихся и рожающих в 1976—1985 гг. (пик застоя), куда попадает и 1981 г., когда впервые в советской истории началась реализация *внятных* мер государства в его семейной политике. Вот и посмотрим на реальные результаты этих мер.

Понятно также, что чем старее фотография, тем меньше четкость изображения. Кроме того, на старинном портрете обычно представлена, скажем, несколько приукрашенная действительность. Да и по ряду других объективных причин данные о том времени будут несколько менее точными, чем данные о семье 2006 г. Такими причинами являются:

1. Меньшие размеры выборочной совокупности каждого периода по сравнению с общей выборочной совокупностью.

2. Каждый рассматриваемый временной период частично накладывается как на предыдущее десятилетие, так и на последующее. Так, респондент может оказаться последним ребенком в семье и помнить только последний период ее бытия. Для возрастной группы старше 50 лет это значит, что та-

кая родительская семья была создана до войны, отец вернулся с фронта; или не вернулся, и мать родила для себя.... Или респондент – первый ребенок в этой семье, и тогда помнит преимущественно свое детство и отношения в родительской семье в начале 1960-х гг.

3. Не будем также забывать, что Урал послевоенный – это в очень и очень большой части население, эвакуированное в начале войны с европейской территории СССР. Поэтому старая фотография, которую мы сейчас будем рассматривать, возможно, больше семейный портрет всей европейской части Советского Союза, чем только Урала.

И примечание относительно приукрашенной действительности. Результаты данного исследования позволят нам определить степень приукрашивания респондентами семейных отношений в родительской семье. Дело в том, что категория респондентов старше 50 лет одновременно сама представляет собой *родительскую семью* для выборочной совокупности возрастной категории 18—30 лет. Сравнив семейное благополучие выборочной совокупности старше 50 лет с оценкой семейного благополучия *родительской семьи* у группы 18—30 лет, мы сможем определить примерную степень приукрашивания и рассчитать поправки для определения действительного уровня семейного благополучия как послевоенной семьи, так и последующих временны**ы**х периодов.

Рассмотрение результатов ответов на вопрос о семейных неполадках показывает нам, что розовый налет на очках нашего старшего поколения действительно имеет место. Вариант не было серьезных неполадок в родительской семье отмечают 60,2 респондентов старше 50 лет. Об отсутствии серьезных неполадок в их собственной семье говорят 50,8% респондентов старше 50 лет. А вот их младшие дети (группа 18—30 лет) и их старшие дети (группа 31—40 лет) полагают, что в их родительской семье (т.е., у респондентов старше 50 лет) не было серьезных неполадок — 61,2% и 61,0% соответственно. Размер приукрашивания составляет в среднем (61% — 51%) 10 пунктов. Если же еще учесть, что возраст 31—40 лет есть наиболее адекватный социально и психологически, с хо-

Таблица 1

Оценка благополучия-неблагополучия

Категории респондентов по возрастным группам	Всего опрошено человек, 100%	*Категории семей по типам (уровням) благополучия-неблагополучия*								
		СБС	переходные (относительно благополучные)			неблагополучные				
						проблемные			кризисные	неопределенные
			полные	западные	детские	парные	детные	тихие		
Оценка семейного благополучия ***родительской*** семьи, %%										
Старше 50 лет	620	27,9	17,1	20,2	5,3	10,5	6,0	5,8	4,8	2,4
41—50 лет	1361	25,1	15,8	25,6	2,6	14,3	4,3	5,1	5,4	1,9
31—40 лет	1662	19,9	10,6	30,3	2,9	17,7	3,9	7,2	5,6	1,7
18—30 лет	1356	13,6	7,6	38,0	1,5	20,1	3,3	7,7	7,0	1,2
Оценка семейного благополучия **собственной** семьи, %%										
Старше 50 лет	620	8,7	6,9	33,5	0,2	24,4	0,3	2,6	7,1	16,3
41—50 лет	1361	8,2	8,7	32,5	0,3	28,7	1,6	2,6	8,2	9,3
31—40 лет	1662	11,1	9,7	36,9	0,2	24,5	0,4	2,6	7,5	7,0
18—30 лет	1356	25,0	18,2	21,4	0,1	14,3	0,1	2,1	5,7	13,1

Таблица 2

Социальное благополучие и период образования родительской семьи

Период образования семьи	Тип семьи		Всего, %
	СБС, %	Западные, %	
1946—1955 гг.	27,9	20,2	48,1
1956—1965 гг.	25,1	25,6	50,7
1966—1975 гг.	19,9	30,3	50,2
1976—1985 гг.	13,6	38,0	51,6

Таблица 3

Социальное благополучие и возраст

Возрастная группа респондентов	Тип семьи		Всего %%
	СБС %%	Западные %%	
Старше 50 лет	8,7	33,5	42,2
41—50 лет	8,2	32,5	40,7
31—40 лет	11,1	36,9	48,0
18—30 лет	25,0	21,4	46,4

рошей памятью, – и то дает такую погрешность, — то размер и степень приукрашивания их светлого прошлого у возраста старше 50 лет должны быть учтены минимум на столько же.

А это значит, что полученная из анкетирования доля в 27,9% социально благополучных семей в составе родительских семей рес-

пондентов старше 50 лет (см. табл. 1) на самом деле несколько меньше. Мы не будем сейчас отстаивать как несомненный тот или иной размер поправки: мы просто договоримся, что, оперируя данными результатов опроса, мы будем иметь это ввиду.

Данные табл. 1 означают, что, например, 27,9% респондентов возрастной группы старше 50 лет представляют семью, *в которой они росли*, социально благополучной (СБС); а 4,8% респондентов этой возрастной группы представляют семью, в которой они росли, кризисной и т.д.

Соответственно, *свою собственную семью* лишь 8,7% респондентов возрастной группы старше 50 лет представляют социально благополучной (СБС); а 7,1% респондентов этой возрастной группы представляют свою собственную семью кризисной и т.д.

Получается так, что доля семей с обоими родителями, сохраняющими в своих отношениях семейный лад, в общем количестве семей в исследуемый период (с 1946 по 2006 г.) ***есть величина постоянная***. Как мы помним, к таким семьям у нас относятся социально благополучные и западные семьи. Вот как это выглядит по временным периодам в *родительской* семье.

Но! Хотя в среднем доля родительских семей, живущих в ладу, в общем количестве семей остается стабильной всю послевоенную советскую историю, очень хорошо видно, как в это время снижается доля СБС и растет доля западных семей (ровно вдвое там и там за период с 1946 по 1985 гг.): СБС в 1946—1955 гг. было 27,9%; в 1976—1985 гг. стало 13,6%. И наоборот, западных в 1946—1955 гг. было 20,2%; в 1976—1985 гг. стало 38,0%.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с собственной семьей респондента.

Доля семей с обоими родителями и семейным ладом в семье респондента в целом не очень отличается от данного показателя в родительской семье. А если мы сделаем поправку на эффект розовых очков, то вывод будет выглядеть следующим образом: *доля семей с обоими родителями и семейным ладом в общем количестве семей на Урале весь послевоенный период (с 1946 по 2006 гг.; 60 лет) является* ***величиной постоянной*** *и держится на уровне около 45—50%* ***независимо от внешних социальных и экономических условий.***

Теперь рассмотрим с этих же позиций семью, тоже сохранившую обоих родителей, но не имеющую в своем бытии семейного лада (семью в разладе). Это семьи полная и парная. Смотрим родительскую семью (табл. 4).

Здесь тоже очень хорошо заметно, как весьма равномерно снижается доля полных семей и растет доля парных. А вот сама по себе доля семей с обоими супругами, но без лада между ними, тоже выступает ***величиной постоянной.***

Смотрим данные по собственной семье респондента (табл. 5).

Мы получаем полное право говорить теперь уже о выявленной очень устойчивой пропорции в се-

Таблица 4

Динамика семей и социальное благополучие родительской семьи

Период образования семьи	Тип семьи		Всего, %
	полная, %	парная, %	
1946—1955 гг.	17,1	10,5	27,6
1956—1965 гг.	15,8	14,3	30,1
1966—1975 гг.	10,6	17,7	28,3
1976—1985 гг.	7,6	20,1	27,7

Таблица 5

Социальное благополучие собственной семьи

Возрастная группа респондентов	Тип семьи		Всего, %
	полная, %	парная, %	
Старше 50 лет	6,9	24,4	31,3
41—50 лет	8,7	28,7	37,4
31—40 лет	9,7	24,5	34,2
18—30 лет	18,2	14,3	32,5

Таблица 6

Социальное благополучие и детность

Категории респондентов по возрастным группам	Всего детей в семье, человек	*Категории семей по типам (уровням) благополучия-неблагополучия*									
		СБС	переходные (относительно благополучные)			неблагополучные					неопределенные
						проблемные			кризисные		
			полные	западные	детские	парные	детные	тихие			
Количество детей в ***родительской*** семье, человек											
1946—1955	3,2	4,3	4,3	1,8	4,2	1,8	4,2	1,5	1,6	3,8	
1956—1965	2,8	3,9	4,0	1,8	4,3	1,8	4,0	1,5	1,7	3,3	
1966—1975	2,6	4,0	3,9	1,9	4,1	1,8	3,9	1,6	1,7	2,9	
1976—1985	2,3	3,6	3,7	1,9	3,5	1,8	3,9	1,7	1,7	1,7	
Количество детей в **собственной** семье респондента, человек											
Старше 50 лет	2,0	3,8	3,7	1,6	4,0	1,5	4,0	1,6	1,6	1,8	
41—50 лет	2,0	3,5	3,5	1,6	4,0	1,7	4,0	1,5	1,5	1,7	
31—40 лет	1,7	2,5	2,5	1,5	4,0	1,5	4,0	1,4	1,4	1,5	
18—30 лет	1,1	1,5	1,5	0,7	4,0	0,7	4,0	1,1	1,2	0,5	

Таблица 7

Социальное благополучие, тип семьи и период ее образования

Период образования семьи	Тип семьи и количество в ней детей		
	западная	тихая	кризисная
1946—1955 гг.	1,8	1,5	1,6
1956—1965 гг.	1,8	1,5	1,7
1966—1975 гг.	1,9	1,6	1,7
1976—1985 гг.	1,9	1,7	1,7

мейных отношениях, которая (пропорция) на момент исследования *не зависит от социальных и экономических условий.*

Эта пропорция выглядит следующим образом: в общем количестве семьи с обоими супругами и семейным ладом составляют 45—

50%; еще 30—35% — это семьи с обоими супругами, но без семейного лада; 15—20% — это мамы с детьми без мужа; 1—2% — остальные (дети без родителей с другими родственниками; отцы с детьми без матери и др.).

Мы должны понимать, правда, что здесь, при всей массивности опроса, мы не имеем и, возможно, еще долго не будем иметь данные о доле и семейных отношениях маргинальных групп населения; тех, кто формирует наш децильный коэффициент как снизу, так и сверху: пока у нас нет канала получения отсюда *достоверной* социологической информации о семейном благополучии-неблагополучии данных категорий населения. И скорее всего, в действительности доля благополучных семей несколько меньше, а неблагополучных несколько больше... Но это уже лирика, а мы говорим о науке.

И еще одно примечание. На первый взгляд может показаться, что в современной семье семейное благополучие возрастает (как мы видели, у возраста 18—30 лет доля СБС 18,2%, а у возраста 31—40 лет доля СБС уже лишь 9,7%). Здесь просто надо еще раз вспомнить, что в методику расчета заложено требование, что каждые пять лет совместной жизни семья рожает одного ребенка. Если этого нет, то СБС переходит в группу западных семей, а если за эти пять лет еще и семейного лада не стало (что происходит весьма часто) – то в группу парных.

Итак, из полученных данных очень хорошо заметно, как в послевоенный период нашей истории сокращается доля многодетных семей и растет доля малодетных. Посмотрим следующую табл. 6.

Хорошо видно, как в течение всего социологически реконструированного исторического периода равномерно и неуклонно падает рождаемость в уральской семье: средний темп сокращения рождаемости 0,3 ребенка в среднем на семью в каждое послевоенное десятилетие. *За исключением одного промежутка*: хорошо видно, как меры по поддержке семьи 1981 г. (тем, кому в 2006 году 41—50 лет, в 1981 г. было в среднем 20 лет: возраст самый тот) ***стабилизировали ситуацию на уровне двух детей на семью (!!!).*** Но *не более чем стабилизировали*; и только на несколько лет; и уже с опозданием, поскольку даже 2,3 детей в уральской семье — это уже депопуляция.

Рождаемость продолжала падать: те, кому сегодня 31—40 лет (а большинство наших респондентов — женщины) уже не будут больше рожать (в тех редких случаях, когда это сегодня происходит, это исключения, а не правило): они остановились на цифре 1,7 ребенка на семью. Тенденция на начало 2006 г. такова, что сегодняшние 18—30 лет остановятся к концу репродуктивного срока на цифре 1,3 ребенка на семью. При этом есть все основания полагать, что одновременно растет доля граждан, ведущих несемейный образ жизни, от которых в смысле воспроизводства населения ждать тоже особенно нечего.

Правда, данные 2007 г. говорят о некотором оживлении в направлении повышения рождаемости и,

Таблица 8

Причины семейного неблагополучия

Причины неполадок в *родительской* семье	Все опрошенные	Период образования родительской семьи			
		1946—1955	1956—1965	1966—1975	1976—1985
Всего опрошено	***5049***	***620***	***1361***	***1662***	***1356***
%%	***100***	***12,3***	***27,0***	***32,9***	***26,9***
Пьянство	12,6	8,5	13,1	13,8	12,8
Низкий уровень жизни	10,7	15,5	11,7	9,0	9,5
Конфликты родителей с Вами	4,0	1,1	2,9	3,7	6,8
Неверность отца	3,7	3,9	3,9	2,9	4,5
Ревность отца	2,6	2,7	3,2	2,5	2,2
Конфликты с родственниками	2,4	1,3	1,4	2,4	4,1
Насилие (физическое или психическое)	2,0	1,8	2,2	2,2	1,6
Низкий уровень культуры	1,8	2,6	1,8	2,0	1,1
Неверность матери	0,5	0,5	0,7	0,4	0,4
Ревность матери	0,4	0,5	0,6	0,4	0,4
Другие причины	4,1	4,4	4,0	4,3	3,9
Серьезных “неполадок” не было	60,1	60,2	59,1	61,0	61,2
Не ответили	7,1	8,5	7,6	6,6	5,3

Примечание: 50 человек не ответили на вопрос.

Таблица 9

Причины семейного неблагополучия в семье респондента

Причины неполадок в собственной семье респондента	Все опрошенные	Возраст респондента			
		Более 50	41—50	31—40	18—30
Всего опрошено	***5049***	***620***	***1361***	***1662***	***1356***
%	***100***	***12,3***	***27,0***	***32,9***	***26,9***
Низкий уровень жизни	19,6	14,4	23,9	20,2	17,0
Пьянство супруга(ги)	9,5	12,1	12,1	9,1	6,6
Ревность супруга(ги)	3,9	2,1	3,9	3,4	5,5
Вмешательство родителей	3,8	1,0	1,2	3,4	8,1
Неверность супруга(ги)	2,7	1,9	2,9	2,8	2,6
Нет взаимопонимания с детьми	2,6	3,1	4,1	2,6	0,7
Низкий уровень развития супруга(ги)	2,2	2,4	2,6	1,9	1,8
Сексуальная неудовлетворенность	2,0	1,9	2,2	2,0	1,9
Насилие (физическое или психическое)	1,5	0,5	1,3	2,0	1,5
Наркотическая зависимость	0,2	0,0	0,1	0,2	0,4
Другие причины	7,7	6,5	7,0	7,8	9,1
У нас нет серьезных неполадок	51,7	50,8	46,3	53,5	56,4
Не ответили	7,3	10,2	6,7	7,2	5,6

возможно, вышеуказанный прогноз не подтвердится. Хорошо бы...

Но есть три категории семей, в которых количество детей в исследуемый период не просто не уменьшалось, но даже росло, хотя и очень незначительно. Это западные, тихие и кризисные. Напомним, что западная — это где оба родителя, семейный лад и мало

детей; тихая — мама с 1—2 детьми в ладу, но без мужа; кризисная — мама с 1—2 детьми в разладе и без мужа (табл. 7).

Как при общей тенденции стабильного и значительного снижения рождаемости возможен рост числа детей в данных семьях? Элементарно, Ватсон!. Что касается тихих и кризисных семей, то здесь причина в общем устойчивом числе разводов, и особенно после того, как в семье появлялся второй ребенок: понятно, что в этом случае повышается доля мам с двумя детьми в общем количестве мам с детьми без мужа. Что же касается семей западных, то причина здесь в увеличении доли семей с двумя детьми в общем количестве *советских* семей.

К разводу, как известно, ведут семейные неполадки. Следующим образом выглядят основные причины неполадок в родительской семье (табл. 8).

Пьянство мужа в советской семье всегда считалось главной причиной семейных проблем. И показатель этот остается стабильно высоким и практически на одном уровне весь период. С пьяницами всегда у нас пытались бороться, но, как видим, всегда безуспешно: гидра пьянства и сегодня остается непобежденной.

Хотя и на втором месте, но практически на том же уровне негативного влияния – низкий уровень жизни. Довольно быстрыми темпами нарастает конфликтность между поколениями (третье место): сразу после войны родителей еще немного слушались, но потом совсем распустились...

Неверность отца остается стабильной причиной проблем в каждый временной период в одинаковой степени. Сколько мужа ни корми – он в ресторан смотрит — эта женская народная пословица оттуда: советский ресторан, как известно, являлся основным местом для быстрого завязывания такого рода отношений.

Из других показателей интересными являются конфликты с родственниками тем, что они также нарастают по мере строительства социализма; и насилие (физическое или психическое) — тем, что ему сегодня уделяется очень много внимания в разных дискуссиях.

Аналогичная картина по собственной семье респондента выглядит следующим образом (табл. 9).

На момент исследования главной проблемой современных семейных отношений называется низкий уровень жизни. Но вот на семейную жизнь старшего поколения эта проблема оказывает меньшее негативное влияние, чем по остальным трем возрастным группам. А среди них вес данного фактора понижается по мере уменьшения возраста респондента, что является весьма и весьма позитивным моментом.

Похожая ситуация и с пьянством. Если в советский период уровень пьянства держался стабильно несколько десятилетий и сохранился таким же в собственных семьях респондентов старше 50 лет и 41—50 лет, то далее он ***снижается и весьма существенно:*** с 12,1% до 6,6%. Неужели мы начинаем выздоравливать? Или уровень пьянства растет по мере роста продолжительности семейной жизни? Или уровень

пьянства просто растет с возрастом по мере накопления жизненных проблем и нереализованных ожиданий? Или в современной семье перестали считать пьянство таким уж пороком? Или наши девушки и женщины, обретая материальную независимость, просто перестали водиться с пьяницами, и те пьянствуют несемейными? Или все вышеизложенное в разной мере?

Весьма неожиданно на третьем месте оказывается ревность. Она увеличивается в возрасте 18—30 лет и 41—50 лет и снижается в возрасте старше 50 лет и 31—40 лет.

На четвертом месте, совсем рядом – вмешательство родителей. Этот фактор остается на том же уровне, что и в родительской семье, и активно наращивает свое негативное влияние по мере уменьшения возраста респондента.

Из других показателей особенно интересными являются насилие (физическое или психическое) — тем, что ему сегодня уделяется очень много внимания, а его уровень остается тем же, что и был в родительской семье; и наркотическая зависимость — тем, что позволяет уточнить уровень наркотизации населения на Урале.

Наркотическая зависимость отмечается в 0,2% семей; это значит, в двух на каждую тысячу семей. Средний размер семьи в УрФО 3,5 человека. Если в такой семье один наркотически зависимый член семьи, то мы получаем двух наркоманов на каждые три с половиной тысячи жителей. Раз это называется причиной неполадок, значит, продолжительными усилиями семьи наркотическую зависимость ее члена преодолеть не удается: и значит, речь идет о наркоманах уже со стажем.

Численность населения УрФО составляет около 12 млн.чел.; тогда количество наркотически зависимых граждан со стажем в округе составляет *минимум* (12000000 / 3500 * 2) 6857 человек. А минимум потому, что далеко не каждый респондент в анкете будет признаваться, что в семье наркоман.

И это при условии, если все население округа считать ведущим семейный образ жизни. Между тем, такой образ жизни ведет (по данным других наших исследований) только половина населения. А известно, что среди ведущих несемейный образ жизни пьянство и наркомания заметно выше... Кроме того, здесь нет тех, кто еще не обнаружен семьей как наркотически зависимый. И, опять же, здесь нет маргиналов, где, как известно, тоже доля наркоманов

заметно выше. Поэтому заметим специально еще раз: 6857 наркоманов со стажем в УрФО в 2006 г. – это минимум!

Итак, в уральской семье независимо от социальных и экономических условий в течение всего послевоенного периода складываются весьма устойчивые пропорции внутрисемейных отношений: а) 45—50% – супруги, живущие в ладу; б) 30—35% — супруги, живущие в разладе, но, тем не менее, не разводящиеся; в) 15—20% – матери разведенные или с детьми вне брака; г) 1—2% – отцы с детьми без матерей, дети без родителей с другими родственниками. Поэтому попытки что-либо значительно исправить в уже сложившихся пропорциях, вероятнее всего, обречены на неудачу. Кроме того, стабильность пропорций однозначно указывает на очень большую вероятность действительного существования механизма социального наследования атмосферы внутрисемейных отношений.

Количество детей в семье тоже имеет свои устойчивые показатели и тенденции: уменьшение на 0,3 человека каждое послевоенное десятилетие – за исключением периода 1981—1985 гг., когда это снижение временно прекратилось. Пока получается так, что на советском и современном этапах развития уральской семьи в диалектике материальных, моральных и духовных оснований принятия семьей решений о количестве детей верх одерживают установки личного материального благополучия и личного карьерного успеха, которым дети на современном этапе развития нашего общества препятствуют.

© 2008 г.
А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова

Репродуктивный выбор семьи: факторы и условия

В статье рассмотрены особенности репродуктивного поведения населения Вологодской области, лимитирующие факторы и условия, необходимые для полноценной реализации репродуктивных планов населения (по материалам опросов общественного мнения «Изучение репродуктивного здоровья населения» ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005, 2007 гг.)

Современное репродуктивное поведение населения России в целом характеризуется свободой нравов, ранним сексуальным дебютом, откладыванием рождений на более поздний возраст и невысокой социально-гигиенической грамотностью партнеров. Такие тенденции снижают популярность семейного уклада жизни и многодетности. Изменились и статус семьи, и ее модель. В то же время положительное и устойчивое изменение демографической ситуации определяется полноценной реализацией репродуктивного цикла семьи.

Исторически многодетность была традиционна. Семейная пара складывалась на всю жизнь, была прочным социально-экономическим союзом, выступая гарантом стабильности, уверенности в завтрашнем дне, и, таким образом, создавала благоприятные условия для рождения детей. Многодетность была подкреплена и экономической эффективностью: большая семья – много работников – крепкое хозяйство. Кроме того, такая организация быта, когда совместно проживают три поколения: родители, дети и внуки, позволяла получить сразу несколько положительных моментов. Во-первых, это обучение детей ведению хозяйства через совместную деятельность, передача опыта, помощь в строительстве жилья; во-вторых, присмотр за малолетними детьми, что повышало трудовую активность молодой матери и обеспечивало пожилых людей, неспособных к активному физическому труду, и посильной за-

нятостью, и материально. В-третьих, важную роль такая семья играла в духовном и в социокультурном формировании личности, воспринимавшей себя как часть единого целого – семьи.

В современном обществе, несмотря на провозглашение «христианской» семьи, на деле закреплены далеко не просемейные стереотипы гендерного поведения, семейной этики, в вопросах здоровьесберегающего поведения.

Популярный образ успешных мужчин и женщин совершенно не увязывается с ролью многодетных родителей. Многодетная мать или мать-домохозяйка в сознании людей представляется бесправным существом, несостоявшейся личностью (часто с низким уровнем интеллекта), полностью зависимой от супруга. Подобное положение, разумеется, малопривлекательно для женщин.

Кризис института отцовства в России определяется низкой культурой личностной ответственности, неспособностью выполнять гендерную роль отца и мужа, главы семьи. Массовая культура несет стереотипы мужского поведения, мало совместимые со здоровым семейным образом жизни. В общественном сознании идеальный образ успешного, делового человека, шутя рискующего своим здоровьем, а часто и жизнью ради достижения материального благополучия, признания, непременно сопровождается наличием вредных привычек и полигамностью.

Таким образом, и так ограниченное участие мужчин в воспитании потомства снижается, способствуя формированию «половинчатой» модели семьи. Женщины, видя социальную несостоятельность, неподготовленность мужчин к отцовству, сознательно принимают решение самостоятельно воспитывать ребенка. Формируется новая субкультура матерей-одиночек, изначально решивших родить ребенка «для себя». Естественно, уровень воспроизводства при широком распро-

странении такой модели будет стабильно низким.

Говоря о снижении потребности в детях, нужно определить первопричину, заложенную в личности современного человека, и выявить основные факторы, влияющие на ее формирование. Как уже было сказано выше, основной причиной изменения менталитета людей является смена образа жизни, перекос моральных ценностей, главенство индивидуальных эгоистичных приоритетов и, как следствие, неподготовленность к выполнению гендерной роли. Важным рычагом для смены образа жизни и менталитета населения стала урбанизация. Организация быта носит раздельно-индивидуальный характер, значительно сокращая передачу опыта от поколения к поколению. Совместная деятельность, как важнейший источник информации и основа взаимоотношений, сведена к минимуму. Прокламация морально-нравственных ценностей не поддерживается личным примером родителей. Поддержка детей все больше осуществляется в материальном плане, обеспечение «достойного» уровня жизни и зарабатывание денег стало главной целью родителей. Характерные для общества потребления черты в России проявились в неумеренной жажде приобретения максимально дорогих и новейших вещей, в подмене духовных ценностей материальными. Это особенно заметно в детско-подростковой среде: статус ребенка в коллективе определяется наличием или отсутствием у него какой-либо вещи.

Для изучения особенностей и реализации репродуктивных планов современной семьи Вологодским научно-координационным центром Центрального экономико-математического института Российской академии наук был проведен ряд социологических исследований.

Опрос брачующихся пар методом углубленного интервью[1] свидетельствует о том, что в Вологодской области сохраняется высокая ценность семьи и материнства (рис. 1).

Около 50% опрошенных считают, что необходимо регистрировать свои отношения официально, иначе «это не семья», «это сожительство».

Утверждение о том, что каждая женщина должна стать матерью 55% респондентов аргументируют тем, что это ее «биологическое и генетическое предназначение», и что это необходимо для «продолжения рода»; 26% считают, что ребенок необходим «для со-

Рис. 1. Считаете ли Вы, что каждая женщина должна стать матерью? (гендерный разрез, в % от числа опрошенных)

здания полноценной семьи». По мнению 13% опрошенных, это личное дело каждой женщины. Среди брачующихся превалирует нейтральное отношение к сознательно бездетным парам (47%), что подтверждается такими высказываниями как: «ровно», «никак», «без разницы», «это их выбор». Почти 20% ответов составляет положительная оценка («хорошо», «нормально», «с пониманием», «положительно»). Отрицательно относятся к сознательно бездетным парам 33,4% опрошенных («плохо», «отрицательно», «считаю, что это неправильно», «подрывают демографическое положение в стране»). Встречались и эмоциональные качественные харак-

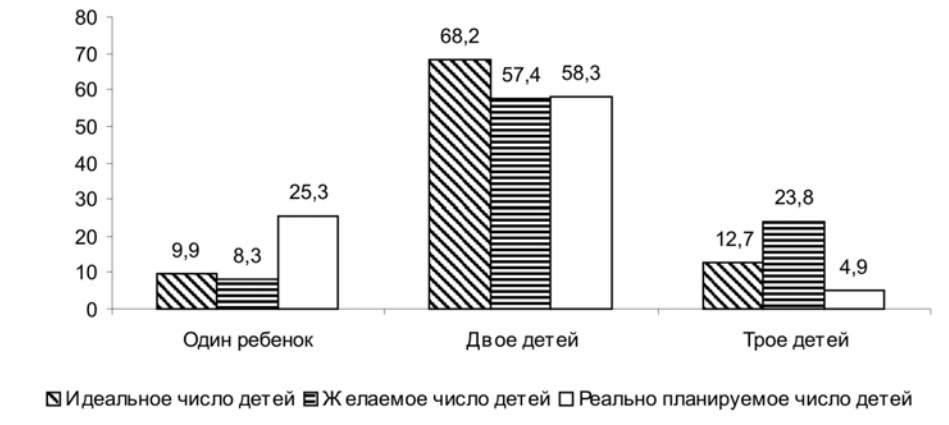


Рис. 2. Репродуктивные установки респондентов (в % от числа опрошенных)

Таблица 1

Планируемое число детей

Год	Территория		
	г. Вологда, г. Череповец	Районы	**Область**
2005	1,77	1,78	**1,77**
2007	1,78	1,96	**1,91**

Источник: Данные опроса изучения репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005 г., N=1586, 2007 г., N=1461.

Таблица 2

Желаемое число детей

Год	Территория		
	г. Вологда, г. Череповец	Районы	**Область**
2005	2,13	2,22	**2,20**
2007	1,88	2,02	**1,99**

Источник: Данные опроса изучения репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005 г., N=1586, 2007 г., N=1461.

теристики таких пар: «Как к людям – эгоистам», «Карьеристы!», «Убил бы!», «Ну и для чего они живут? Что оставят после себя?».

Бездетность оправдывается только неудовлетворительным состоянием здоровья (60% опрошенных); около 10% респондентов приемлют личное нежелание женщины и то, что она «не чувствует потенциала стать матерью». Однако при обсуждении вопроса: «Что будет служить ограничивающим фактором для рождения детей в Вашей семье?» – 61% респондентов отметили материальные и жилищные проблемы.

В регионе преобладает двухдетная модель семьи (рис. 2), в то же время почти 24% опрошенных хотели бы иметь троих детей. Но реально планируемое число детей корректируется внешними факторами, оптимизация которых позволит полностью реализовать репродуктивные планы семьи. Данный вывод подтверждают изменения реально планируемого числа детей: под воздействием материальных мер демографической политики государства произошло незначительное увеличение этого показателя (табл. 1).

Однако желаемое число детей остается на уровне малодетности, что в долгосрочной перспективе будет препятствовать увеличению рождаемости и стабилизации демографической ситуации в регионе (табл. 2).

Превалирующие в современном обществе репродуктивные установки на малодетность определяются, как показал опрос[2], материальным благосостоянием и жилищными условиями населения (рис. 3 и 4).

Желаемое число детей имеет выраженную зависимость от материального положения семей, что

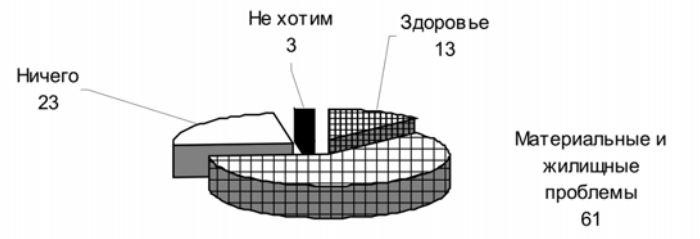


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Что будет служить ограничивающим фактором для рождения детей в Вашей семье?» (в % от числа опрошенных)

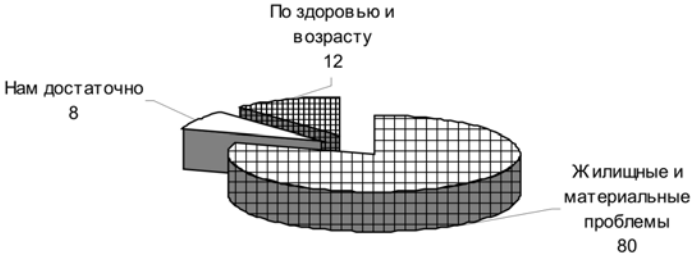


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы планируете только одного ребенка?» (в % от числа опрошенных)

позволяет предположить, что при благоприятных внешних, в первую очередь экономических, условиях семьи будут полноценно реализовывать свои репродуктивные планы (рис. 5).

Невысокие репродуктивные планы («Сначала одного, а там видно будет», «Одного легче обеспечить») респонденты мотивируют изменением социально-экономических условий, отсутствием поддержки государства как института, гарантирующего стабильность и социальное обеспечение. Высока доля тех, кто не верит в помощь государства, не надеется на него или считает, что для рождения детей нужно только совместное решение родителей. «Это только наше решение», «А при чем тут государство?», «Наше государство себя в обиде не оставит» – так ответили на этот вопрос 33% опрошенных (рис. 6).

Эта позиция подтверждается и тем фактом, что, положительно оценивая эффективность мер демографической политики для РФ в целом, лишь немногие респонденты намерены учитывать их в своих репродуктивных планах (рис. 7).

Многодетность поддерживается личностными характеристиками людей и традиционно-семейным укладом жизни (рис. 8). Для получения устойчивого пролонгированного результата в сфере воспроизводства населения нужно делать ставку на восстановление статуса семьи со всей совокупностью присущих ей социокультурных и экономических связей.

Материальное стимулирование рождаемости на сегодняшний день приносит положительный результат. Однако уменьшение интергенитального периода[3] свидетель-

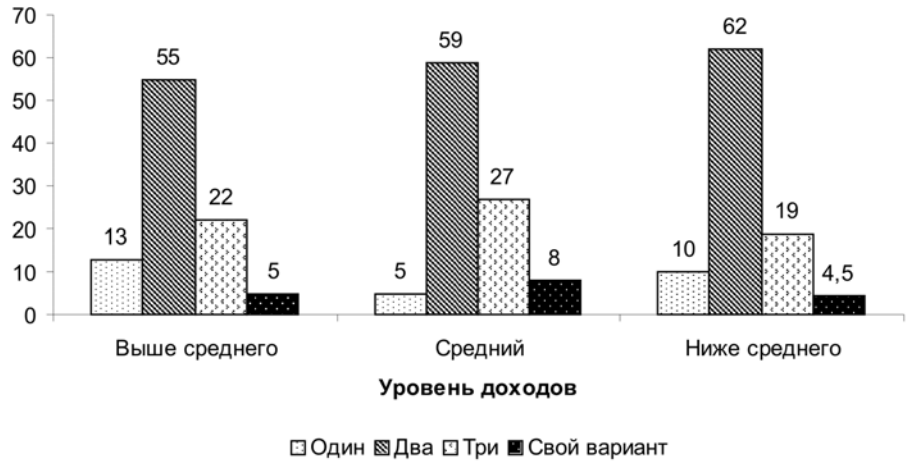


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Сколько детей Вы хотели бы иметь, если бы для этого имелись все условия?» (группы респондентов с разным уровнем доходов; в % от числа опрошенных)

Источник: *Данные опроса изучения репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005 г., N=1586, 2007 г., N=1461; самооценка респондентов.*

ствует о том, что повышение рождаемости в регионе обусловлено реализацией отложенных рождений, следовательно, будет иметь временный характер. Материальная поддержка многодетной семьи должна быть, на наш взгляд, целевой и направленной не только на улучшение жилищных условий и образование, но и на улучшение качества здоровья детей.

Чтобы добиться устойчивого повышения рождаемости нужно учесть существующую внутреннюю установку на малодетность, которая проявляется в регионе, как и в России в целом, и на которую локальные изменения внешних условий практически не влияют.

Различия в среднем ожидаемом числе детей в группах респондентов с одинаковой оценкой уровня жизни, но разным желаемым числом детей значительно больше,

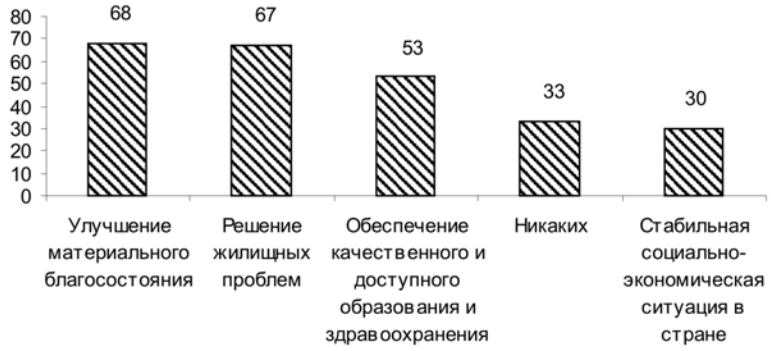


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Какие дополнительные стимулы (меры, действия со стороны государства) необходимы Вам для рождения ребенка?» (в % от числа опрошенных)

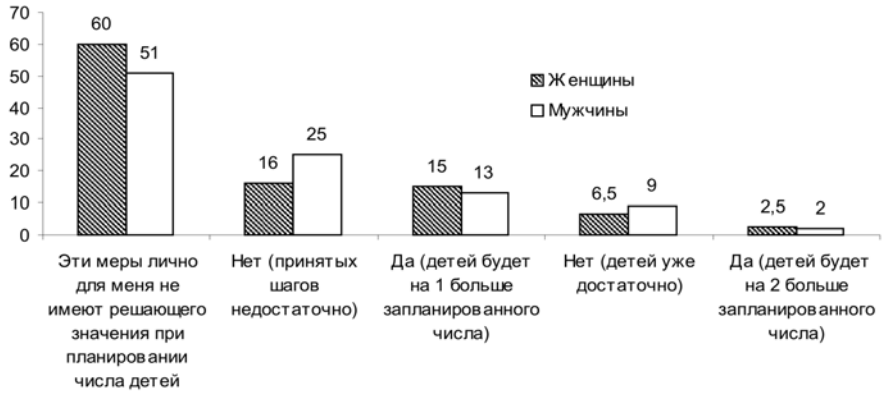


Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Учитывая, меры демографической политики (увеличение размера детских пособий, пособия по беременности и родам; выплата 250 тыс. руб. за рождение 2-го или последующего ребенка)*, лично Вы увеличите ли число детей в своей семье?» (гендерный разрез, в % от числа опрошенных)*

чем в группах, однородных по желаемому числу детей, в зависимости от оценки уровня жизни. По данным опросов ВЦИОМ, установка детности в существенно большей степени зависит от потребности в детях, чем от восприятия условий жизни как способствующих или препятствующих ее реализации. Причина смены установок – изменение менталитета и жизненной системы ценностей людей в существующем обществе потребления. С ростом благосостояния растут и запросы. Пропаганда умеренности, целомудренного поведения, супружеской верности, просемейных ценностей будет стимулировать формирование модели семьи, в которой многодетность – нормальное явление.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о необходимости дифференцированного подхода к решению проблемы. Для материально благополучных семей ведущими факторами планирования числа детей являются внутренние репродуктивные установки, а в семьях с материальными и жилищными проблемами ведущими факторами ограничения репродуктивных планов будут именно эти проблемы. Соответственно, наряду с экономическими мерами демографической политики, направленной на повышение рождаемости, должны присутствовать и меры идеологического, пропагандистского характера. Только в этом случае мы сможем рассчитывать на длительное и устойчивое улучшение демографической ситуации.

Ссылки

[1] Данные опроса пар, принявших решение о создании семьи, методом углубленного интервью. ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2007 г., N=324.

[2] Данные опроса пар, принявших решение о создании семьи, методом углубленного интервью. ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2007 г., N=324.

[3] По данным опроса изучения репродуктивного потенциала населения Вологодской области. ВНКЦ ЦЭМИ РАН, июнь 2007 г., N=1461.

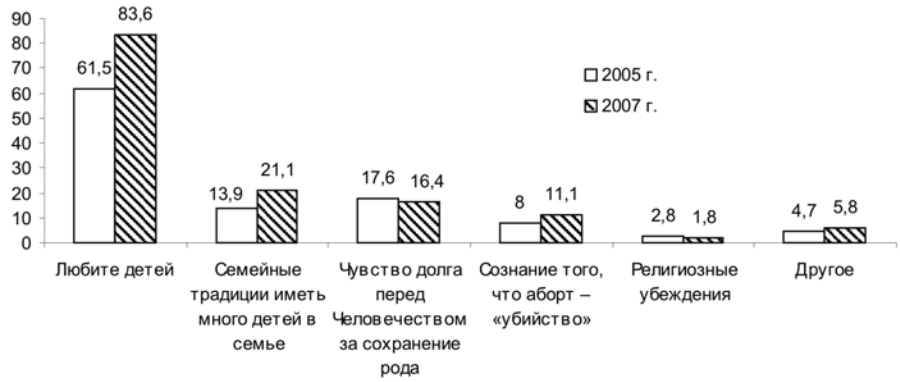
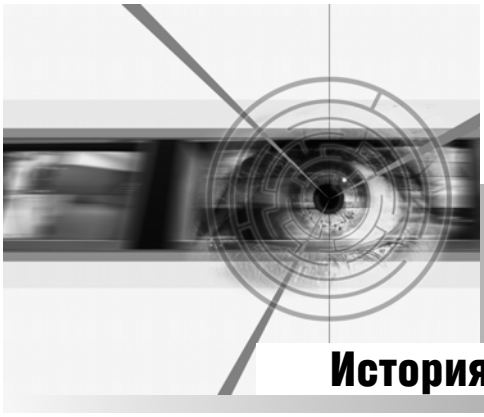


Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы планируете иметь трех и более детей, то каковы причины для этого?» (в % от числа опрошенных)



История русской социологии

© 2008 г.
В.В. Афанасьев, А.Р. Устян

Политический византизм Константина Леонтьева

Выдающийся русский мыслитель Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891) является основоположником политического византизма. Идеи К.Н. Леонтьева актуальны для новой России. В его рассуждениях рациональный подход удивительным образом переплетается с чувственным восприятием, а критерием истинности служит субъективное состояние и интуиция, т. е. состояние, когда «душа болит». Именно на такой интуиции основаны все его исторические пророчества.

По определению К.Н. Леонтьева **византизм** – это, *«особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия»*[2]. Популярная в его время идея славизма или всеславянского союза, по его мнению, *«есть еще сфинкс, загадка»*[3], в то время как идея византизма крайне ясна и понятна, она представляет собой совокупность религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных идей. Так, например, византизм в политике означает для Леонтьева прежде всего *«самодержавие»*[8].

В то же самое время **славизим** есть «*аморфическое, стихийное, неорганизованное представление, нечто подобное виду дальних и обширных облаков, из которых по мере приближения их могут образоваться самые разнообразные фигуры*»[6].

Леонтьев писал: «*другие более меня ученые, более терпеливые и более осторожные объяснят меня*»[15]. Вот это мы и попытаемся сделать, т.е. «расшифровать» то, что он гениально прозорливо представлял на непрофессиональном и эмоционально-патриотическом уровне, используя иносказательную лексику. Он верил в то, что говорил о славянах, об их проевропейских геокультурных симпатиях и ориентациях, их антироссийский настрой. Иными словами, К.Н. Леонтьев отметил будущий вектор развития славян и его обусловленность фундаментальными политико-культурными изменениями в славянском мире, которые наметились уже при его жизни. Вот что он пытался объяснить, говоря о том, что «*буржуазность югославян, их не религиозность, их либеральный европеизм никто отвергнуть не может*», и это уже, как К.Н. Леонтьев далее отмечает, «*не гипотеза, а грубейший факт*», который никто и никогда не опровергнет[16].

Россия и славяне

Считая Россию полюсом альтернативного Европе притяжения, Константин Леонтьев понимал, что европейские славяне в геополитическом плане окончательно выпали из зоны российского влияния.

К.Н.Леонтьев

Поэтому-то без византизма, без генерации новой культурной государственности невозможно будет распространить своё влияние на европейских славян, а, следовательно, без византизма не может быть славизма. Леонтьев был уверен (и в этом он абсолютно прав), что именно из первого вытекает второе, что если и быть славизму, то только как производному от византизма. В этой ситуации кажется не столь уж важным его ошибочное утверждение, будто «*вместо муниципально-аристократического, «конституционного» Рима явилась христианская, бюрократическая, муниципальная, кесарская Византия*»[17]. Византия была восточной частью римской империи, она унаследовала всю её систему управления, добавив к ней христианский компонент. Византия была синтез-

страной, сочетавшей в себе христианство и римскую систему управления.

Под самодержавием К.Н Леонтьев подразумевал «сильную вертикаль власти», централизованную систему управления, традиционно выручавшую Россию в сложных исторических обстоятельствах. Государственная и политическая централизация у Леонтьева тесно сопряжена с организационной и культурной мощью византийской культуры, столь необходимой для *«старого и грубого славянского материала»*[25]. Изменяя,

даже в тайных помыслах наших, этому византизму, отмечает Леонтьев, мы губим Россию. Ибо тайные помыслы, рано или поздно, могут найти себе случай для практического выражения[26].

К.Н. Леонтьев убеждает не опираться на расовую концепцию развития, а уделять больше внимания духовной (христианской) концепции. Он предвидел эпоху космополитизма и глобализма, поэтому в качестве самоидентификатора русской нации в новых условиях предлагал опираться на духовно-цивилизационную идею византизма, а не на европейских славян в культурном, а, следовательно, и политическом плане потерянных для России. Говоря иначе, для Леонтьева геополитической базой служит геокультурный аспект развития России. Так как хотя и племенные чувства и сочувствия кажутся довольно естественными и понятными, тем не менее, *«в них много необдуманности, модного суеверия и фразы»*[27]. Но что такое племя без системы религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ни у кого не чиста, и Бог знает, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации очень смешанной крови. Язык? Но что такое язык? Язык дорог как выражение дорогих нам идей и чувств. Антиевропейские выходки Герцена, читаемые на французском языке, производят более русское впечатление, чем по-русски написанные статьи «Голоса». Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами[28].

К.Н. Леонтьев верно отмечает, что бессмысленно искать какие-нибудь определенные или яркие исторические свойства, которые

были бы характерны всем славянам29. Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков. Идея славизма не представляет отвлечения исторического, т.е. такого, под которым бы разумелись, как в квинтэссенции, все отличительные признаки, религиозные, юридические, бытовые, художественные, составляющие в совокупности своей полную и живую историческую картину известной культуры[30].

Рассуждая далее, Леонтьев отмечает, что если скажем «китаизм», то всем сразу понятно – это китайская культура; если скажем «европеизм», то, несмотря на всю сложность западноевропейской истории, можем отметить, что это именно целостная романо-германская культура[31]. Где же общая идея славизма? Отдельные исторические картины славянских государств довольно ясны (хотя в некоторых отношениях все-таки менее ярки и богаты своеобразным содержанием, чем отдельные исторические картины Франции, Германии, Англии, Испании). Но где общая связь отдельных картин? Она теряется в баснословных временах гостомыслов, пястов, аспарухов, любушей[32].

Леонтьев пишет, что истории древнеболгарского и древнесербского царств очень бесцветны и ничего особенного, характерно славянского не представляют: они очень скоро вошли в поток византийской культуры, *«не бросивши векам ни мысли плодовитой, ни гением начатого труда»*; а с падением Византийского государства пресеклась и их недозрелая до своеобразно культурного периода государственная власть[33]. О чехах принято говорить всякого рода лестные вещи; писатели наши считают долгом ставить чехов непременно выше русских. Почему?[34].

Конечно, чехи – братья нам; они полезны славянству, т. е. племенной совокупности славян; они полезны как передовая батарея славянства, принимающая на себя первые удары германизма[35]. Но, с точки зрения культурной, «чех более немец, чем славянин»[36]. Поэтому *«чех есть орудие немецкой работы, обращенное ныне славянами против германизма»*[37]. И где же здесь славизм? Закономерно задаётся вопросом К.Н. Леонтьев.

Другой пример – болгары. Болгары воспитаны греками в том смысле, в каком чехи воспитаны немцами. Вера у болгар с греками одна, привычки схожи; религиозные понятия одинаковы[38]. Но болгары, соперничая с греками, наносят непоправимый ущерб византизму, т.е. тому, откуда они получили православие и культуру[39]. Именно поэтому не только для существования славян необходим византизм, но и для мощи России[40].

К.Н. Леонтьев указывает: тот, кто потрясает авторитет византизма, сам, быть может, и, не понимая того, подкапывается под основы русского государства. Тот, кто воюет против византизма, воюет, сам не зная того, косвенно и против всего славянства; ибо что такое племенное славянство без отвлеченного славизма? Неорганическая масса, легко расторгаемая

вдребезги, и легко сливающаяся с республиканской Всеевропой![41]

Удивительно точно К.Н. Леонтьев предсказал создание ЕС и поглощение этим союзом славян. Он абсолютно прав, когда отмечает, что *«нравится ли нам это или нет, худо ли это византийское начало или хорошо оно, но оно единственный надежный якорь нашего не только русского, но и всеславянского охранения»*[43].

Немаловажно и то, что, по Леонтьеву, европейская цивилизация сложилась из византийского христианства, германского рыцарства (феодализма), эллинской эстетики и философии и римских муниципальных начал[45]. И в этом он прав, ибо *«христианство породило западную цивилизацию и лежит в основе её политического строя и этического сознания»*[46], *«центральный компонент западной цивилизации в Европе – христианство»*[47]. Именно поэтому К.Н. Леонтьев акцентирует внимание на культурных и религиозных аспектах развития России, так как «*нация, чья идентичность определяется только политической идеологией, — хрупкая нация*»[48]. Даже США создавались людьми крайне религиозными[49], но это не помешало демократизировать Англию на новой почве – в США[50].

Из вышеизложенного видно, что К.Н. Леонтьев в принципе не против Запада, он готов даже помочь ему, если понадобиться, но вопрос лишь в том, способствует ли самосохранению России её вхождение в европейскую политическую орбиту. Леонтьев уверен, что нет. Ибо плох не Запад сам по себе, а тот дух халдейства[54], или экономизма, который начнёт пронизывать объединяющуюся Европу. И в том он видит опасность для России, ибо подобный дух несвойственен ей, он глубоко ей враждебен, поскольку генерирует разрушительную циничноутилитарную культуру, ведущую

Россию к развалу. Раз за разом он отмечает необходимость геокультурного вектора развития в направлении южных проливов и Малой Азии, т.е. на Юг к колыбели христианской цивилизации (Малая Азия – колыбель православия). Причём Турция должна существовать, по Леонтьеву, до тех пор, пока Россия не будет готова её заменить на Босфоре[55]. А это будет возможно тогда, когда Россия выработает *«какую-нибудь приготовительную теорему для того, чтобы чисто племенной, бессмысленно-простой славизм не застигнул её врасплох..»*[56]. Причём эта *«теорема должна быть настолько сложна, чтобы быть естественной и приложимой, и настолько проста, чтобы стать понятной и чтобы не претендовать на угадывание подробностей и разных уклонений, которых не только столь незрелая еще социология, но и более точные науки предвидеть не могут»*[57]. То есть Леонтьев К.Н. даёт совет, каковой должна быть новая идеологическая теория России, а именно с одной стороны профессиональной, а с другой естественной и простой. При этом абсолютно понятно, что под этой «теоремой» он подразумевал византизм.

Продолжая развивать идею, К.Н. Леонтьев пришёл к любопытному суждению, а именно, что болгарский вопрос усложнил возможность реализации самой идеи византизма на практике: по этой причине впервые в русском сердце вступили в борьбу две силы, создавшие русскую государственность: племенное славянство и церковный византизм58, т.е. православие. Как же быть в этой ситуации? Леонтьев предлагает двигаться на Восток, т.е. на Юг. Тем более Россия здесь имеет реальную почву для действий[59]. Самое существенное – это Царьград и проливы. Мы должны понять, отмечает Леонтьев, что это и есть для нас и для прочной организации всего восточно-христианского мира самое существенное условие, что именно этот пункт считается на Западе затрагивающим общеевропейские интересы[60]. Кроме того, *«Балтийское море все равно погибло для нас. Выход из него – в руках Германии, и ей ничего не стоит в удобную минуту создать два Гибралтара на двух скандинавских оконечностях»*[61]. Подобный подход весьма актуален, если учесть современную геополитическую ситуацию в Европе. Тем более, если *«Россия дорожит долговечной дружбой с Германией»* (а она ею дорожит), *«столь выгодной для обеих сторон, то тем серьезнее она должна заблаговременно позаботиться о другом для себя исходе, о другом направлении своих интересов, чтобы избегнуть всякого повода к столкновению даже и в далеком будущем»*[62].

Таким образом, К.Н. Леонтьев предлагает, дабы не растрачивать силы в борьбе с Германией, оставить ей Европу, а самой заняться более существенным для будущего России – освобождением Босфора и Малой Азии. Леонтьев подчёркивает, что *«кроме нас, и некому на Востоке взять на себя ответственность за восстановление св. Софии. Исторически этот храм принадлежит, конечно, грекам или, лучше сказать,*

Вселенскому Патриаршему Престолу; в распоряжении этого последнего он и должен впоследствии остаться. Этого требует справедливость. Но дело в том, что в случае падения Турции сама Патриархия вынуждена будет почти исключительно опираться на нас»[63]. Тем более, как далее отмечает Леонтьев К.Н., *«на почве*

Православия «нет ни эллина, ни иудея», ни русского, ни болгарина, ни грека, и вселенский, так сказать, храм св. Софии должен стать на берегах Босфора как бы внешним символом всевосточного, православного единения. Сам Босфор должен сделаться отныне средоточием мира, братства и единения для всех христиан Востока, под руководством тех из них, которые всех их сильнее, опытнее и потому справедливее»[64].

Возможные претензии греков в данном случае неуместны, так как они не смогут быть нейтральной стороной и обеспечить, то на что Россия потенциально способна, а именно: *«все должны понять, что именно на Босфоре нужнее всего непосредственное действие сильной десницы и беспристрастного ума, стоящего выше местных и мелко-патриотических страстей. Русское влияние или русская власть в этом великом средоточии не должны иметь никакой исключительной окраски, ни югославянской, ни греческой, русская власть или русское влияние должны приобрести в этих странах характер именно вселенский... И в этом смысле Цареградская Патриархия должна стать для этого русского всепримиряющего влияния самой мощной и прочной нравственной опорой. Дело не в лицах, занимавших за последнее время этот великий и многозначительный по свойству самой местности престол; дело не в национальности этих лиц и не в поведении их; дело в значении самого престола. Вопрос не в епископах; не в людях, живших под вечным «страхом агарянским». Люди меняются; вопрос в древнем учреждении, под духовным воздействием которого сложилась и окрепла и наша, еще столь живучая доселе, Московская Русь»*[65].

Поэтому «*вопрос тут не в греках или славянах; это одна близорукость, это политика жалкая и бесплодная; дело, прежде всего в*

умиротворении, в укреплении Вселенского Православия»[66]. Воистину К.Н. Леонтьев прав, ибо в подобном случае роль России – это роль «третейского судьи», великого государства, способного встать над частностями национального порядка, третьей силы, способной возродить православие на Востоке и выполнить свою историческую миссию, а, значит, и актуализировать себя в Азии, продлив тем самым себе политическую и государственную жизнь. Подобный «российский глобализм» необходим, ибо, как отмечает далее Леонтьев, *«Царьград есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации, рано или поздно предназначенные составить с Россией во главе великий Восточно-православный союз»*[67]. вот почему *«не столицей Греческого и Болгарского царства должен стать, когда бы то ни было Царьград, и тем более не главным городом государств более отдаленных, а столицей именно Восточного союза этого; и в этом (только в этом) смысле его, правда, можно будет назвать вольным или нейтральным городом. Вольным только для членов союза»*[68].

Критика славянского либерализма

Необходимо понять, отмечает Леонтьев, что *«сила России нужна для всего славянства, крепость Православия нужна для России; для крепости Православия необходим тесный союз России с греками…»*[74].

Но почему все-таки не болгары? Тем более, что все болгарские интересы считались в России *русскими интересами;* все враги болгар считались российскими врагами[75]. Как раз в этом подходе К.Н. Леонтьев усматривает геополитическую ошибку России. Ведь важнее отбросить все предубеждения и однозначно сделать ставку на фанариотов. Любое отчуждение фанариотов наносит непоправимый урон российской геополитике на Юге. Ведь, по сути, кто такие фанариоты? Фанариоты, отмечает Леонтьев К.Н., *«это цареградские греки, духовенство и миряне (в особенности духовенство), это люди, которых даже прямые, личные интересы теснее, чем у кого-либо другого, связаны на Востоке со строгостью православной дисциплины, со строгостью православных преданий, православных уставов, православных чувств. Вот кто такие фанариоты. Царьград – это главный центр Восточного Православия,*

К.Н.Леонтьев

К.Н.Леонтьев

а фанариоты – греки Царьграда, представители, правители этого центра»[76]. Леонтьев категорически отрицает субъективную оценку фанариотов в российской политической среде: *«Нет нужды, что они могут быть иногда лукавы или своекорыстны. Ни лукавство, ни своекорыстие личного характера православных убеждений и правильного спиритуализма не исключают. Христианство установлено не для одних мягких, чистых или кротко идеальных натур: оно для всех характеров, для всех натур, для всякого воспитания»*[77].

Главное для К.Н. Леонтьева – увидеть наиболее существенные детали российской политики на Балканах, а именно необходимость дорожить *«верой нашего народа»*, и не важно, что многие русские *«в церковь молиться не ходят или ходят, но редко»*[78]. Необходимо видеть *«связующую нить»*[79]. А именно, *«откуда православие к нам пришло? Не с Востока ли?.. Не от греков ли?»*[80].

При этом К.Н. Леонтьев критически оценивает роль болгар в православном мире, отмечая их духовно-религиозную и культурную «непассионарность»: *«Что может нам дать взамен всего этого величия бессодержательная, зеленая, лишенная серьезных преданий… болгарская народность? У болгар нет Святых Мест, нет древних церковных средоточий, нет великих неподвижных звезд Православия…»*[81]. При этом К.Н. Леонтьев задаётся вопросом: *«Что думать о народе, который возрождение своё начал прямо с борьбы против той церковной иерархии, правила и дух которой легли в основу его жизни, уставы и обычаи которой сохранили его в течение веков под гнетом иноверной власти?»*[82]. Не намекает ли Леонтьев в данном случае на глубокий потаённый «богомильский дух» болгар?

Леонтьев отмечает, как *старые* славянофилы воображали себе, будто затмение турецкого полумесяца повлечет за собою немедленно яркий восход сияющего православного солнца на христианском Востоке. Они мечтали о каких-то патриархально освежающих *югославянских* родниках! Как возвышенны, как благородны были их мечты! Как упорно сохранялись они у немногих, оставшихся *прежними* славянофилами и доныне! И как ошибочны эти надежды, как призрачен этот яркий, своеобразный культурный идеал. Горькая ошибка наша; поправим ли мы ее?[83] Только живя в Турции, он понял с ужасом и горем для себя истину, что отрицательное дей-

ствие мусульманского давления, *за неимением лучшего,* спасительно для славянских особенностей и что без временного *«турецкого презервативного колпака»* невозможно в будущем возрождение христианства на Востоке, т.е. на Юге[84].

Россия, по мысли К.Н. Леонтьева, должна суметь «вовремя заменить давление мусульманства» своей более высокой дисциплиной – дисциплиной духа, заменить тяжесть жесткого ига суровым внутренним идеалом; унизительный и невольный страх — агарянский свободным страхом Божьим[85].

Но откуда взять эту «духовную дисциплину» как не из организационного начала византизма. То есть из того, что позволяет создать принципы российской «социально-политической субординации», позволяет прекратить ущербную борьбу против Вселенского Патриарха и в целом христианства в России.

Для К.Н. Леонтьева «истинно-национальная политика должна и за пределами своего государства поддерживать не голое, так сказать, племя, а те духовные начала, которые связаны с историей племени, с его силой и славой. Политика православного духа должна быть предпочтена политике славянской плоти, агитации болгарского «мяса»[87]. Для Леонтьева очевидно, что разрыв национального начала с религиозными узами приведёт Европу к торжеству космополитизма, а, следовательно, к революции. Почему Леонтьев ставит знак равенства между космополитическим и революционным? Видимо потому, что разрыв национального с религиозным приведёт к «духовной опустошенности» Европу и создаст «революционный духовный вакуум», который будет заполняться в этой ситуации более дисциплинированной духовной и религиозной системой (таковой на данный момент является ислам). Поэтому-то К.Н. Леонтьев и призывает «сомкнуть ряды» повысить «дисциплину духа» и тем самым сохранить себя. Именно поэтому он столь скептически относится ко всему «либеральному», неспособному дисциплинировать русский дух перед угрозой духовно-дисциплинированного и пассионарного ислама и перед «духовно расхлябанной и апассионарной» Европой.

Для К.Н. Леонтьева крайне важно, чтобы Россия смогла выработать и теоретически обосновать «третий путь», чтобы Россия смогла, наконец, создать тот идеал культурной государственности, который невозможен вне рамок византизма, только и способного сформировать своеобразный «стиль культурной государственности», а, следовательно, и общественного поведения. Этот идеал культурной государственности, по Леонтьеву, неразрывно связан с разрешением восточного вопроса. Он должен быть *«самый высший, самый широкий и смелый, самый идеальный, так сказать, из всех возможных идеалов»*[88]. Потому что *«если идеал наш будет слишком односторонен, мелок и прост, то мы, стремясь без меры настойчиво только к ближайшим, очередным целям и не храня в душе иных заветов, можем испортить себе будущее, закроем себе путь дальнейшего, правильного и спасительного разви-*

тия»[89]. При этом необходимо иметь ввиду, что *«Россия – не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, это – целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности (говоря проще – такой, которая на других не похожа)»*[90].

Конфедерация славян

К.Н. Леонтьев считает, что, только выработав особый стиль культурной государственности, Россия может стать полноценным государством-цивилизацией. Именно поэтому важно не только изгнание турок из Малой Европы и *«даже не образование во что бы то ни стало из всех славян, и только из славян, племенной конфедерации, а должны иметь в виду нечто более широкое и по мысли более независимое»*[91]. Фактически Леонтьев предлагает создать, выражаясь словами Д.Д. Оболенского, «Византийское Содружество Наций» на конфедеративной основе. Такой союз, где на **конфедеративной** основе входили не только славяне, но и греки, армяне и другие восточные христиане, взяв за основу идею Вселенского Христианства с центром в Царьграде.

Удивительно современен для нас Леонтьев и тогда, когда отмечает, что *«свержение позорного ига азиатской орды»*[92] не является самоцелью, так как *«удаление турок только необходимый прием, это одно из неизбежных средств и больше ничего»*[93], ибо необходимо в большей мере думать об обустройстве самой России и в этом плане нельзя допускать «власти собственных адвокатов, либеральных банкиров и газетчиков»[94]. Но при этом необходимо помнить, что *«насилие не может так опозорить людей, как их собственная непостижимая глупость»*[95]. Глупостью, видимо, является, презрение к туркам только за то, что «они не либеральны, не индустриальны», живут воинственными идеалами, — *«это все не наше, и не старорусское, и не новославянское, а самое обыкновенное европейское»*[96]. Иными словами, Леонтьев К.Н. предостерегает нас от привнесения на Юг идеологии либеральной демократии того, на чём основана «миссионерская» политика современных Соединённых Штатов на Ближнем Востоке. Ибо Юг эту идеологию не воспримет и начнётся процесс отторжения и сопротивления, что опасно для российского геополитического влияния. Необходимо всеми возможными способами избавляться от *«либерально-эгалитарных идей»* и не потому, что они сами по себе «плохие идеи», а потому что они не способствуют позитивно-поступательному развитию России, пускай медленному, но развитию. Иначе, как отмечает Леонтьев, мы погубим и свою будущность, и будущность всего Востока[99].

Виртуозность леонтьевской политической тактики проявляется и тогда, когда он советует использовать в борьбе с турками не аргумент их «недемократичности», как это делает Европа, а аргумент опасности европейского либерализма для целостности Турции[100].

России же необходимо перед лицом всей Европы и Америки объявить, что *«мы не намерены больше жить чужим умом, и приложим все старания»*[101], чтобы возродить у себя государственность и централизованную власть.

Итак, для К.Н. Леонтьева высшим идеалом при разрешении восточного вопроса является нечто более широкое, более содержательное и более самобытное, чем мещански-сентиментальная охота на «азиатских варваров» и простодушное славянофильство[102]. Даже создание конфедерации независимых славянских государств не должно быть высшим идеалом России. На этом пути необходимо избегать «космополитического демократизма» и «политического национализма» *(«два оттенка одного и того же цвета»*[105]), разрушающих любую перспективу геополитического развития России.

Судьба Константинополя

Таким поворотным пунктом для России К.Н. Леонтьев считает *«взятие Царьграда и заложение там основ новому культурно-государственному зданию»*[109]. Но при каких выгодных обстоятельствах можно достигнуть этой цели? Леонтьев предлагает следующие обстоятельства, выгодные для России и для всего славяно-восточного мира (с учётом современных геополитических реалий):

1) война с Англией;

2) соглашение с Германией;

3) анархия во Франции;

4) неустройства в Болгарии и Сербии[110].

Россия должна создать новую прочную организацию на старой почве. При этом нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания, а главное, необходим новый центр, новая культурная столица. Само собою разумеется, дополняет Леонтьев, что Царьград не может стать административной столицей для России, подобно Петербургу. Он не должен даже быть частью или провинцией России[111]. Этот великий мировой центр должен стать культурным центром *«нового восточного мира»*[112].

Новый центр снизит роль и значение откровенно прозападного Петербурга. Административная столица самой России, отмечал Леонтьев, почти невольно перенесется на юг. Он преложи две России: одну с новой административной столицей в Киеве, другую, как главу Великого Восточного Союза, с новой культурной столицей на Босфоре[113]. Россия начала свою историческую жизнь в Новгороде; но очень скоро перенесла свой центр в Киев, потом во Владимир и Москву, потом в Петербург и теперь, видимо, рвется от него опять к югу. Цареградская Русь освежит московскую, ибо московская Русь вышла из Царьграда; она более петербургской культурна, т. е. более своеобразна; она менее рациональна и менее утилитарна, т. е. менее революционна; *она переживет петербургскую*. И чем скорее станет Петербург чем-то вроде балтийского Севастополя или балтийской Одессой, тем, лучше не только для нас, но, вероятно, и для так называемого «человечества»[116].

Скит Ксилургу

При этом необходимо, чтобы новые европейские идеи, господствующие с XVIII в., доказали свою несостоятельность. Нынешнее большинство решительно не понимает, что пошло и низменно, что в жизни изящно или величественно; не понимает даже, что государственно и что негосударственно[118]. В дополнение к вышеизложенному К.Н. Леонтьев замечает, что единственный «культурный конкурент» Царьграду – Париж, и он должен быть разрушен: *«Разрушение Парижа сразу облегчит нам дело культуры даже и внешней в Царьграде»*[119]. Поясняя свою позицию, он пишет: *«И неужели это только бессильное желание варварской зависти? Не думаю! Не вернее ли, что это нечто вроде пророчества, если не совсем уже научного, то полунаучного, гипотетического, по индуктивному способу из примеров исторических выведенного»*[120]. А после развала Турции и необходимого образования на её месте *«великого Восточного Союза под гегемонией России, славяне вынуждены будут устремить все внимание свое на дела внутренние, на свой социальный строй»*[121].

Восток, по Леонтьеву, всегда давал содержание, Запад – форму[125]. Нужна вера в дальнейшее и новое развитие византийского христианства[126], что приведёт к соединению церквей, но только с иным, обратным, движением: духовной победой Востока над Западом[127]. Благоприятное для России разрешение восточного вопроса (завладение проливами) приведёт и к «умственным изменениям»[128]. Близится конец собственно петровской и петербургской России. На началах исключительно европейских России нельзя уже жить[129].

К.Н. Леонтьев до конца своей жизни был уверен, что «конец петровской Руси близок», поэтому необходимо поскорее отойти от него, «отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв». Надо, чтобы «идеалы петербургского периода, поскорее в нас вымерли»[130]. Леонтьев предельно эмоционален, когда говорит об «азиатских подошвах», так как далее он однозначно признаёт следующие формулы:

1. «Русская цивилизация – есть цивилизация европейская!».

2. «Русское православие – есть православие византийское!».

3. «Русская государственность помещается между ними»[131].

Именно потому, что он признаёт вышеозначенные формулы, он призывает искать новые идеи, ибо как бы традиционные идеи не казались современникам хорошими и спасительными, человечество постоянно жить ими не может[132].

То и дело К.Н. Леонтьев напоминает нам, что *«православие создано не русскими, а византийцами, но оно до того усвоено нами, что мы и как нация, и как государство без него жить не можем»*[135]. Россия хочет того или нет, но она «онтологически» продолжает византийские традиции, она является *«чадом византийской культуры»*[136]. Россия без православной дисциплины разрушится быстрее других держав; поэтому-то она должна искать свою культурную самобытность в византийских корнях, а не гнаться за каким-то новым, никем, не виданным *чистым славизмом,*[138].

***

Подводя итоги, Леонтьев К.Н. отмечает, что, употребляя слово «византизм», он только пытался указать на религиозно-культурные корни русской силы и русского национального дыхания[150]; он хотел напомнить, что не следует россиянам искать того, чего нет – особой славянской духовности; какого-то нового *славянского* Православия, а надо однозначно признать и придерживаться своих византийских духовных корней.

В заключение необходимо отметить следующие базовые положения политического византизма Константина Леонтьева:

◆ Аксиоматичность геополитической ориентации России на Балканах на Грецию.

◆ Союз «православных» стран и народов на базе религиозно-культурных и государственных особенностей.

◆ Приоритет духовно-культурной самобытности («духовной идеи») над расовым родством («идеей крови»).

◆ Необходимость создания в России «культурной государственности».

◆ Перенос столицы России на Юг.

◆ Централизованное государственное управление и евразийская сущность России.

◆ Создание Восточного Союза на конфедеративной основе со столицей в Царьграде.

Примечания

[1] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Византизм и славянство. М.: АСТ, 2003.
[2] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. М.: АСТ, 2003. С. 9.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же.
9 См.: Новиков А. А. О характере политической власти в ранней Византии (IV-VI вв.): Историографический обзор, 1945-1995 гг.//Правоведение. – 1996. – №3(214). С. 175-183; Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. С. 30-31; Устян А.Р. Политическая философия неовизантизма. М., 2005. С. 8-13, 22-25, 59, 70-72; Устян А.Р. Политическая концепция неовизантизма. М.: ИСН, 2003. С. 52-53, 57.
[10] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Византизм и славянство. М.: АСТ, 2003. С. 19.
[11] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Записки отшельника. М.: АСТ, 2003. С. 296.
[12] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Письма к В.С. Соловьёву. М.: АСТ, 2003. С. 614-615.
[13] Там же, с. 615.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Византизм и славянство. М.: АСТ, 2003. С. 123.
[18] Там же, с. 9.
[19] Там же, с. 11.
[20] Там же, с. 13.
[21] Там же.
[22] Там же, с. 14.
[23] Там же, с. 27.
[24] Там же, с. 30.
[25] Там же, с. 37.
[26] Там же.
[27] Там же, с. 38.
[28] Там же.
[29] Там же, с. 39.
[30] Там же, с. 39-40.
[31] Там же, с. 40.
[32] Там же, с. 41.
[33] Там же.
[34] Там же.
[35] Там же, с. 42.
[36] Там же, с. 42-43.
[37] Там же, 45.
[38] Там же.
[39] Там же, с. 52-53.
[40] Там же, с. 54.
[41] Там же, с. 55. Во времена Леонтьева К.Н., как он же отмечает, очень многие в Европе желали слияния всех прежних государств Запада в одну федеративную республику (Там же, с. 129).
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 211
[45] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Византизм и славянство. М.: АСТ, 2003. С. 102.
[46] Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. С. 362
[47] Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 501, 527
[48] Хантингтон С.П. Кто мы? М.: АСТ, 2004. С. 527
[49] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Византизм и славянство. М.: АСТ, 2003. С. 71.
[50] Там же, с. 113.
[51] Там же, с. 129.
[52] Там же, с. 130.
[53] Там же.
[54] Там же, с. 113.
[55] Там же, с. 134.
[56] Там же, с. 135.
[57] Там же.
[58] Там же, с. 136.
[59] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Храм и Церковь. М.: АСТ, 2003. С. 139.
[60] Там же, с. 140.
[61] Там же, с. 141.
[62] Там же.
[63] Там же, с. 143.
[64] Там же.
[65] Там же, с. 145-146.
[66] Там же, с. 146.
[67] Там же.
[68] Там же. Желать видеть Царьград каким-то всеевропейским вольным и *вовсе даже и косвенно недоступным для нас городом* может только простодушное незнание дела или преступное в своих тайных целях лицемерие (Леонтьев К.Н., там же, с. 147).
[69] Там же, с. 147.
[70] Там же.

[71] Там же,
[72] Там же, с. 149.
[73] Там же.
[74] Там же.
[75] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Письма отшельника. М.: АСТ, 2003. С. 154.
[76] Там же, с. 156.
[77] Там же.
[78] Там же, с. 157.
[79] Там же.
[80] Там же.
[81] Там же.
[82] Там же.
[83] Там же, с. 158-159.
[84] Там же, с. 159.
[85] Там же.
[86] Там же, с. 160.
[87] Там же, с. 170.
[88] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Письма о восточных делах. М.: АСТ, 2003. С. 174.
[89] Там же.
[90] Там же.
[91] Там же.
[92] Там же.
[93] Там же.
[94] Там же.
[95] Там же.
[96] Там же, с. 175.
[97] Там же, с. 177.
[98] Там же, с. 178.
[99] Там же, с. 177.
[100] См.: Там же.
[101] Там же.
[102] См.: Там же, с. 178.
[103] Там же.
[104] Там же.
[105] Там же, с. 181.
[106] Там же, с. 200.
[107] Там же.
[108] Там же, с. 208.
[109] Там же, с. 209.
[110] Там же.
[111] Там же.
[112] Там же, с. 210.
[113] Там же.
[114] Там же, с. 212.
[115] Там же.
[116] Там же, с. 213.
[117] Там же, с. 214.
[118] Там же, с. 220.
[119] Там же, с. 221.
[120] Там же, с. 221-222.
[121] Там же, с. 224.
[122] Там же.
[123] Там же, с. 225.
[124] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Записки отшельника. М.: АСТ, 2003. С. 232.
[125] Там же, с. 265.
[126] Там же, с. 280.
[127] Там же, с. 288.
[128] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Средний европеец. М.: АСТ, 2003. С. 491.
[129] Там же, с. 491-492.
[130] Там же, с. 492.
[131] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Письма к В.С. Соловьёву. М.: АСТ, 2003. С. 618.
[132] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Грамотность и народность. М.: АСТ, 2003. С. 519.
[133] Там же, с. 529.
[134] Там же.
[135] Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Письма к В.С. Соловьёву. М.: АСТ, 2003. С. 612.
[136] Там же.
[137] Там же.
[138] Там же, с. 614.
[139] Там же, с. 616.
[140] Там же.
[141] Там же, с. 616-617.
[142] Там же, с. 617.
[143] Там же.
[144] Там же.
[145] Там же.
[146] Там же.
[147] Там же, с. 618.
[148] См.: Там же, с. 619.
[149] Там же.
[150] Там же, с. 622.

© 2008 г.
А.В. Богданов

П.Я. Чаадаев как социолог

Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) – великий русский мыслитель, создатель оригинальной и глубокой историософской концепции, получившей не совсем адекватное название «западнической». Он оставил глубочайший след в отечественной философской традиции, в формировании общественного сознания и современной социологической мысли, поставил на повестку дня актуальные проблемы мирового сосуществования. В богатом и глубоком творческом наследии Чаадаева, до конца еще не освоенном, мы выберем лишь несколько фрагментов, связанных с его социологическими воззрениями.

В отечественной и зарубежной историографии, посвященной, в частности, истории социологических учений, принято обходить молчанием социологические идеи Чаадаева, не замечать его роли в становлении отечественной социологии. Между тем как давно уже пора говорить о Чаадаеве в качестве основоположника русской социологической традиции, социологическая теория и «практика» которого сохранили свою значимость до нашего времени. Более того, именно сегодня они становятся как никогда ранее востребованными.

О Чаадаеве, мыслителе очень сложном и малопонятном, обычно рассуждают в русле известного дискурса западников и славянофилов, припоминая всякий раз его критику России, которая многим кажется несправедливой и антипатриотической. Налицо стремление сделать из Чаадаева мрачного нигилиста, к тому же еще католического толка. В результате отечественное «чаадаевоведение» не только топчется на месте, но и делает значительный шаг назад по сравнению, скажем, с анализом Чаадаева в эпоху русского религиозно-философского ренессанса конца XiX – начала XX вв. или анализом его учения в философии русского зарубежья XX в., в частности, в работах Гершензона, Плеханова, Лосского, Зеньковского, Бердяева, Шаховского, Франка, Шпет.

По нашему мнению, настал черед обратить внимание на позитивные аспекты наследия Чаадаева, в частности и в особенности, на глубокую и многостороннюю разработку им различных проблем теоретической и практической социологии, что делалось им, фактически, одним из первых не только в России, но и в мире, — ведь он был современником Конта, считающегося основоположником социологии.

Прежде всего отметим, что Чаадаев поставил на повестку дня практически все основные проблемы, которыми вплотную занимаются современные социологи, в частности, о том, что такое социология как наука об обществе, каков ее объект изучения, функции, задачи; каковы методы и способы социального исследования; что такое общество, каковы его структура, виды, типология; как развивается общество в истории, каковы формы общественного изменения (реформы, революции, прогресс, регресс и т.д.), движущие силы общественного развития (народы, элита, вожди, идеи и т.д.); в чем специфика социального познания; соотношение природы и общества, человека, индивида и личности; что такое индивидуальное и общественное сознание, общественная психология; какова роль географического фактора в истории общества; что такое народ и толпа; как следует понимать материальные и идеальные процессы в обществе; какова специфика сравнительной социологии и сфера приложения прикладной социологии (социология религии, права, образования и

П.Я. Чаадаев

др.). Выдающийся русский мыслитель подробно останавливается на анализе таких вопросов, как общественно-историческая традиция; соотношение общества и государства; место и роль в общественных отношениях политики, религии, нравственности, философии, науки, права; социальные слои, группы, классы; общественно-политические союзы, объединения, движения, партии; племя, род, народ, нация; мировое сообщество; патриотизм, национализм, общественное образование и воспитание; социальное управление; цивилизация и культура; понятийно-терминологический аппарат социологии; взаимодействие социологии с другими науками и отраслями культуры (с философией, историей, юриспруденцией, искусством, литературой, естествознанием, психологией, техникой и др.); тоталитарное, деспотическое, правовое, гражданское, демократическое обще-

ство; социальные институты и организации; социально-этнические общности; социальное неравенство; социальный идеал и социальные ценности.

Чаадаев различает общечеловеческое и национальное, мировое сообщество и отдельное государство, общую историю всего человечества и «истории» отдельных народов, общее и индивидуальное сознание. Разумеется, приоритет принадлежит общему, универсальному – общечеловеческим ценностям и идеалам, вере, всеобщим принципам нравственности, общей традиции, «отпадение» от которых, как это случилось, в частности, с Россией, чревато для народов весьма негативными последствиями. Особая роль принадлежит христианской религии, наиболее полно и благотворно воздействующей на развитие обществ через различные виды и уровни сознания: «Христианство обладает двумя легко различимыми функциями. Во-первых, действием на индивидуальное, во-вторых, действием на общее сознание. В верховном разуме то и другое естественно сливается и приводит к одной и той же цели. Но наш ограниченный взгляд не в силах охватить все время, в которое осуществляются вечные предначертания божественной мудрости. Нам необходимо различать божественное действие, проявляющееся в данное время в жизни человека, от того действия, которое проявляется лишь в бесконечности... Но в настоящее время каждому важно знать свое место в общем строе призвания христиан, т.е. знать, каковы те средства, которые он находит в себе и вокруг себя, для того, чтобы сотрудничать в достижении цели, стоящей перед всем человеческим обществом в целом»[1].

Для социологического уха современников приведенные слова Чаадаева звучат, быть может, несколько не совсем вразумительно. Это происходит, прежде всего, оттого, что терминологический аппарат социологии был еще тогда совсем не разработан. И потом надо учесть, что в историософской системе Чаадаева органично соединенились философия, история, политика, социология, религиозные и нравственные воззрения. В переводе на более современный, прежде всего социологический, язык процитированная мысль означает: общее и индивидуальное сознание в обществе находятся в сложном взаимоотношении друг с другом; универсальные идеи, в данном случае христианские, должны быть восприняты в обоих видах сознания и во времени, и в вечности; но было бы неоправданной ошибкой пускать дело на самотек — в каждом конкретном обществе необходимо и на индивидуальном, и на групповом уровнях содействовать усвоению и распространению общих идей специальными средствами достижения высшей цели всем человечеством.

Единичное (индивидуальное) через отдельное (групповое) воздействует на общее (общество); задача социологии уловить общий вектор направления идей и устремлений, дабы содействовать общему ходу шествия человеческой истории к Божественной цели: «Непременно должен быть, сле-

довательно, особенный круг идей, в пределах которого идет брожение умов в том обществе, где цель эта должна осуществиться, т.е. там, где идея откровения должна созреть и достигнуть всей своей полноты»[2]. И вот тут-то пути, формы и уровни развития разных народов, в силу разных причин, расходятся: «Этот круг идей, эта нравственная сфера неизбежно обусловливают особый образ жизни и особую точку зрения, которые, хотя могут и не совпадать у разных народов, однако, по отношению к нам, как и по отношению ко всем неевропейским народам, создают одну и ту же особенность в поведении, как следствие той огромной духовной работы в течение восемнадцати веков, в которой участвовали все страсти, все интересы, все страдания, все воображения, все усилия разума»[3].

Все народы идут к одной общей цели, но по-разному: разные пути, сроки, темпы, формы, способы, «колорит»; у одних народов это получается органичнее и эффективнее, у других – нет, одни уходят вперед, другие – отстают; ступени и степени общественного развития у разных народов и в разные эпохи весьма отличаются друг от друга. В этом смысле показателен пример Европы и России. Россия надолго порвала с общеевропейской, т.е. общехристианской, традицией, пошла своим особым, «самобытным», путем, что привело, приводит и еще долго будет приводить к весьма тягостным для нее последствиям: «Все народы Европы, подвигаясь из века в век, шли рука об руку. Что бы они сейчас ни делали, каждый по-своему, они все же постоянно

сходятся на одном и том же пути... После этого ясно, что если та сфера, в которой живут европейцы и которая одна лишь может привести род человеческий к его конечному назначению, есть результат влияния, произведенного на них религией, и ясно, что если слабость наших верований или несовершенство нашего вероучения удерживали нас вне этого всеобщего движения, в котором социальная идея христианства развилась и получила определенное выражение, а мы были отнесены к числу народов, которым суждено использовать воздействие христианства во всей силе лишь косвенно и с большим опозданием, то необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение, ибо ведь там все совершило христианство. Так вот что я имел в виду, говоря о необходимости снова начать у нас воспитание человеческого рода»[4].

У Чаадаева, по сути, идет речь о социологии религии, весьма важной части прикладной социологии. Процветают те общества, которые органически, совместно, непосредственно и глубоко, восприняли идентичное христианство как основу основ, основу духовности, нравственности, и положили его в фундамент всех сторон общественно-исторического развития (культуру, политику, экономику, общественный порядок, право, быт). С этих обществ надо брать пример, использовать их опыт, идти с ними по историческому пути рука об руку. В противном случае, в целях выживания, придется встать на безальтернативный путь восстановления универсальной, общечеловеческой традиции, т.е. «снова начать у нас воспитание человеческого рода». Вот в чем суть западнической концепции Чаадаева, с ее социологическим ядром, наделавшей столько много шума в России, взбудоражившей ее общественное сознание на целые века вперед.

Мы привели только один пример социологического подхода Чаадаева к проблемам отечественной истории, позволившего ему создать историософскую западническую концепцию. А вот другой характерный образец, в котором идет речь, в частности, об основах общественности, об историчности общественного развития и историзме как социологическом принципе, о социальных организациях и учреждениях, подлежащих изучению в социологии: «Но эти идеи и эти принципы (социальные, в частности, идеи и принципы власти. – *А.Б.*), в чем они выразились и во что они вылились? Ясно – в тех учреждениях, которые у нас действуют. А прежние идеи, старые принципы, где были выявлены они и в каких явлениях они сказались? Не в тех ли учреждениях, которых уже нет на свете? Правда, новые учреждения были нам навязаны властью, выросшей на нашей почве, из недр нашего общества, каким его создала наша история, а последняя, в свою очередь, была прямым следствием присущих славянскому племени особенностей, религиозных наших верований и прежде всего – географических и экономических условий страны, где мы живем. Тем не менее именно в

наших старых социальных формах заключались и сохранялись первичные элементы нашего общества. Формы эти были точным выражением нашего национального духа, всего нашего существа»[5]. Важны исходные философско-методологические моменты: социальные учреждения являются материальным выражением общественных отношений; последние являются непосредственным следствием географических и экономических условий, тоже имеющих материальный характер. Однако «первичные элементы нашего общества» имеют духовные основы, являются «выражением нашего национального духа». Дух – первичен, материальные формы – вторичны. Такова общая основа его социологии.

Чаадаева волнует, прежде всего, не отвлеченная теоретическая социология, не социология вообще, а становление русского общества, русское «народознание»: изучение и познание особенностей отечественной общественности, сравнительный анализ русского общества и европейского. Его интересует то, как социологическая теория, которую приходится еще только создавать, поможет открыть русскому народу глаза, познать самого себя (ведь специфика социального познания в том и заключается, что общество, человек пытаются познать самих себя, занимаются самым трудным, но и самым важным, делом- самопознанием), поможет России преодолеть свою отсталость и занять достойное место в Европе и в мире, подскажет русскому народу, как адекватно реализовать свою великую всемирно-историческую миссию по объединению человечества на основах духовности, веры, справедливости («русская идея»), реализовать богатейшие потенции и ответить на те коренные социальные вопросы, которые веками мучают «старый мир».

И он, впервые в России, создает собственную социологическую концепцию, где все элементы социологии имеют беспрецедентный чаадаевский характер, неповторимый чаадаевский колорит, носят на себе печать его философской системы, методологическими принципами которой, шокировав-

ших современников и оставшихся до конца непонятыми потомками, являются *открытость, неопределенность, проблемность, плюрализм, парадоксализм.*

Чаадаев первым пошел по пути сравнительного анализа разных обществ, разделенных друг с другом во времени, стоящих на различных ступенях развития. Он уверенно вводит в социологический анализ новые методики изучения социальных фактов, разграничивает «цивилизацию» и «культуру», провидчески заглядывает в глобалистское будущее, впервые исследует проблему «Запад – Россия – Восток», и в социологическом плане устанавливает особое значение для России географического фактора: «Есть один факт, который властно господствует над нашим многовековым историческим движением, который проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический»6 . Это позволяет ему прийти к поистине шокирующим открытиям, которые не так то легко, даже по истечении столетий, принять, осознать, переварить; проще, оказывается, отвергнуть их с порога, объявив автора сумасшедшим.

В любом случае, **до сих пор ни один тезис Чаадаева не только не опровергнут, но даже сколько-нибудь не «поколеблен»!** И, тем не менее, тезисы эти не включены в современный научный оборот, не прочтены с точки зрения современности, не работают в интересах науки и практики, в интересах России и ее народа. А ведь для последнего они, прежде всего, и создавались. «Географический факт», о котором пишет Чаадаев, это не ограниченная социологическая школа географического детерминизма, это – объективная реальность, с которой необходимо считаться всему миру, тем более, сегодня, в век глобальных геополитических и геостратегических реальностей, о которых уже догадывался русский мыслитель в XIX в.

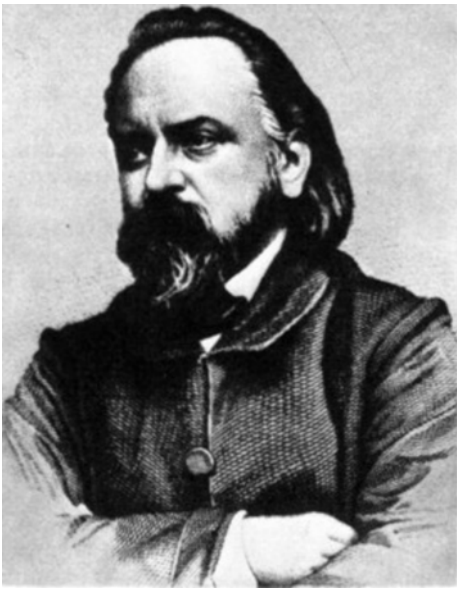
Так, он писал, выражая и планетарную роль России, и озабоченность ее западных соседей: «Что же такое Россия? Это не что иное, как факт, один голый факт, стремящийся развернуться на карте земного шара в размерах, с каждым днем все более исполинских, и необходимо, следовательно, ограничить этот чрезмерный рост и пресечь натиск на старый цивилизованный мир, который есть наследник, блюститель и хранитель всех предшествующих цивилизаций, в том числе и той, в которой Россия некогда почерпнула первые познания, свой пышный и бесплодный обряд, в котором она продолжает замыкаться (Чаадаев имеет в виду Византию.- *А.Б.*)»[7]. Не этот ли «факт» до сих пор не дает покоя странам Европы, США, НАТО, заставляя их облегченно вздыхать после развала мировой социалистической системы и Советского Союза, про-

должать продвигать объединенные вооруженные силы на восток, к России, обкладывая со всех сторон Россию военными базами, системами ПРО?! И все это, в большой степени, от незнания и непонимания России, от нежелания или неспособности вдуматься трезво, проанализировать проблемы, поставленные еще Чаадаевым. Перспективнее, как кажется многим, огалтело радоваться «победе» Запада в «холодной войне», да по-прежнему пытаться «стереть» Россию с карты земного шара.

К трезвому изучению ситуации, в интересах всех, призывал и Чаадаев: «Что же тут подлежит изучению? Это лишь страничка географии, которую необходимо знать, как нам расценивать данную силу, может быть более воображаемую, чем действительную»8 . Россия наших дней во многом изменилась, правда, далеко не во всем по тем параметрам, о которых писал Чаадаев. А вот Запад, если и изменился, то совсем не в ту сторону, о которой ему мечталось.

Разумеется, разбираться конкретно, специально и глубоко, в разнообразных идеях социологической системы Чаадаева, как таковых, по существу – дело особое и очень важное, дело, надеемся, ближайшего будущего для всего нашего социологического сообщества. Сейчас главное – поставить проблему, пробудить интерес. Да еще, пожалуй, обратить внимание и вот на какие, не менее значимые, аспекты.

Мы уже говорили о том, что Чаадаева понимать, постигать адекватно очень нелегко, уж



А.И.Герцен

слишком он глубок, необычен, многосторонен, парадоксален как в теории, так и в жизни, и в том влиянии, практическом воздействии, которые он оказал – и ныне продолжает оказывать – своими идеями и своими делами, а также самим фактом своего «странного» существования на все стороны общественной жизни России. Таким влиянием и таким воздействием, таким «резонансом» не может похвастать, наверное, ни один философ и социолог прошлого или нынешних времен.

Немногие умы в прошлом, а тем более в современности могут сказать, что они близки к пониманию Чаадаева. Но такие люди, к счастью, были.

Один из них, «собрат» Чаадаева по «западничеству» и по борьбе со славянофилами, великий философ и писатель А.И. Герцен. Вот его знаменитый отзыв о первом

«Философическом письме» 1836 г.: «Со второй, третьей страницы меня остановил печально серьезный тон: от каждого слова веяло долгим страданием, уже охлажденным, но еще озлобленным. Эдак пишут только люди, долго думавшие, много думавшие и много испытавшие; жизнью, а не теорией доходят до такого взгляда... Читаю далее – «Письмо» растет, оно становится мрачным обвинительным актом против России, протестом личности, которая за все вынесенное хочет высказать часть накопившегося на сердце... «Письмо» Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет, — все равно надобно было проснуться... «Письмо» Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию»[9].

Писал ли **так** еще кто-нибудь о **социологическом** труде?! Могут ли работы других великих социологов Конта или Спенсера, Ковалевского или Сорокина произвести впечатление «выстрела», от которого нельзя не «проснуться»?! Потрясло ли так же, как это сделало «Письмо» Чаадаева, вообще какое-либо произведение XIX—XX вв. «всю мыслящую Россию»?! Причем, даже гигант масштаба Герцена не мог ясно понять, чем именно и конкретно в «Письме» мы обязаны таким «потрясением» (весть ли это об «утре», или о том, что «его не будет»?!). Обычные социологические выкладки и рассуждения подобного эффекта не имеют. Стало быть, в теоретических рассуждениях Чаадаева есть что-то сверх теории, хотя бы в том, что это есть «последнее слово, рубеж». Остается недоумение, остается стремление что-то сделать, изменить, остается горечь, но остается и какая-то тайна, остается проблема и множество вопросов. Вот какого масштаба эта социологическая концепция и заслуга Чаадаева перед наукой, перед будущим! Даже Г.В.Плеханов, исследователь хотя и марксистского толка, но очень умный и глубокий, преувеличивавший, правда, «пессимизм» Чаадаева, отмечал, что тот «одним «философическим письмом»... сделал для развития нашей мысли бесконечно больше, чем сделает целыми кубическими саженями своих сочинений иной трудолюбивый исследователь России «по данным земской статистики» или бойкий социолог фельетонной «*школы*»»[10]. Плеханов здесь не случайно вспоминает «традиционных» социологов, которые никогда не смогут сделать столь много для развития мысли, как это сделал социолог Чаадаев. Так чем, опять же, он этого эффекта достиг? Ведь это идеал социологической системы — чаадаевский «эталон» не превзойден и сегодня! Дело, оказывается, не только в верности фактам и земской статистике, и не только в интерпретации эмпирического социологического материала, как бы глубока и основательна она ни была. Какой социолог, даже очень профессиональный, даже трижды более критичный и «озлобленный», чем Чаадаев, не мечтает о том, чтобы пробудить всю мыслящую Россию сегодня?! Ан,

не получается. Почему?

Дело даже не столько в критически-обличительном потенциале идей Чаадаева, западничестве его социологических мыслей. «Аналогичная», в некоторых отношениях, история произошла и с Гоголем, в котором было бы слишком узко и односторонне видеть только сатирика. Вот почему и Гоголь был среди немногих, близких «по духу» и пониманию к Чаадаеву, что позволило ему, в частности, написать как бы в «оправдание» общественного шока, вызванного «Философическими письмами»: «...бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости»[11]. Как бы комментируя проблему, Чаадаев писал в одном из своих писем: «Я должен был показаться Вам желчным в отзывах о родине; однако же я сказал только правду и даже еще не всю правду»[12]. У нас даже, наверное, и фантазии не хватит, чтобы предположить: а что было бы, если бы Чаадаев сказал «всю» правду?

И, наконец, самое авторитетное свидетельство — друга и единомышленника Чаадаева А.С.Пушкина, который, в принципе, согласен с главными идеями автора «Писем» и тоже особо подчеркивает «эффект» именно социологических аспектов, их социального звучания в своем письме мыслителю в 1836 г.: «я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили...»[13]. Пушкин – действительно «наше все», и то, что он, сам много в последние годы «профессионально» занимавшийся историей России, акцентирует внимание на главных социологических категориях Чаадаева – «общественная жизнь» и «общественное мнение» — как «грустной» вещи, предупреждает, что говорить об этом «громко» в России весьма опасно, очень дорогого стоит и свидетельствует о многом.

П.Я.Чаадаев

Чаадаев заложил основы исторической социологии: прошлое России, на которое он взглянул совершенно по-новому, критично

и объективно, под углом зрения не «розового» патриотизма, но суровой правды, послужило для него методологической основой для анализа ее настоящего и будущего. Что, конечно, шло вразрез не только с устоявшимся общественным мнением, но и с позицией официальной общественно-исторической доктрины. Последнюю очень емко и характерно высказал небезызвестный шеф жандармов Бенкендорф, реагируя на громкий общественный резонанс публикации «Письма»: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что только может представить себе самое смелое воображение; вот...точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана»[14]. Естественно, образ России, созданный Чаадаевым (а это был действительно колоритнейший образ, не укладывающийся в сухие схемы отвлеченных социологических понятий,- вообще, пожалуй, недостижимый идеал и для сегодняшней социологии), был необычным, трагичным, печальным, но именно в таком качестве он и побуждал к действию.

Столовая в убежище имени А.П.Коновалова для хроников и престарелых рабочих

Исходя из единства великого христианства как мировой религии, Чаадаев провозглашал единство истины и общественное единство семьи европейских народов, из которого «выбивалась» Россия. Для последней просто не существует никакого общественно-исторического пути развития, кроме западноевропейского; «восточной» альтернативы быть не может, ибо Россия и Восток – два совершенно различных мира, чуждых друг другу по духу, миросозерцанию, исторической традиции. Восток и Россию внутренне, органически объединить невозможно, разве только когда «какое-нибудь планетное возмущение не сдвинет с места земную ось или новый геологический переворот опять не бросит южные организмы в полярные льды»[15]. Как мы видим, доводы «географического фактора» для Чаадаева продолжают, даже в со-

циологических «фантазиях», оставаться одними из решающих.

Удивительно, что первым обратил внимание на «христианский социологизм» Чаадаева не отечественный исследователь, а западный, Р.Макнелли: «подход Чаадаева к христианству был подходом историка и социолога религии... Его интересовали исключительно результаты влияния определенных религиозных институтов на развитие общества и культуры. В основе подхода лежало убеждение, что культура и общественное поведение любой данной группы людей определяется целями и задачами, поставленными господствующим в данном кругу религиозным сообществом»[16]. Можно, конечно, дискутировать по существу тех или иных социологических подходов Чаадаева, но оставлять их совершенно без внимания, отдавая на откуп иностранным ученым, — это совершенно в духе отечественной традиции, в духе общественного менталитета, выходит, по сути, не изменившегося со времен Чаадаева и Пушкина, по поводу которого последний печально заметил, имея в виду русских людей: «мы ленивы и нелюбопытны»! Вот и еще одно свидетельство актуальности и злободневности буквально всех — историософских и социологических — выводов Чаадаева, актуальности его тревог и предвидений, необходимости вновь и вновь возвращаться, уже сегодня, к поставленным им проблемам.

Проблемы, обозначенные Чаадаевым, поистине неисчерпаемы, глобальны; неисчерпаема и тема нашей статьи. Хотелось бы сделать несколько заключительных замечаний.

Московская торговка платками. Нач. XX в.

Тема «изгойства», «сумасшествия» Чаадаева, тип его личности – важная социологическая проблема и ныне. Великий отечественный феномен «лишних людей», прошедший «красной нитью» по всей русской классической литературе, — мощно аукнулся уже в наше время проблемой «диссидентства», «инакомыслия». Характерна и однотипная реакция власти на этот феномен, к сожалению, игнорируемый нашими социологами, в XIX и XX вв.

Тема социального рабства, поднятая Чаадаевым, могущая проявляться в истории в разных формах и «развращающая» народ, извращающая самую свободу, приводя-

щая к отсутствию «порядка» и прав в стране, также мощно звучала и звучит, притом, не только исключительно в советские времена.

Чаадаев убедительно показал власть идей, нравственности, религии, элиты, великих людей в общественно-историческом развитии; он глубоко проанализировал характер и содержание движущих сил общественно-исторического развития, формы социальных изменений (революция и реформа), — все это социально значимо и актуально поныне, но сомасштабных Чаадаеву современных социологических трудов мы сегодня не обнаружим.

Чаадаев не звал Русь «к топору», он «просто» констатировал, что наша общественная жизнь – «грустная вещь», и пострадал за то. И как пострадал! Он пострадал, по сути, не из-за своего западничества или «католицизма», а из-за того, что хорошо изучил свое общество и громко сказал о нем правду, которая далеко не всегда обществом приемлется, которая власти и рабству весьма опасна. Эта правда оказывается ненужной и «революционерам», радикалам всех мастей, радеющих, якобы, за народ. О том же говорил, к примеру, великий русский ученый XX в. В.И. Вернадский, создатель учения о «ноосфере»: «Русское освободительное движение – это, по сути, рабское движение».

Чаадаев поистине неисчерпаем, велик, энциклопедичен. Даже «только» как социолог он стоит в одном ряду с великими корифеями социологии Михайловским, Данилевским, Ковалевским, Сорокиным. Он поставил на повестку дня все, важнейшие и ныне, проблемы социологии, предвосхитил все великие социологические открытия XX в. Его мысли прямо адресуются мировому сообществу эпохи глобализации. Без методологической опоры на Чаадаева, его мысли и жизнедеятельность, без полного усвоения и освоения его богатейшего творческого наследия невозможно говорить о развитии отечественной социологической теории и практики.

Ссылки

[1] Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991, т. 1, с. 333.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 233-234.
[4] Там же, с. 234.
[5] Там же, с. 557–558.
[6] Там же, с. 538.
[7] Там же, с. 564.
[8] Там же, с. 564.
[9] Герцен А.И. Собр. Соч. т. IX, М., 1956, с. 139–140.
[10] Плеханов Г.В. Соч. т. X, М.-Л., 1925, с. 135–136.
[11] Цит. по: Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991, т. 1, с. 15.
[12] Там же, с. 15.
[13] Там же, т. 2, с. 461.
[14] Цит. по: Россия глазами русского. Чаадаев. Леонтьев. Соловьев. М., 1991, с. 6.
[15] Там же, с. 148.
[16] Там же, с. 160.

© 2008 г.
Я.А. Никифоров

Разработка Н.Г. Чернышевским частных социологических теорий

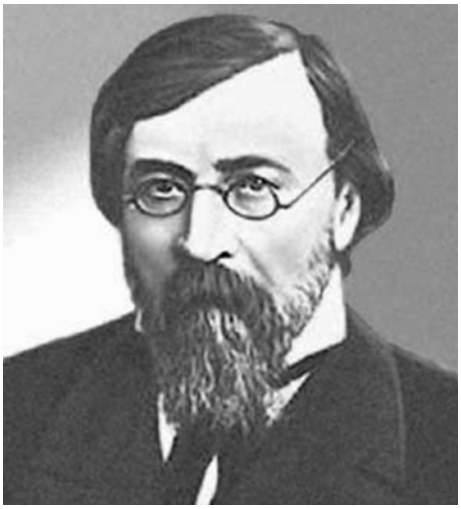
В настоящее время сильно возрос интерес в социологической науке к творческому наследию отечественной социологии второй половины XIX – начала XX вв., написано уже несколько десятков монографий, статей, пособий по истории русской социологии этого этапа. Однако только единицы включают в круг ученых, внесших существенный вклад в становление социологии в России Н.Г. Чернышевского. Тем не менее, исследование трудов мыслителя с этих позиций показывает, что круг его интересов охватывает несколько отраслей социологической науки, включая наиболее общие теоретические вопросы функционирования социальной системы, социологию личности, экономическую социологию, социологию религии, социальную антропологию, социальное прогнозирование и др.

Концепция общественного прогресса

Идеи общественного прогресса составляли ядро социальной философии и философии истории. Ими интересовались Герцен и Огарев, Чернышевский и Добролюбов, Лавров и Михайловский, что было продиктовано глубокими размышлениями о судьбах России.

Теоретическим обоснованием объективности общественного прогресса является у Чернышевского идея о том, что прогресс как непрерывное нарастание все новых и новых сил в природе и обществе выступает всеобщим законом развития. Характерную особенность диалектики он видел в принципе движения, развития, прогресса, изменения.

Все в природе – от раскаленных газовых масс до млекопитающих и человека – утверждал Н.Г. Чернышевский, развивается от низшего к высшему, несмотря на отдельные регрессивные отклонения. Всеобщность прогресса следует из его идеи о всеобщей связи явлений и частей мира. Он писал: «Весь мир составляет одно целое, и, действуя на известную часть природы, мы до некоторой степе-



Н.Г. Чернышевский

ни имеем дело со всею природою, потому что все части вселенной связаны между собою так, что изменение одной влечет за собой некоторое изменение во всех... весь мир, как одно целое, стоит под законом, необходимо связывающим все части его»[1].

Великий русский мыслитель прекрасно понимал, что идея прогресса останется пустой фразой, если не будет доказана на естественнонаучном материале. Он неоднократно обращается к естественным наукам, внимательно изучает труды естествоиспытателей.

В 1830 г. состоялся знаменитый диспут между Жоффруа Сент-Илером и Кювье. «Формально спор шел по специальным вопросам морфологии животных. Фактически же это был спор об эволюции или постоянстве видов. За этим вопросом скрывались еще более широкие вопросы мировоззрения. Это была борьба между представителями нового, прогрессивного направления в науке и одним из самых сильных защитников старого, но все еще господствовавшего мировоззрения. Исход этого диспута нанес сильный удар идее эволюции. Под влиянием учения Кювье, писал Чернышевский, большинством натуралистов были забыты всякие мысли о происхождении нынешних видов растений и животных от прежних. Любопытно, что эту задержку в развитии биологии Чернышевский объясняет не только авторитетом Кювье, но и политическими причинами, ибо «...общий характер этой системы понятий соответствовал духу времени, стремившемуся восстановить предания и отвергавшему все не согласное с ними. Кювье был в естествознании представителем того направления мыслей, которому желал дать господство в умственной жизни Наполеон и которое получило владычество над нею при Реставрации»[2].

Биологические науки оказались более развитыми в том отношении, что на их материале можно было вести разговор о критерии прогресса. Мы не находим у Чернышевского употребления категории «критерий прогресса» применительно к социальному прогрессу, нравственному, художественному и т.д. И только на указанном материале он четко фиксирует «критерий биологического прогресса»: «Как скоро в организме есть нервная система, главная норма для определения степени совершенства этого организма – степень развития нервной системы... Это главный критериум. Придаточный критериум: степень способности всего остального организма служить требованиям нервной системы»[3].

Пусть то, что утверждает русский мыслитель, не совсем соответствует нашим представлениям о критерии биологического прогресса. Для нас важно другое: на материале биологии Чернышевский утверждал идею всеобщности развития и прогресса, противоречивость прогресса, его непрямолинейность («вырождение», «деградация», «понижение организации» – термины, которыми он пользовался, выражая мысли о биологическом регрессе). Рассмотрение биологического прогресса Чернышевским не является чужеродным довеском в его концепции прогресса. Общественная жизнь человека основывается на процессах, которые идут «внизу», в природе. Чернышевский видит в этом первичное условие прогресса. Человеческое общество будет непрерывно получать подкрепление из природы и тем самым «исторический прогресс будет неудержимо идти своим чередом»[4]. Таким образом, Чернышевский проводит еще одну мысль: о неодолимости поступательного развития.

Стремясь обосновать в конечном итоге идеи социального прогресса, великий русский мыслитель немало внимания уделил рассмотрению различных аспектов прогресса, их взаимосвязи (речь идет о нравственном, художественном и научном прогрессе).

Идея всеобщности прогресса, которую он отстаивал, позволяет нам реконструировать взгляды этого мыслителя и в тех случаях, когда мы не находим у него достаточно категорических высказываний по тем или иным аспектам прогресса. Это, например, относится отчасти к нравственному прогрессу.

По мнению Чернышевского, развитие просвещения оказывает влияние на общественные нравы: «История действительно говорит, что развитие ума ведет к замене насилия убеждением», «народ приобретал знания, от этого изменялись его понятия, от перемены понятий изменялись нравы». Н.Г. Чернышевский связывал воедино нравственный прогресс, научный и общественный: «Нельзя отвергать того, что с течением времени европейские общества становятся гуманнее; потому в ком более новых идей, в том должно быть больше гуманности», «прогресс самою сущностью своей вызывает в своих последователях расположение к мягкому и гуманному образу действий»[5].

Идея тесной связи гуманизма и прогресса давала Чернышевскому возможность оценивать те или иные политические партии. Он считал, что гуманность разных партий пропорциональна их прогрессивности, а жестокость соразмерна отсталости.

Как теоретик искусства и художественный критик, Н.Г. Чернышевский не мог обойти вопроса о художественном прогрессе. Для него Белинский и Гоголь были величайшими авторитетами – каждый в своей области. И все же это не удержало Чернышевского от утверждения, что «эпоха высшего развития» русской литературы сделает неудовлетворительной даже и критику Белинского, а относительно Гоголя он говорил: «Мы настолько верим в будущее лучшее, что

Н.Г. Чернышевский

даже о Гоголе не сомневаясь говорим: будут у нас писатели, которые станут настолько же выше его, насколько выше своих предшественников стал он»[6].

Принципы реалистической эстетики Чернышевского приводили его к идее глубочайшей связи прогресса искусства и потребностей общества: «Во всех отраслях человеческой деятельности только те направления достигают блестящего развития, которые находятся в живой связи с потребностями общества. То, что не имеет корней в почве жизни, остается вяло и бледно»[7]. От общей мысли революционер-демократ переходит к конкретному анализу современного ему искусства и утверждает, в частности, что живопись находится в довольно жалком положении в связи с «отчуждением этого искусства от современных стремлений», а «из всех искусств одна только литература сохраняет свое могущество и свое достоинство, потому что одна она поняла необходимость освежать свои силы живыми вдохновениями века»[8].

Как видно из рассмотренного, прогресс, по мнению великого критика, обладает универсальным характером, пронизывает собой развитие самых различных областей действительности.

Теория личности

Постановка и решение проблемы личности Н.Г. Чернышевским связана прежде всего с потребностью преодоления социальных противоречий в русской и западноевропейской действительности, когда велись непрекращающиеся поиски новой теории изменения основ социальной жизни.

Обращение Н. Г. Чернышевского к проблеме личности можно объяснить следующими причинами: 1) антропологический подход (один из основных методологических принципов, которого придерживался мыслитель) выдвигал на первое место проблему человека и его существования; 2) широкое распространение получили биолого-социологические теории (социал-дарвинизм, органицизм, мальтузианство), выросшие на абсолютизации биологического начала в человеке.

В отличие от своих предшественников русский мыслитель в понимание социальной сущности человека вводит новые моменты:

а) всесторонность анализа сущностных сил человека, особенно его деятельности по активному

усвоению окружающего его мира;

б) взаимосвязь и взаимозависимость личного и общественного;

в) анализ «обстоятельств», определяющих существование человека.

В социологии Чернышевского идея «натурального» человека явилась одним из ее теоретических источников, что доказывается рядом его высказываний. Так, он писал: «Только то, что составляет натуру человека, признается в науке за истину; только то, что полезно для человека вообще, признается за истинное добро: всякое уклонение понятий известного народа или сословия от этой нормы составляет ошибку: галлюцинацию...»[9].

Следование естественной норме является добродетельным, разумным и полезным: «Если полезным называется то, что служит источником множества наслаждений, а добром – просто то, что очень полезно, тут же не остается ровно никаких сомнений относительно цели, которая предписывается человеку,– не какими-нибудь посторонними соображениями или внушениями, не какими-нибудь проблематическими предположениями, таинственными отношениями к чему-нибудь еще очень неверному,– нет, предписывается просто рассудком, здравым смыслом, потребностью наслаждения: эта цель – добро»[10].

Н.Г. Чернышевский, формулируя свои теоретические суждения, говорит о человеке вообще, о личности вообще, о ее природообразности, потребностях и интересах. Характеризуя социальную сущность личности, он утверждал изменение социальной «природы» человека в процессе прогрессивного развития общества. Антропологический принцип у Н.Г. Чернышевского сохранил статус отправной точки в разрешении проблемы общественно-исторического бытия людей, но дополнился требованием всестороннего анализа различных сторон деятельности человека как участника общественных отношений: «Жизнь рода человеческого, как и жизнь отдельного человека, слагается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби. Из этих элементов только немногие до сих пор введены в состав рассказа о жизни человечества»[11]. Можно утверждать, что русский мыслитель ввел большую часть названных элементов в социологический анализ, наполнив его новым содержанием.

Стремления человека, цели его деятельности, по Чернышевскому, выводятся из бытия человека. Он подчеркивает, что человек в своей деятельности руководствуется «личной выгодой», собственными интересами, «поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, водящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия»[12].

Русский мыслитель считал, что реализация сущности челове-

ка возможна путем преодоления двух объективных препятствий на пути человека к прогрессу: «противных потребностям человека условий внешней природы» и социальных «обстоятельств общественного бытия человека»[13]. В данном случае Н.Г. Чернышевский прямо указывает, что «самым изобильным источником обнаружения злых качеств служит недостаточность средств к удовлетворению потребностей»[14], заостряя внимание на устранении зла в общественном бытии. Он пишет: «Жизнь и славу нашего времени составляют два стремления, тесно связанные между собой и служащие дополнением одно другому: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни. К этим основным идеям примыкают, от них получают свою силу все остальные частные стремления, свойственные людям нашего века: вопрос о народности, вопрос о просвещении, государственные, юридические стремления оживляются этими идеями, решаются на основании их, вообще, интересуют собою современного человека только по мере связи их с тенденциями к гуманности и улучшению человеческой жизни»[15].

Оба эти «стремления», включающие весь комплекс общественных явлений, Чернышевский выводит из материальных интересов, средства же их осуществления зависят, по его мнению, от «обстоятельств». Категория «обстоятельств» выступает одной из важных в социологии русского мыслителя. Обстоятельства объективны и выступают детерминантами не только общественных явлений, но обычаев и привычек. В конечном итоге обстоятельства определяют все действия человека, в том числе его характер и нравственность. «Все явления нравственного мира проистекают одно из другого и из внешних обстоятельств по закону причинности», – утверждает Чернышевский[16]. Если это так, если обстоятельства препятствуют раскрытию природной сущности человека, они должны быть изменены.

Н.Г. Чернышевский утверждает также важность научного знания для решения проблемы человека, он признает только ту науку, которая является «служительницею человека». Более того, он утверждает, что наука является незаменимым условием общественного прогресса, что «она творит все: создаваемое ею знание ложится в основание всех понятий и потом всей деятельности человечества, дает направление всем его стремлениям, силу его способностям».

Применительно к проблеме личности наука рассматривается Чернышевским в двух аспектах. Во-первых, она познает истинную сущность человека, «обстоятельства» его существования и связи с природой. Во-вторых, она вырабатывает цель жизнедеятельности, программу поведения личности, следование которым позволяет в полной мере человеку реализовать свою природную сущность. В качестве такой программы мыслитель выдвигает теорию «разумного эгоизма»[17].

Теория «разумного эгоизма» – осознанная практика социального действия человека, в которой утверждается единство личного и общественного, полезного и доброго,

разумного и расчетливого: «Расчетливы только добрые поступки, рассудителен только тот, кто добр и ровно настолько, насколько добр»[18]. Человек как природное существо следует естественному удовлетворению своих потребностей, закону эгоизма. Однако природное стремление к удовольствию еще не определяет сущности человека. Как пишет Чернышевский, «кто действует исключительно по расчету эгоизма, тот действует наперекор человеческой природе, подавляет в себе врожденные и неискоренимые потребности». Поскольку человек не может существовать вне общества, связан с ним, он должен учитывать и общечеловеческие интересы. «Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, и сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, т. е. исключены гражданские мотивы, что останется наблюдать мне? В чем останется участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах»[19]. Чтобы этого не произошло, человек должен разумно соотносить свои эгоистические устремления с общественными интересами, и не просто соотносить, а подчинять им. В этом случае разум, наука как внутренние убеждения каждого здравомыслящего человека превращаются в инструмент социального преобразования.

Социология труда

Известный интерес в изучении социологического наследия Н.Г. Чернышевского представляет его учение о труде, его месте и роли в жизни общества. Во многих своих работах Н.Г. Чернышевский обращается к фундаментальному исследованию труда, сделав его одним из основных предметов своего философского и социологического анализа.

В общеметодологическом плане труд представляется ему единственным средством и источником создания общественной жизни; средством очеловечивания природы, создания искусственной материальной среды, материальных оснований собственно человеческой истории, движения общества к социальному равенству.

В «Основаниях политической

экономии (по Миллю)» Чернышевский проводит всесторонний анализ труда. Он рассматривает его субъективные и объективные предпосылки, продолжает анализ деления труда на умственный («деятельность, составляющая функцию головного мозга») и физический (деятельность «мускулов и организма человека»)[20]. Формы труда, считает мыслитель, зависят от внешних природных обстоятельств, от субъективной готовности человека к труду, от цели, которую при этом он преследует. Для Чернышевского нет труда исключительно умственного или исключительно физического – «каждый труд – есть умственно-физический». Чернышевский в «Основаниях политической экономии» говорит о труде как о материальном, целенаправленном процессе. Он выделяет различные «отрасли труда» в соответствии с теми целями, которые ставит перед собой человек в процессе преобразования окружающего мира. В «Капитале и труде» подчеркивается антропологический характер решения этого вопроса: «Цель практической деятельности постановляется природою человека, т.е. элементом, присутствующим постоянно». В итоге цель, по Чернышевскому, вытекает из самого характера человеческой деятельности и возникает вместе с трудом, который является «единственным элементом производства, лежащим в организме самого человека».

В «Основаниях политической экономии» Н.Г. Чернышевский дает следующее определение труда. «Труд – пишет он, – есть деятельность мозга и мускулов, составляющая природную, внутреннюю потребность этих органов, находящих в ней свое наслаждение, а внешним своим результатом имеющая приведение сил и предметов природы к производству предметов и явлений, удовлетворяющих нуждам человеческого организма»[21].

Таким образом, труд в понимании Чернышевского выступает как способ удовлетворения человеческих потребностей: потребности в деятельности и потребности потребления. В этом заключена одна из непреходящих социальных ценностей труда.

С позиции антропологического подхода Н.Г. Чернышевский делает вывод о том, что стремление к «хорошей жизни», какой она должна быть, «заключается в понятии жить без работы нельзя»[22], и это стремление человека трудиться – естественное проявление человеческой природы.

Н.Г. Чернышевский разворачивает характеристики труда, рассматривая его как источник богатства, источник стоимости, как товар и капитал. При анализе соотношения труда и капитала он показывает, что капитал является превращенной формой труда, так как «капитал составляет только видоизменение труда и притом видоизменение очень мимолетное, которое поддерживается постоянным воспроизведением его через труд и по сущности дела не имеет ни малейшей независимости от труда, который один и создает, и сохраняет его»[23].

Труд, считал Чернышевский, есть один из рычагов регулирования социальных взаимодействий. Человек трудящийся не находит-

ся к другим лицам той же специальности во враждебном отношении, тогда как капиталист старается отбить покупателей у других «промышленников», занимающихся тем же делом. Отсюда следует, что трудящийся, у которого потребности насыщаемы хотя бы потому, что он удовлетворяет их посредством собственного труда, является сторонником добрососедства и мира, а капиталист, у которого стремление к получению прибыли неистощимо, заинтересован в конкурентной борьбе. Здесь речь идет о вещественно-предметных потребностях, потребностях потребления, а не потребностях созидания, творчества, которые действительно не знают границ.

Не секрет, что многие мыслители, философы обращались к анализу общественных функций труда. У Платона и Аристотеля труд, хозяйственная деятельность – удел людей, занимающих низшее положение в общественной иерархии, у А. Смита всякий труд, участвующий в производстве, является создателем стоимостей, и этот самый труд представляет собой проклятье для человека.. Тем контрастнее выступают мысли социалистов-утопистов, доказывавших, что труд есть первая потребность человека и дело его чести. Впервые в истории об этом заявил Кампанелла, затем эту мысль подхватывает и развивает Ш. Фурье.

Особое место в решении проблемы принадлежит Н.Г. Чернышевскому, который формулирует социальные условия, при которых труд становится приятным: а) отсутствие препятствующих труду внешних помех; б) человек трудится потому, что осознает его необходимость или полезность для себя, а не по внешнему принуждению; в) работа не длится дольше того времени, пока человек трудится без изнурения, разрушающего организм. Труд признается естественным состоянием человека в условиях «нормальной» социальной жизни. «Ненормальность» и связанные с ней «неприятные ощущения... проистекают не из сущности самого труда, а из принудительного его характера в силу внешних обстоятельств, обычно сопровождающих эту деятельность при нынешнем состоянии общества, но устраняющихся от него другим экономическим устройством»[24].

В своих взглядах на роль труда в жизни общества Н. Г. Чернышевский понимал труд как источник жизни нации. Так, в «Очерках политической экономии» Чернышевский пишет, что «целая нация мо-

щеский труд, основанный на крупном производстве, «из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещенных».

жет поддерживать и увеличивать свое благосостояние только собственным трудом; всякое обстоятельство, отвлекающее нацию от этого единственного источника ее жизни, разоряет нацию».

Одним из средств достижения этой цели для него является формирование соответствующего общественного мнения. «Сделаем, например, гипотезу,– пишет он в «Антропологическом принципе философии»,– ... что праздность приятна, а труд неприятен; если эта гипотеза станет господствующим мнением, каждый человек будет пользоваться всеми случаями, чтобы обеспечить себе праздную жизнь, заставив других работать за себя; из этого произойдут все виды порабощения и грабежа, начиная от собственно так называемого рабства и от завоевательной войны до нынешних более тонких форм тех же явлений»[25].

Чернышевский видел отчужденный характер труда в современном ему обществе и считал, что снятие его «через улучшение быта трудящихся» возможно лишь в результате переустройства общества. Русский социолог считал, что в будущем обществе товари-

Социальная демография

Исследование вопросов народонаселения в России к середине XIX в. уже имело определенную традицию. У ее истоков мы видим имена Ю. Крижанича, М.В. Ломоносова. Их дело продолжили М.Д. Чулков, С.Г. Зыбелин, Н.С. Морд-винов. В ряду представителей этой традиции стоят имена А. И. Радищева, просветителей А.С. Кайсарова и П.Ф. Малиновского, А.И. Гер-цена и Н.А. Огарева, петрашевцев, в особенности В.А. Милютина. Среди передовых представителей русской науки определенный вклад в позитивную разработку некоторых вопросов демографической статистики внесли К.И. Арсеньев, Т. Степанов и др.

Опираясь на эту традицию, Н.Г. Чернышевский сделал шаг вперед в критике теории народонаселения Т.Р. Мальтуса и в исследовании некоторых теоретических вопросов, составивших позднее предмет демографии. Критика мальтузианства, изложенная Н.Г. Чернышевским в «Примечаниях в книге Д.С. Милля «Основания политической экономии»», отличается особой полнотой и научностью. Недаром она произвела огромное впечатление на современников и пос-

ледующие поколения передовой русской общественности.

В своем «Опыте о законе народонаселения» Т. Мальтус выступал вообще против всяких идей равенства, ибо видел в них прямую угрозу существующему общественному строю. Равенство, по его мнению, неосуществимо потому, что «не представляет достаточно сильного побуждения к труду и победе над естественной леностью человека». Против равенства, утверждает Мальтус, свидетельствует и открытый им закон природы: любая система равенства в самом непродолжительном времени должна привести к всеобщей бедности, ибо «все люди не могут жить в довольстве. Невозможно, чтобы благодеяния природы разделились на них поровну»[26]. Направленность учения Мальтуса о народонаселении верно подметил Н. Г. Чернышевский:. «Дух книги Мальтуса таков: ...не стремиться к основанию общественного устройства на иных принципах, потому что никакие иные принципы не могут дать обществу большего благосостояния, чем какое дается нынешним коренным его принципом, частной собственностью»[27].

Отсюда ясным становится и отношение Мальтуса к идее прогресса. В конце XVIII – начале XIX вв. идея общественного прогресса, получила весьма широкое распространение. К числу наиболее видных прогрессистов того времени относились А.Ж. Тюрго, А. Кондорсе, В. Годвин и др. Однако сам Т.Р. Мальтус выступил против доведения идеи прогресса до признания необходимости изменения существующего строя в Англии, да и вообще против признания социальной революции. Поэтому Н.Г. Чернышевский отмечает, что Мальтус был «друг улучшений, лишь бы не коренных улучшений». Мальтус призывал лишь «заботиться об улучшении существующих учреждений, а не разрушать их».

Т. Мальтус

Мальтус при этом анализирует влияние роста народонаселения на общественное развитие. Известно, что первые подходы к пониманию роли демографического фактора общественного прогресса были сделаны еще в XVII (В. Петти) и в XVIII вв. (Вольтер, К. А. Гельвеций, Ж. Кондорсэ, Ж.Ж. Руссо и др.). Их взгляды по данному вопросу носили прогрессивный характер. Как меркантилисты и физиократы, они положительно относились к возрастанию численности населения. Однако Д. Таунсенд, Д. Ортес и ряд других экономистов пропагандировали противоположный взгляд. Именно их взгляды были использованы и развиты Т. Мальтусом. По его мнению, рост населения неизбежно приводит к перенаселению, что и является непосредственной причиной пауперизма, нищеты и революции.

Одним из принципов научного мировоззрения Чернышевского

являлось положение о том, что критерием истинности человеческого знания служит «практика – великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли». Исходя из данного принципа, Н.Г. Чернышевский показывает, что теория народонаселения Т. Мальтуса не выдерживает критической проверки действительностью. Это доказывается им при анализе как тенденций размножения (так называемой «геометрической прогрессии» роста народонаселения), так и тенденций развития производства продовольствия («арифметической прогрессий»).

Однако Н.Г. Чернышевский не только отверг мальтузианскую концепцию народонаселения, – он пред-принял попытку позитивной разработки ряда вопросов теории народонаселения. Н. Г. Чернышевский указывал: «Мы желали бы сами дойти» до истины, «притом желали бы мы дойти не до одной отвлеченной истины, а также и до того, чтобы хотя приблизительным образом определить, как велики и какого именно рода были бы усилия людей в передовых странах, чтобы приобрести благосостояние»[28].

В противовес подходу Мальтуса к объяснению проблем народонаселения Н.Г. Чернышевский исходит из того, что и нищета, и рост средств к существованию, и размножение людей зависят от общественных отношений. Он отмечает, что Мальтус пытается свалить вину за нищету «на закон природы..., между тем как вина тут вовсе не в природе».

Мы видим у Чернышевского анализ зависимости размножения (точнее – процессов репродуктивного поведения, пользуясь современной терминологией) от социальных условий. Он близко подходит к признанию социальных различий в рождаемости и различий в направленности действия на рождаемость одних и тех же факторов у различных слоев в одном и том же обществе или в разных обществах. «Если в некоторых слоях некоторых европейских обществ обстоятельства, неблагоприятные размножению, уменьшают число рождений, то в других слоях тех же обществ и во всей массе населения других обществ эти обстоятельства, напротив, доводят число рождений до величины, какой не могло бы оно достигать при большем благосостоянии и меньшей грубости нравов». Он показывает это на примере некоторых европейских стран, где «фабричные работники» и «многие люди среднего сословия» удерживаются «нуждою» от вступления в брак, и земледельческих стран, где «нужда, опасение нужды или расчеты, свойственные нуждающемуся сословию, – увеличивают в земледельческом населении этих стран количество браков, принуждают молодых людей вступить и брак

раньше, чем они желали бы»[29].

Одним из первых в XIX в. Н.Г. Чернышевский обращает внимание на связь между положением женщины и обществе и ее репродуктивным поведением. Более независимое положение женщины, считает Н.Г. Чернышевский, должно привести к понижению рождаемости. Он вообще убежден, что «по мере улучшения общественных отношений и домашнего быта процент рождений должен уменьшаться без малейшего стеснения органических влечений человека»[30].

Доказав зависимость роста средств существования и размножения людей от общественных отношений, русский мыслитель делает вывод: «Думать людям следует не о переделке своего организма, по совету Мальтуса, а разве о том, не могут ли быть отношения между людьми устроены так, чтобы соответствовать потребностям человеческой натуры»[31].

Таким образом, очевидно, что Н.Г. Чернышевский одним из первых не только в России, но и во всем мире поставил и попробовал решить вопросы теории народонаселения, которые остаются актуальными по сей день. Причем к решению этих проблем он подходил с позиции признания взаимосвязи и взаимозависимости социальных отношений и демографической ситуации в обществе, т.е. наиболее современной парадигмы, признаваемой всеми социологами и демографами.

Ссылки

[1] Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений., М., 1939-50, т. II, с. 165.

[2] Чернышевский Н. Г. Полн собр. соч., т. X, с. 742–744.

[3] Чернышевский И. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 709–710.

[4] Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч., т. V, с. 622.

[5] Там же, т. III, с. 138, 615.

[6] Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 646, примечание.

[7] Там же, с. 783.

[8] Там же, т. 1, с. 787.

[9] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 288–289

[10] Там же, с. 291

[11] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 356.

[12] Там же, т. VII, с. 285.

[13] Там же, т. VII, с. 19.

[14] Там же, т. IX, с. 156.

[15] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 154.

[16] Там же, т. VII, с. 265

[17] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 5.

[18] Там же, т. VII, с. 291

[19] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 229.

[20] Там же т. IX, с. 154.

[21] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 240.

[22] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 72.

[23] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 14.

[24] Чернышевский Н, Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 92.

[25] Чернышевский Н, Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 357.

[26] Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения П. А. Бибикова. СПб., т. 2, 1868, с. 37.

[27] Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв. соч. М., 1948, т. III, ч. I.

[28] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 102–103

[29] Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв., т. III, ч. I, с. 396.

[30] Там же.

[31] Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв., с. 452–453.

© 2008 г.
И.А. Тогунов

Закон универсальности социальных организаций

Предпосылки моделирования социальной организации

В основе настоящей публикации лежат многолетние авторские исследования в области сложных динамических систем и теории организации.

Частные модели организации, объединенные соответствующим образом в некую единую «надмодельную» модель могут быть условно названы ***матричной моделью организации***. Социальная организация как система выступает определением и мерилом общественных отношений. В то же время производственные отношения в рамках конкретной целевой организации формируют соответствующую структурную модель организации. Структура организации и производственные отношения в ней соотносятся как форма и содержание.

Одной из основных предпосылок представления структурно-функциональной модели организации является тезис о том, что абсолютное большинство социальных

(производственных) организаций являются **системами маркетингового типа**, т.е. их функционирование так или иначе связано с производством и потреблением товаров либо услуг. Совсем не обязательно, чтобы обмен произведенными товарами либо услугами происходил в направлении «внутренняя–внешняя» среда организации. Сфера обмена может бать как внутренней, так и внешней. Любая организация в свою очередь может являться элементом организации более высоко уровня. Человек является эксклюзивным носителем характеристик, выстраивающих соответствующую модель производственных отношений в организации.

Автором разработан алгоритм задач, позволяющих в самом широком смысле очертить область исследования и понимания социальной организации (см. рис 1).

Подобный подход позволил представить социальную организацию в виде семейства подмоделей, интегрированных в матричную модель, и точек приложения управленческих воздействий.

С целью понимания функциональной взаимосвязи классических элементов организации нами были выделены характеристики, в некотором роде описывающих взаимозависимость определенных групп элементов (рис. 2).

В социальной организации обозначенные элементы и характеристики, находясь в определенной зависимости, образуют некие структуры, системное отображение которых может быть представлено некими условными *моделями*, характеризующими ту либо иною сторону организации. Опираясь на взаимосвязь элементов системы, логически совместив их, получаем условный вариант одной из таких моделей в виде прямоугольной решетки, состоящей из ромбовидных фрагментов, в каждом из которых проведены диагонали. Вершины ромбов обозначим кругами, что условно характеризуют выделенные нами элементы организации, а пересечение диагоналей – прямоугольниками, которые соответствуют характеристикам организации.

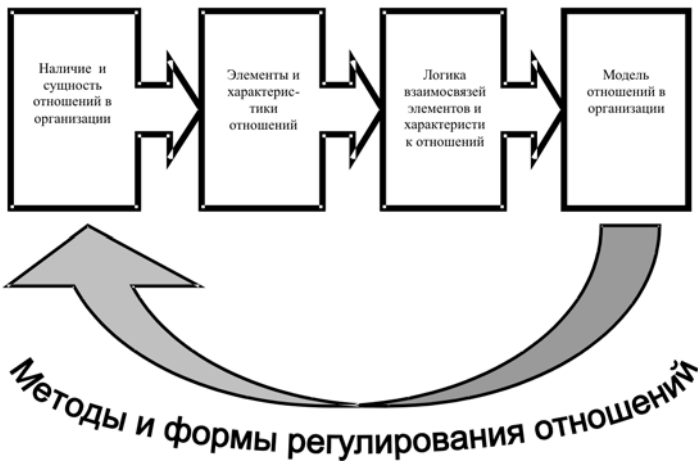


Рис. 1. Алгоритм научного построения модели организации

Характеристики организации находятся в однозначном закономерном соотношениях друг с другом и определённой зависимости, что может

Рис. 2. Основные структурно-функциональные элементы и характеристики организации

быть описано следующей моделью (рис. 3).

Элементы, характеризующие сущность социальной организации логически соотносятся между собой (рис. 4), и, что закономерно, каждый из четырех элементов, расположенных по углам, условно выделенных ромбов, вскрывает сущность конкретной характеристики.

Таким образом, мы подошли к основополагающему моменту нашего исследования социальной организации – обоснованию и построению структурно-функциональных моделей организации, отображающих различные уровни структуры и функционирования такой организации и, в конечном итоге, являющихся основанием для построения так называемой матричной модели организации.

Интегрированная структурно–функциональная модель организации

В системной модели организации условно выделяют элементы, связи, уровни, характеристики, вектора взаимодействия и пр. Характеристики, определяющие сущность и специфику организации, описаны через взаимосвязи элементов, на основе которых конструируется данная модель. Специфика каждой модели организации характеризуется:

– определенным набором элементов, представляющих данную организацию,

– наличием и закономерностями взаимосвязей представленных элементов,

– характеристиками, описывающими различные сущности и состояния организации,

– архитектонической своеобразностью модели организации.

По нашему убеждению, сложность построения любой модели организации (идеально-типического конструкта) заключается в том, что она является динамической системой. Именно эту характеристику трудно отобразить в статичной модели. С развитием современных информационных технологий на базе нейрокомпьютеров у исследователей появляется реальная возможность выстраивать динамические имитационные модели и, экспериментируя, меняя характеристики входных параметров сис-

темы и ее составляющие, получать желаемые результаты.

Ближе других к поставленной цели подошел Ст. Бир[1]. Предлагаемая нами модель построена по принципу разделения организации и управления на соподчиненные уровни и кибернетически ориентирована.

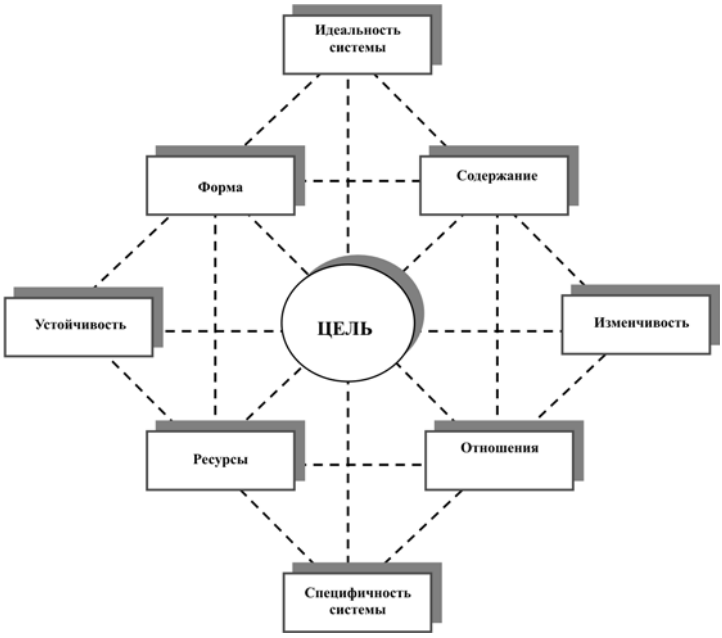


Рис. 3. Структурно-функциональная модель характеристик организации

Исследования маркетинговой организации позволили получить семейство логистических агрегатов, состоящих из элементов организации, и описывающих характеристики и взаимоотношения этих элементов. Разработан научно обоснованный алгоритм построения концептуальной модели маркетинга, позволяющей с определенной долей допущения представить не

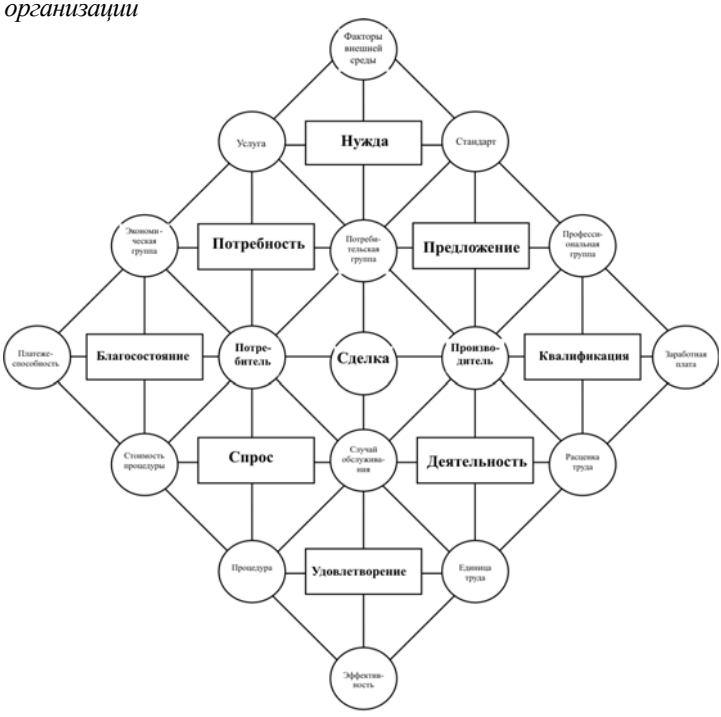


Рис. 4. Структурно-функциональная модель элементов организации

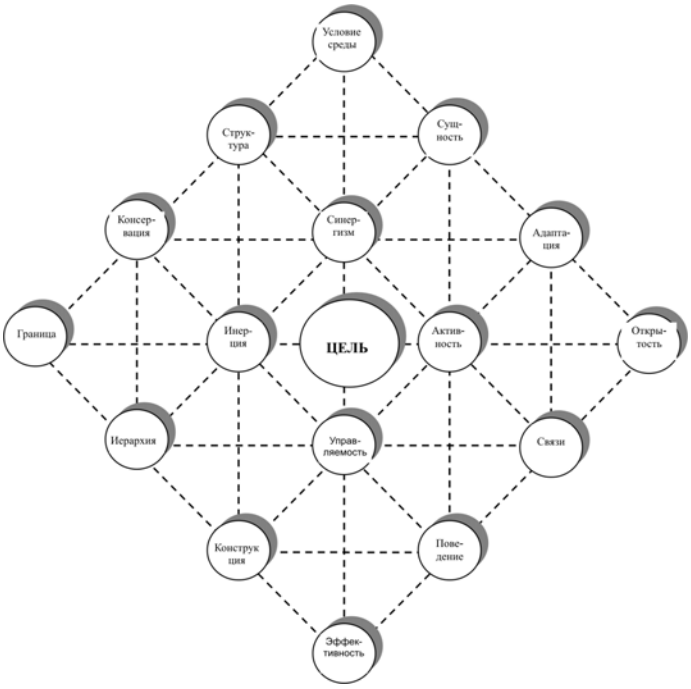


Рис. 5. Интегрированная модель

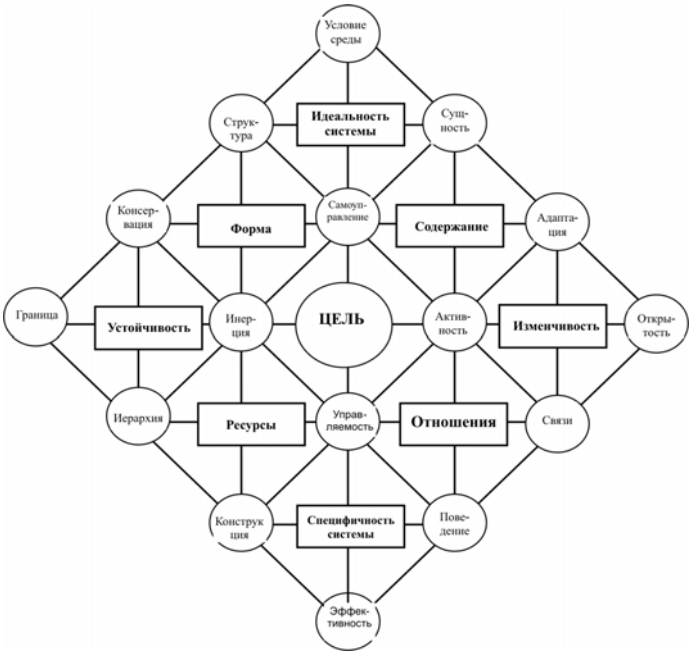


Рис. 6. Модель системы маркетинга

только структурно-логическую композицию организации, но и отобразить логику ее динамических характеристик[2].

Адаптируя модель маркетинговой системы, соотнося ее с классическими моделями организации, удалось охарактеризовать типологические модели организации универсальным набором элементов и характеристик. В частности, ***устойчивый тип*** организации характеризуется границами (своеобразной закрытостью), консерватизмом, иерархической сущностью, инерцией в развитии и жизнедеятельности. ***Ресурсный тип*** организации может быть описан как иерархический, инерционный, конструктивно жесткий, управляемый. ***Механистическому типу*** организации, прежде всего,

присущи жесткая структурная форма, консерватизм, инерция и внутренняя управляемость. Для ***оболочной организации*** характерны адаптация, активность, открытость, связи, что в определенной степени определяет эволюционную изменчивость такой организации.

Построенная интегрированная модель организации (рис. 5) позволяет выделить основные элементы и характеристики организации.

Повторимся, что к основным элементам организации отнесены: структура и сущность, конструкция и поведение, границы и открытость, инерция и активность, консерватизм и адаптация, иерархия и связи, самоуправляемость и управляемость, условие среды и эффективность. К основным характеристикам организации отнесены: идеальность и специфичность системы (организации), форма и содержание (структура и сущность), устойчивость и изменчивость, ресурсы и отношения. Целевая функция организации (цель) выступает как в качестве элемента, так и качестве ведущей характеристики. Утрата целевой функции приводит к уничтожению организации как сущности, в тоже время утрата иного элемента делает организацию «ущербной», но, в определенной степени, жизнеспособной.

Характеристики в модели организации являются своеобразными точками бифуркации смежных элементов. К примеру, характеристика «*отношения*» в организации соотносит в себе две пары элементов: коммуникационные связи - управляемость, поведение – активность. А характеристика «*устойчивость*» организации интегрирует элементы: граница – инерция, консервация – иерархия.

Исследование модели интегрированной системы организации как своеобразной формы и метода, в частности, позволяет условно выделить стратегический, тактический и оперативные уровни управления, соотнести их с соответствующим набором элементов управленческого воздействия; логически обосновать выделение сегментов управления организацией в правовом и экономическом полях; понять конкретику управленческого решения как суть разрешения противоречий между соответствующими элементами и характеристиками организации.

Концептуальная маркетинговая модель

Фундаментальные характеристики, отображающие и характеризующие человеческую деятельность на рынке товаров и/или услуг находятся в линейно-замкнутой зависимости друг от друга и формируют относительно закрытую саморегулирующуюся структуру (рис. 6.).

Организации сферы услуг являются специфическими социальными структурами. Под *услугами* понимают коммерческие занятия. Услугам присуще такие характеристики как неосязаемость, неотделимость от источника, непостоянство качества, несохраняемость. Они предопределяют специфику сделки. Специфическое расположение элементов в модели маркетинга характеризует ее как маркетинговую систему товаров либо маркетинговую систему услуг (см. табл. 1)

Такое соответствие мест расположения категорий в архитекто-

Таблица 1
Соотношение некоторых характеристик маркетинговых моделей товаров и услуг

Модель маркетинговой системы товаров	Модель маркетинговой системы услуг
Образ товара	Услуга
Платежеспособность	Потребитель
Потребитель	Платежеспособность
Заработная плата	Производитель
Производитель	Заработная плата
Единица товара	Процедура
Стоимость товара	Стоимость процедуры

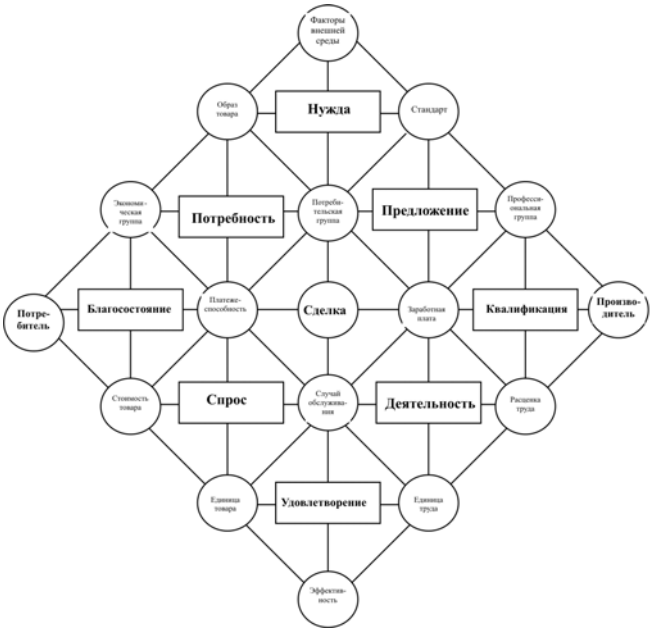


Рис. 7. Модель системы маркетинга услуг

нике модели системы маркетинга товаров и услуг приведено в табл. 1.

Модель маркетинговой системы услуг представлена на рис. 7.

Модель системы маркетинга услуг является частным, хотя и особенным случаем маркетинговой системы.

Интегрированная модель мотивации

Биологическая и социальная сущность человека как элемента производства может быть представлена некой моделью, в определенной степени адекватной иным сущностям социальной организации. В процессе исследования было сделано предположение, что элементы мотивационной модели человека находятся в определенной взаимосвязи (рис. 8).

Самоактуализация – центральный элемент в мотивационной модели человека, интегрировано характеризующий все прочие потребности, составляющие мотивацию. Именно в ней концентрируются все функции каждого элемента мотивационной системы. Наличие категории "самоактуализация" при отсутствии некоторых других элементов мотивационной модели человека оставляет систему жизнеспособной, хотя в некотором роде делает ее «ущербной».

Основой самоактуализации личности является нужда самоутверждения, потребность здоровья и потребность признания. Она соотносит со-

циальную потребность, порождающую нужду самоутверждения, с фактическим социальным статусом индивида. Таким образом, обеспечение самоактуализации в мотивационной системе детерминировано потребностью здоровья и имиджем, потребностью признания и поведением и имеет второстепенную зависимость от нужды самоутверждения, культуры тела, образования и общественным признанием.

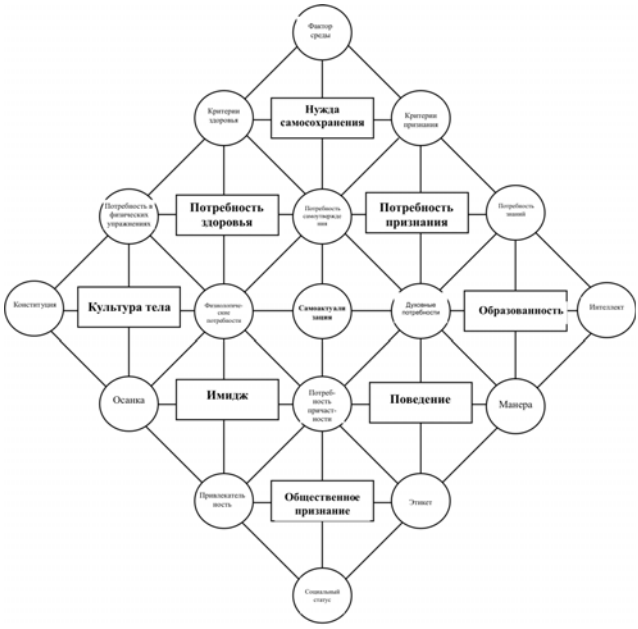


Рис. 8. Интегрированная модель мотивации

Нужда самоутверждения обусловлена внутренними либо внешними факторами. Чувство нестабильности, неуверенности, нехватки чего-либо вызывает в индивидууме психо-соматический дискомфорт, который является мотивацией для удовлетворения нужд вообще и нужды самоутверждения в частности. Групповые социальные потребности также являются внешними факторами, вызывающими нужду самоутверждения.

Осознанное чувство нужды самоутверждения порождает у человека представление критериев физического, психического и умственного состояний, приобретение которых позволит данному субъекту, по его представлению, удовлетворить эту конкретную нужду самоутверждения. Нужда самоутверждения, связанная с физиологическими потребностями индивидуума, формирует конкретную потребность здоровья. Условно стандартизированные характеристики критериев здоровья, отвечающие конкретным задачам и целям деятельности, могут целенаправленно формироваться менеджером.

Потребность физических упражнений является соответствующим параметром потребности здоровья, наполняя конкретными упражнениями (характеристиками) потребность самосохранения (безопасности). Потребность физических упражнений – это конкретная форма достижения критериев здоровья, отнесенных к потребности самосохранения (безопасности).

Потребность самоутверждения (в узком смысле – социальная потребность) в модели мотивации характеризуется основными элементами: потребностью знаний, мане-

рами и **образованностью**. Категория образованность, ее уровень и степень уравновешивает потребность самовыражения личности с интеллектом личности. Интеллект характеризуется уровнем знаний и манерами.

Потребность причастности концентрирует и уравновешивает в себе конституцию с интеллектом, привлекательность с этикетом. Именно в поле потребностей признания противоречиво связаны имидж и поведение, нужда самосохранения в одной из своих характеристик и общественное признание. Степень общественного признания в конкретных проявлениях и формах потребности причастности характеризуется социальным статусом.

Конкретная форма и уровень потребности причастности характеризуется **общественным признанием**, т.е. изменением установок и степени потребности самоутверждения посредством уравновешенности имиджа и поведения. Проще говоря, общественное признание уравновешиваются характеристики личности, какой эта личность представляется и какой на самом деле является. Общественное признание соотносит этикет личности с ее привлекательностью. Категория общественное признание является в интегрированной системе самоактуализации зеркальным отображением нужды самосохранения, тем самым уравновешивает целостную систему самоактуализации.

Категория общественное признание несет в себе как объективные критерии: имидж, привлекательность, поведение, этикет, так и субъективные характеристики. Последние, в целях выделения в них специфических свойств самоактуализации личности, наполняются в системе условно формализованными оценочными критериями – **социальным статусом.**

Принципиальной оценкой социального статуса личности при функционирования мотивационной модели человека является соотнесение формализованных параметров достигнутого социального статуса личности с установочными параметрами социальной среды, или, проще говоря, установление соответствия конкретных данному времени и обществу социальных установок, порождающих нужду самосохранения в рамках самоактуализации. Именно степень этого баланса («фактор внешней среды - нужда самосохранения» и «социальный статус – общественное признание») при всех других определяющих может служить оценочными характеристиками жизнеспособности интегрированной модели самоактуализации и, в определенной степени, характеризует степень ее функционирования.

Матричная модель социальной организации

Социальные системы (организации) типа «производитель–потребитель» с эксклюзивной целевой функцией могут быть представлены семейством одноранговых структурно-функциональных моделей, отображающих (по всей видимости) некий универсальный закон однообразности социальных систем. Такая модель организации в виде «слоёного пирога» условно названа нами «матричной моделью» организации и может быть представлена следующим образом (рис. 9).

Исследуя соотношение элементов и характеристик различных структурных моделей, составляющих матричную модель организации, удалось установить логику соответствия однорановых элементов и характеристик. Приведем несколько примеров.

Пример первый: характеристика «Устойчивость» в интегрированной модели организации соотносится с характеристикой «Культура тела» (физическое здоровье) в интегрированной модели мотивации и с характеристикой «Благосостояние» в маркетинговой модели.

Пример второй: элемент «Поведение» в интегрированной модели организации соотносится с элементом «Этикет» в интегрированной модели мотивации и с элементом «Единица труда» в маркетинговой модели.

Пример третий: характеристика «Отношения» в интегрированной модели организации соотносится с характеристикой «Поведение» в интегрированной модели мотивации и с характеристикой «Деятельность» в маркетинговой модели.

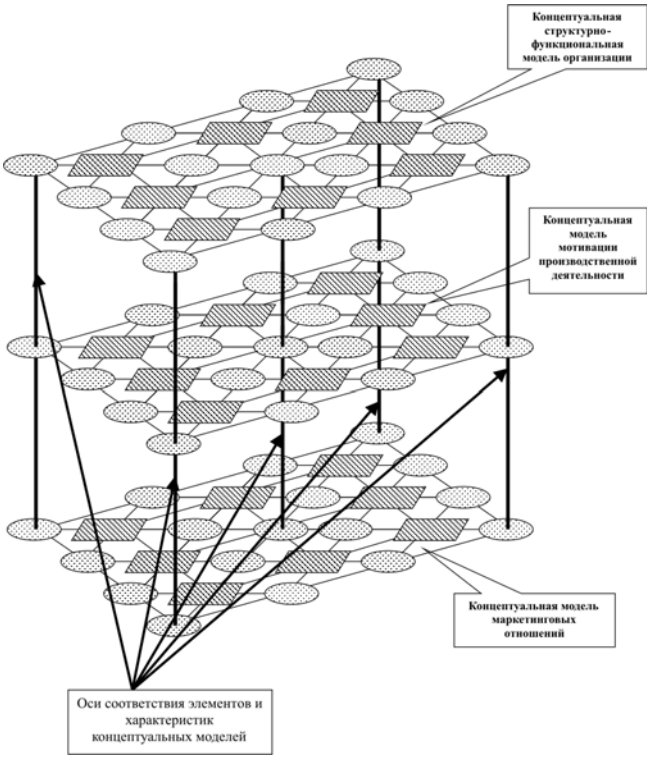


Рис. 9. Матричная модель организации

Разработанный нами методологический подход в понимании сущности социальной организации открывает перед исследователями широкое поле поиска и построения множества аналоговых моделей, характеризующих то или иное состояние такой организации и, что особенно важно, открывает путь к пониманию и доказательству соответствия, казалось бы, несоотносимых элементов и характеристик организации.

Ссылки

[1] Бир Ст. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993.

[2] Тогунов И.А. Модель маркетинговой системы медицинских услуг (маркетинговая формализованная сущность либеральной системы здравоохранения) // Эксклюзивный маркетинг. 1999. № 5. С. 47–83.

МЕНЕДЖМЕНТ

© 2008 г.
Т.В. Зайцева, С.В. Снежко

Влияние неформальных отношений на лояльность персонала

Актуальность взаимосвязи неформальных отношений и лояльности персонала организации связана с двумя обстоятельствами: во-первых, с позитивными изменениями в социально-экономической сфере, произошедшими за последние несколько лет в нашей стране; во-вторых, с упрощением организационной иерархии и распространением неформальных связей, возникающих на основе доверия между сотрудниками.

При современных возможностях трудоустройства, когда ряд стремительно и активно развивающихся представительств западных компаний, равно как и немало российских предприятий, предлагают выгодные и благоприятные условия труда, одного только справедливого вознаграждения недостаточно для сохранения лояльности персонала. Будущий сотрудник, выбирая ту или иную компанию, уже выражает свою *пред-лояльность* — позитивное отношение к компании, сложившееся до того, как сотрудник устроился туда на работу [2]. Такое отношение формируется за счет имени, успешности и стабильности компании, возможностях и условиях, которые она предоставляет, уровня предлагаемой заработной платы и социального обеспечения. Таким образом, материальные условия труда по умолчанию становятся безусловным фактором минимальной лояльности сотрудников. В настоящее время уровень лояльности сотрудников значительно определяет характером взаимоотношений в организации. В частности, неформальными отношениями, которые устанавливают особенности взаимодействия людей, принципы их командной работы, формируют их отношения друг к другу, к руководству, к организации в целом, т.е., высту-

пают значимым субъективным фактором поведения сотрудников, отражающим лояльность персонала организации.

В последнее время многие авторы (J P. Kotter, M.Hammer, R. Meredith Belbin, Ric Duques, Paul Gaske и др.) видят эффективность будущих организаций в изменении и упрощении организационных структур, развитии неформальных отношений. Действительно, в последнее время граница между ролями менеджеров и подчиненных постепенно становится более расплывчатой, происходит ослабление организационной иерархии и упрощение взаимодействия как на вертикальном уровне между руководителями и подчиненными, так и на горизонтальном между сотрудниками одного должностного уровня. Ослабление формализованности производственных взаимоотношений означает, что эффективность и результативность деятельности организации зависит не столько от ее формальной структуры, сколько от прочности и надежности складывающихся в ней неформальных взаимоотношений, основанных на доверии между сотрудниками и руководством [3, с.1]. Именно на доверии формируется лояльность персонала.

Интерес к проблеме лояльности сотрудников появился, когда в сфере бизнеса и практике управления пришли к выводу, что понимание человеческого поведения является решающим фактором управленческой эффективности. Такое изменение в научной мысли определило смещение акцента с эффективности управления организацией как технической структурой на эффективность управления человеческим фактором, процессом взаимодействия персонала и его поведением на рабочем месте.

Лояльность персонала понимается как чувство преданности, как непосредственному руководителю, так и организации в целом, признание и уважение авторитета работодателя, выражающееся в принятии и соблюдении принятых правил и норм поведения, корректном, благожелательном отношении к компании, заинтересованность в ее успешном развитии. «Приверженность работников своей организации является психологическим состоянием, которое определяет ожидания, установки работников, особенности их рабочего поведения» [4, с.423]. Иными

Древний Египет. Чиновники, жрецы, храмовые служители.

людей в рабочем коллективе, поскольку именно взаимоотношения как с коллегами, так и с руководством, во многом формируют общее отношение сотрудников к их работе и организации. Мы рассмотрим, как взаимоотношения в организации влияют на лояльность персонала, насколько значим данный фактор для формирования и сохранения уважительного, благожелательного отношения сотрудников к компании-работодателю.

словами, лояльность - это качественная характеристика поведения сотрудника. Именно через поведение персонала проявляется его отношение к работе. Поэтому взаимосвязь между отношением людей к работе и их поведением отражает их уровень лояльности к организации, проявляющийся в показателях эффективной деятельности (степени отдачи, количестве вложенных усилий в общее дело, наличии желания достигать максимальных результатов и т.д.).

Поведение людей на работе исследуется в рамках организационного поведения — науки, занимающейся систематическим изучением поступков и отношений, проявляемых людьми внутри организации [5, с.2]. В отечественных науках: менеджменте, социологии труда, социологии управления и др. для изучения поведения производственных коллективов также введен специальный термин «трудовое поведение. Специфика «трудового поведения» работников во многом обусловлена социально-психологическими факторами, в частности, взаимоотношениями

Формальные производственные отношения, заданные организационной структурой, всегда обусловлены человеческим фактором, поэтому возникают *неформальные отношения* — самопроизвольно возникающие организационные связи и процессы, незапланированные программой деятельности организации [6, с.95]. Они необходимы организации, поскольку преобразуют механическую структуру в организацию людей, и оказывают значительное влияние на поведение сотрудников в организации.

В зависимости от характера возникающих отношений, выделяют внеформальную основу, связанную с решением производственных задач, и социально-психологическую, возникающую как результат длительного общения работников. Таким образом, разделяют два типа неформальных от-

ношений: *производственные* и *эмоциональные*, или *межличностные*.

Первый тип возникает на основе субъективных связей между людьми и выражает эмоциональность их взаимодействия. В таких связях кроются причины чисто психологического характера, связанные с потребностью в общении.

Второй тип складывается в организациях в результате нарушения формальных структур для решения проблемных производственных задач. Главная особенность таких неформальных отношений — служебное, «деловое» содержание, которое обеспечивает более быстрое и эффективное взаимодействие людей.

В зависимости от частоты возникновения неформальных отношений различают: *разовые, периодические зависимости* и *устоявшиеся* [7, с.12-19] .

Неформальные отношения также классифицируют по уровню общения на: *горизонтальные* (между сотрудниками одного уровня) и *вертикальные* (между руководством и подчиненными). Последние могут быть охарактеризованы как *патерналистские*, *партнерские* или *командные*.

Патерналистские отношения являлись традиционными в советский период. Такие отношения характеризуются покровительственным отношением руководителя к коллективу. Отличительной чертой таких отношений является переплетение производственной, социальной, культурной жизни, где неформальные отношения с руководителем распространялись и не на производственную сферу [8].

Партнерские отношения были характерны для переходного постсоветского периода. Поскольку в это время наблюдался отход от коллективизма и формирование индивидуалистических ориентаций, то руководитель воспринимался как партнер, отношения строились на сугубо взаимовыгодных условиях.

Командными отношениями мы характеризуем современные развернутые неформальные отношения, свойственные командному менеджменту, где наблюдается очень тесный контакт и прямое взаимодействие исполнителей и управленцев. О таких отношениях речь пойдет чуть ниже.

В силу того что сегодня сотрудничество строится на неформальных связях, именно устоявшиеся неформальные отношения приобретают особую значимость для поддержания лояльности сотрудников организации. Значение неформальных отношений заключается в формировании связей доверия среди сотрудников разного уровня, которые могут друг на друга положиться. Преданность своим коллегам и руководителю формирует лояльных сотрудников.

Выделяя специфику неформальных взаимоотношений в качестве существенного фактора, влияющего на лояльность персонала, мы не умаляем значимость иных элементов. Например, ряд авторов (Калабин А., Коновалов А., Харский К.) в первую очередь рассматривают материальное вознаграждение как важный фактор возникновения чувства преданности у сотрудников их работодателю. Среди иных существенных факторов лояльности работников выделяют: удовлетворенность отношениями с руководством и коллегами, содер-

жанием и интенсивностью работы, возможность карьерного роста, социально-психологический климат, информационную доступность. На все эти факторы лояльности персонала влияют различные проявления неформальных отношений.

В качестве одного из факторов лояльности выделяют социально-психологический климат, который в первую очередь определяется характером межличностных отношений в коллективе. Однако во многих научных работах значимость этого фактора недооценена и ставится на последнее место. Хотя именно этот фактор формирует первое впечатление сотрудника об организации, дает ощутить отношения окружающих, как его воспринимают в компании, какие существуют традиции, приняты нормы, правила поведения и взаимоотношения в организации.

Окружение существенно влияет на настроение, трудоспособность, желание работать или уволиться. Поэтому особое значение для благоприятного климата, а, следовательно, и лояльности персонала имеет характер межличностные неформальные отношения между сотрудниками, ведь большую часть рабочего времени работники проводят, взаимодействуя друг с другом.

Попадая в формальную структуру, первоначально сотрудники испытывают недостаток в общении, который компенсируется возникновением неформальных связей, не относящихся к рабочему процессу. Неформальные отношения помогают быстрее, смягчая стрессовые потрясения для новичков, влиться в коллектив, получить ценные советы и поддержку в новой среде, легче приспособиться к требованиям организации. Работники сближаются на основе взаимных симпатий, интересов, присущих им социально-психологических особенностей, что повышает удовлетворенность трудом и пребыванием в организации, сплачивает коллектив. Таким образом, удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами по работе является значимым конструктивным фактором трудового поведения, которое зависит от отношения работников друг к другу. Было установлено, что в благоприятных условиях труда степень удовлетворенности взаимоотношениями с товарищами по работе оказывает положительное влияние на удовлетворенность размером заработной платы, т.е. хорошие отношения с коллегами существенно компенсируют неудовлетворенность уровнем зарплаты [9].

Если новому сотруднику не удается найти общий язык и сблизиться с кем-либо из сотрудников организации по психологическим или социальным признакам, то адаптация может проходить очень болезненно, сопровождаться стрессами и личными переживаниями для индивида. Еще хуже, когда неформальные отношения выходят за рамки дозволительных форм обращения и общения в организации, вплоть до употребления неформальной лексики, проявляются в неэтичном, неуважительном поведении. В такой ситуации лояльности от сотрудников можно не ждать, а в худшем случае это может выразиться в:

– повышенной текучести кадров;

– проблемах коммуникаций и межличностных конфликтах;

– снижении культуры общения;

– расхолаживании дисциплины;

– стрессовости персонала;

– распаде коллектива;

– снижении работоспособности.

Если происходит сближение индивидов, то их взаимодействие по поводу производственного процесса, вытекает в формирование прочной связи неформальных отношений, или социальную сеть — связи между людьми, которые знают друг друга и оказывают помощь независимо от должностного статуса, места работы и профессии [3, (с.3)]. Такая сеть способна:

– развить сильное чувство привязанности к данному коллективу;

– создать ощущение значимости каждого сотрудника для организации;

– вызвать желание совместной работы с окружающими людьми;

– сформировать чувство командного единства;

– установить доверительные и преданные отношения между сотрудниками;

– обеспечить более эффективное взаимодействие персонала;

– стимулировать совместную работу, ориентированную на успех;

– повысить заинтересованность людей в достижении организационных целей.

Все вышеперечисленные функции социальной сети способствуют глубокому внедрению сотрудника в организацию, сохранению его преданности, верности интересам компании, т.е. воспитанию лояльного сотрудников.

Дружеские, приятные отношения с коллегами могут навсегда оставить самые светлые воспоминания о компании. Нередка ситуация, когда люди увольняются из организации по причине низкого дохода или иным вынужденным причинам, но именно взаимоотношения в этой компании дают им основание, чтобы говорить об этой компании как о самой лучшей. Такой положительный опыт лояльности в прошлом формирует у человека ожидания аналогичных отношений в новой компании. Неслучайно поэтому К.В. Харский рекомендует оценивать опыт лояльности кандидата на собеседовании при помощи ряда вопросов, ориентированных именно на характер взаимоотношений, принятых на прошлом месте работы [4, с.440].

Итак, важно понимать, что характер неформальных взаимоотношений в компании может либо сильно привязать людей к организации, либо, наоборот, способствовать их уходу. Неформальные

Неформальные отношения в организации

отношения возникают самопроизвольно, незапланированно. Если их пустить на самотек, то они могут оказывать отрицательный эффект на лояльность персонала. Поэтому с целью создания близких, дружеских отношений, в которых возникает доверие, необходимо их дальнейшее регулирование. Характер взаимоотношений может быть задан руководством на примере общения и взаимодействия со своими подчиненными.

Важным для возникновения лояльности является проявление заботы и внимания к своим сотрудникам. Со стороны компании забота о сотрудниках может быть выражена в предлагаемом соцпакете: медстраховка, оплата мобильной связи, транспорта, обедов, спортклуба, курсов повышения квалификации, иностранных языков, корпоративное кредитование и т.д. Безусловно, это важно, но гораздо важнее человеческий фактор в проявлении внимания со стороны руководителя. Если отношения с подчиненными лишены человеческой теплоты, носят безличный и подчеркивают официальный характер, то между руководителем и подчиненным возникает искусственный психологический барьер, который мешает их взаимопониманию и совместной деятельности.

Руководителю особенно важно заручиться поддержкой и доверием подчиненных с целью формирования команды надежных исполнителей и верных сотрудников. Для этого подчиненным необходимо видеть в своем начальнике не только формального руководителя, но и старшего наставника, помощника, защитника их интересов, который воспринимает их не только как исполнителей, но и близких людей, и несет ответственность за их благополучие. Проявление заботы предполагает, что руководитель хорошо понимает своих сотрудников, интересуется их мнением, проблемами, пожеланиями, советуется с ними. Такие прямые и открытые взаимные отношения, во-первых, формируют у подчиненных позитивное, уважительное отношение к руководству, а, во-вторых, заслуживают доверия подчиненных.

Особо стоит отметить, что неформальные отношения с руководством, или патерналистские отношения, являются традиционным (среди «советских») факторов труда. Для лояльности персонала патернализм может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие. С одной стороны, как было выявлено в специальном исследовании, рабочие, удовлетворенные отношениями с руководством, в значительно большей степени, чем неудовлетворенные, считают уместным вмешательство руководителя в их работу, проявляют большую готовность к выполнению любых его поручений [9].

Именно патерналистские отношения в большей мере способствуют построению доверительных отношений между руководителем и подчиненным.

Однако, с другой стороны, отдельные проявления патерналистских отношений, присущие многим современным организациям, имеют свои минусы. Так, например, во многих компаниях сохраняется система найма и продвижения персонала, в основе которой лежат родственно-дружеские связи, а не объективная оценка профессиональных способностей кандидатов. В свою очередь существование таких неформальных связей подрывает уважение к нему остальных сотрудников, вызывает негативные эмоции у других членов коллектива. Вступая в неформальные отношения лишь с определенным кругом подчиненных лиц, руководитель перестает быть объективным и независимым судьей по отношению ко всему коллективу. В крайних случаях подчиненные начинают выставлять как своих коллег, так и своего начальника в невыгодном для них свете, т.е. подставлять, подсиживать друг друга, что крайне неблагоприятно для служебных взаимоотношений в целом. Такое поведение является следствием соперничества между подчиненными за возможность занять более привилегированное положение по отношению к своему начальнику.

Неодинаковое отношение руководства к подчиненным отбивает желание у сотрудников работать в полную силу, находиться в таком коллективе, провоцирует на нелояльное поведение. Но хуже всего то, что раз потеряв доверие у своих подчиненных, его очень трудно восстановить.

Кроме того, продвижение подчиненных не по заслугам, а «по блату» может негативно сказаться на качестве и результатах работы отдела или всей организации, а также на производственных отношениях. Поэтому необходимо устанавливать отношения доверия в первую очередь с опытными и знающими работниками. Для этого требуется справедливость оценок и соблюдение одних правил для всех, отсутствие любимчиков, но поддержание открытых отношений со всеми подчиненными через постоянное общение, чтобы иметь представление о талантах и способностях своих непосредственных подчиненных, а также об их интересах и увлечениях. Такие дружеские и честные отношения располагают подчиненных к руководителю, обеспечивают их поддержку, тем самым укрепляют лояльность подчиненных. Когда руководитель окружен не просто надежными исполнителями, но и еще профессионалами, то такое сотрудничество будет вдвое эффективнее.

Неформальные отношения, возникающие в производственных целях, компенсируют несовершенство, неудобства, сложности взаимодействия формальной структуры организации. Они также обусловлены человеческим фактором, т.к. возникают в результате взаимодействия людей, и оказывают немалое влияние на такие факторы лояльности персонала как удовлетворенность интенсивностью и содержанием работы, возможность карьерного роста.

Производственные неформальные отношения прорывают границы между иерархическими уров-

нями организации. Отход от определенных формальных рамок *обеспечивает*:

– более быстрое и эффективное взаимодействие людей;

– вовлечение исполнителей в процесс эскалации производственных задач;

– быстрое движение информации;

позволяет сотрудникам:

– чувствовать больше свободы и в тоже время ощущать большее бремя ответственности;

– быстрее ориентироваться в новых условиях и приспосабливаться к изменениям;

– нести полный контроль над выполнением своей работы;

– ощущать себя членами одной команды, нужными для организации;

– стимулировать инициативность и развивает лидерские качества.

Естественно, если у человека есть интерес, стимул, а, главное, заинтересованность в работе, то маловероятно, что у него будет возникать желание сменить любимое дело даже на большие деньги.

В связи с усилением роли неформальных отношений между сотрудниками новые модели организационных структур как никак становятся актуальны. Например, двухуровневая структура в виде трапеции М. Белбина в ответ классической бюрократии. Именно в такой организации, где на вершине трапеции находится как раз команда руководителей/лидеров, которые разрабатывают концепцию будущего, стратегии изменений, определяют цели, а у основания трапеции располагаются команды управленцев, которые реализуют достижение поставленных целей, четко прослеживается идея Дж. П. Коттера о разделении функций управленцев и руководителей/лидеров, которые находятся в постоянном взаимодействии.

Еще одна модель организации — это организация с циркулярной структурой (*circular organization*). В циркулярной организации уровни (круги) упрощенной иерархической структуры находятся в постоянном взаимодействии [10]. Данная структура напоминает вертикальное взаимодействие команд менеджеров и исполнителей. Именно такие неформальные отношения мы называем *командными*.

Предоставление служащим управленческих полномочий определенно вызывает у сотрудников уверенность, что им доверяют, видят в них надежных и верных соучастников общего дела, формирует чувство доверия и преданности, что, безусловно, положительно отразится на их лояльности.

Стоит внести оговорку, что более гибкие, упрощенные, неформальные организационные структуры свойственны небольшим развивающимся компаниям, где у сотрудников больше шансов быстрее развиваться и построить карьеру. В крупных же компаниях возможно введение неформального производственного взаимодействия в рамках отдельных подразделений.

Наличие неформальных каналов взаимодействия обеспечивает функционирование коммуникационных сетей, которые поддерживают обратную связь между персоналом и руководством. Ценностью такой социальной сети является надежность передаваемой информации,

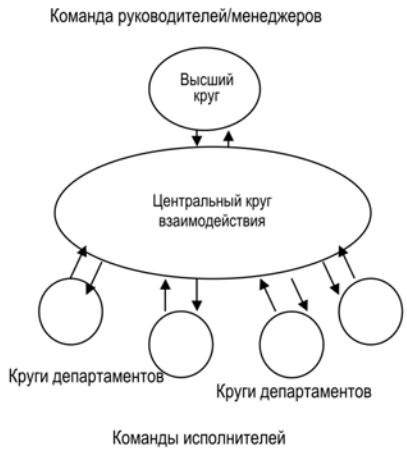


Схема 1. Схема циркулярной организации

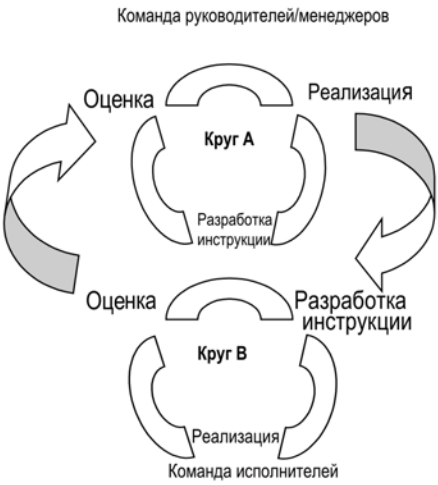


Схема 2. Схема взаимодействия циркулярной организации

что препятствует появлению нежелательных неформальных способов передачи информации, таких как слухи и сплетни, поскольку такое распространение информации не является надежным и достоверным, наводит сотрудников на произвольные размышления о возможных изменениях, последствиях и, таким образом, может создать впечатление, что руководству есть что скрывать.

Одним эффективным неформальным информационным каналом, обеспечивающим обратную связь с персоналом, является коммуникационная сеть, которая называется *«виноградная лоза»* (*grapevine*). В такой сети информация исходит от нескольких лиц, но распространяется между всеми остальными сотрудниками [4, с. 142-143]. Подобная неформальная коммуникационная сеть имеет свои преимущества как для сотрудников, так и для руководства. Для сотрудников преимущество такой сети заключается в том, что она не контролируется руководством, является надежным источником информации и удобным механизмом перевода формальных коммуникаций на язык группового жаргона. Для руководства *«виноградная лоза»* является одновременно фильтром и средством обратной связи, что позволяет менеджерам быть в курсе вопросов, которые больше всего волнуют персонал. Обратная связь способствует эффективной коллективной работе: находясь в курсе постоянных событий, сотрудники все время интегрированы в организационную среду, что способствует быстрому исправлению ошибок, укреплению доверия и доброжелательности в отношениях между руководителями и подчиненными [11, с. 230].

Поддержание тесных, открытых и равных рабочих взаимоотношений с коллегами и подчиненными дает возможность руководителю получить объективную оценку их истинных намерений и интересов. Задача современных уп-

равленцев — использовать неформальные отношения только с пользой формирования группы надежных профессиональных исполнителей, выявления истинно лояльных служащих, на которых можно положиться и быть уверенным, что они работают в интересах организации, а не руководствуются собственными амбициями.

Итак, в настоящее время неформальные отношения являются более значимым фактором лояльности, чем материальное вознаграждение. Неформальные отношения во многом определяют поведение людей, которое характеризует уровень лояльности сотрудников к организации. Различные проявления неформальных отношений могут выступать как конструктивным, так и разрушительным фактором лояльности персонала. С одной стороны, они формируют прочные социальные сети поддержки и доверия, на которых строится сотрудничество людей в организации. С другой, — такие проявления неформальных отношений как неэтичное общение и панибратство может навсегда оттолкнуть перспективных сотрудников. Поэтому, несмотря на то, что неформальные отношения формируются самопроизвольно, необходимо их контролировать с целью обеспечения их позитивного влияния на лояльность персонала.

Формирование не только надежной, но и профессиональной команды подчиненных зависит не только от наличия родственно-дружеских связей в ближайшем окружении руководителя, но и от близких и тесных отношений с опытными и знающими сотрудниками, т.е. необходимо устанавливать равные открытые отношения со всеми непосредственными подчиненными.

Список литературы

1. Макиавелли Н. Собрание сочинений. М., 1996.

2. Коновалов А. Лоялизация. http: // Электронный журнал «Работа с персоналом». 09.04.2004

3. Нестик Т.А. Развивать организацию через развитие социальных сетей: роль кадровой службы // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. №7, 2004.

4. Харский К.В. Благонадежность и лояльность персонала. Спб.: Питер, 2003.

5. Stephen P. Robinson. Essentials of Organization behavior. New Jersey: Pearson Prentice Hall, 2005.

6. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М.: 1995.

7. Алашеев С.Ю. Неформальные отношения в процессе производства: «Взгляд изнутри» // Социологические исследования. №2. 1995. С.12-19.

8. Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратовский университет, 2000.

9. Темницкий А.Л. Социокультурные факторы трудового поведения промышленных рабочих, 1990-е годы // Социологические исследования.

10. The circular organization: an organizational structure that promotes organizational learning/ http://ww.student.nada.kth.se (17.04. 2006).

11. Кочеткова А.И. Введение в организационное поведение и организационное моделирование. М.: Дело, 2003.

© 2008 г.
А. Мисютин

Социальные аспекты внедрения систем Project Management

В современном бизнесе все более широкое применение получают проектно-ориентированные системы управления. Внедрение проектных принципов организации стало одним из ключевых условий конкурентоспособности компаний в целом ряде отраслей бизнеса. Это позволяет более эффективно с точки зрения требований современного бизнеса, эффективно выстроить коммуникации между участниками разработки проектов, а руководству фирмы получить объективную и полную картину проектной деятельности на всех уровнях. Для каждой корпоративной системы управления проектами создаются стандарты Project Management, настраивается информационная система.

На сегодняшний день управление проектами представляет собой развитую профессиональную дисциплину, теоретическую основу которой составляет интегрированный взгляд на управление проектами. В едином процессе проектирования выделяют такие стратегические задачи, как интеграция проектной стратегии организации; определение цели проекта; разработка проектного плана; управление риском; сокращение времени исполнения проекта; календарное планирование ресурсов; лидерство и управление проектными командами; партнерство при проектировании; выбор систем измерения, оценки и аудита состояния проектирования и др.[1] Методология управления проектами использует такие категории, как жизненный цикл проекта, управление качеством, временем, стоимостью, ресурсами, рисками и др.[2]

Однако Project Management – это не только перспективная система организации бизнеса. В первую очередь это парадигма организационного мышления, задающая принципиально новые (по крайней мере, для нашей страны) перспективы карьерного роста, новую систему социальной самокатегоризации и новые жизненные

стратегии, а, соответственно, и содержащая в себе значительный потенциал социальной мобильности. Сертификация PMI PMP® (Project Management Professional) в настоящий момент является одной из самых востребуемых на мировом рынке труда. По мнению экспертов в области HR, наличие этой квалификации значительно повышает ценность специалиста[3]. Сейчас в мире насчитывается всего около 240 000 специалистов с квалификацией, подтвержденной сертификатом PMI PMP®, и это число неуклонно растет.

При этом обучение управлению проектами – это не простой кумулятивный процесс присоединения новых знаний к профессиональному багажу специалиста. Система бизнес-образования в нашей стране лишь начинает складываться. Большинство выпускников отечественных вузов, которые приходят на работу в современную фирму, являются хорошими специалистами-исполнителями, но не имеют элементарных представлений в области менеджмента, никогда не задумывались о том, как строится и работает фирма, как создаются и реализуются проекты. С другой стороны, не только специалисты, но и руководители старшего поколения, чей менталитет формировался в традициях департаментной системы управления фирмой, зачастую оказывают не меньшее сопротивление внедрению принципов проектного управления.

Вот почему внедрение систем управления проектами на практике нередко сталкивается с серьезными ограничениями социального характера.

В 2001–2005 гг. на базе Института по управлению проектами и инновациям по заказу компании Volkswagen Coaching GmbH было проведено исследование 250 немецких компаний, внедривших Project Managemen[4]. В 2004–2006 гг. это исследование приобрело интернациональные масштабы[5]. В основы исследования лег ряд гипотез, выдвинутых в ходе семинара, в котором принимали участие специалисты Института по управлению проектами и научных институтов ряда отраслей бизнеса:

Гипотеза 1. Управление проектами может быть успешным только в тех компаниях, в которых оно поддерживается высшим руководством.

Гипотеза 2. Уровень знаний высшего руководства о выгодах, которые несет с собой управление проектами, необходимо повышать.

Гипотеза 3. Управление проектами – это метод контроля проектов с точки зрения бизнеса, но не признается таковым.

Гипотеза 4. Большинство компаний не используют управление проектами стратегически.

Гипотеза 5. Островки управления проектами преобладают в немецких компаниях.

Гипотеза 6. По сравнению с индивидуальными решениями, выгоды от стандартизованных решений все еще признаются в недостаточной мере.

Гипотеза 7. Для менеджеров проектов существует мало путей карьерного роста.

Гипотеза 8. Практически не существует корреляции между объемом подготовки (тренировки, обу-

чения) и качеством применения управления проектами.

Гипотеза 9. Проектная культура в масштабах компании является наиболее важным основным аспектом успешного управления проектами.

Количественные и качественные исследования, осуществленные германскими специалистами и их западноевропейскими коллегами, подтвердили все перечисленные гипотезы[6].

Сам по себе факт проведения такого исследования свидетельствует о том, что научный мир придает важное значение перспективам дальнейшего развития управления проектами. Эта дисциплина преодолевает свой прикладной характер, включаясь в сферу интересов академической науки.

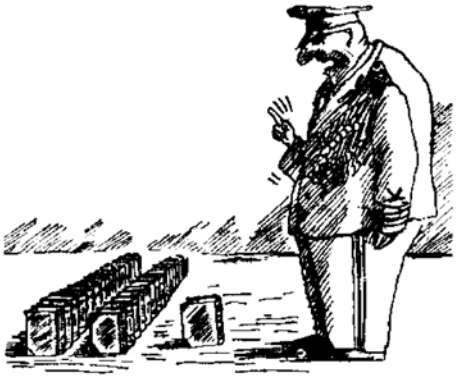
В нашей стране подобные исследования в таких масштабах пока не проводились. Представляется весьма актуальным провести подобное исследование на российском материале и сравнить полученные данные с аналогичными результатами исследования западных коллег.

Компания «PM Expert», входящая в состав ОАО «Армада», является лидером в области управления проектами в России, оказывая профессиональные услуги по управлению проектами, программами и портфелями по таким трем основным направлениям, как консалтинг, аутсорсинг, обучение. В число клиентов «PM Expert» входят такие компании, как РАО «ЕС России», «СИТРОНИКС Телеком Солюшн», «Нестле Россия», «Роснефть», «ГидроОГК» РОСНО, «Тойота Мотор» (более 17 проек-

тов, реализованных силами специалистов PM Expert начиная с 2005 года), ТНК-ВР, «Ренессанс Life», ВТБ 24, Билайн, Сбербанк России, Росгосстрах, «Тройка Диалог», МТС и др.

На сегодняшний день компанией PM Expert разработаны и проводятся девятнадцать очных тренинговых программ по управлению проектами в формате традиционных курсов и симуляционных деловых игр, реализованы 9 программ дистанционного обучения. На курсах PM Expert обучение управлению проектами прошли более 14 000 менеджеров среднего и высшего звена ведущих российских и зарубежных компаний.

Материалы итоговых опросов и интервью, проводимых по результатам сотрудничества PM Expert с российскими компаниями, легли в основу пилотажного исследования, которое позволило выдви-



Принцип единоначалия требует подчинения всех одному

нуть ряд гипотез, характеризующих особенности состояния социальных условий и социальных последствий внедрения систем Project Management в России. Эти гипотезы сформировались в результате сопоставления полученных данных с опубликованными результатами вышеупомянутых исследований, проведенных в Германии и других странах Западной Европы.

Так, сразу бросаются в глаза различия в структуре образования менеджеров. Среди российских менеджеров высшего и среднего звена намного больше людей с гуманитарным образованием.

Более половины западноевропейских менеджеров проектов, имеет техническое образование (52,2%). На втором месте – люди, имеющие образование в сфере бизнеса (25,10%), на третьем месте – в сфере науки (9,6%), на четвертом месте – в сфере информационных технологий (6%). Среди российских менеджеров-сотрудников фирм-клиентов «PM Expert» также высока доля людей с техническим образованием (32%), однако второе место по численности занимают люди с гуманитарным образованием (29%), третье место – люди с экономическим образованием (9%), четвертое место – люди с образованием в сфере информационных технологий. 3,9% всех респондентов имеют ученую степень. Основная трудность сопоставления данных связана с принципиально иной структурой российского высшего образования.

Спектр отраслей народного хозяйства, к которым относятся организации, внедряющие системы управления проектами, у наших западноевропейских коллег более широк. Первые четыре места в списке занимают компании, специализирующиеся в сфере информационных технологий и программного обеспечения (17,90%), автомобильной промышленности (17,50%), телекоммуникационного сектора (11, 65%). Другие секторы представлены незначительно, что, по-видимому, демонстрирует относительно малую значимость управления проектами в соответствующих отраслях: Товары народного потребления (0,40%), торговля (0,80%), сфера обслуживания (8,40%), транспорт / перевозки (8,40%), кредитный и страховой бизнес (4,40%), строительная промышленность (4,40%), создание транспортных средств (4,40%), электроника (3,60%), машиностроение / станкостроение (3,60%), общественное администрирование / оборона (2,80%), коммунальные сооружения (коммунальные услуги) (2,40%), химическая / фармацевтическая промышленность (2,40%), металлургическая про-

мышленность (2,00%), электрический инжиниринг, точная механика, оптика (1,60%), торговля (0,80%), товары народного потребления (0,40%).

Среди российских фирм, активно внедряющих системы управления проектами, преобладают предприятия банковской, телекоммуникационной, энергетической сферы, торговли. Можно предположить, что в этом проявляется влияние макроэкономических факторов, различия в структуре национальных экономик.

Заметна также разница в стаже фирм по работе с системами управления проектами. Респонденты западноевропейского исследования на вопрос: «Когда в Вашей организации было впервые введено управление проектами?» ответили, что 36.7% компаний, опрошенных в ходе исследования имеют более чем 10-летний опыт управления проектами, а 44.6% имеют такой опыт от 4 до 10 лет, 16,3% имеют опыт от 1 до 3 лет, 2,4% имеют опыт до 1 года. В России внедрение систем управления проектами началось позднее: так, среди клиентов «PM Expert» лишь 7% имеют такой опыт более 5 лет.

Весьма специфичной является структура управленческой деятельности в России. Если в Германии у 33,5% опрошенных менеджеров опыт управлению проектами связан с неспецифическими чисто управленческими задачами Project Managemen как функцией управления компанией, то среди российских менеджеров специалистов с подобным опытом значительно меньше. Подавляющее большинство составляют профессионалы, которым приходится заниматься управлением проектами в сфере IT, финансов, НИОКР, HR, логистики, продаж, производства.

В России в настоящий момент значительно выше уровень корпоративности в подготовке специалистов PMI PMP®. В Германии лишь немногим более половины опрошенных (56,2%) показали, что управление проектами официально введено в их компании. Остальные 43,7% проходили обучение по собственной инициативе, из соображений карьеры, планируя переходить в другую фирму. В России такая практика пока развита слабо, в подавляющем большинстве случаев решение о прохождении курса сотрудниками принимает руководство фирмы, на которой внедрена система управления проектами. Причиной этого может быть то, что сам Project Managemen пока еще распространен не широко, поэтому у специалистов, ориентированных на карьеру, нет достаточной мотивации к тому, чтобы платить за обучение из своего кармана: на новом месте работы полученные знания могут оказаться невостребованными. С другой стороны и для работодателей, принимающих решение о приеме на работу специалиста, наличие сертификата PMI PMP® при отсутствии опыта практической работы не означает решающего преимущества.

Весьма интересно сопоставить мотивы внедрения систем управления проектами. Немецкие руководители компаний, принимавшие участие в опросах, ответили на вопрос «Каковы были основные причины введения управления

проектами?» следующим образом: «новое правление» (59,4%); «мотивация наемных рабочих» (47,8%); «стремление выглядеть современно» (34,3%); «давление рынка / конкурентов» (26,7%); «вопросы качества» (26,3%); «возрастание количества проектов» (6,8%); «сжатие сроков, отводимых на выполнение проектов» (6,8%); «возрастание сложности проектов» (4,4%).

Руководители российских фирм на тот же вопрос ответили таким образом, что на первые места вышли «возрастание сложности проектов» (72%) «возрастание количества проектов» (65%); «сжатие сроков, отводимых на выполнение проектов» (54%), легко объяснимые в свете бурного развития молодого российского бизнеса.

Особый интерес представляет сопоставление позиций высшего руководства фирм, внедряющих системы управления проектами, и менеджеров этих фирм, использующих эти системы в своей работе. На вопрос «Насколько успешным было внедрение управления проектами в вашей компании?» немецкие бизнесмены и менеджеры ответили практически одинаково: «Очень успешно» ответили 12, 7%, «Успешно» — 41, 8%, «Довольно успешно» - 32, 7%, «Не очень успешно» - 3,6%, «Не знаю» - 9,2%.

Между тем на российских фирмах картина несколько иная: руководители оценивают эффект внедрения систем управления проектами более оптимистично, чем менеджеры (см. табл. 1).

Причиной расхождений во мнениях относительно результатов внедрения систем управления проектами среди руководителей и менеджеров российских фирм может служить то, что первые оценивают совокупный экономический эффект внедрения новой системы управления, тогда как вторые дают оценку своим собственным ощущениям, связанным с трудностями и повышенными нагрузками этапа обучения и освоения новых инструментов.

Показательно, что на вопрос: «Какие ключевые элементы, по вашему мнению, необходимы управления проектами на уровне всей организации?» более половины (55%) немецких респондентов выбрали ответ «Поддержка высшего руководства», 37% - «Использование методов», 33,10% - «Обучение или курсы», 13, 9% - «организационная структура», 7,6% - передовое программное обеспечение. Для исследования на российском материале такой набор

Таблица 1

Ответы на вопрос «Насколько успешным было внедрение управления проектами в вашей компании?»

Альтернативы	Руководители	Ранг	Менеджеры	
Очень успешно	16%	3	11%	4
Успешно	33%	1	21%	2
Достаточно успешно	31%	2	44%	1
Не очень успешно	4%	5	7%	5
Не знаю	6%	4	16%	3

ответов неприемлем, поскольку (если говорить о клиентах компании «PM Expert») в 100% случаев инициатором внедрения систем управления проектами является высшее руководство фирмы. Поэтому позиция «поддержка высшего руководства» в качестве условия успешного внедрения этих систем выглядит тривиальной. Что же касается обучения или курсов, то практически все клиенты «PM Expert» используют возможность обучения своих сотрудников. «PM Expert» предлагает ряд общих и специализированных курсов по управлению проектами, включающие управление проектами компании на основе стандарта ANSI PMI PMBOK® 3-rd Edition (2004).

Есть расхождения и в качественном представлении преимуществ внедрения систем управления проектами со стороны руководителей и менеджеров российских фирм, в то время как, судя по опубликованным результатам исследования германских фирм, эти расхождения несущественны. На первое место немцы ставят достижение большей прозрачности проектов (48,6%), на второе – улучшенный контроль проектов (43,8%), на третье – более активный мониторинг проектов (34, 3%), на четвертое – более эффективную коммуникацию (20,7%), на пятое – лучшие возможности для предпринимательства (10,8%). Между тем ответы российских руководителей и менеджеров распределились так (см. табл. 2).

Таким образом, если руководителей в системах управления проектами интересует, в первую очередь, возможность контроля (которая интерпретируется как контроль за работой персонала), то для менеджеров возможность именно это следствие внедрения систем управления проектами оказывается на предпоследнем месте, зато первые два места занимают более активный мониторинг проектов и их прозрачность.

Приведенные сравнительные данные позволяют сформулировать общие рабочие гипотезы, характеризующие специфические особенности внедрения PR на российских фирмах.

1. Инициатива внедрения систем управления проектами и обучения менеджеров принципам

Таблица 2

Ответы на вопрос «Какие ключевые элементы, по-вашему мнению, необходимы управления проектами на уровне всей организации?»

Альтернативы	Руководители	Ранг	Менеджеры	Ранг
Возможность лучшего контроля проектов	32 %	1	11%	4
Более активный мониторинг проектов	28 %	2	42 %	1
Большая прозрачность проектов	26 %	3	36 %	2
Лучшие возможности для бизнеса	9 %	4	7%	5
Более эффективная коммуникация	5 %	5	16%	3

Project Management и пользованию этими системами в российских фирмах исходит главным образом от высшего руководства.

2. Высшее руководство фирм, внедряющих системы управления проектами, более позитивно оценивает как перспективы, так и результаты этого внедрения, чем менеджеры, которым приходится непосредственно работать с этими системами.

3. Существует скрытое противоречие между установками высшего руководства фирм, внедряющих системы управления проектами, и менеджеров этих фирм.

4. Менеджеры фирм, внедряющих системы управления проектами, испытывают трудности в овладении этими системами. Причины этих трудностей могут быть связаны как с особенностями структуры высшего образования в России (отсутствие развитой системы бизнес-образования, большая доля специалистов с гуманитарным образованием и др.), так и с традициями отечественного менеджмента.

Для проверки этих гипотез могут быть использованы материалы послетренинговых опросов и интервью, проводимых сотрудниками «PM Expert» в офисах компаний-клиентов с сотрудниками, прошедшими обучение.

Актуальную задачу социологического исследования составляет изучение зависимости степени трудности освоения сотрудниками российских компаний систем управления проектами от демографических характеристик (таких, как образование, возраст, пол), поколенческих и культурных различий, а также исследование динамики отношения к освоению систем управления проектами по годам.

Ссылки

[1] См.: Грей К. Ф., Ларсон Э.У. Управление проектами.— М.: Дело и Сервис, 2007.

[2] См.: Мазур И. И., Шапиро В. Д., Ольдерогге Н. Г. Управление проектами. — М.: Омега-Л., 2007.

[3] http://www.e-xecutive.ru/forum/forum56/

[4] Dworatschek S., Schmidt K., Preuschoff A. Human Factors in international Project Management - A Research Framework //http://www.pm-world-study.com; Status and Trends in Project Management in Germany // http://www.pmprofy.ru/content/rus/148/1487-article.asp

[5] Status and Trends in Project Management in Global Context // http://www.pm-world-study.com

[6] http://www.pm-world-study.com

© 2008 г.
Н.В. Панченко

Корпоративная культура на крупном предприятии

Проведенное исследование касалось проблематики социально-трудовых отношений, социального партнерства, патернализма и корпоративной культуры. Под корпорацией мы понимаем сообщество, группу лиц, объединенных для совместной деятельности экономическими, политическими социально-культурными, сословными и иными интересами. Корпорация принимает обязательные условия социального взаимодействия, правил и норм поведения, которые публично декларируются и закрепляются в официальных документах, одобренных и поддерживаемых членами корпорации, а также общественным мнением.

Так формируется корпоративная культура. Корпоративные нормы отражают и фиксируют процессы становления и развития социальных отношений внутри производственных коллективов и между ними на основе совместно принятых принципов трудового взаимодействия. В таком случае угол зрения смещается в область культуры производства, средств и условий труда, трудового процесса, межличностных отношений работников и т.д.

Корпоративная культура способствует созданию сети межличностных и внутригрупповых коммуникаций; содействует солидаризации, сплочению членов корпорации; помогает формированию и закреплению у членов корпорации знаний, умений, навыков в различных сферах совместной деятельности в соответствии с установленной нормой; позволяет сотрудникам проще ориентироваться в целях корпорации, взаимодействовать между собой и работодателями, легче адаптироваться к условиям внутри корпорации.

Корпоративная культура рассматривается нами как способ социальной интеграции, который отличают наличие цели деятельности, целесообразности поведения индивидов (ориентация на других), наличие иерархиезиро-

—Вы мне постоянно льстите, Брюстер. Мне нравится эта черта в молодых сотрудниках.

ванной структуры отношений и легитимного господства.

В 2006-2007 гг. мы провели исследование корпоративных практик на трех крупных (работает свыше 1000 человек, есть филиалы в других регионах) предприятиях. Все они играют значительную роль в экономике Барнаула и Алтайского края, интенсивно развиваются, увеличивают количество рабочих мест, используют современные технологии менеджмента. Это ИД «Алтапресс» (медиахолдинг), торговая сеть «Мария-Ра» (торговля продуктами в розницу и оптовые продажи), завод «Сибэнергомаш» (котельное оборудование и сопутствующие детали).

Постоянно развивающиеся компании не могли бы выжить без построения четких правил корпоративной культуры. Последняя не предполагает диалога между работниками и работодателями и, тем более, подписанных договоров. Система взаимоотношений выстраивается следующим образом: работодатели предлагают работникам набор правил и установок, которые последние вольны принимать или не принимать.

При наличии проблем в сфере труда они решаются «по усмотрению руководства». На некоторые сложности (неважные условия труда, шум, пыль, плохая техника, ненормированный рабочий день) сотрудники предпочитают закрывать глаза. Еще одна особенность современных крупных компаний – преднамеренно суженный круг социальных гарантий, которые, правда, выполняются практически в полном объеме: работодатели предпочитают платить более высокую зарплату, оставляя работникам право на выбор. Они не предлагают сотрудничества, участия в управлении предприятием: современные руководители крупных корпораций достигают лояльности сотрудников при помощи высоких зарплат и корпоративной культуры. Последняя призвана реализовать одну из базовых человеческих потребностей – в аффилиации, принадлежности к группе: сотрудникам внушается чувство восхищения и гордости компанией, а также чувство причастности к общему делу.

Примером могут служить лыжные праздники, которые организует компания «Мария-Ра» - ежегодное мероприятие, которое собирает на лыжне несколько тысяч человек. «Алтапресс» поддерживает и инициирует политические акции, формирующие гражданскую позицию (подписание хартии независимой прессы, организация экологических марафонов). В рам-

ках корпоративной культуры происходит воспитание сотрудников в духе преданности организации, содействие социализации новых работников. Корпоративная культура осуществляет и регулирующую функцию.

На трех обследованных предприятиях с целью сплочения и оздоровления коллектива регулярно проводятся спартакиады. Проводятся крупные праздники – встреча Нового года, «Мария-Ра» и «Сибэнергомаш» широко отмечают городские и профессиональные праздники. На «Сибэнергомаш» также проводятся корпоративные игры КВН, конкурсы «Мистер» и «Мисс Энергомаш» конкурсы профессионального мастерства среди котельщиков, сварщиков, машинистов кранов, мастеров производств, а также выпускается корпоративная газета.

Во время таких праздников происходит интенсивная коммуникация работников и работодателей, последние наблюдают за первыми, а работники имеют шанс высказать свое недовольство или внести рацпредложения в неформальной обстановке.

У ИД «Алтапресс» есть внутренний сетевой ресурс, на котором компания вывешивает новости, а работники высказывают по этим информационным поводам свое мнение.

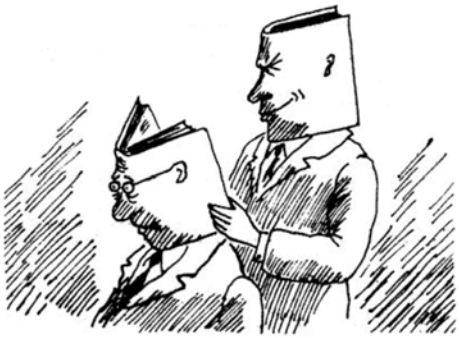
Корпорации заботятся о здоровье сотрудников – «Мария-Ра» в 2007 году начала обеспечивать льготные клубные карты в фитнес-центры. ИД «Алтапресс» в 2006 году начал ежегодную диспансеризацию всех сотрудников холдинга: за счет компании сотрудники проходят комплексное медицинское обследование.

В ИД «Алтапресс» сотрудники имеют возможность получать разные печатные издания по сверхльготным ценам, бесплатно размещать в СМИ частные объявления. В «Мария-Ра» работники могут покупать продукты по льготным ценам.

На обоих предприятиях работники имеют возможность пользоваться корпоративной техникой, Интернетом, телефонной связью, канцелярией в личных целях. Доход, который получают работники обследованных предприятий, для большинства опрошенных позволяет покупать еду и прочее необходимое (68-70%). Большая часть респондентов (14-18%) может оплачивать крупные покупки, не накапливая деньги, а 10% не ограничивают себя в тратах.

Как правило, на первом уровне структуры корпоративной культуры находятся артефакты: внешний вид офиса, сотрудников, стиль организации – символика, оформление офиса, логотипы. Что касается ИД «Алтапресс», то он имеет внятную символику (бело-синие цвета, логотип в виде раковины, корпоративные футболки, ручки, флаги и пр. Офис оформлен фотографиями, демонстрирующими успехи компании. Внешний вид части сотрудников (журналисты, фотографы, служба персонала, бухгалтерия, водители и пр.) не регламентирован, сотрудники типографии одеваются в униформу.

Практически то же самое можно сказать об «Сибэнергомаш»: компания имеет логотип в виде язычка газа, корпоративные фут-



В забюрократизированной организации больше всего почитаются инструкции.

болки, ручки, блокноты; внешний вид части персонала регламентирован. Магазины «Мария-Ра» полностью «упакованы» артефактами – в общий стиль вписываются вывески, оформление грузового транспорта, униформа, мерчендайзинг и пр. С другой стороны, головной офис не дает представления о компании и ее корпоративной культуре.

На том же уровне структуры корпоративной культуры каждое из обследованных предприятий имеет специальные документы, где описаны ценности организации.

Второй уровень корпоративной культуры - ценности, мифы, истории и легенды, ритуалы и традиции. В этом плане корпоративная культура обследованных предприятий еще не развита. Существуют отдельные легенды о том, как начинался этот бизнес – в частности, в «Алтапрессе» любят историю о том, как эта крупная компания – один из пяти крупнейших издательских домов России – начиналась с одного кабинета, трех светлых голов и одной печатной машинки. И именно честность, независимость и креативность привели к большому успеху и позволили компании развиться. Аналогичные истории существуют в двух остальных компаниях.

Во всех обследованных компаниях принято считать, что материальная и духовная культура корпорации ориентируется на неуклонное повышение качества трудовой жизни членов корпорации. В ИД «Алтапресс» каждый работник в курсе того, как строится система финансового вознаграждения – помимо оклада, сдельной оплаты труда и премий, сотрудник корпорации имеет право на получение материальной помощи в сложных ситуациях, получение ссуды и денежные подарки в случае свадьбы, дня рождения и рождения ребенка. Аналогичная ситуация складывается в двух других компаниях.

Качество трудовой жизни повышается с помощью обеспечения безопасных условий труда, продвижение по карьерной лестнице (допустим, в «Мария-Ра» каждый продавец знает, что в течение пары лет может дослужиться до товароведа отдельного магазина, потому что компании неустанно расширяет свою сеть), а также участия в принятии решений. Выяснилось, что последний аспект, органичный для западной корпоративной культуры, не раскрыт в крупных корпорациях российского региона – работники практически никак не участвуют в процессе принятия решений.

Зачастую возможность трудиться в большой, известной компании, которая предоставляет со-

циальные гарантии и возможность увеличить социальный капитал, становится решающей при выборе работы и перевешивает определенные финансовые бонусы.

Такие большие компании, как «Мария-Ра» и «Алтапресс» позволяют работникам формировать и накапливать социальный капитал – связи, необходимые для того, чтобы можно было максимально использовать экономический и культурный капиталы.

Ради работы в большой корпорации сотрудники готовы отказаться от возможности высказывать свое мнение, они заранее настроены на патерналистские отношения. Например, только около 2-2,8% респондентов указали, что они обладают полной информацией о делах предприятия. Большинство все же считает, что обладают информацией частично, находятся в курсе дел в общих чертах – 78-82%.

В теории корпоративного управления считается обязательным выполнение принципов, составляющих основу кадровой политики: демократии, сотрудничества, знания особенностей трудового коллектива и заботы об удовлетворении его потребностей, социальной справедливости, соблюдения равенства в подходе к людям и последовательности в реализации кадровой политики. На практике реализации корпоративного управления на крупных предприятиях российского региона получается, что именно эта часть остается не включенной в систему отношений «работодатель-работник».

Представляется правомерным говорить о корпоративной культуре, если выполняется несколько

Скажите правду, Тэд, вы из секты трясунов или просто дрожите?

условий работы персонала, работники удовлетворены, обстановка в коллективе неконфликтна. Корпоративную культуру можно создавать, только удовлетворив базовые, материальные потребности работников. Должны быть доверие к руководству, умение работника, уверенность в завтрашнем дне.

Несмотря на некоторые, указанные выше, несоответствия и недоработки в процессе формирования корпоративной культуры, можно сказать, что все три предприятия выполняют эти условия.

Формирование корпоративной культуры следует рассматривать как альтернативу коллективно-договорным отношениям: описанные выше феномены могут служить иллюстрацией того, как на региональном уровне складывается кор-

поративизм постсоветского типа.

Успешность деятельности вновь созданных частных предприятий (завоевание и удержание рынка сбыта) сопровождается или даже базируется на применении традиционной, характерной для предприятий советского типа политики в сфере трудовых отношений. Мы имеем в виду авторитарный стиль управления персоналом в совокупности с использованием коллективистских и патерналистских ориентаций рабочих.

Однако, в отличие от бывших госпредприятий, на которых еще сохранились остатки советской инфраструктуры производственного быта, на новом частном предприятии упор делается на материальном вознаграждении за труд, максимально игнорируя другие потребности рабочих.

Рассматривая корпоративную культуру крупных предприятий, мы можем говорить о возрождении патерналистских тенденции в социально-трудовой сфере. Если в советском обществе патернализм был по преимуществу государственным, поскольку, именно государство являлось основным работодателем и распределителем материальных благ, осуществляло защитные функции, то сейчас, после попытки построить систему партнерских отношений, государственный патернализм сменяет локальный, который, главным образом, функционирует на уровне производственных организаций.

Построение корпоративной культуры стало возможным с обретением большинством предприятий экономической и юридической самостоятельности, независимости от государства. К тому же, распад хозяйственно-экономических связей, снижение объемов производства, ухудшение финансово-экономического положения предприятий, рост безработицы, недостаточная конкурентоспособность работников на рынке труда объективно привели к еще большей зависимости работников от своих предприятий.

Все это говорит о сдвиге в отечественном патернализме - постепенном выдвижении в качестве доминирующего агента администрации предприятия. Человек чувствует себя более защищенным и свободным в жесткой, закрытой системе с малым выбором занятий и предписанными возможностями социального продвижения, чем в условиях неопределенности, в подвижной и открытой системе с универсальными нормами, формально равными для всех.

Работники предпочитают заключать некий непрописанный пакт: при наличии социальных гарантий и приемлемой зарплаты, они не пытаются участвовать в управлении предприятием. Они не пытаются создавать объединения, а уже существующие профсоюзы (профсоюз существует только на одном из обследованном предприятии – «Сибэнергомаш») номинальны по своей сути. Наемные работники самоустраняются как от процесса управления предприятием, так и, вообще, взаимодействия с работодателями по поводу улучшений условий труда, повышения заработной платы и прочих сторон социально-трудовых отношений.

Работодатели, в свою очередь,

платят им за такую позицию монетой и предоставлением разных благ. Работникам удобно трудиться в компании, которая заботится о них и выплачивает им приемлемую зарплату, не пытаясь принимать участие в управлении этой компанией. Причем, как показало исследование, те предприятия, где коллективного договора, профсоюза нет, и никогда не было («Мария-Ра», ИД «Алтапресс») предоставляют большее количество социальных гарантий работникам.

Таким образом, мы можем видеть, что от системы социального партнерства, с четко представленными сторонами и инструментами диалога, взаимодействия, соглашений, которые исполнялись лишь в определенном работодателем объеме крупные предприятия переходят к системе корпоративного патернализма, когда работодатели прислушиваются к мнению работников, но сами определяют тот пакет социальных гарантий и условий, которые предлагают сотрудникам.

Корпоративная культура позволяет четко прописывать «правила игры», рамки для развития социально-трудовых отношений, управляя поведением и потребностями сотрудников, а также создавать иллюзию взаимодействия, сотрудничества работников и работодателей. Такие технологии построения системы социально-трудовых отношений отлично характеризует слоган, придуманный для работников ИД «Алтапресс»: «Алтапресс» - мы одна команда!»

Мы–однакоманда

© 2008 г.
И.И. Бажин, М.А. Маленькая

Навыки принятия управленческих решений госчиновников

Невысокая эффективность осуществляемых органами власти социальных инноваций связана с использованием в практике слабо структурированных управленческих воздействий. Такого рода воздействия не создают замкнутого управленческого цикла, обеспечивающего успешное внедрение в социальную среду осуществляемых инновационных преобразований. Поэтому возникающая необходимость нацеленности органов власти на конкретные результаты принимаемых управленческих решений, оцениваемых адекватными количественными критериями, требует использования в практике четко алгоритмизированных управленческих процедур, являющихся основой механизма повышения эффективности их инновационной деятельности.

Эту алгоритмизированную последовательность обобщенно можно представить в виде пятиэтапной технологической модели разработки управленческих решений [1]:

1) выявление проблемы и постановка цели с определением количественных критериев достижения результата;

2) сбор всесторонней информации, выявление ограничений и условий эффективного решения;

3) разработка альтернатив решений и выбор оптимального решения;

4) организация выполнения принятого решения;

5) контроль выполнения решения в соответствии с критериями достижения результата.

Заметим, что представленная модель разработки управленческих решений исчерпывающе синтезирует управленческую деятельность в социальных инновационных преобразованиях. Соответствие управленческой деятельности государственных и муниципальных служащих структуре компонентов указанных этапов и

Таблица 1

Категории муниципальных служащих, обучавшихся по программам профессиональной переподготовки в ИПК ВВАГС (2003-2007 гг.)

Главы городских администраций	18
Заместители глав городских администраций	2
Начальники (заместители) отделов, управления делами городской администрации	51
Специалисты городских администраций	121
Главы районных администраций области	8
Заместители глав районных администраций области	26
Начальники (заместители) отделов, управления делами районной администрации области	125
Специалисты районных администраций области	109
Главы администраций района в городе	1
Заместители глав администраций района в городе	4
Начальники (заместители) отдела, управления дел в администрации района города	46
Специалисты районных администраций в городе	82
Главы сельских администраций	84
Заместители глав сельских администраций	4
Специалисты сельских администраций	22

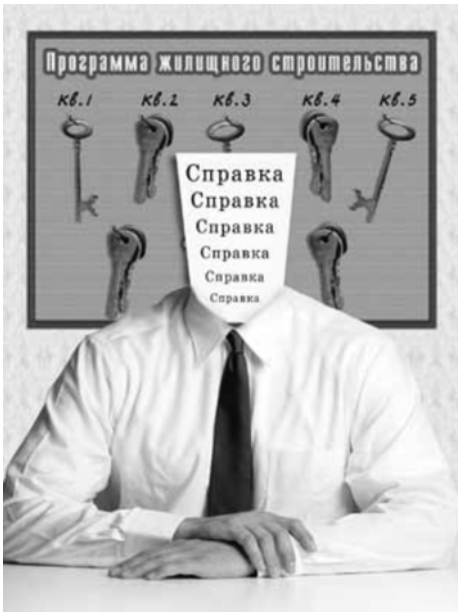
их содержанию, по сути, определяет эффективность социальной инновационной деятельности, осуществляемой органами власти [2].

В свете этого представляется необходимым проанализировать готовность государственных и муниципальных служащих к воспроизводству такой методологии, определить наличие у них необходимого уровня практических навыков в управлении социальными инновациями. Заметим, что государственные и муниципальные служащие, представляющие собой особые социальные группы, с этих позиций, по сути, не исследованы.

В качестве объекта исследования нами были выбраны государственные и муниципальные служащие, обучавшиеся в Институте повышения квалификации Волго-Вятской академии государственной службы по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Особенность такого подхода к выбору объекта состояла, с одной стороны, в большей открытости слушателей для изучения управленческого потенциала в условиях отрыва их от производства, с другой стороны – в относительной инструментальной и организационной простоте осуществления такого исследования.

Исследование проводилось в период с 2003 г. по 2007 г., в течение которого повышение квалификации и профессиональную переподготовку в ИПК ВВАГС осуществили в общей сложности 7807 государственных гражданских и муниципальных служащих различных категорий и рангов, так что выборка является вполне репрезентативной.

По должностным категориям муниципальные слушатели, обучавшиеся в 2003-2007 гг. по программам профессиональной пере-



подготовки, распределились следующим образом (табл. 1).

Обнаружилось, что в течение последних пяти лет обучение преимущественно прошли (по всем видам органов власти) управленцы среднего звена (руководители департаментов, специалисты, руководители отделов, управляющие делами). Эти категории составили в общей сложности около 70% в общем числе обучившихся. В то же время первые лица во всех категориях слушателей представлены слабо. Не учатся губернаторы и их заместители, обучается небольшое количество глав городских администраций и районных администраций города и области. Приятным исключением является стремление к обучению глав сельских администраций. Между тем, **непрерывное повышение квалификации является одним из восьми ключевых принципов управления территорией**.

В качестве методического инструментария описываемого исследования нами была разработана модификация метода включенного наблюдения, основанная на использовании оригинальной технологической структуры проведения занятий при обучении государственных и муниципальных служащих.

В рамках изучения дисциплины «Разработка управленческих решений» слушатели осваивали алгоритмизированную последовательность инновационной деятельности не только в теоретическом курсе, но и в процессе проведения деловых игр, позволяющих оценить практические навыки управленцев. Именно технология деловой игры, трансформирующая слушателя из объекта обучения в субъект образовательного процесса, открывает возможность изучения слушателей-управленцев, как специфической социальной группы. Такой метод социологического исследования применительно к особой социальной группе показал свою эффективность, поскольку при проведении деловой игры выполнение каждого этапа разработки управленческого решения по выбранной проблеме (обычно тесно связанной с реальной деятельностью слушателя) раскрывало потенциал управленца по соответствующему компоненту управленческой технологии инновационной деятельности. Здесь выявлялись все типичные ошибки, имеющие место в практической деятельности органов власти различных уровней, степень их профессиональной и психологичес-

кой готовности к осуществлению социальных трансформаций, приверженность устоявшимся стереотипам и т.п.

Методика проведения деловой игры построена таким образом, что авторы статьи, будучи преподавателями-организаторами учебного процесса, одновременно являлись включенными наблюдателями, имеющими возможность в непосредственном контакте анализировать уровень навыков слушателей-управленцев, которые в этом случае также выступали в двух ипостасях: как субъекты образовательного процесса и в то же время – как объекты социологического исследования.

Суть методики состоит в организации следующих технологических процедур, занимающих 4-8 часов учебного времени:

1. Группа слушателей (обычно 25-30 чел.) делится на команды численностью по 5-6 человек.

2. В течение 15-20 мин. каждая из команд генерирует 3-5 проблем, с которыми им приходится сталкиваться в процессе своей деятельности, и ранжирует их в порядке убывающей важности.

3. Публично (с участием преподавателя-организатора) обсуждаются формулировки проблем, после чего каждая из команд получает задание на разработку одной из обозначенных проблем.

4. В течение 1-1,5 часов каждая из команд разрабатывает управленческое решение по своей проблеме в строгом соответствии с описанной выше пятиэтапной технологической моделью и готовит публичное выступление по результатам работы.

5. В процессе выступления каждая из команд отвечает на вопросы присутствующих и в свободной дискуссии отстаивает свою точку зрения.

Роль преподавателя при такой технологии сводится к четкой и умелой организации обсуждения, активизации слушателей к вопросам и дискуссии. При этом преподаватель задает в нужный момент необходимые вопросы, выступает в оценке качества доложенного материала как один из экспертов. Важно отметить, что в случае необходимости преподаватель должен либо по ходу обсуждения, либо в своем итоговом резюме отметить тонкие стороны обсуждаемого вопроса, поправить все неточности и ошибки докладчиков и участников дискуссии.

Опыт авторов в преподавании по такой технологии в течение нескольких лет показал, что изложенный подход позволяет специалистам получить не только глубокие теоретические знания, но и устойчивые навыки по практическому применению этих знаний в профессиональной деятельности. Знания, добытые «собственным трудом» в процессе деятельного обучения, становятся истинной собственностью подготовленного таким образом специалиста, его вторым «я» и дают ему возможность эффективно включиться в практику профессиональной деятельности.

Спектр проблем, выбираемых для разработки управленческих решений, был достаточно широк и охватывал самые разнообразные сферы деятельности органов власти. Это обеспечивало высокую

представительность материала в проводимых социологических исследованиях контингента управленцев. Вот лишь небольшой перечень проблем, рассматриваемых в деловых играх, на протяжении проведения исследования (обучения) с 2003 по 2007 г.

1. ***Государственные служащие субъектов РФ и федеральные государственные служащие***:

Нарушение экологического баланса региона.

Низкий уровень рождаемости.

Снижение численности населения в регионе.

Наличие на рынке региона некачественных и дорогих продуктов питания.

Высокий уровень заболеваемости острыми кишечными инфекциями и вирусным гепатитом А.

Неудовлетворительна иммунопрофилактика населения.

Высокая смертность среди мужского населения.

Отсутствие экологического воспитания населения.

Плохая обеспеченность жильем молодых семей.

Отсутствие регулирования рынка труда в профобразовании.

Отсутствие системы формирования здорового образа жизни.

Отсутствие условий для обеспечения электроэнергий застройщиков жилья.

Низкий уровень влияния отраслевого Министерства на деятельность государственного предприятия.

Низкая эффективность управления государственным предприятием.

Отсутствие системы информационного обеспечения в территориальном управлении Роспотребнадзора.

Неудовлетворительная вакцинация против гриппа в сезон 2005-2006 гг.

Отсутствие контроля и учета доз облучения населения ионизированным излучением.

Загрязнение водоемов неочищенными сточными водами.

Отсутствие взаимодействия власти, бизнеса и общественности.

Недостаточная инвестиционная привлекательность района.

Несогласованность и противоречие нормативно-правовых актов трех уровней: федерации, субъектов федерации и муниципальных образований.

Принятие законов на федеральном уровне без учета мнения муниципального образования.

2. ***Муниципальные служащие различных категорий***:

Отсутствие средств на проведение технической инвентаризации объектов недвижимости для регистрации права муниципальной собственности.

Отсутствие порядка разграничений муниципальной собственности по поселениям.

Отсутствие достоверной информации об объектах муниципальной собственности.

Потеря имущества при банкротстве муниципальными предприятиями.

Отсутствие взаимодействия структурных подразделений органов местного самоуправления.

Недостаточно квартир для переселения жильцов из ветхого фонда.

Неуплата налога на имущество комплекса, переданного в безвозмездное пользование.

Отсутствие активности юридических лиц по переоформлению прав на землю.

Отсутствие высококвалифицированных специалистов в области имущественных отношений.

Отсутствие механизма передачи имущества в рамках разграничения полномочий между ОМС внутри района.

Низкая эффективность использования муниципального имущества.

Сложный механизм перевода земель из одной категории в другую.

Возникновение несанкционированных свалок.

Перебои в обеспечении водой населения муниципального образования.

Недостаточная мощность котельной для отопления жилья.

Перебои с водой, ветхость водопровода.

Большой травматизм на дорогах в населенных пунктах.

Отсутствие условий вывоза, переработки и утилизации бытового мусора.

Гибнет рыба в пруду.

Недостаточность бюджетного финансирования.

Слабая занятость подростков и молодежи.

Недоступность получения жилья.

Плохое обеспечение льготного отпуска лекарств.

Рост социального сиротства и подростковой преступности.

Недостаток врачебных кадров в МО.

Низкая техническая и кадровая обеспеченность учреждений социальной защиты населения.

Сложности содержания и сохранения малокомплектных сельских школ.

Трудности с развитием физкультуры и спорта в муниципальном образовании.

Отсутствие надлежащего обеспечения труднодоступных сельскохозяйственных районов бытовыми и торговыми услугами.

Отсутствие механизма по исполнению закона РФ «Об ограничении курения табака».

Низкий профессиональный уровень специалистов в сфере потребительского рынка и услуг.

Низкое качество предоставляемых услуг ЖКХ на территории района. Недостаточная эффективность систем теплоснабжения МО.

Отсутствие технических и финансовых возможностей утилизации бытовых отходов МО.

Слабое развитие транспортных систем в МО.

Отсутствие механизма оптимального размещения предприятий торговли и общественного питания МО.

Неэффективное разграничение полномочий по управлению муниципальной собственностью МО.

Низкий уровень компьютерной грамотности выпускников школы

№28.

Дискриминация женщин на рынке труда.

Неудовлетворительное качество питьевой воды в водопроводе села Игумново.

Несанкционированная торговля пищевыми продуктами в районе.

Повышенная заболеваемость острыми кишечными инфекционными заболеваниями населения села Прокошево.

Высокий уровень заболеваемости гриппом в Н.Новгороде.

Неудовлетворительное качество питьевой воды в деревне Кузьминки.

Отсутствие техники для вывоза мусора.

Заметим, что в ряде случаев слушатели в качестве первостепенных выдвигали проблемы, связанные с недостатками в организации их собственной профессиональной деятельности (невысокие зарплаты, плохо организованные рабочие места, слабая укомплектованность компьютерами и т.п.), нередко забывая, что главная их забота – социальная обустроенность людей на управляемой ими территории. То есть, часть работников властных структур в принципе слабо представляет свою социальную роль в управлении территорией.

Основные недостатки исследуемых в навыках реализации поэтапно алгоритмизированной последовательности разработки, принятия и внедрения управленческих решений состояли в следующем.

Этап 1. Выявление проблемы и постановка цели с определением количественных критериев достижения результата.

Здесь управленцы испытывают затруднения в четком формулировании проблемы как неудовлетворительного состояния системы по отношению к вызовам внешней среды – часто неопределенные формулировки в принципе не отражают существа проблемы (например, «демографический вопрос» – в чем, собственно проблема?). Кроме того, проблема часто описывается вне системной связи с другими, примыкающими к ней проблемами, не устанавливаются межпроблемные связи, не оценивается значимость связей по отношению к ожидаемому результату, не выделяются существенные связи.

Еще в большей степени трудности возникают при формулировании цели (целей), направленной на решение проблемы. Чаще всего цель не формулируется как **достигаемый конкретный результат**, обеспечивающий решение (устранение) проблемы **и перевод системы в требуемое (удовлетвори-**

тельное) состояние.

Хуже всего на этом этапе управленцы справляются с определением количественных критериев **оценки результата решения** – измерителя, позволяющего оценить степень достижения желаемого результата. Даже в тех случаях, когда цель формулируется достаточно четко, установление требуемых критериев вызывает у действующих управленцев серьезные затруднения.

Этап 2. Сбор всесторонней информации, выявление ограничений и условий эффективного решения.

Этот этап нередко для слушателей являлся настоящим открытием, так как в структуре их деятельности такой всесторонний, системный анализ информации, относящейся к проблеме, практически не проводится. Нередко у испытуемых возникали затруднения даже в определении спектра источников, где могла бы содержаться интересующая их информация.

Трудности также возникают в выявлении условий, способствующих эффективному решению проблемы, а также в определении основных препятствий в достижении цели, в установлении причин нежелательных явлений, в анализе реально существующих ресурсов во всем их спектре.

Этап 3. Разработка альтернатив решений и выбор оптимального решения.

Здесь самым слабым местом является отыскание альтернатив, что в полной мере отражает существующую практику безальтернативного принятия управленческих решений. Большая часть слушателей-управленцев пребывает в плену стереотипов, когда выбирается вариант решения, хорошо известный и привычный. Три альтернативы (это минимум, определяемый алгоритмом деловой игры) отыскивались с трудом, при этом часть из предлагаемых альтернатив в принципе не относилась к решению обсуждаемой проблемы.

Этап 4. Организация выполнения принятого решения.

Этот этап, содержащий в качестве компонентов разработку программ реализации решения, согласование и утверждение программ, разработку планов, доведение задач до исполнителей, осуществляется управленцами более успешно, чем описанные выше. Это связано с тем, что именно этот этап в значительной мере отражает их привычные действия в реальной практике. Но и здесь имеют место типичные ошибки: программы слабо структурированы, не в полной мере отражают реализацию выбранной альтернативы решения, слабо представлен компонент «доведение задач до исполнителей». Кроме того, в этот этап включают материал, в принципе относящийся к 3 этапу – генерирование альтернатив.

Этап 5. Контроль выполнения решения в соответствии с критериями достижения результата.

Действия на этапе контроля большинство слушателей осуществляют формально, не отражая основные компоненты (установление стандартов, измерение, сравнение, коррекция). Принципиальной ошибкой является то, что контроль в подавляющем большинстве

Таблица 2
Доля слушателей (в %), грамотно разрабатывающих этапы управленческих решений

Категории слушателей	Этап 1	Этап 2	Этап 3	Этап 4	Этап 5
Государственные гражданские служащие федеральных органов власти	56	43	54	87	67
Государственные гражданские служащие субъектов РФ, в том числе:					
директора департаментов, председатели комиссий, начальники отделов (или заместит.)	45	37	47	76	56
специалисты	34	32	43	65	44
Муниципальные служащие, в том числе:					
главы (зам.) город. адм инистр.	37	41	35	62	38
руков.отд.(зам.) гор.адм инистр.	39	46	43	71	42
специалисты город. администр.	33	39	39	55	37
главы (зам.) район. администр.	31	29	27	47	34
руков. отд. (зам.) район. админ.	33	31	28	49	37
управ. делами район. администр.	33	37	37	55	35
специалисты район. адminст.	29	31	28	41	29
главы (зам.) сельск. администр.	24	22	23	36	32
специалисты сельск. администр.	22	19	20	33	29

случаев проводится лишь на уровне исполнения (т.е. этапа 4), в то время как грамотный контроль должен осуществляться в первую очередь на уровне оценки степени достижения цели в соответствии с установленными критериями (т.е. этапа 1).

Итоговые результаты проведенных исследований представлены в табл. 2. Здесь в ячейках матрицы представлена доля испытуемых (по категориям служащих), в целом грамотно справлявшихся с соответствующим этапом технологии разработки управленческих решений. Заметим, что в табл. 2 представлены результаты исследований по наиболее многочисленным категориям слушателей.

Необходимо также отметить, что немалая часть исследуемых управленцев не умеют структурировать разработку, принятие, внедрение управленческих решений, а также контроль их исполнения. Содержание этапов нередко размывается, материалы различных этапов пересекаются, смещаются. Например, материалы по сбору информации (этап 2) оказываются в содержании этапа 4 – исполнения решения, в то время как эта информация в первую очередь необходима для разработки альтернатив решений, а на этапе реализации решения поздно собирать информацию. Впрочем, это в полной мере отражает реальное состояние дел в реше-

нии проблем действующими управленцами.

Таким образом, проведенные исследования по оценке уровня навыков государственных гражданских и муниципальных служащих различных категорий и рангов показывают, что неудачи в осуществлении социальных реформ в значительной мере связаны с недостаточным уровнем навыков действующих управленцев в грамотной разработке, принятии и внедрении управленческих решений. Полученные данные целесообразно использовать для целенаправленной профессиональной подготовки управленческих кадров, что позволит обеспечить повышение эффективности деятельности органов власти.

Литература

1. Бажин И.И. Разработка управленческих решений. Харьков: Консум, 2003.

2. Бажин И.И., Мальцев В.А. Методология эффективной социальной инновационной деятельности в субъекте РФ // Государственная служба. 2008. № 2.

3. Бажин И.И. Система образовательных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных служащих // Государственная служба. 2005. № 4.

© 2008 г.
Х.В.Дзуцев

Общественное мнение о социально–политической и экономической ситуации

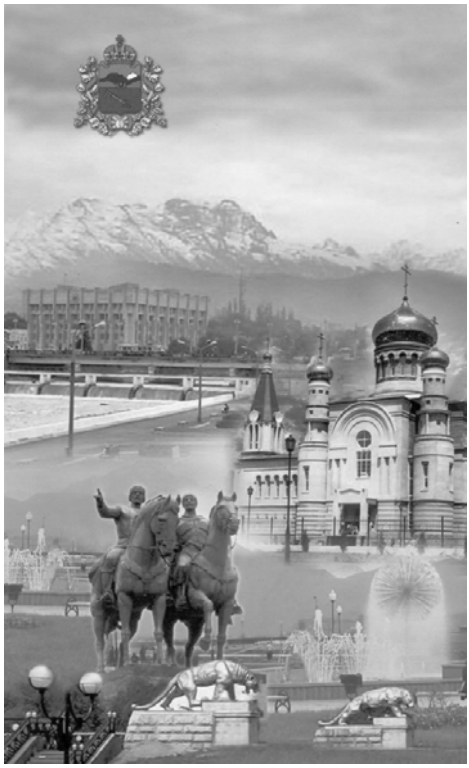
Северо-Осетинским Центром социальных исследований ИСПИ РАН совместно с отделом социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева с 15 по 18 февраля 2008 года было проведено социологическое исследование в городе Владикавказе по теме: «Общественное мнение о социально-политической и экономической ситуации в РФ накануне выборов Президента Российской Федерации». В ходе исследования проведены массовый и экспертный опросы. В массовом опросе приняло участие 250 респондентов - жителей города Владикавказ, в экспертном опросе - 15 человек. Подбор экспертов осуществлялся в соответствии с уровнем общего представления о проблеме, а также по принципу профессионального отношения к данной области знаний. Для экспертного опроса был создан специальный опросник (guide), за основу которого была взята структура анкеты для массового опроса.

В настоящее время среди политиков, ученых, общественных деятелей идет много споров относительно того, по какому пути должна развиваться Россия в построении своих политических и экономических институтов и правил их деятельности. По мнению большинства опрошенных (47,1%) «Россия должна перенять часть достижений Запада в качестве примера, но адаптировать их к российским условиям, а также создавать свои специфические для России решения в области управления и экономики». Им противостоит мнение 38,8% респондентов, которые считают, что «Россия не должна ориентироваться на Запад, а должна искать свой особый путь, она сама может научить Запад и служить примером».Третий вариант ответа «В своем развитии России нужно в большой степени ориентироваться на развитые страны Запада, использовать их пример и опыт в построении институтов и

правил их деятельности» отметили всего 9,2% респондентов.

Мнения экспертов относительно дальнейшего развития России следующие:

· *Глобализация – это распространение капитализма в глобальном масштабе с точки зрения его функций, но не с точки зрения социальной инстанции, ибо Запад не может обеспечить, чтобы все стали похожи на него. Даже понятие «демократия» сегодня трактуется совершенно по-разному. И поэтому можно сказать, что наступило новое время не для западных стран, т.е. какие-то автохтонные пути развития, которые есть у Китая, Южной Кореи, Японии, России. Бразилия, Россия, Индия и Китай развиваются каждый по особому пути, но значительно модернизируясь, т.е. на основе национальных моделей модернизации приобретают определенную специфику.*



· *Это совершенно очевидное проявление политического национализма, в котором нет ничего нового, потому что точно так же поступали руководители Пруссии в XIX веке, когда Германия отставала от других стабилизировавшихся государств, завершивших промышленную революцию. На сегодняшний момент в этом нет необходимости, но это стандартный риторический прием, который применяется лидерами государств, которые притязают на нечто большее в эпоху бурной индустриализации и политической централизации. Мы тоже его применяем. В XXI веке это звучит довольно смешно и старомодно. Даже в XIX веке это звучало сомнительно. Политический национализм – это всегда опасное орудие в руках политических лидеров, титульная нация превращается просто в партию большинства, и обратная сторона процесса – он маргинализует любые меньшинства, люди чувствуют себя исключаемыми из национального сообщества.*

· *Своеобразие России со знаком минус. Она выкинула за границу ученых, которые достигли расцвета в других странах. В России важно искоренить саму возможность повторения такого пути. А такой путь возможен при условии абсолютизации влас-*

ти в одних руках. Не допустить абсолютизацию власти – это значит многопартийная система, демократический механизм. У каждой страны есть свой путь, но есть нечто общее, присущее каждой стране, независимо от того, как она развивается. Общее – в идеях демократии, и эти идеи - публичность, выборность, механизм обратной связи, механизм развития гражданского общества, права человека.

· *Создание государственных институтов по образу западных стран или Японии не приведет нас к успеху, потому что именно характер народа, его традиции, привычки не дадут этим институтам возможности сделать такой динамичный рывок, как, допустим, в Англии. Особого пути у России нет. Особый путь выбирает сам народ, а наш народ разноликий, в нем такая смесь европейского и азиатского, что общество даже намека не дает на то, что оно уловило особый путь развития. И мы будем находиться в тупике до той поры, пока наши учебные заведения не создадут новый тип личности. Чтобы преодолеть тоталитарный тип личности, нужна смена поколений. Поэтому наивно думать, что люди, выросшие в то время и чей пик трудовой деятельности пришелся на восьмидесятые годы, могут вывести Россию из тупика.*

Важным индикатором оценки социально-политической и экономической ситуации является общественное мнение относительно степени обеспокоенности граждан. Соответственно в анкету был включен вопрос: «Как Вы оцениваете социально-политическую и экономическую ситуацию в РСО-Алания?», где одинаковое число респондентов (по 40,0%) отметили такие варианты ответов, как «имеется незначительная напряженность» и «нестабильная, возможны конфликты», что свидетельствует о достаточно высокой степени обеспокоенности горожан социально-политической и экономической ситуацией в РСО-Алания. Почти десятая часть респондентов (12,6%) оценивают обстановку в республике как вполне стабильную, без напряженности, а 7,4% респондентов затруднились ответить.

Оценка, данная экспертами по поводу социально-политической и экономической ситуации, следующая:

· *Обществу надо сказать: не нужно ставить вопросы перед начальством, вопросы, которые волнуют тебя. А что делаешь ты? Если человек не имеет возможности вносить вклад в рыночную экономику, он не имеет никакого права даже открывать рот и требовать, чтобы теплая вода была в доме. У нас фактически один рабочий человек должен кормить пятерых, куда входят бывшие воины-афганцы, люди, принимавшие участие в ликвидации последствий Чернобыльской АЭС. Поэтому надо смотреть, а реально можем ли мы решить эти проблемы? Не можем. В Северной Осетии катастрофическая ситуация: на одного работающего двадцать пенсионеров, т.е. у нас 200 тысяч пенсионеров. Что нужно делать*

работающему, сколько у него надо изымать налогов, чтобы пенсионеры жили достойно? Если налоги не изымать – голодные пенсионеры, если изымать – у него голодные дети. Проблемы копились десятилетиями. Мы не должны так круто выворачивать в сторону рынка, к этому мы абсолютно не готовы. В республике катастрофическая ситуация с экологией. В городе все перегружено, больницы не справляются, транспорта не хватает, а уже Алагирский, Ардонский, Ирафский районы опустели.

Конечно, в основе обеспокоенности респондентов лежат различные причины не только социально-политического и экономического характера, но и проблемы морали, нравственности, культуры и др. Так, респондентам были предложены варианты ответов на вопрос «Какие социально-политические и экономические проблемы в РСО-А в настоящее время вызывают у вас наибольшую обеспокоенность?», среди которых в первую очередь был отмечен вариант «рост цен» (73,6%), затем по убывающей были названы следующие факторы: «рост безработицы» (69,4%), «угроза терактов» (67,3%), «рост наркомании и алкоголизма» (64,2%), «невыплаты или задержки заработных плат, стипендий, пособий» (60,0%). В последнее время в республике наблюдается значительный рост цен на недвижимость, поэтому совершенно естественно, что около половины опрошенных отметили пункт «недоступность жилья» (46,3%). «Коррупция, взяточничество чиновников» вызывает обеспокоенность у 42,1% респондентов, а «криминальная обстановка, рост преступности» у 38,9% респондентов.

Массовый опрос показал, что «ухудшение окружающей среды» и «резкое расслоение бедных и богатых» волнуют респондентов в равной степени (по 28,4%). Проблемами здравоохранения обеспокоены 21,0% респондентов, далее по убывающей были отмечены: «кризис морали, нравственности» и «слабость государственной власти», которыми также обеспокоены в равной степени (18,9%). «Обострение межнациональных отношений» отметили 14,7% респондентов-горожан.

Некоторые эксперты связывают отставания в развитии экономики с криминальной ситуацией как в республике, так и в стране:

· *Криминальную ситуацию в Российской Федерации можно оценивать как абсолютно закрытую*

и неизвестную. Власть хочет навести порядок. По крайней мере, вероятно, она хотела бы избавиться от злостного хулиганства, уличной преступности. Индикатором того, что в реальности ничего фундаментально к лучшему не изменилось, является следующее обстоятельство: у нас отсутствуют какие-нибудь, помимо милицейских сводок, показатели преступности и отсутствует запрос со стороны общества и власти на такие индикаторы. В структурах МВД РФ невозможно найти субъективные данные, полученные от жителей больших городов, для вторичного анализа, чтобы оценить качество индикаторов прямых, основанных на милицейской статистике (сама милиция часто говорит о том, что их статистика неточна). У общества нет информации об уровне преступности в РФ (например, направленной против личности, разбойное нападение), нет опросных данных об уровне преступности, основанных на субъективных оценках. Сравнивать милицейскую статистику просто не с чем. И никто не желает сравнивать, и это при том, что, например, базы данных ООН или ЮНЕСКО доступны для широкого обозрения и включают разные данные, в том числе и субъективные показатели уровня преступности, которые собираются даже в странах Африки. А в России – нет, и не было в советское время.

· *Хочет ли власть навести порядок в России? Сейчас уже анархии нет, вошли в фазу апатии, в которой находимся до сих пор. В 1990-е годы обнажились архаические структуры - клановo-корпоративные, которые часто являются коррупцией, тем, что в экономике называется ресипроктностью, т.е. обменом дарами (т.е., я тебя в членкорры - ты мне деньги, я тебя в академики – ты мне ставки, я тебя на работу – ты мне помещение). Так работают архаические начала. Их не упразднишь милицейским преследованием. Сложившиеся структурные отношения непреодолимы юридически. Посмотрите, в Правительстве РФ: министр здравоохранения – жена Христенко, министр обороны - зять Зубкова, даже до того дошло, что они уже не могут и не хотят это скрывать. Везде лоббирование своих кланов. Это нравы, это не политика. Общество не реагирует, потому что так устроено. Как попасть к хорошему врачу? Вам надо найти знакомого, который знает его. Так устроено общество, в нем обнажились архаические начала, не институциональные, а личные связи. Коррупцию в России надо как-то переопределить: это сознательная выдача разрешения на что-то за взятку или за услугу, совершаемая должностным лицом, в компетенции которого этот вопрос лежит.*

· *Основная проблема – это развитие экономики, прежде всего гражданской, оборонная развита достаточно для того, чтобы защищать страну. Все остальные проблемы – производные. Гражданская экономика – экономика, работающая на удовлетворение основных потребностей*

населения (потому что танки никто есть не будет и запивать нефтью их не станет) – от продуктов питания до учебников и компьютеров. Развитие экономики – это рабочие места, а рабочие места – это деньги, наличие денег – это потребление, а потребление – это развитие сферы услуг. Выдвижение в настоящее время на передний план борьбы с коррупцией – это фикция, донкихотство. Мы боремся с коррупцией так, как люди боролись с малярией, когда узнали, что ее разносчиками являются комары. Они начали уничтожать комаров, хотя надо было высушить болото. Пока есть бюрократия, у нас ли, в Америке ли, до тех пор будет коррупция. Есть нормальный закон Маркса о действии закона средней нормы прибыли. Люди идут работать, и бизнес идет туда, где средняя норма выше. Гайдар не мог собрать министров – а никому не было интересно работать: бюджета не было – распределять было нечего, воровать было не из чего, все просто уходили в бизнес. Кабинет не могли собрать на совещание. Если бы у политиков не было средней нормы прибыли, они бы шли торговать на рынок. Маркс говорил, что частная собственность бюрократа – это государство. Государство наделяет его функцией и правами, права выражаются в праве подписи, и он эту подпись должен продать не дешевле, чем по средней норме прибыли. Конечно, такую зарплату платить невозможно, значит, он все остальное добирает в виде взятки. Взятки и коррупция исчезают только тогда, когда исчезает бюрократический институт. А значит, больше функций надо передавать гражданам и предприятиям, чтобы они вопросы решали между собой, а не бежали со всякой чепухой к нотариусу, за справкой в ЖЭК, потому что каждая такая справка и подпись стоит больших денег. Пока мы, вместо того чтобы ликвидировать некоторые министерства, создаем параллельно еще и агентства, мы только плодим бюрократию.

Результаты массового опроса показали, что всего 7,7% респон-

дентов сказали, что в РСО-Алания за последние три месяца произошли заметные события позитивного характера. Это можно отнести к фоновой ошибке, т.е. люди отвечали, не отдавая отчет о том, что творится в республике. Что касается варианта ответа «позитивного, так и негативного» (40%), то это значит, что у социума есть ожидание изменений в лучшую сторону. 34,4% респондентов дали негативную оценку, это высокий процент, который, по сути, перечеркивает деятельность правительства нашей республики. Там, где рост цен официально составил не более 12%, а фактический рост на большинство товаров достигает 18-20% и более, ожидать позитивной оценки не приходится.

Относительно данного вопроса экспертами были высказаны следующие мнения:

· *Если в республику привести самое профессиональное правительство, то через год никто из граждан не почувствует его работы, потому что фундамент – это не правительство, а гражданское общество. Правительство может разработать программы, внедрить лучшие технологии, самые современные, а работать надо нам всем. У нас же от безделья пьют араку в хадзарах* и не хотят работать. Мы не готовы к такой напряженной работе, как, например, китайцы. Осетинские крестьяне как работают. Полчаса поработают, а потом араку пьют. А китайский крестьянин зайдет по пояс в воду и 14 часов рис выращивает. А у нас в с. Гизель** все участки пустуют, на рынке никто из Гизели ничем не торгует. Поэтому, критикуя власть, мы должны сказать и о слаборазвитом обществе. Где технологии в строительстве, в электронике? Почему бытовая техника, одежда, обувь только импортного производства? А где профессора, доктора наук, академики в Северной Осетии, почему к нам не приезжают из других стран делать операции? У нас ведь есть доктора медицинских наук. Возьмем вуз Англии. Студенты старших курсов, выполняя заказы фирм, за год сделали им проекты и заработали 135 млн. фунтов стерлингов. Наши вузы и 100 рублей не заработали. У нас есть доктора-зоотехники, а корова дает 5 литров молока. Муниципальные службы безобразно убирают улицы города, также работает и милиция – босяки, около МВД сплошной мат. Учителя в школе не знают глубинных процессов образования.*

· *Сегодня прогресс не зависит от того, сколько мы техники дадим в село в нашей республике, сколько докторов наук, сегодня прогресс и в Осетии, и в мире зависит от того, в какой степени человек может быть человеком. Это глубочайшая мысль. Это неисчерпаемый ресурс, который будет двигать страны в ближайшие столетия, потому что Земля ограничена, ресурсы ограничены, а человек, который может быть человеком, полностью раскроет заложенный в нем природный потенциал (любой человек имеет огромный потенциал), этот человек не убьет, не украдет, мы закроем все тюрьмы и*

больницы для наркоманов… Сегодня все финансовые ресурсы во всех странах мира брошены на человека. У нас олимпийские чемпионы – бизнесмены, они строят огромные кирпичные дома, грабят свой народ. А завтра их кто-нибудь убьет, потому что будет завидовать. Какая у нас социальная структура во Владикавказе? Мы абсолютно не похожи на общество, которое стремится в информационное пространство. У нас самая популярная профессия - шофер.

· *В любом обществе должна быть прослойка интеллектуальной элиты, хотя бы 0,5-1,0% от общей численности населения страны, свободная от связи с властью напрямую, которая критически относится к действиям власти, не опасаясь за свою жизнь. И это говорит о том, что общество здорово.*

В целом социально-политическая и экономическая ситуация в регионе зависит от того, насколько качественно и эффективно реализуются поручения президента РФ республиканскими властями. Наибольшее количество респондентов склонились к варианту ответа «не в полной мере» как главой РСО-Алания, так и главой АМС г. Владикавказа (42,1% и 40,0% соответственно). Треть опрошенных считает, что «абсолютно не в полной мере» (33,6% и 36,8% соответственно), а пятая часть отметила вариант ответа «вообще не реализовываются» (20,0% - главой РСО-А и 15,7% - главой г. Владикавказа). На этом фоне в жалком положении находится вариант ответа «абсолютно в полной мере», который отмечен совершенно незначительным числом опрошенных (по 1,0% соответственно).

Мнения экспертов на данный вопрос следующие:

· *Обвинять или упрекать власть в том, что она говорит правильные вещи, но не действует, мы не правомочны. Власть должна говорить через первое лицо государства – это уста всего народа, этот голос должен озвучивать проблемы верно и правильно. Выражения Путина пра-*

вильные, точные, выверенные. Но, то, что сказал президент, должно исполняться. Мы должны понимать, какой огромный механизм, какая огромная страна Россия, ничто не может меняться по одному только слову главы государства. С каждым словом связано целое направление, целая программа, связывающая конкретный город, село с регионом и Россией в целом. Поэтому президент дает знать, что делать, а правительство решает, как поддержать направление или процесс. Другое дело, что он говорит, не конкретизируя, а обобщенно. Он говорит, что абсолютная ценность – это вложение в развитие человека, и тут же говорит, что это образование и здравоохранение, но он не говорит о конкретном городе. Если приоритет - вложение в развитие человека, тогда инновационные проекты образования должны быть направлены на развитие студентов, преподавательского состава. Ожидать, что каждое слово президента будет выполнено здесь и теперь – это некоторая иллюзия. Общее обозначение привлекательно. Но в чем отличие от того, что говорила власть 20 лет назад? Сейчас с этой привлекательности снялся налет мифа и тотального доверия. Сейчас каждый человек может критично отнестись к тому, что говорится властью. Чиновникам нужно указывать на то, что они дискредитируют главу государства своими действиями, не выполняя программ, отклоняясь от курса.

· *Любое решение президента, любое поручение проходит разные уровни управления – федеральный, региональный, городской, местный. И как только оно попадает на определенный уровень управления, то там присутствуют конкретные люди, конкретные группы, которые находятся у власти. И эти группы имеют свой интерес, и каждый документ или поручение рассматривается с точки зрения моего интереса, интереса нашей группы, и так как каждый уровень может дополнительно еще составлять инструменты, положения, приказы, распоряжения, то в них включается еще интерес этого уровня управления. И когда доходит до самого низшего уровня, мы видим, насколько нагромождены все интересы. Это и есть системный кризис, потому что система заключается в иерархии и взаимосвязи между иерархическими уровнями управления.*

· *Распоряжения президента РФ не могут исполняться полностью, потому что ни в Адыгее, ни в Карачаево-Черкесской Республике, ни в Республике Дагестан, ни в нашей Республике Северная Осетия–Алания не создано гражданское общество, а если нет гражданского общества, то все усилия наших политиков и экономистов ни к чему привести не могут. У нас в Осетии личность не развита ни в смысле политической культуры, ни в смысле правовой культуры, ни в смысле предпринимательства и культуры межнациональных отношений. Пока не будет развита личность на территории Северной Осетии, у нас в республике не будут выполняться указания*

президента в полном объеме. А ведь и указания царского правительства выполнялись. Но тогда почему же его свергли? Ведь были и наместники царя на Кавказе, и город Владикавказ строился, хотя и в тяжелейших условиях. Но сто лет назад каждый день нападали бандиты и грабили предпринимателей, т.е. Владикавказ не был городом инвестиционной привлекательности. Грабили, сжигали и в 1880 году, и в 1890, и не только на окраинах города - на Театральной площади, на Александровском проспекте. Тем не менее, в тяжелейших условиях царские власти привлекали и местных, и иностранных инвесторов. Несмотря на то, что в то время все давалось в два раза труднее, они, тем не менее, выполняли свои обязанности. Тогда не был главным ресурсом ум человека, а сегодня это есть. Нужно поднять школы на уровень английских, вузы - на уровень американских, и только тогда мы скажем, что выполняются все распоряжения президента.

По мнению большинства респондентов, в первую очередь должен решать проблемы населения республики Глава РСО-Алания (35,4%). Далее, по убывающей, были отмечены следующие структуры: Правительство РСО-Алания (27,3%); АМС Владикавказа (18,9%) и затем муниципальные образования г. Владикавказ (17,8%). Абсолютное большинство респондентов (73,4%) совершенно согласны с утверждением, что «этот мир управляется кучкой влиятельных людей, а простой человек ничего не может сделать».

Интересны высказывания экспертов:

· *Надо начать с того, что в городе Владикавказе 70% водопроводов в аварийном состоянии, посмотрите на завод «Электроцинк», посмотрите на старое жилье. По объективным причинам городские власти этих проблем не решат. Искать виновных – большая ошибка. Хаос, предшествовавший сегодняшнему дню, длился 15 лет. И спрашивать с сегодняшних глав муниципалите-*

тов - значит лишиться этих глав, они уйдут, а на их место никто не придет. А мы знаем, что самое худшее – безвластие. Реально нельзя сейчас ждать совершенных коммунальных услуг, потому что все коммуникации сгнили.

· *Мы имеем тот материал, который мы имеем: 27% сельского населения вместо оптимума 12-12,5%. Мы их не можем, как в гражданскую войну, вырезать или, как в сталинский период, голодом заморить, или всех собрать и вывезти в Сибирь, и они тоже не могут собраться и куда-то уехать. И если у нас люди умирают к 60 годам, от этого мы тоже никуда не денемся. И нет у нас специалистов, потому что нет заводов, где мы могли бы хорошие автомобили производить.*

Как показал опрос, абсолютное большинство респондентов (73,4%) совершенно согласны с утверждением «Этот мир управляется кучкой влиятельных людей, а простой человек ничего не может сделать». Отчасти согласились с этим утверждением 15,7% опрошенных. Остальные варианты ответов не набирают легитимного процента. Затруднились ответить 4,4%. А с утверждением «Простой человек может повлиять на решения тех, кто находится у власти» отчасти согласились 3,3% респондентов, полностью согласились – 1,5%. Ни с тем, ни с другим утверждением не согласны 0,2%.

Ответы экспертов по данному вопросу следующие:

· *Если мы посмотрим, какие поручения давал президент страны, проанализируем за целый год, какие были выполнены, то мы увидим – 0,5%, а по другим данным – 1,5%. Это свидетельствует о том, что президента не слышат, и его поручения повисают в воздухе, но дают надежду народу на то, что будут выполняться. Можем взять и такой показатель – отношение людей к тому, что происходит вокруг. Самый главный вопрос: а что я могу сделать, чтобы повлиять как-то? И только 3% из всех опрошенных говорят, что они могут повлиять на изменения в обществе, в то время как 97% не верят, что что-то может измениться. А еще третий показатель: при всем том, что не верят, поручения не исполняются, на выборах побеждает партия, которую возглавляет президент, не будучи членом партии. Это говорит о том, что в обществе запущены высокие PR-технологии создания имиджа партии и образа президента и что общество манипулируется. Вы понимаете, что плохо живете, но все же выбираете ту власть, при которой так плохо живете, в надежде… То есть вот эта надежда сегодня и является тем спасательным как бы флажком, за который держится большинство.*

· *Пока нет гражданского общества, хорошо быть не может ни в одном городе страны. Черкесск - беднейший город, такие же Нальчик, Махачкала, Ростов, Волгоград, Владикавказ. В Москве деньги есть, потому что все производство, все фирмы там. Везде есть беспорядок и нищета. Может, анархия и на руку кому-то.*

Германия после войны восставала из пепла. Город Дортмунд был разбит, там не было ни одного дома. Почему они встали на ноги? Потому что с первого дня телевидение, радио, газеты, президент страны воспитывали гражданское общество, и они его воспитали за 10 лет. Та же картина в Японии. У нас безобразное гражданское общество. Что-то случится – никто на демонстрации и митинги не выходит. Покушение на руководителя администрации главы и правительства РСО-Алания, ректора Института цивилизации С.Такоева, бесланская трагедия, громкие нераскрытые убийства. Было убийство Юрия Худалова. Он шел на представление в своей новой должности начальника департамента спиртовой и алкогольной промышленности. Его убили на улице Гадиева. Было убийство Руслана Николаевича Годизова в центре города, одного из самых крупных предпринимателей, который был связан с криминалом. Убийство Бибо Дзуцева, бывшего члена Парламента РСО-Алания, героя Республики Абхазия. Крупнейшие нападения на кассу сбербанка в Дигорском районе – 7 млн. рублей украли, и до сих пор ничего не известно. Ограбление Дигбанка в г. Владикавказе и убийство охранника этого банка и др. Это все деградация МВД и властных структур. МВД потеряло в профессиональной подготовке, туда идут люди, которые хотят поживиться, это очень доходное место. Даже студентов юридических факультетов стало гораздо больше. Раньше по всей стране было 50 юридических факультетов, а теперь их невозможно сосчитать. Низкий профессионализм лиц, работающих в правоохранительных органах, их экономические интересы – вот причина. Ведь бизнес сегодня в руках тех, кто имеет власть. Бизнес и власть – сиамские близнецы. Вся мировая цивилизация доказала, что права человечеству никогда не давались, они зарабатывались в борьбе. А наш народ к борьбе не способен. Бомбят Грозный, кровь льется, а мы во Владикавказе ходим в кафе, гуляем.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что большинство населения республики за демократические преобразования в Российской Федерации. При этом граждане понимают, что мировой опыт таких преобразований не должен игнорироваться – его можно и необходимо использовать и в специфических российских условиях.

Ссылки

* Хадзар – дом во дворе высотного здания для проведения общественных мероприятий.

** Село Гизель входит в состав Пригородного района РСО-Алания.

© 2008 г.
Н.А. Романович

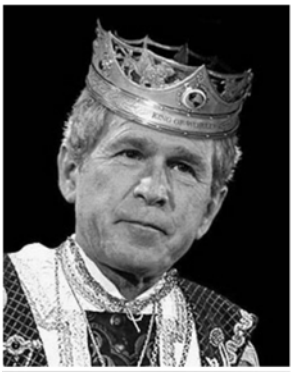
Отношения населения к Президенту

В марте 2008 года был избран третий Президент РФ. Отношение населения страны к двум первым Президентам РФ было различным. Отношение к третьему Президенту будет формироваться в зависимости от того, насколько он оправдает тот аванс доверия, который получен им, благодаря поддержке Владимира Путина.

Собственно, первоначальный аванс доверия был получен всеми тремя Президентами РФ. Владимиру Путину удалось его оправдать, Борису Ельцину – нет. Оправдает ли Дмитрий Медведев – будущее покажет. Уровень доверия населения к Борису Николаевичу в последние годы его правления стремился к нулевой отметке. С приходом В.В.Путина к власти ситуация резко изменилась. Недоверие к высшему представителю власти сменилось, на удивление социологов, небывалым потенциалом доверия к Владимиру Путину, которое, на первый взгляд, было ничем не обосновано.

Для российской политической культуры доверие населения к представителю высшей власти является нормой. Недоверие – отклонением от нормы. Недоверие к главе государства воспринимается как «ненормальное» состояние самим обществом, оно угнетает его, психологически травмирует. Общество, если можно так выразиться, использует любые поводы, чтобы вернуться к «норме». А бывает, что возвращается, даже не дождавшись поводов, а просто потому что «устало» от «ненормального» состояния недоверия к власти. Такое объяснение неожиданному взлету популярности Путина в начале его президентского срока приводили некоторые социологи.

Результаты ежемесячных социологических опросов Института общественного мнения «Квалитас», которые проводятся в Воронеже в рамках инициативного проекта, начиная с 1998 года по сегодняшний день, свидетельствуют о нюансах отношения населения к В. -



Путину на протяжении его президентского срока, об отличиях восприятия обществом первого и второго российских президентов и о специфике российской политической культуры, которую следует учитывать всем будущим президентам России. (Опросы, результаты которых представлены ниже, проводятся методом личного интервью по репрезентативной для взрослого населения г. Воронежа (старше 18 лет) выборке, размер выборки колеблется от 600 до 1000 человек. Материалы опросов ИОМ «Квалитас» и комментарии к ним опубликованы в ежемесячных выпусках Бюллетеня социологических сообщений по г. Воронежу)[1]. Зачастую результаты социологических опросов по г. Воронежу идентичны результатам всероссийских опросов, как это будет показано ниже.

Согласно данным опросов, население желало усиления власти Президента России в противовес власти парламента уже 2001 году (опрос воронежцев проходил в июне 2001 года). Так, если за усиление власти Президента страны высказывалось 41% опрошенных, то за возвышение власти парламента страны над властью Президента – лишь 4% респондентов.

Путину удалось воплотить в своем лице представление россиян о высшей власти. Его деятельность получила одобрение населения ещё с самого начала президентского срока, а в конце пребывания у власти вылилась в несопоставимый по отношению к другим политикам рейтинг доверия. Следует отметить, что по мере приближения часа ухода со своего поста Президента РФ, доверие к нему возрастало с каждым годом. Так, на вопрос: *Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете Президенту Российской Федерации Владимиру Путину?»* - ответили «доверяю» 41% воронежцев в октябре 2005 года, 44% в апреле 2006 года и 54% в июне 2007 года. Вспомним, что по отношению к Борису Ельцину наблюдалась противоположная картина (первоначально высокий рейтинг доверия к Президенту при-

близился к нулевой отметке в конце его правления). Вообще повсеместно в России доверие к избранным представителям власти на любом уровне обычно со временем падает. Случай с Владимиром Путиным обращает на себя внимание своей исключительностью.

Сегодня стало уже общим местом говорить о том, что ещё Путин после выборов в Госдуму в декабре 2003 года получил «царскую» власть. И, следует отметить, что в русской культуре, в мировоззренческом восприятии населением высшей власти, по-видимому, не существует «предохранителя», некоего «стоп-крана», направленного на ограничение этой власти. Если глава государства пользуется доверием народа, его полномочия могут расширяться беспредельно. Немаловажно, что это происходит не столько по воле самого носителя власти, сколько по воле подвластного ему народа.

Так, например, ещё в октябре 2001 года 70% воронежцев, по результатам опроса ИОМ «Квалитас», оппонировали утверждению: *«Нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека»*. Опрошенные не усматривали ничего дурного в случае сосредоточения власти в руках одного человека. А в октябре 2007 года 58% воронежцев согласились с тем, что сосредоточение всей полноты государственной власти в руках В.В.Путина идет на благо России (при ответе на вопрос: *«То, что в руках Владимира Путина сосредоточена сейчас практически вся власть в стране, идет на благо России или не сулит России ничего хорошего?»*).

«Властецентричность», как считает Ю.С.Пивоваров, является ключевой характеристикой российской политической культуры. «Причем «власть» должна писаться с большой буквы – «Власть». Она главное действующее лицо исторического процесса, в ходе которого лишь меняет свои наименования – царь, император, генсек, президент»[2]. «Властецентричность» предполагает выстраивание «вертикали власти», то есть социальной иерархии: «системы последовательного подчинения структурных подразделений социальной власти от нижестоящего к вышестоящему»[3].

Иерархичность властных структур уходит корнями в глубокое прошлое России. Иерархическая централизованная модель управления на Руси сложилась исторически в силу своей эффективности и социальной востребованности. «В ходе эволюции представительства княжеской власти на русских территориях, постепенно объединившихся в рамках единого государства, в XII – XIV вв. была сформирована иерархически выстроенная моноцентричная управленческая модель»[4]. Эта модель позволяла сохранять от разрушения на протяжении многих веков обширную страну. И сегодня властная структура не мыслится населением вне иерархии. Результаты социологических исследований ИОМ «Квалитас» свидетельствуют, что население в своих суждениях выстраивает иерархическую лестницу от мэра через губернатора до Президента РФ, предполагая, что эти лица работают в режиме соподчинения.

Перераспределение властных полномочий во все времена являлось острием политической борьбы. Для политической культуры России, которая предполагает «режим персонификации власти»[5], немаловажную роль играет «личностный фактор» - конкретная фигура носителя власти (в отличие от Запада, где власть отделена от правителя и не является его личной прерогативой). Так, при ответе воронежцев на вопрос: *«Каким из перечисленных органов власти следовало бы, на Ваш взгляд, предоставить больше прав и полномочий?»* - получились любопытные данные. Если в сентябре 1998 года только 1% опрошенных соглашались расширить полномочия Б.Ельцина, то в марте 200 года уже 18% воронежцев ратовали за то, чтобы предоставить больше прав и полномочий В.Путину.

Со сменой личности Президента (с сентября 1998 года до марта 2000 года) в общественном мнении произошли существенные перемены. Если в сентябре 1998 года население *менее всего* желало усиления власти Президента Ельцина (расширяя полномочии Правительства, Госдумы и проч. органов власти), то в марте 2000 года население *более всего* желало усиления власти Президента Путина (ограничивая полномочия других органов власти). Некоторые политики уже тогда подозревали В.Путина в том, что он якобы «хочет всех построить», но, судя по результатам опроса, именно этого и ждал народ от своего Президента.

И в феврале 2008 года, по-прежнему, больше всего прав и полномочий (21%) опрошенные готовы были предоставить Президенту РФ (и это при том, что В.Путин, по мнению многих, и так имел почти «царскую власть»). Заметим, что «царской властью» народ готов наградить далеко не всех глав государства, а только тех, кому она по плечу.

Поначалу не всем был понятен феномен мгновенной и столь неожиданно высокой популярности Владимира Владимировича. Одни социологи объясняли это «усталостью» населения от отсутствия идеала, мол, народ поверил Пу-

тину просто потому, что устал никому не верить (это психологически пагубно). Другие – наличием у Владимира Владимировича некой всепокоряющей харизмы. В последнем предположении можно позволить себе усомниться, так как даже прогноз населения относительно возможности занятия Путиным президентского поста за полгода до этого события оказался ошибочным.

Напомним, что до назначения Путина премьер-министром, Б.Ельцин отправил в течение полутора лет в отставку четыре правительства. Скоропостижная смена правительств РФ заставляла задуматься над судьбой каждого нового премьера – сколько этот сумеет продержаться? Более трети воронежцев (37%) склонны были думать, что правительство В.Путина продержится от 3 до 6 месяцев (август 1999 года). Но четверть горожан считали, что «бедолаге» осталось не более 3-х месяцев. Оптимистов, которые отпускают правительству Путина более года, насчитывалось лишь 5%.

В августе 1999 года Институт общественного мнения «Квалитас» обратился к воронежцам с вопросом: *«Президент Б. Ельцин объявил, что после выборов 2000 года хотел бы видеть В. Путина на посту Президента. Как Вы считаете, шансы В. Путина стать президентом России велики или малы?»*. Судя по результатам опроса, большинство воронежцев (70%) явно сомневались, что у Путина есть какие-либо шансы стать Президентом РФ. Действительно, Путин тогда являлся фигурой гораздо более закрытой, чем, например, Примаков, и менее обаятельной. Но всё же, волею судеб, а точнее, волеизъявлением Президента, каждая вновь избранная кандидатура премьера уже получала возможность быть рассмотренной в качестве потенциального претендента на высший государственный пост. Поэтому и Владимир Путин, заняв ключевой пост, имел условный шанс стать Президентом. Только 10% воронежцев полагали, что его шансы не так уж и малы. Поэтому списывать успех Путина исключительно на его харизму в данном случае не уместно.

Успех Путина стал возможен потому, что он «попал в струю» общественных чаяний и желаний, возможно, даже латентных. Стало общим местом говорить, что в стране - слабое гражданское общество, и поэтому нет общественного мнения, или же оно не имеет существенного влияния на политическую жизнь страны. С нашей точки зрения, все ровно наоборот. Бесспорно, гражданское общество в западном понимании для российского общества не характерно. Но сила общественного мнения в России такова, что она смещает неугодных правителей раньше срока и наделяет царскими правами тех, кто соответствует общественным настроениям.

По результатам социологических опросов, в мае 1999 года большинство населения России выступало за досрочную отставку Ельцина от власти. В Воронеже на вопрос: *«Как Вы относитесь к возможности досрочного отстранения Президента РФ от власти?»* - 70% ответили: «положительно»,

10% - «безразлично», 17% - «отрицательно». Хотя 17% респондентов придерживались мнения о необходимости дать Президенту доработать до 2000 года, это ни в коем случае не свидетельствовало об их безоговорочной поддержке Бориса Николаевича (рейтинг его был очень низок), а скорее об их ответственном отношении к происходящему в стране. При отсутствии утверждённого правительства (опрос проходил 15-16 мая 1999 года после снятия с поста Е. Примакова и до утверждения председателем правительства С. Степашина), при угрозе роспуска Государственной Думы и общей нестабильной ситуации в экономике отстранение от власти Президента РФ было бы тогда крайне рискованным шагом.

Неприятие населением Бориса Николаевича в качестве Президента РФ фактически вынудило его добровольно сложить свои полномочии в канун 2000 года. Зачастую считается, что манипуляции политтехнологов могут творить чудеса и сделать в глазах общества белое черным, а черное белым. И, действительно, исключительно манипуляции политтехнологов помогли Б.Н.Ельцину быть избранным на второй срок. Но они не были в состоянии изменить общественное мнение о нем. Борис Николаевич не смог соответствовать тому образу правителя, который традиционно присутствует в общественном сознании, и общество его отвергло.

Владимир Владимирович Путин взошел на президентское кресло как официальный преемник Б.Н.Ельцина. Институт преемственности высшей власти исторически свойственен России, поэтому общество восприняло случившееся как должное. Но, несмотря на неоднократные утверждения политиков, что новый президент продолжает линию Б.Ельцина, у большинства населения уже в начале правления В.Путина сложилось мнение, что новый Президент и правительство М.Касьянова проводят свою собственную социальную политику. Так, на вопрос: *«Если говорить о социально-экономической политике, как Вы полагаете, правительство М.Касьянова и президент В.Путин проводят свою собственную социально-экономическую политику или продолжают ту же линию, что была при Б.Ельцине?»* - 53% горожан в сентябре 2000 года ответили, что В.Путин «гнет свою линию» (36% считали, что продолжают дело Ельцина, 11% затруднились ответить). Был риск, что В.Путин со временем станет всё больше идентифицироваться с предыдущим президентом, что может в результате привести к падению популярности. Но отстранение от Б.Ельцина в массовом сознании позволила сохранять рейтинг В.Путина на должной высоте.

Чем же отличалась линия В.Путина от линии предыдущего Президента РФ? Ельцин пришел к власти на демократической волне и оставался демократом в глазах населения. Но далеко не все население разделяло демократические убеждения. Борис Николаевич, таким образом, оказался как бы Президентом лишь части россиян. Не так у В.Путина.

Спустя год после занятия Владимиром Владимировичем его президентского поста (март 2001 года) Институт общественного мнения «Квалитас» предложил воронежцам ответить на вопрос: *«Кто в России, какие люди, какие слои поддерживают В. Путина, являются его сторонниками?»*. Однозначного ответа на вопрос тогда не было получено. Наибольшее число голосов набрало мнение, что В.Путина поддерживают люди со средним достатком (36%). Интересно, что бедно живущие воронежцы считали сторонниками Президента самых богатых людей, а люди с хорошим достатком видели в числе приверженцев Владимира Владимировича самых бедных людей. Но горожане с разными уровнями дохода сходились в том, что главу государства поддерживает тот самый средний класс, который безуспешно пытаются нащупать социологи и сформировать политики. Отсутствие у Президента собственных четко выраженных политических интересов позволило представителям различного материального положения «приписать своему герою те интересы и цели, которые хотелось, чтобы они у того были».

Результаты опроса свидетельствовали, что поддержка Президента распределена между разными слоями населения достаточно равномерно. У электората Путина была особенность, которая отличала его других политиков. Как отмечает директор Исследовательской группы «Циркон» И.Задорин в своей статье «Избиратели Путина: один год после победы» (март 2001): «Если об электоратах Зюганова, Явлинского, Жириновского, Лебедя, Немцова с определенной степенью точности можно было говорить как о преимущественно «молодых», «старых», «богатых» или «бедных», даже преимущественно мужских (например, про электорат Жириновского) или женских, то электорат Путина является вполне репрезентативным для всего населения России. Избиратели Путина практически в одинаковой степени представлены во всех социально-демографических категориях: среди мужчин и женщин, старых и малых, образованных и не очень, горожан и селян и т.п. Особенно необычно то, что избиратели Путина весьма пропорционально представлены во всех группах населения, различающихся по доходу. В этом смысле Путин – действительно Президент всех россиян»[6].

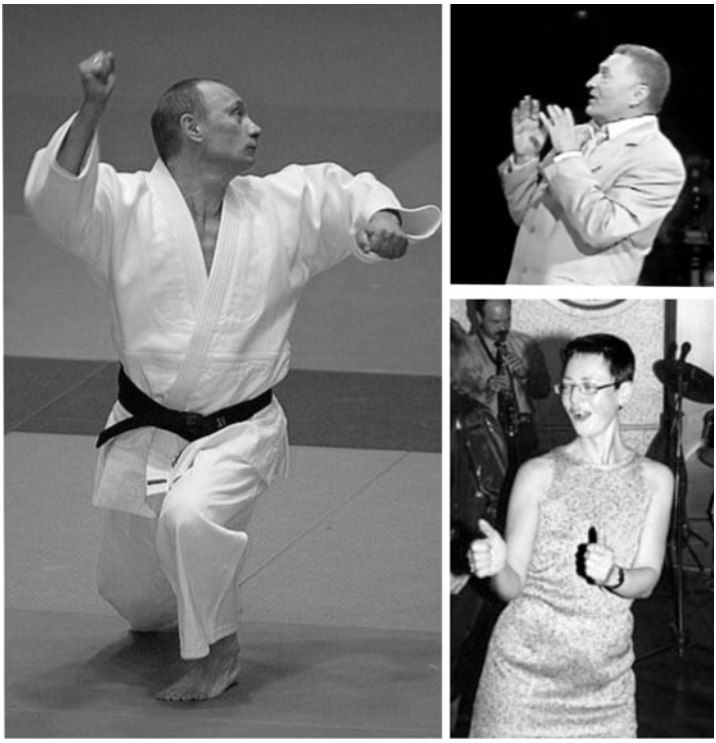
Путин сумел стать Президентом всех россиян – это одно из основных отличий его политического имиджа от Бориса Ельцина. Это не вполне вписывается в демократическую концепцию, согласно которой в результате партийной политической борьбы к власти приходит лидер определенной партии, который представляет интересы лишь части населения, зато вполне вписывается в российскую историческую традицию, где глава государства – «отец всех подданных».

В конце восьмого года правления Владимира Путина, согласно результатам соцопросов ИОМ «Квалитас», 62% населения Воронежа подтверждали, что деятельность В.Путина соответствует их интересам (в 2005-2006 гг. – около 50%).

В конце 2007 года – начале 2008 года наблюдался всплеск лояльности населения к уходящему Президенту РФ. Возможно, этот всплеск вызван чувством сожаления по поводу неизбежного ухода В.Путина со своего поста и опасениями, связанными с личностью тогда ещё неизвестного нового Президента.

Несмотря на то, что В.В.Путин неоднократно говорил, что не собирается баллотироваться на третий президентский срок, напряжение по этому поводу не спадало в течение последних лет правления Владимира Владимировича. Уж очень это не соответствует российским традициям – убирать главу государства со своего поста на пике его популярности. Население не желало отпускать своего Президента. По результатам опросов ИОМ «Квалитас», 61% воронежцев готовы были осенью 2007 года предоставить Владимиру Владимировичу возможность баллотироваться на высшую должность государства в третий раз (ноябрь 2007 года). Фактически, большинство населения полагали, что Конституцию в этом случае можно нарушить. Против нарушения Конституции по этому вопросу выступали лишь 15% опрошенных.

Сравнивая мнение воронежцев по этому вопросу за последние годы, можно видеть, что с каждым годом увеличивалось число тех, кто хотел бы видеть В.Путина на посту главы государства и после окончания второго президентского срока (с 2004 по 2007 год увеличилось с 49% до 61%). А количество противников этого, напротив, уменьшалось с 29% до 15%.



На общественное мнение не оказали влияния неоднократные заверения В. Путина о нежелании пересматривать Конституцию Рос-

сии и невозможности быть Президентом сверх установленного Основным Законом срока. Пожалуй, в тысячелетней истории России не было прецедентов, когда глава государства уходил бы со своего поста в расцвете сил, несмотря на высокий уровень доверия народа.

В обществе в связи с реформой системы власти активно обсуждалась возможность выдвижения действующего главы государства на третий президентский срок. Представители СМИ и общественные деятели высказывали своё отношение к подобной перспективе. Референдум в Белоруссии, давший право Лукашенко баллотироваться в третий раз, «подогрел» надежды тех, кто хотел бы видеть Путина президентом и после 2008 года. Участники дискуссии как бы забыли о том, что Президент РФ твердо решил сложить с себя полномочии по окончании второго срока своего правления. Даже решение В.Путина возглавить список «Единой России» на выборах в Госдуму никак не повлияло на мнение населения по вопросу о третьем президентском сроке. Результаты июньского и ноябрьского опросов в 2007 году (до и после объявления Путина лидером ЕР) практически совпадают (и в июне, и в ноябре 2007 года 61% опрошенных предоставили бы Путину участвовать в президентских выборах в третий раз).

Для выяснения причин подобных настроений в ноябре 2007 года воронежцам был задан вопрос: «Скажите, пожалуйста, по какой основной причине Вы полагаете, что надо дать В.Путину возможность участвовать в Президентских выборах в третий раз». *Больше всего голосов собрало высказывание:* «В.Путина мы знаем, а на смену ему может придти неизвестно кто» (37%). *Также были распространены недоуменные высказывания:* «Путин хорошо справляется со своими обязанностями – зачем его менять?». *Подавляющее большинство воронежцев (70%) уверены, что в деятельности Владимира Путина на посту Президента РФ было больше достижений, чем неудач.*

А к тем, кто был против третьего срока правления В.Путина, был обращен вопрос: *«Скажите, пожалуйста, какова основная причина, по которой Вы полагаете, что не надо давать В.Путину возможность участвовать в Президентских выборах в третий раз?»*. Среди предложенных вариантов ответа был следующий: *«Это приведет к пересмотру Конституции, что недопустимо»*. Тем не менее, основной причиной такой позиции горожане назвали отнюдь не нарушение Конституции (что весьма показательно и характеризует степень приверженности к Основному Закону), а неприятие пути, по которому В.Путин ведет Россию. В первую очередь, выбранный путь не утраивал пожилых людей с бедственным материальным положением, то есть тех, кому денег не хватает на квартплату и питание. Сквозь дыры семейного бюджета реалии российских реформ, очевидно, представляются далеко не радужными.

Тем не менее, по результатам российских опросов ФОМ, если бы Путин вздумал баллотироваться

на пост Президента РФ в третий раз, за него проголосовали бы не меньше половины избирателей (в частности, в конце ноября 2007 г. 57% россиян снова выбрали бы Путина Президентом России, опрошено 3000 человек)[7]. Собственно, настойчивым желанием общества не *потерять Путина в качестве главного политика* продиктовано внесение его имени в списки партии «Единая Россия» перед выборами в Госдуму, которые состоялись в декабре 2007 года.

Задолго до истечения второго срока правления В.Путина, в августе 2006 года мы писали в комментариях к проведенному опросу (Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2006-08)[8]: «Как известно, население страны готово избирать В.В.Путина Президентом в третий раз, поскольку не видит ему альтернативы... В связи с этим политтехнологи рассматривают всевозможные комбинации, которые бы, не нарушая Конституцию, позволили бы остаться Владимиру Владимировичу на вершине власти. Одна из них выглядит следующим образом: Путин становится лидером партии, которая идет на выборы и побеждает, в результате чего сегодняшний Президент может стать завтрашним премьер-министром. Партия, которая имеет наибольший шанс победить – это «Единая Россия», как показывают социологические исследования. Но как отнесется народ к тому, что Президент России вступит в партию, чтобы представлять её на выборах?». Народ воспринял это неоднозначно. Вопрос, обращенный к воронежцам в августе 2006 года, звучал так: *«Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы Владимир Путин стал лидером партии «Единая Россия»?»*. Положительное отношение к такому шагу высказали тогда 33% опрошенных, отрицательное – 49%. В комментариях к результатам опроса мы заметили: «Логика избирателей не всегда поспевает за хитроумными комбинациями политтехнологов. Возможно, если бы народу объяснили причины такого возможного поступка В. Путина, результаты опроса были бы другими».

Причину отрицательного отношения населения к принадлежности главы государства к какой-либо политической партии раскрывают ответы респондентов на вопрос: *«Как Вы считаете, Президент России должен состоять в какой-то партии или должен быть беспартийным и выполнять функции «арбитра» между различными ветвями власти и партиями?»*. По мнению большинства жителей Воронежа (69%), Президент России не должен состоять в какой-либо партии, а выполнять функции «арбитра» между различными ветвями власти. Такое представление о высшей власти и её функциях характерно для российской культурной традиции. Оно не вполне «вписывается» в демократическую теорию, согласно которой избранный Президент олицетворяет интересы определенной партии, и его собственные политические пристрастия должны быть прозрачны для населения. Согласны были видеть Президента России членом какой-нибудь партии 21% горожан (ав-

густ 2006 года). Как ни странно, чаще всего это пожилые люди с бедственным материальным положением и низким уровнем образования, которых никак нельзя отнести к сегодняшним «продвинутым демократам».

Среди россиян большинство опрошенных (62%) также настаивали на беспартийности Президента РФ. Всероссийский репрезентативный опрос был проведен Аналитическим Центром Юрия Левады в июле 2006 года, выборка 1600 россиян в 46 регионах страны9.

Не удивительно, что решение российского Президента стать лидером партии «Единая Россия», принятое им за несколько месяцев до окончания второго срока пребывания на своем посту, взбудоражило общество. Напомним, что Владимир Путин остался при этом беспартийным. Названия статей политологов по этому поводу не нуждались в комментариях: «Демонархизация Президента», «Кризис безголосых партий», «Президент сходит с Олимпа», ««Единая Россия» обрела голову. Президента РФ» и т.д. Отдельные политологи заявляли, что описывать политический процесс в категориях, привычных для классической политологии, становится совершенно невозможно, когда реальность, по их мнению, «преобразуется в абсурд». В то же время некоторые избиратели пребывали в растерянности, несмотря на заявление Председателя Центральной избирательной комиссии России Владимира Чурова о том, что он не видит нарушения закона и обмана избирателей в том, что президент Владимир Путин единолично возглавил избирательный список партии «Единая Россия». Было очевидно, что «Единая Россия» получила дополнительный карт-бланш и в целом оказалась в выигрыше от присоединения к ней Президента РФ. Но выиграл ли при этом сам Президент? В этом сомневались многие. Традиционный для России имидж главы государства в качестве «отца нации», когда он является «всем для всех», был поколеблен.

Но население уже осознало логику действий Президента и восприняло решение Путина возглавить «Единую Россию» просто как вынужденный маневр. К тому же подчеркнутая беспартийность Президента позволила сохранить ему свой «статус-кво». Поэтому когда в конце октября 2007 года воронежцам был задан вопрос: *«Вы одобряете или не одобряете тот факт, что президент В.Путин возглавил избирательный список партии «Единая Россия»?»* - в целом 57% горожан выразили свое одобрение. Но 29% воронежцев отнеслись к этому поступку главы государства негативно. Среди самых юных (18-25 лет) степень неодобрения возрастала до 39%.

Расчеты политтехнологов оказались верными. Предвыборный маневр Президента удался. Часть народной симпатии к Президенту распространилась и на партию «Единая Россия», которую он официально возглавил. В данном случае *персонификация* партии в лице главы государства подняла и без того высокие шансы для победы «Единой России» на выборах в Госдуму в декабре 2007 года.

Участь глав государства в Рос-

сии, которые покидали свой пост, обычно была незавидна. Они уходили либо не по своей воле (как Хрущев), либо под градом камней народного гнева (как Ельцин). Если же говорить о дореволюционной России, то разлучить их с троном могла только смерть (естественная или насильственная). Большевики не успокоились, пока не убили Николая II, уже отрекшегося от трона. Правда, есть версия, что Александр I сошел с трона тихо и исчез, предоставив бремя правления брату. В любом случае, влиятельность всех, кто покидал главный российский пост, сразу же обращалась в прах. Их значимость для дальнейшей политической жизни страны стремилась к нулевой отметке. Так уж устроены глаза российского народа: хорошо видят только того, кто на самом верху, а остальных мало замечают. С глаз, как говорится, долой, из сердца – вон.

Похоже, что Владимир Путин создаст прецедент, если ему удастся сохранить свое влияние в качестве национального лидера страны. В январе 2008 года воронежцам был задан вопрос: *«Некоторые рассматривают вариант, при котором в марте будет избран новый Президент, а Владимир Путин сохранит влияние в качестве национального лидера страны. Как Вы лично к этому относитесь?»*. Готовы были поддержать такой поворот событий 71% опрошенных, хотя каждый пятый имел свои возражения на этот счет.

Согласно результатам опроса ВЦИОМ, большинство россиян (55%) также обещали сохранить свою приверженность В.Путину и после его ухода. Всероссийский опрос проведен ВЦИОМ в ноябре 2007 года, опрошено 1600 жителей различных регионов страны[10].

Политолог В.Б. Пастухов отмечает: «В России не только поэт больше, чем поэт, но и президент больше, чем президент»[11]. Затянувшиеся поиски национальной идеи в виду своей безуспешности стали терять свою эмоциональность, но национальная идея вдруг

персонифицировалась в лице национального лидера. В том, что национальный лидер нужен нашей стране, убеждены 76% воронежцев (опрос проведен ИОМ «Квалитас» в феврале 2008 года) и 60% россиян в целом (всероссийский опрос проведен ВЦИОМ в ноябре 2007 года, опрошено 1600 жителей различных регионов страны[12].

Удивительная метаморфоза произошла с рейтингом Д.А.Медведева. После того, как В.Путин объявил Д.Медведева своим преемником, рейтинг последнего сделал фантастический скачек, увеличившись на 50% за два месяца. Собственно, история, имевшая место в конце XX - начале XXI века, повторилась. В августе 1999 года только 10% воронежцев полагали, что шансы Путина стать Президентом РФ - не так уж малы. После того как уходящий Борис Ельцин в канун нового 2000 года назвал Владимира Путина своим преемником, не прошло и двух месяцев, а уже никто не сомневался в победе Владимира Владимировича на выборах 2000 года. А после объявления Дмитрия Медведева преемником Путина, спустя два месяца, рейтинг Дмитрия Анатольевича взлетел с 12% (ноябрь 2007 года) до 62% (январь 2008 года).

Есть мнение, что в России не укоренилась в сознании людей легитимность избирательного права, осталось ожидание избрания по наитию. Кроме самого факта голосования должно быть ещё нечто, подкрепляющее уверенность в правильности выбранного решения. Это нечто – и есть остаток ожидания подтверждения (одобрения) решения голосом «сверху». Поэтому в преддверии ухода с поста Президента Путина все ожидали указания имени преемника, несмотря на предстоящее голосование. Если же нет такого «одобрения сверху», то демократическое голосование (большинством голосов) внутренне ограничивает русскую власть, лишает её устойчивости. Поэтому правомерно замечание политолога И.И.Глебовой: «Выборное начало как бы внутренне ограничивало верховную власть, противореча её природе и инстинктам. Оно лишало власть определенности, сознания своей «правомерности», рождая в ней неуверенность, «шаткость», делая зависимой от окружения и народного мнения»[13]. Неуверенная в себе власть – это проблема не только самой власти, но и общества в целом. Россияне желают иметь уверенную в себе власть, сильную власть, поэтому не хотят основывать свой выбор исключительно на собственных рациональных аргументах (например, впечатлениях от предвыборных дебатов). Необходимо ещё «нечто», что гарантирует стабильность общества при смене власти. Например, институт преемственности власти.

Известно, что в России до Петра I действовал закон старшинства наследства. Петр I «поломал» наследственную линию из-за бунта собственного сына, которого ему пришлось казнить, и ввел правило «царского слова», согласно которому следующим царем становился тот, кого предыдущий царь «назначит». Неужели до сих пор остается в силе закон Петра Ве-

ликого о назначении себе преемника?! Выборы Президента РФ 2000 года, как и выборы 2008 года фактически это подтверждают. Преемственность власти в постсоветской истории пришлась ко двору, так как соответствовала глубинным мировоззренческим традициям населения.

Сложившуюся в нашей стране форму правления нередко описывают как «сверхпрезидентство»[14] или «суперпрезидентство»[15]. Если же подходить формально, то российская форма правления даже не является *президентской*, как это доказывает О.И.Зазнаев: «Отличительная черта российской формы правления – двойная ответственность правительства перед президентом и перед нижней палатой парламента. Это не позволяет считать её президентской, ибо при президенциализме правительство не несет ответственности перед законодательным органом[16]. Даже, несмотря на то, что в России нет президентской формы правления в принципе по формальному закону, формулу власти называют «суперпрезидентством». Это означает, что любую форму правления политическая культура Россия способна преобразовать в правление одного первого лица, иначе говоря, в тот тип правления, которому соответствует монархия. Народные представления о власти смогли поломать, трансформировать наложенный на них трафарет демократической формы, сохранив при этом прежнее содержание, которое зиждется на отношении народа к власти.

Форма нынешнего государственного устройства в России напоминает конституционную монархию и по формальным показателям. Российский историк В.Старцев провел сравнительный анализ Основных государственных законов от 23 апреля 1906 года и Конституции 1993 года и пришел к выводу, что полномочия «конституционного» монарха и президента различаются лишь по трем позициям: в отличие от монарха, президент РФ не имеет права передавать свой пост по наследству, чеканить собственное изображение на монетах и монопольно распоряжаться «имуществом двора»»[17]

Если же речь зашла о монархии, то имеет смысл вспомнить историю, и некоторые положения византийской идеологии, на которой основана русская культура. В частности, речь идет о том, что не всякий *царь* может признаться *истинным,* даже если он занимает почетное место на троне. «Истинным василевсом, по всей справедливости, надобно называть того, который образовал свою душу царскими добродетелями, по образу царства высочайшего, - напротив, кто отчуждался их, отвергая Всецаря, не признал небесного отца душ и не воздал должного василевсу почтения, но принял в душу безобразие и срамоту, царскую кротость заменил раздражительностью дикого зверя, щедролюбивое расположение неисцелимым ядом злобы, благоразумие безумием, ум и мудрость всего ненавистнейшей глупостью, из которой, как из горькой влаги, произрастают вредоносные растения: распутная жизнь, любостяжание убийства, богоборчество, нечестие, - кто предался всему тому, тот, хотя бы иногда и возвысился тиранической властью, *василевсом и наименован быть не может*»[18]. Иными словами, царь может быть как *истинным*, так и *не истинным*, не настоящим (ложным), и определяющим здесь является не его положение на троне, а его личные качества, достоинства или недостатки.

Напрашиваются некоторые выводы, которые нужно сделать всем последующим Президентам России для сохранения высокого рейтинга. Во-первых, Президент РФ должен являться «всем для всех», не умаляя своего значения членством в какой-либо партии. Во-вторых, ему необходимо учитывать, что русской политической культуре свойственны принципы «властецентричности», персони-

фикации, иерархичности и другие особенности, которые нуждаются в изучении и анализе. В-третьих (и это, пожалуй, главное), личностные качества Президента РФ играют решающую роль в признании его *истинным* или *не истинным* правителем.

Ссылки

1. http://www. qualitas.ru/bulletin

2. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. // ПОЛИС. 2006 №1. С.16.

3. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Транзиткнига, 2004. С.131.

4. Федоров А.Ю. Институт представительства центра в регионах: от древней Руси до распада СССР. // Власть. 2006. № 9. С.5

5. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. // ПОЛИС. 2006. №1. С.26

6. http://www.zircon.ru/russian/publication/5_1.htm.

7. http://bd.fom.ru/report/cat/polit/rat_good/confidence_politician_2007/d074803

8. http://www.qualitas.ru/bulletin/contents/06-08.htm

9. http://levada.ru/press/2006080102.html

10. http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/9312.html

11. Пастухов В.Б. Третий срок Путина как альтернатива политическому ханжеству // ПОЛИС. № 2. 2006. С. 160.

12. http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/9312.html

13. Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы. // ПОЛИС. 2006. №1. С. 35.

14. Холмс С. Сверхпрезидентство и его проблемы – Конституционное право: восточноевропейское обозрение, 1993. № 4. С.23.

15. Четвернин В.А. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий. М., 1997. С. 351.

16. Зазнаев О.И. Типология форм правления: работа над ошибками. // ПОЛИС. 2006. №1. С.100.

17. Цит. по: Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе. // ПОЛИС. № 2. 2006 г. С.35.

18. Памфил Евсевий. История императора Константина. М. 1998. С.222-223.

© 2008 г.
Л.Г. Титова, О.В. Епархина

Идентификация как фактор социально–политической адаптации россиян (региональная специфика)

Проблема политической адаптации человека многоаспектна, предполагает изучение опосредованного и непосредственного влияния экономических, социально-психологических, идеологических, властных условий, которые обеспечивают возможности приспособления человека к меняющимся политическим институтам путем формирования политических ориентаций, выбора соответствующих форм политического поведения. Флойд Оллпорт в своих работах, посвященных изучению институционального поведения, говорит о необходимости использования в подобных исследованиях понятия «институция», т.е. особой социальной реальности, отделенной от своих носителей и имеющей собственные свойства, что в условиях российской политической системы представляется нам более корректным. Институция отражает некое концептуальное поле, в котором люди ориентированы таким образом, как будто бы оно является реальностью. Таким образом, мы чаще говорим о факторах адаптации к некоему полю, создаваемому социальными и политическими институтами.

В статье, опираясь на данные исследований регионального и федерального уровней, а также на данные мониторинга, проводимого Центром конфликтологии Института социологии РАН и Учебно-научного центра Ярославского государственного университета, мы поставили задачу рассмотреть идентификационные процессы как значимый фактор социально-политической адаптации.

Политическая адаптация включает два взаимосвязанных процесса – помощь, организованное целенаправленное воздействие со стороны политико-властных институтов и институций и политическую самоидентификацию. Внешние по отношению к человеку факторы адаптации (например, СМИ) начинают определять выбор тех ценностей и норм, мотивов и стимулов, которые направляют его политическое поведение адек-

ватно потребностям эпохи переворота, когда меняется привычная система ценностных ориентаций.

В этот период для обеспечения стратегии политического развития объективно возникает необходимость решения ряда важнейших задач. Во-первых, заложить основы перехода от процесса адаптации к процессу развития, во-вторых, обеспечить, в связи с этим, комплексный и системный подход к проблеме, включая и экономический, и социокультурный, в-третьих, стимулировать процессы политического самовоспитания и самообразования личности, в-четвертых, создать условия для активного включения каждого в систему разнообразных видов политической и общественной деятельности. Другими словами, на адаптационном уровне необходимо создавать условия, обеспечивающие постепенное развитие у человека потребности самостоятельного выбора – оставаться ли ему на адаптационном уровне или войти в число тех, кто стремится разделить с властью ответственность за принимаемые решения. На начальной стадии трансформационных процессов инициаторы переворотов, опиравшиеся на возмущение или активность масс, придя к власти, стремятся нейтрализовать массовые движения, а, утверждаясь во власти – максимально ограничить возможности массового и индивидуального политического участия. Для современной России адаптационная направленность политических процессов способствуют установлению в обществе благоприятствующего стабилизации социально-психологического климата. Эти возможности формируются социально направленными действиями государства, активизацией гражданского общества, в том числе и в области контроля над независимыми средствами массовой информации. Социальная политика государства, отношения, складывающиеся между государственными и негосударственными структурами, должны способствовать созданию условий для того, чтобы процессы адаптации постепенно переходили в процессы политической и социальной активизации. На современном этапе указанные перспективы существенно ограничиваются манипулятивными действиями власти, объективным ухудшением положения населения, в том числе и его социально-психологического состояния: несмотря на декларируемый властью подъем, рост темпов экономического и социального развития, значительная масса населения не ощущает повышение уров-

ня жизни, последние десятилетия реформ не сказались на социальном самочувствии большинства россиян. По этим причинам продолжает формироваться недоверие россиян к власти, как на федеральном, так и на местном уровнях. Политическая ситуация хаоса и беспредела сформировала в 1990-е годы политические, социальные и культурные расколы. Политические – между государством и обществом, властью и личностью, социальные – между классами и социальными группами. Культурный раскол обозначился, прежде всего, вследствие неравных возможностей доступа разных групп населения к культурным ценностям.

Обозначившиеся расколы, как на уровне общества, так и на уровне каждого человека, в настоящее время не меняются, а приобретают более скрытые и более устойчивые формы. Сформирована гибкая система манипулирования с явным или неявным политическим заказом на сотрудничество с дееспособными, поддерживающими систему, имущественно обеспеченными российскими гражданами и возможно максимальную политическую нейтрализацию остальной части населения. Таким образом, на формирование российских политических институтов и институций влияние оказывают неинституциональные факторы – властные технологии, а также ценности, разрывающие традиционно-устойчивые формы бытия россиянина, что неизбежно приводит к ценностной и нормативной дезориентации, расширению полей общественного бытия человека, не заполненных нравственным и правовыми нормами.

В указанной ситуации целесообразно использование некоторых специфических особенностей конструирования переменных, в соответствии с которыми возможно исследование процессов социальной и политической идентификации. В частности, речь идет о группировке факторов идентификации на факторы ближайшего окружения (малые группы, сверстники, национальность, идейная близость и т.п.) и факторы солидарности на уровне «группы благосостояния», национально-политической идентификации. Этот набор необходимо дополнить идентификацией с символическими общностями и общностями, выделяемыми на основании такого критерия, как активность и многообразие форм политического участия. Как известно, в качестве методического правила данного типа диагностики выступает артикуляция признака или подгруппы признаков с максимальными факторными нагрузками.

Дополняя традиционную для отечественных исследований методологическую модель рядом специфических для региона переменных (например, самоидентификация групп населения как потенциальных участников политического конфликта, идентификация социально-политических сил и т.п.), мы имеем возможность получить сложную картину идентификационных факторов, влияющих на адаптационные процессы россиян.

Прежде всего, рассматривая сложности формирования адапта-

ционных механизмов в России и соотнося их с региональной спецификой, мы выделяем следующие основания и факторы, оказывающее на них существенное влияние:

- статусные изменения социальных групп, переход из группы высокостатусной в низкую, необратимые социально-профессиональные изменения внутри всех социальных групп, что порождает наряду с потерей социальных ориентиров чувство неуверенности в завтрашнем дне, создает ощущение неустойчивости социального бытия;

- ликвидирована, по сути, квалифицированная часть рабочего класса, следствием чего явился подрыв сознания и самосознания рабочего класса, потеря его социальной активности[1]. При этом, учитывая специфику развития региона как промышленной территории с обилием крупных предприятий, есть основания говорить о проблемах структурирования рабочего класса как о проблемах, транслирующихся на весь базовый слой региона;

- ликвидация коллективного сельского хозяйства и большие проблемы в создании фермерства в силу множества бюрократических и финансовых рогаток, в которые попадает начинающий фермер. Это приводит к увеличению импорта дешевых продовольственных товаров низкого качества, что подрывает продовольственный суверенитет страны и чревато в ближайшем будущем социальными взрывами на экологической почве;

- появление бедности и бедных, а также рожденную ими деморализацию, социальный нигилизм и социальное равнодушие;

- раскол общества на неравные группы сверхбогатых и бедных, что приводит к обострению чувства социальной несправедливости, которое начинает восприниматься как нанесение личной обиды;

- безработица, порождающая ощущение исключенности из жизни общества, социальной невостребованности и ненужности;

- несоответствие доходов вложенному труду, что приводит к воспроизводству бедности и не только в экономическом плане, но и в психологическом: человек, как отмечают социологи, не способен подняться, он привыкает к бедности. Бедность рождает бедность, так как человек, опустившись на дно, уже не может вырваться из этого положения. Эксперт Центра стратегических разработок Олег Фомичев называет это «ловушкой

бедности»[2]. При том что расчеты уровня бедности различны, все исследователи сходятся в одном – он неоправданно высок в стране, где имеется все для роста благосостояния нации;

- осуществляется криминальный передел собственности, что порождает конфликт предпринимателей и государственных служащих[3];

- исключение населения из процесса приватизации государственной собственности сделало конфликтными трудовые отношения, что существенно затрудняет расширение идентификационных практик.

При сохранении традиционных отношений общества к власти это в любом случае вызывает недовольство властью, повышенные требования к властным структурам, а в перспективе - условия для роста социальной напряженности.

Согласно данным опроса, проведенного в Ярославской области в 2006 году, совокупная доля ориентированных на проведение реформ снизу, т.е. путем активизации и расширения политического участия, составляет 47,1%. Чуть более 20% опрошенных предпочитает реформы сверху, идентифицируя себя с пассивной частью электората. При этом почти треть опрошенных не может определиться с предпочтениями инициатора политических реформ. Соотнеся эти данные с уровнем комфортности социального самочувствия и оценкой экономической ситуации в стране и регионе, мы можем с уверенностью говорить о том, что специфика ориентации на политическое участие во многом связана с оценкой респондентами экономических процессов на региональном и федеральном уровне.

Рассуждая об общих принципах политического курса, определяемого президентом, свыше половины респондентов (52,3%) хотели бы видеть его направленным на поддержание сильного государства, и лишь 7% не считают необходимым формирование в России сильной власти. При этом интересен анализ самоидентификации респондентов с группами по признаку выбора наиболее комфортного типа политической власти. Так, к группе сторонников сильной президентской власти относят себя 30,6% опрошенных, к группе предпочитающих сочетание сильного президента и сильный парламент 50,4%, к группе парламентарного правления – лишь 4,5%, к группе сторонников политической децентрализации относят себя 6,3%.

Связывая собственно политическую самоидентификацию с идейно-политическими конструкциями, имеющими место в обществе, мы получаем еще более сложную картину.

Воспользовавшись широко используемой в социологической практике моделью сегментирования ценностно-идеологического пространства, в ходе ряда исследований, проведенных в 2004-2006 гг. нами было установлено, что при сохранении стабильной по численности и составу группы абсолютно индифферентных к идейно-политической идентификации (т.е. воспринимающих ее как незначимую для себя) респондентов (вариации в пределах 19-20%) наблюдается четкая тенденция к росту

численности сторонников идейно-политических приоритетов, основанных на понятии «социальная справедливость» (только за период с начала 2006 по начало 2007 годы прирост в указанной группе составил около 9%, что стало возможным за счет сокращения численности сторонников традиционных национальных ценностей). Интересен и факт изменения демографической структуры этих групп в регионе: так, наблюдается четкая тенденция к омоложению первой идейно-политической группы, а также явная тенденция к росту в ней доли респондентов, занятых во внебюджетной сфере.

Что же касается изменения в связи с этим процессом восприятия населением «оптимального» экономического строя, то свыше 25% опрошенных выступают за рыночную экономику, а 43% - за различные модификации социалистической экономической модели.

Большая часть опрошенных при этом выступают за усиление государственного вмешательства в экономику (в первую очередь это респонденты, идентифицирующие себя с участниками политических процессов, например, члены общественных профсоюзных организаций, госслужащие); в то же время почти 40% опрошенных затрудняются с ответом.

При этом большинство идентифицирующих себя с участниками политического процесса считает, что уже произошли некоторые изменения к лучшему в экономической ситуации в стране и регионе. По мере падения уровня идентификации себя с этой группой умеренный позитив в оценке экономических достижений сменяется умеренным негативом. Это подтверждается как путем обычного кросстабулирования факторов, так и некоторыми попытками моделирования с участием указанных переменных (в частности, регрессионного моделирования, факторного анализа).

Социологические исследования демонстрируют в целом позитивную динамику самоидентификации населения области по «группе благосостояния». Снижается количество оценивающих свое материальное положение как плохое – от 37,2% 2-3 года назад до 21,6% в перспективе. 62,7% респондентов считают свое материальное положение лучше по отношению к прошлым годам. В целом крайне удовлетворенных респондентов во всех сферах в среднем в 3 раза больше, чем неудовлетворенных.

Позитивную динамику в экономике в целом отмечают 35,1% опрошенных, стабильность экономи-

ческих показателей - 29,4%, а 13,7% отмечают отрицательную динамику (ухудшение экономических показателей). Ухудшение экономических показателей связывается в первую очередь с деятельностью правительства, губернатора, областной администрации - 57 и 53% соответственно, а также органов местного самоуправления (35,3%). Интересно, что предприниматели менее всего считаются ответственными за негативные тенденции в экономике. Между тем, повлиять на положительную динамику способны представители центральной власти (55%), крупные предприниматели (33,3%) и региональная власть (29,4%).

Однако следует отметить, тем не менее, что, конкретизируя свои ответы по отдельным социально-экономическим показателям, жители области высказывают максимальную неудовлетворенность такими показателями, как работа, жилье, медицинское обслуживание, доход, отдых, то есть тех, которые определяют жизненно важные сферы человеческого бытия. Такое противоречие обусловлено рядом объективных факторов.

По данным Минэкомразвития, Ярославская область относится к числу областей, находящихся на среднем уровне развития[4]. Согласно методике Независимого института социальной политики, регион классифицирован как «относительно развитый и опережающий по доходу» в подгруппе «наиболее развитые в освоенной зоне».

Темпы экономического роста в ней выше среднероссийских. Ярославль - крупный научный и промышленный центр, в котором имеется множество государственных и не государственных высших, средних и специальных учебных заведения, а так же учреждений культуры. Более 70% предприятий находятся в частной собственности, принадлежат к крупному, среднему и малому бизнесу. Особенностью социально-экономического, политического и социокультурного развития области является: слабая сырьевая база, достаточно высокий научно – производственный уровень кадрового потенциала, наличие сильной вертикали власти, осуществление достаточно последовательной социальной политики по отношению к малому и среднему бизнесу и различным группам населения: пенсионерам, молодежи и другим ущемленным слоям, близость к Москве. Несмотря на относительную успешность развития (Ярославская область относится к регионам – донорам), в ней существует немало проблем. Наиболее острая среди них – нехватка финансового обеспечения развития области, большие отчисления в федеральный бюджет при том, что область обязана вкладывать средства в развитие образование, здравоохранение, инфраструктуры. Это обусловлено следующими проблемными узлами в развитии региона:

- хотя положение жителей региона последние пять лет остается достаточно стабильным, тем не менее, доход 10 % наиболее богатых в 16 раз выше, чем 10 % наиболее бедных;

- в области сравнительно невысок официально зарегистрированный уровень безработицы – 1,6

%, однако значительное место в ней занимает молодежь, мигранты;

- наблюдается стабильное снижение покупательной способности населения[5]; необходимо также учесть снижение жизненного уровня ярославцев после принятия Указа № 122 о монетизации социальных льгот;

- в области складываются достаточно противоречивые отношения межу населением и предпринимателями; происходит сращивание олигархов областного значения с властной элитой области;

- непоследовательно реализуются социальные программы.

Вышеназванные условия являются факторами социальной и политической дестабилизации. Следствием этого является ограниченный набор идентификационных практик населения в отношении основных политических институтов\институций. В частности, наиболее часто опрошенные склонны идентифицировать себя с носителями властных ресурсов того или иного типа, составляющих федеральную и региональную элиту. При этом следует отметить, что отождествление с федеральными органами власти отражает историко-культурную составляющую российского политического сознания с ее ориентацией на сильную, централизованную власть.

Так же как в развитии РФ в целом, в развитии региона определяющую роль играет региональная элита, которые по степени значимости в проведении социально-экономической политики располагаются следующим образом: губернатор, мэр депутаты областной госдумы, лидеры региональных отделений политических партий.

Объективно сильным административным ресурсом в области обладают губернатор (рейтинг Ярославского губернатора по России среди губернаторов 4,18 – это третье место после Матвиенко и Лужкова)[6] и мэр. Они являются главными фигурами социально-политической жизни города. Однако следует отметить, что наряду с губернатором и мэром значимость имеют и некоторые депутаты.

Здесь на первое место выходит финансовый ресурс депутатов. Больше всего упоминаний в прессе получают те политические партии и движения, которые обладают большим финансовым ресурсом, но не только это имеет значение, а так же и активность партий, которые заботятся о своем рейтинге.

Правящая политическая элита области стремится упрочить свое положение, используя для этого все механизмы и, прежде всего, механизм СМИ. Правящая элита Ярославской области, несомненно, обладает способностью к управлению, однако при этом она чаще использует не столько свое нравственное или интеллектуальное превосходство, сколько финансовое. Отношения внутри региональной элиты стоятся, в основном, на личных связях и отношениях.

В элитные группы области активно проникают не только олигархи, которые сегодня сращиваются с политической властью, но и представители среднего бизнеса – владельцы рынков, строительных фирм, гаражных кооперативов, а так же директорский корпус области.

В Ярославской области нашел отражение процесс, который свойственен другим регионам и России в целом, - противопоставление элитной группы и массы. Это выражается, в частности, в том, что население не получает полную и достоверную информацию о функционировании местной власти. Проведенные мониторинги показывают, что ярославцы практически не знакомы с деятельностью мэра, особенно с теми целями и задачами, которые ставит перед собой региональная органы управления.

Политическая элита чаще всего в своих действиях использует не столько высокие профессиональные качества, сколько манипулятивный аппарат власти.

Именно поэтому политико-идентификационные практики формируются чаще всего по принципу доверия-недоверия ключевым референтным персонам, которые воспринимаются население региона с прагматических позиций, т.е. с точки зрения результата их деятельности, отражающегося на уровне развития региона.

Так, наиболее частый вариант идентификации по данным исследования - по принципу доверия президенту: люди либо относят себя к группе доверяющих – 68.3%, либо к не доверяющим – около 20%. Этот вариант самоидентификации относится к политическим институтам федерального уровня, что же касается местных институтов (например, местных администраций, местных законодательных собраний), фиксируется большая доля респондентов, не определивших свое отношение к ним (по данным различных исследований 2006-2007 гг. она варьируется от 37 до 52%), что не позволяет делать значимые выводы на имеющемся массиве. Исключением является городская администрация.

Отсутствие идентификационных практик на основании фактора доверия связывается респондентами с неэффективностью деятельности региональных и местных властей по решению местных проблем. При этом ответственными за возникновение проблем большинство опрошенных считают федеральные органы власти (51%) и региональную власть (31,4%) и чуть менее четверти опрошенных – региональное законодательное собрание

Между тем, решение этих проблем наиболее перспективно при активном участии губернатора –

его участие видят обязательным почти половина опрошенных, мэра – 23,5% экспертов. Однако более 1/5 опрошенных затрудняются определить институт или лицо, способное изменить ситуацию. Практически не рассматриваются в качестве таковых профсоюзы, общественно-политические движения и партии.

Интересен факт, что половина опрошенных затруднились в определении субъекта власти, вызывающего доверие. Отчасти это вызвано затруднениями респондентов при оценке согласованности действий законодательной и исполнительной власти – почти одинаковое количество респондентов считают их действия согласованными несогласованными, что свидетельствует, в первую очередь, о низком уровне информированности о работе власти.

В такой ситуации очень значимой выступает оценка действий каждой ветви власти. Так, администрацию области и ее деятельность опрошенные оценивают в основном позитивно либо нейтрально, считая, что она предлагает хорошие идеи, но не умеет их реализовать (свыше четверти опрошенных), лишь 13,7% считают ее работу неэффективной, и около четверти опрошенных затрудняются при оценке ее работы.

Такие оценки и затруднение обусловлены позитивной оценкой главы администрации; (так, считают ее профессиональной 27,5%, рассматривают его стиль управления как демократический 19,6%, считают его честным 7,8% опрошенных) В то же время эти же показатели для госслужащих выглядят так: 29,4%, 9,8%, 9,8% соответственно. Таким образом, позитивная оценка работы администрации обусловлена представлениями о большей демократичности главы и большем взяточничестве и бюрократизме госслужащих (за счет оценок работы главы администрации выше оценки эффективности работы администрации, за счет служащих - затруднения и негативные оценки). Также негативным фактором при оценке работы администрации выступает тот факт, что ее представители не прислушиваются в должном объеме к общественному мнению – половина опрошенных отметили этот факт, а также относительная неподконтрольность администрации области общественным структурам – лишь 21% опрошенных считают, что на ее деятельность оказывают влияние законодательная ветвь власти, 25,5%

видят субъектом влияния руководителей крупных предприятий, и 11% криминальные структуры.

Наряду с явно высказываемыми оценками деятельности государственных органов, отмечаются сравнительно низкий уровень значимости деятельности органов местного самоуправления для региона: так, 55% респондентов оценивают ее как незначительную и лишь 29,5% как значительную, однако данные исследования дают возможность делать предварительные выводы о потенциальном росте второй доли мнений. Это подтверждается и показателями информированности о Законе о местном самоуправлении: абсолютное большинство не информированы или незначительно информированы о нем: 64,7% не знают о нем, 25,5% недостаточно ознакомлены, и последний показатель дает основания полагать, что имеется перспективный интерес к проблеме. Однако отмечается и высокая критичность отношения к этому закону (почти четверть из числа ознакомленных считает что он требует корректировки).

Идентификация себя с оппозиционными силами характерна, по данным исследований, для 51,5% опрошенных. Причем опрошенные подчеркивают необходимость для успешной идентификации институционального характера такой оппозиции: на участие в акциях неповиновения властям в режиме низкой институциализованности готовы лишь около 13% из них.

В целом же можно утверждать, что с точки зрения институционализации политических процессов адаптационный потенциал населения достаточно низок и не способен обеспечивать высокий уровень институционализации политических процессов. Проблема усугубляется объективными трудностями процессов политических трансформаций, которые являются частью социальных и общемировых процессов, темпы изменения которых в последнее столетие существенно ускорились.

Ссылки

[1] Янкевич П.Ф., Янкевич Г.А. Изменения в социальной структуре и их влияние на конфликты в современном российском обществе // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып 19: Региональная конфликтология: конфликтогенные факторы и их взаимодействие. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 40.

[2] Русский фокус. 2004. № 14. 19 апреля.

[3] Янкевич П.Ф., Янкевич Г.А. Указ. соч. С. 36, 37.

[4] Титова Л. Г. Отношение населения к бизнесу и власти (по материалам Ярославской области) // Взаимоотношение бизнеса и власти: проблемы социального партнерства: сб. науч. статей / под ред. Ю.А. Головина. – Ярославль: ООО «Литера», 2003. – С. 13.

[5] Акопова Т.С., Ефимова О.К., Титова Л.Г. Потенциальны основания социально- политических конфликтов во взаимодействие населения и власти Ярославской области / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 19. – С. 96.

[6] Ветераны и молодежь, 2007, сентябрь

© 2008 г.
В.В. Щебланова

Организующая и мобилизующая риторика терроризма

Терроризм, приобретший особый размах в нашей стране в связи с конфликтной ситуацией в Чечне и на Северном Кавказе в целом, прямо или косвенно[1] касается каждого из нас. Категория же «терроризм» до сих пор не имеет общепринятого понимания. А такая понятийная неясность дает возможность использовать этот термин, ставший расхожей стигмой, сообразно с различнейшими интересами, и удобна, в первую очередь, террористам, ведущим пропаганду, вербовку новых акторов в свои структуры. Лица, которых принято считать террористами, упорно отказываются от этого звания, именуя себя, например, национал-патриотами, защитниками отечества, спасителями, борцами за свободу, моджахедами или воинами ислама.

Как известно, в террористических структурах разделяются функции и роли террористов. Помимо непосредственных разработчиков, вербовщиков и исполнителей терактов, существуют носители и хранители идеологии, конфронтационных идей, оказывающих непосредственное влияние на проведение террористических атак. Всякая террористическая деятельность, в зависимости от целей, имеет свою идеологию, презентация которой обращается в реабилитирующую пропаганду террористических действий. Современные лидеры террористов ведут такую идейную пропаганду через Интернет – главное средство их информирования, призывов и предписаний, распространяют и печатные листовки, спецгазеты, вербуя сторонников, добывая средства на террористическую деятельность.

Идеологию терроризма считают эклектичной – она восходит к анархизму, максимализму, мессианским идеям, к волюнтаризму. К ней обращаются разные, диаметрально противоположные политические силы, и она в какой-то мере скорее камуфлирует, мистифицирует и конспирирует, чем раскрывает, дезавуирует подлинные интересы, направляющие террорис-

Таблица

Пример распределения текстовой информации согласно категориям анализа

Дискурсивные категории 1-5 / Источник п/п	Государство, власть	Народ, общество	Призывы, угрозы	Действующие участники российско-кавказских событий	Действия, события настоящие	Действия, события прошлые, происшедшие
	1	2	3	4	5	6
1. Листовка «Решение Верховного Шариатского Суда Чеченской республики Ичкерия в связи с планами провести на территории ЧРИ незаконный референдум» (март 2003)	2. Оккупационные власти	1. Мусульмане	«На всех мусульман в Чечне возлагается ответственность отказа в участии в референдуме, так как участие в его проведении является знаком дружелюбия к кафирам»; «Каждый, кто агитирует людей к участию в референдуме или же принимает участие в обслуживании проведения референдума, подвергается наказанием смерти»	1. Моджахеды; 2. Русские кафиры; неверные; лицемеры	2. Кафирская оккупация, военный провал, война против мусульман; проливают кровь в Чечне	2. Преступления против чеченского народа

1 – дискурсивные характеристики чеченской стороны, ее представителей

2 - дискурсивные характеристики российской стороны

тические действия[2] . Как замечает В. Долгий, «наиболее масштабными и массовыми становятся террористические объединения, выросшие из просветительских и миссионерских традиций. Так пропагандистские демарши «Земли и Воли» и «Черного передела» привели сотни русских интеллигентов-разночинцев в XIX в. в анархические, а затем марксистские группировки. Многочисленные последователи джихада в арабском мире, как и иранские фундаменталисты, появились благодаря активности исламистских проповедников»[3].

Поскольку нас заинтересовала современная система идей, представлений тех, кто подготавливает терроризм, стратегически разрабатывает и провоцирует столкновения между людьми, целыми народами, занимается рекрутированием потенциальных террористов, целью настоящего исследования был анализ риторики лидеров террористических действий, обращений-листовок, распространяемых на Северном Кавказе, где терроризм стал составной частью борьбы чеченских сепаратистов. Исследование проводилось с применением неформализованного

анализа документальной информации[4], а именно качественного интерпретативного анализа текстов, использующего дискурсивные методики. Мы отдаем себе отчет в том, что не стоит целиком и полностью принимать на веру речи экстремистов, доверять саморепрезентации и саморефлексии, пытаясь разобраться в движущих ими мотивах и целях. Но вместе с тем, ошибочно было бы пренебрегать ими, не принимать во внимание пропагандирующиеся опасные, бесчеловечные идеологические концепции, мобилизующие людей на террористические действия, а также и результативность проводящейся обработки.

В процессе анализа мы фиксировали дискурсивные приемы, с помощью которых осуществлялась аргументация субъектов террористического дискурса, способы обоснования (легитимации), репертуар, фреймы и выводы интерпретаций конфликтных событий интервьюируемыми, авторами призывов и пропагандистских заявлений. В связи с поставленной исследовательской целью, мы сформировали категориальную сетку для систематизации компонентов текстовой информации. Категориями анализа в ней были: государство и власть; народ и общество; действующие участники российско-кавказских событий; действия и события настоящие; действия и события происшедшие - со всеми возможными качествами, оценками, являвшимися подкатегориями анализа. Дискурс[5] мы понимали как вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение действий, событий, фактов, высказываний относительно значимых аспектов социальной реальности.

Объектом изучения стали двадцать два текста (единицы анализа) - опубликованные интервью, приказы, письма идеологов чеченского сопротивления, полевых командиров, лидеров чеченских террористических формирований и распространявшиеся листовки, обращения: интервью с А. Масхадовым, Э. Хаттабом; опубликованные отрывки писем Ш. Басаева и тексты двух обращений У. Исмаила и М. Багаутдина к молодежи Кавказа; листовка-обращение С. Радуева к молодежи Кавказа; два приказа А. Масхадова, С. Радуева; пять листовок-обращений Штаба Центрального фронта освобождения Кавказа и Дагестана; листовка «Резолюция Конгресса народов Ичкерии и Дагестана»; листовка «Обращение к солдатам

и милиционерам»; два Решения Верховного Шариатского Суда Чеченской республики Ичкерия; листовка-обращение Союза матерей Движения за свободную Чечню; листовка-обращение Союза русско-чеченских матерей, Комитета ветеранов войны и труда, Комитета отказников от участия в войне в Чечне; листовка-обращение Главного Штаба вооруженных сил Чеченской республики Ичкерия к солдатам и офицерам России[6] (См. в приложении таблицу распределения информации одного из проанализированных текстов). Время создания этих документов (самостоятельных, самодостаточных, относящихся к таким типам материалов как опубликованное интервью и листовки) – период с середины 90-х годов по 2003 год.

Дискурсивные особенности апологетики насилия

Представим общие тенденции риторики анализируемых текстов (с опорой на таблицу сгруппированных категорий анализа). В целом, дискурс вдохновителей террористических действий использует разнообразный идейно-политический спектр версий и истолкований событий, имеет целый ряд особенностей, на которых мы остановимся подробно. *Во-первых,* во всех проанализированных нами материалах присутствует оправдательный дискурсивный репертуар, обеляющий насильственные действия и использующий несколько различных объяснительных ноу-хау.

Очень важно, чтобы террористов воспринимали как реальных борцов за интересы народа и отчизны. Поэтому силовые действия, направленные против России, ее армии – это национально-освободительная борьба за возрождение, освобождение, сохранение Ичкерии как национального института, *«защита отечества, родины, братьев и сестер, прав и свобод; возрождение чеченской цивилизации; святое дело; война за идею; независимость»*.

Соответственно, оборонные, героические цели подчеркиваются и в позитивности наименований субъектов, действующих на чеченской стороне силового конфликта: «*чеченские силы сопротивления; чеченские сепаратисты, мятежники, восставшие за свободу своего народа; герои; боевик, сепаратист, незаконное вооруженное формирование – приличные термины, обозначающие положительные явления*».

В названиях чеченской, кавказской территории отчетливо прослеживается стремление акцентировать ее непреклонную, несокрушимую независимость: «*суверенное государство; независимое Чеченское государство, зоны обороны Чечни; свободная Чечня*». Чеченское общество, кавказские народы превозносятся и восхваляются, например: *«чеченское развитое гражданское общество с высокой духовной культурной системой; древняя и зрелая нация; гордый дагестанский народ – самый близкий сосед; мужественные сыны Кавказа; отважные воины; мирные люди»*. Хотя и чеченский народ неоднороден, например, в риторике А. Масхадова он разделен на *«идеалистов – истинных*

чеченцев,...их называют сепаратистами, экстремистами, радикалами, повстанцами. Материалисты - чеченские отщепенцы, федералисты, бывшие чеченцы, приспособленцы; пророссийски настроенные маргинальные слои чеченского народа».

Во-вторых, привлеченным антагонистом такой оправдательной дискурсивной стратегии становится риторика (с аналогичными вышерассмотренным категориальными фреймами), построенная на обвинениях, оскорблениях, ксенофобии, инициировании ненависти к врагу, отождествляемому с государством, властью или со всем народом.

Востребованным для идеологических концепций, используемых субъектами пропаганды насилия, стало создание вражеского образа в лице России, подкрепляющееся интерпретацией (настоящих, близких и давно прошедших исторических событий), дегуманизирующей «вражескую империю зла». В бранной риторике современной России, ее властям приписаны разгромные характеристики и даже сроки существования: «*страна-оккупант; российская политика к чеченцам – работа палача; варварство российского государства; слабоумный маньяк; иррациональное, неразумное государство; оккупационный режим; Российское государство непрестанно распространяет через СМИ гнусную ложь и клевету на чеченцев; сторона – агрессор; колониальные власти в Кремле; Россия уже не мировая держава; единая Россия, это абстрактное понятие; Россия долго не протянет; это страна призрак*».

Авторы текстов исследованных интервью, обращений-листовок рисуют картину веками длящейся «чеченской катастрофы» - трехсотлетнего чеченского противостояния с периодами безвременья и невыразимых бедствий, гнета, претерпеваемых от России: «*вынужденная совместная жизнь в составе России (с 1859 по 1991 гг.)*»; «*132 года, проведенные без политической самостоятельности, не прошли бесследно, чеченцы сильно деградировали*». Или «*Российская империя в течение 300 лет со времен Петра I вошла в пределы*

Кавказа и угнетала его народы»; «300 лет Россия терроризирует маленький чеченский народ». История многовековой розни зафиксирована в характеристиках российских действий в Чечне и на Северном Кавказе в ретроспективе: «*преступления перед чеченским народом; первое военное вторжение в Чеченскую республику; господство варваров и тюремный порядок; империя порабощала и эксплуатировала чеченцев; 300 лет периодического геноцида и безуспешных попыток утвердить свое господство; периодический геноцид над чеченским народом; несколько лет преступно и варварски относились к народу Дагестана и этим создали огромную и мощную империю*». Можно приводить еще множество примеров оскорбительного дискурса, переводящего исторические аспекты взаимоотношений России, Чечни, Дагестана в русло конструирования негативных коллективных представлений, отстаиваемых в идеологической установке «меньшинство против империи».

Отталкивающим, вообще лишенным человеческих качеств, прав, самоуважения и когнитивных способностей, представляются российское сообщество, русский этнос, характеризующиеся в чрезвычайно обидных терминах: *«бесправное и убогое общество; униженные собственным государством; отвести изнуренную душу на чеченцах; заложники у российской военщины; незрелый, лишенный самостоятельности, инициативности и чувства самоуважения титульный народ; российский обыватель вечно униженный и отученный думать самостоятельно, приходит в умиление от возможности участвовать в унижении других; замордованность «всемогущего» российского народа»*; *«тупой народ»; «стадо баранов, заложники сатанинских планов»*.

Информационный блок по поводу российской опасности подкрепляется уничижительной, зооморфической категоризацией действующих российских участников конфликта - контртеррористов: *«наемные опричники Путина; законные бандоформирования России; звери-оккупанты; палачи народов; российские собаки; паршивые псы; свиньи»*. Соответственно, и действия российской стороны в Чечне (официально именуемые как контртеррористическая операция с 1999 года по 2006 гг., а с 1994 до 1996 гг. – меры по поддержанию конституционного порядка, борьба с вооруженными бандоформированиями) в анализируемой нами риторике интервью и обращений-листовок – это *«интервенция; иго; оккупация; подавление воли к свободе, усмирение чеченцев; заработок кровавых боевых; приработок на мародерстве, торговле людьми и трупами; массовые нарушения прав человека; пропаганда государственного маразма; вероломное вторжение; геноцид; диверсии; фальсифицированные теракты на собственной территории; провокация; бесчинства и террор; убийство чеченцев; тотальное уничтожение; гнет; кровавые акции; преступления»*. Категория соучастников, пособников врага также присутствовала в рассматриваемых доку-

ментах: «*защитники русских кафиров, идущие против своих братьев, сестер и матерей; те, кто мешает муджахедам; вероотступники, сотрудничающие с оккупационными властями; шпионящие в пользу неверных*».

В-третьих, большинству исследованных текстов (18 из 22) присуща религиозная апологетика, использование религиозно окрашенного дискурса. Он просматривается во всех вышеотмеченных направлениях и категоризациях, т.е. как в дискурсивных стратегиях самооправдательного характера, так и в воинственной риторике обвинений, оскорблений российской стороны, привлекающих религиозную критику светской цивилизации. Кавказская, чеченская сторона конфликтных событий («*муджахеды; братья-мусульмане; исламская умма*») ведет «*газават; Великий джихад; неравную священную войну против неверных на пути Аллаха*», устанавливает «*мусульманский мир*», «*возрождает религию*», «*побеждает своей верой*», строит «*Свободную Великую Державу всех мусульман*». В этих высказываниях прослеживается апелляция к идее исламской солидарности, должной воздействовать на национальную консолидацию чеченцев и народов Северного Кавказа.

Россия же – «*безбожная страна*», борется не просто с Чечней, но и с религией ислама, «*его возрождением*», «*воюет против мусульман*». Русские «*кафиры; неверные; их спасение в принятии ислама*» ведут «*антиисламскую деятельность*», занимаются «*убийством мусульман; подрывом безопасности чеченского исламского государства; планомерным уничтожением мусульман Кавказа*». «*Никто за всю историю человечества так беспощадно не убивал мусульман, как русский народ*». То есть апелляция к исламу, религиозной терминологии происходила не только во имя национальной консолидации, но и как к орудию критики и давления на противников[7].

Призывы к террору: провокационные маневры

Присутствовавшие в текстах воззвания к участию в насильственных действиях большей частью содержали призывы, апеллирующие к религиозным понятиям, святости и использующие коммуникативно-интегрирующую функцию религии. Приведем образцы призывов, обращающихся к лозунгу джихада против неверных, авторитету священных ценностей и высших божественных символов:

«Вставай Дагестан, вставай на газават!»; «Будем воевать ради Аллаха»; «Все в руках Аллаха, но где бы я ни был, кафирам все равно не будет покоя ни в этом, ни на том свете»; «Мы должны установить свой мусульманский мир»; «Нам – мусульманам - необходимо за свою дорогую религию воевать и начать джихад»; «И только лишь для защиты наших священных прав и свобод нам нужно оружие, которого предостаточно в любом селе Дагестана». Рассмотрение отношений между народами Северного Кавказа и Россией в контексте священной борьбы было одним из пропагандистских маневров.

Эти лозунги дополнялись подчеркиванием (в пяти текстах) необходимости построения мусульманского государства на Кавказе, утверждения шариата в Чечне, а также выполнения решений уже действующего Верховного Шариатского суда (два текста): «*построить шариатское государство», «ввести исламские понятия», «отказаться от иерархии - республика, президент, парламент», «требовать от населения неукоснительного соблюдения законов шариата и не стремиться к переговорам с неверными»; «Мы придем и разрушим все российские законы и поставим свои законы Аллаха»; «Мы должны установить свой мусульманский мир»; «Да, началу исламского халифата»; «Кавказ должен быть Свободной Великой Державой мусульман».* Ислам, шариатские законы становились инструментом ожидаемого строительства автономного от России государства.

Призывы к покаянию вероотступников, пособников неверным приобщают и угрозы смертной казнью (например, в листовках решений Верховного Шариатского суда): «Все вероотступники, сотрудничающие с оккупационными властями призываются к покаянию, в противном случае, приводится исполнение смертной казни»; «На ком будет доказано шпионство в пользу неверных, убиваются после решения судьи района». *Особое место среди воззваний занимают настойчивые призывы к праведному рвению, фанатичному самопожертвованию, готовности на все, чтобы заработать допуск в рай:* «Нам желанна смерть на праведном пути, которая откроет врата благословенного рая»»; Наш девиз: Свобода или рай!»; «Даже если по воле аллаха я отправлюсь к создателю, мое место займут тысячи других Хаттабов...Смерть командира не остановит джихад».

Идеологическая основа радикальных действий использует культурный фактор для обоснования борьбы за независимость, апелляции к культурным детерминантам содержались в двух листовках. Так, в одной из листовок, взывающих мусульман Дагестана к борьбе, зафиксировано: «*Мы потеряли свои национальные обычаи, свою национальную гордость. Тогда как самый малочисленный чеченский народ победил русских оккупантов. Настало время мусульманам Дагестана объединиться воедино и встать против этого черного зла».* В этих высказываниях чеченский народ предстает образцом для подражания,

его победа поводом к консолидации мусульман Дагестана. В листовке-обращении исламистов к российским солдатам, милиционерам подчеркивается культурная отличительность двух народов и отечеств: «*Россия-мать зовет своих солдат домой…Дагестан для вас чужая земля, здесь живут народы со своими традициями, культурой и религией*».

Хвастовская, самоуверенная интонация победителей присуща некоторым религиозно окрашенным и не привлекающим религиозных акцентов призывам к террористической борьбе (в семи текстах), приведем их примеры: «Время работает на нас. Много муджахедов находится в резерве. Материально-технические ресурсы нам поставляет вся мусульманская умма»; «Наша победа неминуема, ибо Аллах предначертал ее»; «Российская армия проиграет»; «Вы свидетели, что муджахеды в 50 человек сделали с дивизией в Буйнакске»; «Пока мы все вместе, весь мир будет у наших ног, а это неплохая собственность»; «Мы хотим захватить дивизию российских агрессоров, и мы захватили эту дивизию за 5 минут»; «Или они дадут нам полную свободу, или мы ее забираем в придачу с их жизнями»; «Мы не успокоимся до тех пор, пока на пике Кремля не взовьется черное победное знамя джихада»; «Наши убитые будут в раю, а их убитый в аду; «С Вами или без вас, Дагестан будет свободным, тоже будет на вершине успеха».

Наряду с перечисленными в некоторых из исследованных текстов (приказ, обращение С. Радуева) встречались призывы к убийству врагов, угрозы им смертью без религиозной подоплеки, использующие дискурс «военного времени», где враги – это российские солдаты, оккупанты, пришедшие на Чеченскую или Дагестанскую земли: «Один убитый или плененный российский солдат поможет Чечне больше, чем 100-тысячный митинг дагестанцев»; «Убейте за день или плените хотя бы одного российского солдата»; «Каждый российский солдат, пришедший на Чеченскую землю, должен получить смерть»; «Смерть российским оккупантам». *Или:* «За каждого убитого чеченского воина убьем тысячу российских солдат»; «Нет Российской империи на земле общего Дагес-

тана»; «Неужели вы забыли участь своих матерей, которые до сих пор не могут найти своих сыновей, ни своих мужей, ни даже их трупы». «Те, кто задействован в пророссийских СМИ будут уничтожены в случае покаяния и мужчины и женщины».

Требования-угрозы, увещевания российских солдат «отправляться домой», сложив оружие, встречались в трех текстах: «*Сдавайте оружие и езжайте домой. Это лучше, чем бесславная смерть*»; «*Те из вас, что выйдут живыми из этой мясорубки, не будут иметь ни почестей, ни покоя, и будут презираемы даже среди своих*»; «*Солдаты и офицеры! Предлагаем вам прекратить военные действия, уехать домой или перейти на нашу сторону*»; «*Россия-мать зовет своих солдат домой*».

Часть из анализируемых текстов содержала воззвания (применяющие и не использующие религиозные посылы) к организации и участию в бандоформированиях (четыре текста): «*Сформировать на территории Дагестана вооруженные отряды сопротивления российским оккупационным войскам*»; «*Всевышний Аллах – Господ миров требует от своих рабов объединиться под общим знаменем ислама, готовить муджахедов, оружие, боеприпасы и продолжать джихад до победного конца*»; «*В связи с этим, всем дагестанцам, кто желает принять участие в джихаде, амир джамаата Дагестана приказывает: 1. прибыть на место дислокации исламской армии Кавказа. 2. Взять с собой все необходимое для проживания в полевых условиях*»; «*Кто хочет подняться против кафиров, приходите к нам обучаться*»; «*Мы будем обучать, готовить молодых мусульман*».

Интерпретации риторического обрамления терроризма

Остановимся на некоторых обобщающих рассуждениях и предварительных выводах. Генеральными задачами направленной пропаганды является стремление внушить широкому кругу лиц идеи, объясняющие необходимость консолидации для ведения борьбы, а также привлечение сочувствующих и новых рекрутов непосредственно к террористическим акциям. Обычно в основе столкновения интересов больших социальных групп лежит расхождение между достигнутым уровнем получения социальных, культурных благ и твердым убеждением, что доступ к ним несправедливо ограничивает противоположная сторона. Закрепление идеологических позиций в исследуемой риторике происходит через акцентирование общих для кавказского, чеченского народа ситуаций социального, этнического неравенства, которые опосредуются сохраняющимся и нарастающим в течение нескольких веков социально-политическим прессингом со стороны Российского противника. Здесь вспоминаются теории, относящиеся к структурно-функциональному направлению[8], которые при рассмотрении проблем структурного неравенства подчеркивают важность таких критериев как функциональность (способность к

осуществлению вполне определенной функции – этнической консолидации), целостность (единство и непрерывность развития этноса во времени и пространстве).

Как самореабилитирующий, конструирующий образ «своих», так и уничижительный дискурс, характеризующий врага, обращаются к коллективному историческому опыту, социальной памяти этноса и направлены на то, чтобы объединить как можно больше людей в понимании праведности насилия, осуществляемого во имя возрождения несправедливо попранного, благой оборонительной цели, расплаты с врагами-захватчиками, террористами, за спиной которых лишь тупой народ и варварская, жадная империя. Из вышеприведенных цитат видно, что апологетика террористических действий представлена через призму интересов исторически исключенной чеченской республики, ее порабощаемого народа (excluded), проведшего 132 года без политической самостоятельности, сильно деградировавшего в противоположность Российской империи включенных (included) россиян. Причем, хоть и «включенной» в функциональную систему колонизации и терроризирования чеченцев, разворовывания их ресурсов (фундамента мощной империи), но не Свободной и Великой Державы с древним, гордым народом и высокой духовной культурой, а рабской, слабоумной, роскошно живущей на чужой земле страной. Таким образом, в концептуальном оформлении терроризма присутствует противопоставление, разделение России/Чечни и их народов соответственно как inclusive/exclusive.

Из анализируемой риторики следует, что ответом на тотально несправедливейшую ситуацию неравенства призваны стать исторически опробованные технологии – акты возмездия, в идейном арсенале дискурсивных средств - они и средство самозащиты, и проявление кавказского братства, и орудие национально-освободительного движения. Борьба (за освобождение, святое дело, отечество, свободу во имя Аллаха и до победного конца) вырастает в один из объединяющих и определяющих факторов социальной жизни чеченского народа, легитимную

форму взаимоотношений с врагами, которым нужно мстить, наказывать, уничтожать. Возмездие через теракты репрезентируется, словно желательный образец поведения, согласованный с культурными, религиозными и этническими традициями.

Как мы показали, в исследуемых текстах присутствуют обращения к населению, обосновывающие и требующие участия в вооруженных формированиях, учреждения по подготовке которых, являются очагом сепаратистского терроризма. Изучаемый дискурс также содержал призывы к убийству российских оккупантов, а их местных приспешников, - к покаянию, в противном случае, им грозила смертная казнь. Врагам предлагались иные альтернативы, например, вернуться, пока не поздно, в Россию. Против врагов, антитеррористов - наемных законных бандоформирований России, зверей, палачей народов, выставлена нравственная артиллерия морализирующего негодования: в Чечне они зарабатывают кровавые боевые на мародерстве, торговле людьми и трупами.

Еще несколько замечаний хотелось бы высказать о способах наименований (использующих официально принятые в России названия ситуаций, действий, структур, касающихся российско-чеченских событий) в исследуемой риторике. Так в некоторых текстах, словно в ответ на установленные в России названия проводящихся в Чечне операции по поддержанию конституционного порядка и контртеррористической операции, неоднократно прозвучали обвинения российских действующих сил: в терроре, который Россией преподносится как наведение конституционного порядка или борьба с проявлениями фанатизма; в трехсотлетнем терроризировании маленького чеченского народа; в провокации и фальсификации терактов на собственной территории. Вероятно, также ответно, контртеррористы были названы законными бандоформированиями России. То есть в данных текстах прослеживается стремление авторов переформулировать выбираемые врагом «федеральным центром» идеологические и политические наименования, присвоить их и даже примерить на врага в историческом контексте. Кроме того, заметим, что чеченский, кавказский фронт действий характеризуется в таких понятиях как борьба за свободу, идеалы, сохранение национального института, а действия России идентифицируются как массовые нарушения прав человека, интервенция, проведение колониальной политики.

В этой связи можно привести многое объясняющие высказывания Ш. Басаева о правильных способах ведения полемики с кафирами: она должна вестись, «не апеллируя к лицемерным понятиям типа «права человека» и «статьи устава ООН» и тому подобное». Кроме того, по словам Ш. Басаева[9], взывающего к необходимости утверждения шариата в Чечне, отказа от западных демократических ценностей и институтов власти типа республики, президента, парламента, необходимо «требовать от населения неукоснитель-

ного соблюдения законов шариата; не стремиться к переговорам с неверными». Подобные реплики никак не согласуются с пропагандистской работой «чеченских ходоков» за границей, с тезисами западных правозащитников о надобности ведения диалога с чеченскими террористами, а скорее демонстрируют стремление показать принадлежность к мусульманскому сообществу.

Как становится понятно из этих высказываний, концепция терроризма весьма перспективная и прибыльная система идей. Но ей успешнее торговать в контексте религиозной риторики, борьбы с неверными, а не прав человека. Апеллируя именно к ней, имеющей большую финансовую поддержку от иностранных (возможно, не западных) спонсоров, террористические лидеры создают новые информационные и действительные поводы, оправдывая денежные вливания в террористическую активность. То есть теракты за веру являются статьей одобряемых расходов, которая делает возможным получение дальнейшего финансирования на сопротивление и борьбу. Соответственно материальная заинтересованность обнаруживает себя и в качестве аргумента к участию в терроризме, то есть обучение, боевая подготовка к терроризму, исполнение теракта могут становиться технологией заработка, социальной адаптацией в некотором роде. Как отмечает А. Хузам[10], «я был в лагерях Хаттаба, был и в других лагерях, знаю, кто и откуда туда приехал. Это действительно международное движение, за которым стоят большие деньги, - никакая политическая партия таких трат себе позволить не может.

Как видно из приведенных нами цитат, исследуемая пропагандистская кампания активно подкреплялась обращением к мощи религиозных, а именно исламских ценностей и норм (к цитированию привлекались, например, такие источники: «Махьали», «Сура», «Сахих Бухари»). Обращение к исламу носило здесь инструментальный характер. Идеологи, спекулируя на актуальной потребности людей в религиозной идентичности, манипулируют религиозными тезисами, которые, будучи взяты в отрыве от их реальных целей, сами по себе разделяются верующими. Религиозная идеология, мобилизуя террористические структуры, являясь более жесткой и менее предсказуемой по сравнению с идеологией секулярной, дает им преимущества перед прагматичными, рационалистическими группировками. Большинство современных исследователей[11] терроризма солидарны в том, что к настоящему времени увеличилось количество террористических организаций, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламских.

Можно сказать, что за терроризмом сегодня закрепилось определение «исламский» как формальная цивилизационная принадлежность (подобно тому, как существовал немецкий нацизм, русский сталинизм). Вероятно, правильнее было бы соотносить терроризм с конкретным сегментом мусульманского сообщества, с идеологической, политической тенденцией, а

именно – с исламизмом. Но в тоже время и исламизм бывает разным: от умеренного (как в Турции, Тунисе, Йемене) до «Аль-Каиды» и других террористических группировок. Адепты исламистского терроризма действуют на национальном уровне, ведут борьбу против тех или иных правительств, президентов, пытаются добиться определенных политических целей, заставить власть пойти на уступки, и, главная из них – признать исламизм (представляющую его партию, движение) как легитимную политическую силу. Составной частью борьбы мусульманских сепаратистов терроризм стал в Чечне, на Северном Кавказе[12].

Особенностью исламизации Чечни, явилось превращение ислама в идеологию строительства независимого от России государства. Опробовались также идеи объединения Северного Кавказа на исламской основе, создания общекавказской мусульманской нации. Само по себе стремление к объединению народов Северного Кавказа имеет позитивный характер, предлагаемая же надэтническая религиозная основа не являлась достаточной для полноценной всеобщей консолидации, как из-за различий существующих в толкованиях ислама, так и по причине исключения из консолидации русских, а также христиан-осетин. Но, к исламу обращались не только во имя национальной консолидации, а как и к орудию критики и давления на противников. Поэтому можно сказать, что исламизация была фактором самоидентификации относительно России, в столкновениях с Россией чеченцы самоутверждались не просто как этнос, но и как этноконфессиональная общность. Проявление ислама в Чечне можно рассматривать как фактор этнокультурной идентичности и идеологии сопротивления[13], инструмент ведения террористической борьбы (что фиксируется в анализируемой нами риторике).

Апелляция к постулатам исламской религии нацелена и на смирение страха перед смертью, изживание его верой в то, что совершаемые акты ведут к победе истинного мировоззрения, их применение результативно и морально аргументировано. Это подчеркивается в уверенных заявлениях о том, что победа мусульман неминуема, ибо Аллах предначертал ее, все в его руках, а русским кафирам не будет покоя на любом свете до тех пор, пока на Кремле не взовьется черное знамя джихада. Человеческая жизнь (своя и соратников по вере) не ценится, погибшим гарантирован рай, а сторонников иных религий нужно уничтожать. В этом контексте и выстроена часть призывов, превозносящих самоубийство ради священной победы, желанность смерти на праведном пути, которая открывает врата благословенного рая.

В контексте рассуждений об организующей риторике терроризма, хотелось бы отметить важность появившейся недавно статьи 205[1] УК о совершении публичных призывов *к осуществлению террористической деятельности или* публичного оправдания *терроризма, сформулированных Федеральным законом РФ № 153-*

ФЗ от 27 июля 2006 г. как преступления террористического характера. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности представляют собой обращение к неперсонифицированному кругу лиц с предложением совершить любое из следующих преступлений: террористический акт (ст. 205 УК), содействие террористической деятельности, захват заложника (ст. 205), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278), вооруженный мятеж (ст. 279), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360). Призыв представляет собой своеобразную оферту, адресованную вовне, неопределенному кругу лиц, поэтому для наступления уголовной ответственности безразлично, воспринят этот призыв каким-либо третьим лицом (лицами) или нет, совершено ли желаемое террористическое преступление или нет. Призыв может быть устным или письменным обращением к той или иной аудитории слушателей, читателей, зрителей с целью убедить их в целесообразности и необходимости совершения террористического преступления (преступлений), а его форма (требование, убеждение, просьба, обещание каких-либо благ) на квалификацию не влияет. Обязательный признак призыва – его публичный характер, и с формальной точки зрения для окончания деяния достаточно, чтобы такой призыв услышали (увидели, прочитали) минимум два человека[14].

Что касается публичного оправдания терроризма, то в соответствии с примечанием к ст. 205 УК, таковым является публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Глубинный смысл установления преступности этого акта состоит в том, чтобы лишить террористов возможности юридически легализовать свои действия под каким-либо благовидным предлогом (борьбы за утраченную независимость, восстановление справедливости, признания особых прав)[15]. А примерами именно таких деяний являются рассмотренные нами призывы (С. Радуева, А. Масхадова, Э. Хаттаба, У. Исмаила, М. Багаутдина, Ш. Басаева, в обращениях их соратников, листовках исламистов) о необходимости вести войну, джихад против России, убивать российских солдат, посулы об оправданности и вынужденности терактов.

Нельзя не отметить и эмоциональную сторону текстов идеологов террористов, - они насыщены силой эмоций, вдохновения, возвышенным смыслом, любовью к Богу и человеку. Как отмечает М.М. Решетников, мы проигрываем терроризму в информационной войне, прежде всего, с точки зрения идей и эмоционального лидерства: «Прислушайтесь к обращениям наших лидеров. Много ли в них любви и вдохновенного чувства?»[16].

Заключение

Итак, в анализируемых текстах идейные и практические вдохновители терроризма используют несколько дискурсивных стратегий. Аргументативные структуры, оправдывающие насильственные действия и реабилитирующиие террористов, включают такие объяснительные технологии: террористы рисуются отважными воинами, отстаивающими интересы народа, обороняющими отечество; Чеченское общество, кавказские народы популяризируются как древние и зрелые нации с высокой духовной культурной системой. Дискурсивный репертуар обсуждения российской стороны строится на упреках, предъявлении обвинений и инициировании ненависти: России, ее властям, русскому этносу, контртеррористам адресованы уничижительные, ругательные наименования; подчеркивается стародавнее, вообще никогда не прекращавшееся противостояние России с Чечней (и шире – с Кавказом), опасность агрессивных, пантюркистских планов России, бедствия и гнет, претерпеваемые от нее, проводятся вневременные аналогии между событиями исторического былого и актуального настоящего. Основное доктринальное оформление заинтересованности в террористических практиках апеллирует к исламским постулатам и ценностям. Большинству исследованных пропагандистских текстов присуще использование апологетики религиозно окрашенного дискурса, просматривающегося как в категоризациях самооправдательного характера, так и в разгромной риторике оскорблений российской стороны.

Представляется, что в настоящее время основополагающей в концептуальном оформлении терроризма, не смотря на трансформацию его субъектов, объектов, методов, маркетинга терроризма, по-прежнему, традиционным доводом в пользу его применения, остается применяемая издавна технология создания внешнего врага, чужеродного объектам террористического дискурса по основным социальным характеристикам и качествам (исторически инокультурного, стороннего по территории, религии, вообще лишенного человеческих черт) и ответственного за существующее социальное, этническое неравенство. Общим местом при производстве исследуемой идеологической продукции стал ритуальный дискурс, конструирующий вражеский образ, являющийся главным средством нападения и защиты одновременно.

В идеологическом дискурсе (в основном, обращений) присутствует и формула сообщников, пособников врага. Ее составляющие – это защитники русских кафиров, идущие против своих братьев, сестер и матерей; те, кто мешает муджахедам; вероотступники, сотрудничающие с оккупационными властями; шпионы в пользу неверных. Чтобы оправдать борьбу с истинными или воображаемыми врагами, придать легитимность дозволенности насильственных действий против них, идеологи привлекают к внушению такие когнитивные аберрации[17] как сверхгенерализация (грехи врага распространяются на все населе-

ние) и дихотомическое мышление, в котором люди видятся или определенно хорошими (своими) или определенно плохими (чужими).

Важный инструмент идеологического воздействия - воззвания к участию в насильственных действиях, снабженные религиозной терминологией: лозунги джихада, газавата, призывы к службе и обучению в исламской армии, утверждению шариата, к самопожертвованию во имя борьбы, дополняющиеся угрозами смертной казнью вероотступникам. Искусный дискурс превращает убийство и самоубийство людей в акты героической борьбы, наполняя их особым священным смыслом. К тому же, концепции терроризма являются прибыльным источником финансирования именно в контексте исламской риторики, а не правового дискурса. Однако, терроризм зачастую оказывается рациональной игрой с нерациональным результатом, игрой без правил. Проводимая бывшими террористическими лидерами политика дестабилизации на Северном Кавказе, в российских городах и вызывающая непредвиденные последствия, не оправдала себя, не помогла удержать и укрепить власть, оказалась неэффективной.

Наряду с отмеченными в анализируемых текстах встречались призывы, не привлекающие религиозной риторики (употребляющие скорее военную лексику), к убийству врагов, к обороне, национально-освободительной борьбе, агитация российских солдат сложить оружие и отправляться домой. Вдохновители терроризма, вероятно, обретают статус стражей культурных ценностей, традиций, призывая вести себя в соответствии с паттернами кавказской и мусульманской культуры. По форме воздействия призывы можно разделить на запугивания-устрашения, провокации, требования, угрозы, приказы и шантаж. Можно отметить, что для обращений, призывов в целом, характерны агрессивное содержание и нагнетание наличествующей опасности.

Таким образом, апологетика насилия, нигилистические и деструктивистские идеи, создание образа врага подводят идейные и нравственные основания под экстремистские методы борьбы. Важным, как мы отмечали, безусловно, стало принятие в 2006 году статьи УК о *публичных призывах* к террористической деятельности, ее *публичном оправдании*, фиксирующей их в качестве преступлений террористического характера. Такая ратификация, называющая «вещи своими именами», затруднит террористическую мимикрию в освободителей, патриотов, воинов ислама и само ведение пропаганды насилия.

Как мы видим, идеология, сопровождающая террористические действия, репрезентативна и воздействует на общество, адаптируя многие активно или пассивно разделяемые им идеи и смыслы. Декларируемые идеологические идеи, несомненно, оказывают дестабилизирующее влияние на морально-психологическую обстановку в социуме, сложившиеся нравы и взгляды. Население дезориентируется, провоцируется, может становиться чувствительным к террористическим концепциям, опас-

ность которых - в способности встраиваться в общепринятые воззрения, предлагая понятное разъяснение событий, резонировать со сдерживаемыми социумом амбициями. Как представляется, идеологии может быть противопоставлена только иная идеология. В связи с чем, особое значение приобретает деятельность образовательных учреждений, формирующих основы миропонимания, ценностно-смысловые установки и духовно-творческий потенциал личности, обозначающих границы насилия и толерантности, превозносящих социально приемлемые нормы поведения и формы самовыражения. В этом контексте необходимо вспомнить уже существующие разработки проблем толерантности, которая бывает лишь взаимной, и ее необходимо воспитывать. Если до недавнего времени мы имели дело с биполярными расколами по идеологическим признакам (Запад-Восток, коммунизм-антикоммунизм, НАТО-Варшавский договор), то сегодня существует угроза размежевания по цивилизационно-религиозным признакам. Ответом на возникающие угрозы становятся и гражданские общественные движения, и в данном случае адекватным новому вызову могло бы быть движение за диалог, сотрудничество, альянс цивилизаций[18]. Необходима серьезная контрпропаганда в ответ на пропагандистские демарши идеологов терроризма.

Наверное, большинство людей разделяет представление, что стукачеством заниматься постыдно. Вместе с тем, еще один значимый аспект в превенции террористической угрозы – содействие населения правоохранительным структурам – и не только сообщениями о подозрительных личностях, но и о распространяемой информации – в виде выступлений, призывов, листовок, газет. Очевидно, что важен и контроль за распространяемой информацией, поэтому нельзя забывать об ответственности СМИ, журналистов, правозащитников при освещении террористических событий, иногда оправдывающих или героизирующих террористов, предоставляющих трибуну их лидерам.

Ссылки

[1] См.: Щебланова В.В. Пережившие теракт // Человек, 2007. № 4. С. 97-104; Щебланова В.В. Угрозы и безопасность: повседневные практики противостояния // Журнал социологии и социальной антропологии, 2006. Т. IX. № 2. С. 88-100.

[2] Дубко Е.Л. Терроризм и нравственность // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2005. №4. С. 33-34.

[3] Долгий В. Теракты и общественное мнение // Обозреватель-Observer, 2007. № 2. С. 101.

[4] Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. С. 357.

[5] Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып.2. /Под ред. Ухвановой-Шмыговой И.Ф Мн.: БГУ, 2000. С. 457.

[6] Мы благодарим д.ф.н., И.П. Добаева за любезно предоставленные материалы.

[7] Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. М.: Моск.Центр Карнеги, 1998. С. 167.

[8] Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики,2002. С.200, 216.

[9] Басаев Ш. Нам нужен шариат, а не права человека // Комсомольская правда, 2003. №47. С.8.

[10] Хузам А. и др. Война идентичностей // Свободная мысль – XXI, 2005. № 7. С.183.

[11] См. напр.: Гилинский Я.И. Современный терроризм: кто «виноват» и «что делать»? // Философские науки, 2005. №9.С.22; Малашенко А. И. и др. Война идентичностей // Свободная мысль – XXI, 2005. № 7. С.191-193.

[12] Малашенко А.И. и др. Война идентичностей // Свободная мысль – XXI, 2005. № 7. С. 191-192.

[13] Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. С. 171-179.

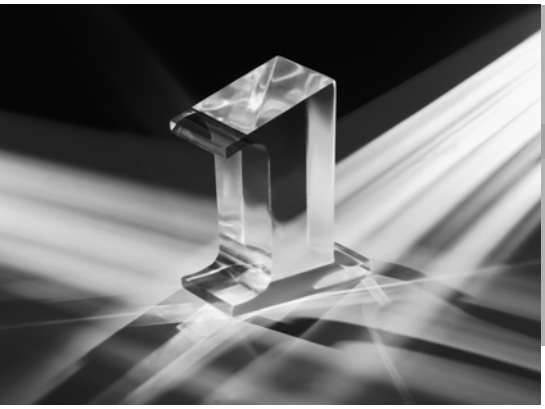
[14] Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность, 2007. № 2. С. 14-15.

[15] Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность, 2007. № 2. С. 15-16.

[16] Решетников М.М. Социальный активизм и терроризм в Европе // Философские науки, 2006. № 4. С. 11.

[17] Марков Б.В. Социально-культурные предпосылки терроризма // Философские науки, 2005. №8 С.39-40.

[18] Локшин Г. Вспомним «культуру мира» // Стратегия России, 2007.№2. С.47-48.



Дебют

© 2008 г.
М.А. Титова

Феминистский дискурс и аналитическая техника Жака Лакана

О спекулятивном характере феминистского дискурса писалось немало. Игорь Ефременков пишет в своей рецензии на книгу И. Жеребкиной «Страсть»: «Вот Вы вроде бы Фрейда-Лакана не понаслышке знаете, а сносок на тексты почему-то нигде не даете. И вообще, может быть, все как-то проще? Нет, красиво, что правда, то правда, но неужели интерпретация должна быть непременно спекуляцией? Только ведь если все было попроще, то феминистскому дискурсу, наверное, не на чем было бы разместиться. Не было бы проблемы. Вот ведь и сами же говорите: «...за рамками интригующего, опасного и не поддающегося рациональному восприятию эффекта истерии обнаруживается... пустота, простой мираж»».

«Женский вопрос» является крайне удобным объектом для научных, политических, а также бытовых спекуляций.

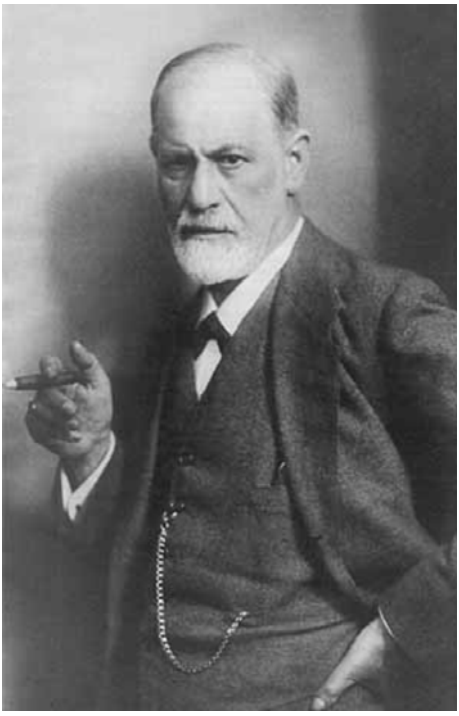
В свое время частная медицинская практика, оставшись без клиентуры, обратила свое пристальное внимание на «женский вопрос» как потенциальный источник утраченных доходов. «В XIX веке частная медицинская практика как специфическая область медицинского опыта вследствие бурного развития госпитальной медицины и клинических институтов начинает переживать кризис. Теснимые врачами, состоящими на службе в государственных медицинских учреждениях, частные врачи усиливают свое влияние на семью и, прежде всего, на семью буржуазную. И объектом этого влияния становится как раз женщина – благополучная мать буржуазного семейства» [4, с.211].

Видимо, нечто похожее происходит сегодня в социальных науках. То, что феминистский дискурс носит провокационный характер, подчеркивалось многими исследователями. Так Сергей Ушакин говорит о «принципиальной вторичности» феминизма: «Развитие политической теории и философии западного феминизма во многом носило и носит диалогический характер, являясь своего рода репликой, ответом реакцией или комментарием на уже сформулированные постулаты, аксиомы, теоре-

мы и выводы. Однако, несмотря на свою принципиальную вторичность, диалогический феминизм далек от того, чтобы быть эхом, повторением, подтверждением или воспроизводством уже произнесенного. В своих лучших проявлениях феминистская теория и философия политики демонстрирует поражающий эффект, основанный на дестабилизации самих эпистемологических основ господствующих и (поэтому) «классических» парадигм власти, подчинения, политической борьбы» [7, с.177]

В то же время можно отметить, что оппозиционен не только феминистский подход, но и сам «объект» («женский вопрос» как объект). Ирина Тартаковская в статье «Мужчины и женщины в легитимном дискурсе» анализирует материалы газеты «Советская Россия» (за 1997 г.) на предмет представленности в ней гендерной проблематики. «Советская Россия» не является газетой феминистской, однако вследствие своей оппозиционной направленности газета охотно обращается к образам женщин-жертв безжалостного государства. «Ситуация действительно драматическая и описана, по всей видимости, вполне адекватно, но суть дискурса заключается не в сочувствии к женщинам, а в его политической направленности, для которой подбираются наиболее эффектные аргументы. Женщины-жертвы важны здесь не как таковые, а как персонажи памфлета против существующего политического строя» [6, с. 261]

Характерная оппозиционность «объекта» прослеживается и на уровне видеоряда. Как пишет исследовательница: «...только в этой газете доля знаменитостей среди опубликованных женских фотографий превышает такую долю для мужчин (71,4% и 55,7% соответственно). Этот феномен, на мой взгляд, объясняется уникальной политической цельностью газеты. Как описано выше, «Советскую Россию» не интересуют женщины как таковые, в данном историческом контексте востребованы именно деятельницы оппозиционного движения – они в основном и фигурируют на фотоснимках» [6, с. 263]



З.Фрейд

Та же работа И.Тартаковской дает яркое подтверждение тезису А.И.Антонова о том, что «традиционная» семья стала в настоящий момент проявлением «девиантного» поведения. И.Тартаковская говорит о еще одной публикации в «Советской России» (за 1997 г.). Это материал, посвященный великой княгине Ирине, жене киевского князя Ярослава Муд-

рого: «В ее жилах текла скандинавская кровь, ибо по происхождению она была дочерью шведского короля. Однако, выйдя замуж за великого князя и приняв имя Ирины, она всей душой восприняла Россию как свою родину. Ее происхождением пытались воспользоваться норвежцы, склоняя великую княгиню быть посредницей между ними и русичами, но она предупредила, что будет защищать интересы мужа. Семь сыновей и трех дочерей воспитала для России великая княгиня, и все они стали ревностными защитниками Православия. Перед смертью она приняла постриг». Учитывая оппозиционную направленность газеты, можно недвусмысленно заключить о том, что данный портрет (портрет женщины, преданной мужу, многодетной, религиозной) – является образом того, чего не существует «здесь и теперь», антитезой ставшим общепринятыми формам поведения.

Характерная для феминистского дискурса вторичность на отечественной почве удваивается, поскольку русскоязычные феминистские тексты являются не столько репликой в отношении господствующих парадигм, сколько редубликацией западных феминистических текстов. Ольга Чепурная в рецензии на книгу И.Жеребкиной «Страсть» справедливо замечает: «ориентированность автора на западный феминистский дискурс очевидна, так как ни недостатка в ссылках на основных западных феминисток, ни изъянов в оформлении этих ссылок нет, что, конечно же, призвано продемонстрировать глубокое уважение к ним Жеребкиной. Тогда как ссылки на книги А. Эткинда, Л. Сараскиной, М. Слонима и др. делаются либо не к месту, либо не точны, а большинство отечественных изданий просто не упоминаются».

К сожалению, то, что И.Жеребкина называет другую свою статью «Против западного феминизма», нисколько не изменяет положения дел. Этот «самодостаточный женский жест, перевешивающий конвенции культуры» (как выражается сама автор), тем не менее, может послужить для нас прекрасной иллюстрацией законов, «правящих на той другой сцене (eine andere Schauplatz), которую Фрейд в связи со снами относит к сфере бессознательного» [1, с. 141]. Как пишет Ж.Лакан, «захват означающим становится новым измерением человеческого состояния, поскольку говорит не только человек, но в человеке и посредством человека нечто говорится» [1, с. 140].

Частое упоминание в статьях Жеребкиной имени Лакана как будто дает нам указание – к чему, вообще, все эти тексты, - больше всего они напоминают «свободные ассоциации» на сеансе психоанализа. Свобода от «конвенций культуры» - как раз является их основным условием: «говорите все, что вам приходит в голову, не пытаясь критически относиться к своим мыслям».

Итак, поскольку говорит не только человек – а в случае «жеста» - человек как раз молчит – но помимо человека нечто говорится, мы можем обратить внимание на пародокс, который представляет нашему взору сама же И.Жеребкина. В статье «Против западного феминизма» говорится о «русской эмансипированной женщине» Аполлинарии Сусловой. И.Жеребкина пишет: «Парадокс. Но Аполлинария Суслова вошла в историю русской культуры вовсе не так, как она

предполагала – прогрессивной писательницей и представительницей русского феминизма, выступающей в защиту женских прав и женского образования в России. Она вошла в нее в единственном качестве – как любовница Достоевского...» [10, с.90]. Знаменитая формула Лакана «женщина не существует», как нарочно, прекрасно этим парадоксом проиллюстрирована.

Лакановское прочтение работ Фрейда не могло не спровоцировать не столько феминистских реплик, сколько «феминистских жестов» - однако творчество Лакана имеет, безусловно, и более значимые отголоски. Практически любое современное гуманитарное исследование в том или ином виде соотносится с творчеством Жака Лакана. Как говорится в аннотации к изданию сборника «Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда», «сочинения Жака Лакана – французского психиатра и мыслителя, синтезировавшего в своей дискурсивной и терапевтической практике идеи классического психоанализа и структурализма, несмотря на свою герметичность и неудобочитаемость, оказали существенное воздействие на становление методов современного постструктурализма и составили эпоху в истории наук о человеке XX в.»

С именем **Жака Лакана** (1901-1981) связано возникновение структурного, или лингвистического, психоанализа. Начав свою карьеру как практикующий врач, Лакан в 1930-е годы серьезно изучает философию, психологию, культуру, искусство, литературу. Итогом его стремления синтезировать результаты медицинского и гуманитарного знания стала докторская диссертация «О паранои-

К.Юнг

ческом психозе и его отношении к личности» (1932). Выводы этой работы широко использовались деятелями художественной культуры. С середины 1930-х годов Лакан посвящает себя педагогической деятельности. Научная работа в Парижском психологическом и Французском психоаналитическом обществах, руководство Парижской фрейдистской школой (1964-1980) выдвигают его в ряд известных европейских психоаналитиков.

Работы Лакана изданы на французском языке, переведены на английский и ряд других европейских языков. Идет процесс по переводу и изданию работ Лакана на русском языке.

Если говорить о месте лакановского психоанализа в истории наук о человеке, следует подчеркнуть, что его техника работает за пределами позитивной науки. Именно эта черта представляется нам основополагающей и далеко не вполне оцененной характеристикой аналитической техники Жака Лакана.

Известно, что психоанализ был создан как техника лечения

истерии. Следует сказать несколько слов о том «позитивистском» представлении об истерии, которое сложилось в конце XIX века.

Как справедливо замечает Д.Михель в статье ««Ужасные» отражения материнского тела», «специфика медицинской концептуализации сексуальных эксцессов в конце XIX века заключалась в том, что сами эти эксцессы толковались не в категориях «акта», но в понятиях «идентичности». Классифицирующее мышление психиатров было занято выделением все новых типов «психической конституции», и это, по-видимому, согласовывалось с потребностью общества обладать четким представлением о телах, которые могли бы нести в себе угрозу социальному благополучию. В опытах конструирования истерической женской телесности, предпринятых в Сальпетриере школой Шарко, можно увидеть специфический ответ на этот социальный заказ» [4, с.215].

Выполнение «социального заказа» на создание «строгой клинической картины» истерии Жан-Мартен Шарко достигает крайне впечатляющими средствами. «Презентации» истерии проводятся по последнему слову техники. Шарко сопровождает свои лекции многочисленными иллюстрациями, графиками и таблицами. К тому же Шарко, обладавший замечательным актерским талантом, и сам прибегал к имитациям истерических симптомов и разыгрывал подлинно драматические диалоги со своими больными. Среди его пациенток были и такие, которые могли неоднократно разыграть весь репертуар истерического припадка – от первой дрожи и сотрясания тела до финального паралича и конвульсий [9, p.95-96.]

После создания в 1875 г. в Сальпетриере фотостудии истерия стала репрезентироваться и с помощью фотографии. Фотографические материалы неоднократно публиковались, создав целую иконографию истерических проявлений. Но здесь следует обратить внимание на «объективность» фотографической репрезентации истерических симптомов. Лабораторная фототехника последней четверти XIX века была еще очень ненадежной. И хотя время экспозиции было относительно кратким (около 10 секунд), используемые в фотолаборатории мокрые коллодиевые пластины требовали очень длительной подготовки, прежде чем их можно было привести в светочувствительное состояние. В этом смысле фоторепрезентация истерических приступов, особенно знаменитого «большого истерического припадка», была делом крайне сомнительным. И здесь скорее требовалась тщательная режиссура, нежели удача медицинского опыта [9, p. 98-99]

Однако подобные иконографические представления прочно укоренились в медицинской науке, психиатрии и психологии.

И вот, на фоне такой «убедительной иконографии», Лакан предлагает совершенно иной принцип толкования творчества Фрейда: «при всяком объяснении аналитического феномена необходимым представляется понятие означающего в той мере, как оно противостоит понятию означаемого в современном лингвистическом анализе» [1, с.140] Он предлагает говорить о симптоматических проявлениях в терминах означающего и означаемого. А первый принцип структурной лингвистики сформулирован Фердинандом Де

Соссюром как принцип **произвольности знака** [5, с.70]. «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означающим, то эту же мысль мы можем выразить проще: *языковой знак произволен...*» [5, с.70] И далее де Соссюр говорит о том, что за очевидной простотой данного постулата скрывается представление, в корне изменяющее многие воззрения лингвистов: «принцип произвольности знака никем не оспаривается; но часто гораздо легче открыть истину, нежели указать подобающее ей место. Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы» [5, с.70].

Принцип произвольности знака знаменует собой отказ структурализма от принципов позитивного знания. Тот же самый принцип «относительности» формулирует Клод Леви-Стросс и в социологии семьи: «Самой существенной чертой человеческого родства является то, что для него требуется в качестве предварительного условия установление соотношений между тем, что А.Радклиф-Браун называет «элементарными семьями». Однако действительно «элементарными» следует называть не семьи, представляющие изолированные члены отношений, а отношения между ними... Начиная с этого момента любая уступка натурализму рискует умалить огромные достижения в области лингвистики, начинающие также вырисовываться и в социологии семьи, и отбросить эту науку к бесплодному и заземленному эмпиризму» [3, с.52]

Данный принцип относительности положен Лаканом в основу аналитической техники. И в том видится коренное отличие психоанализа Лакана от психоанализа К.Юнга. Юнг в своей теории архетипов по сути возвращается к позитивизму. Вообще надо сказать, что принципу относительности всегда был уготован достаточно агрессивный прием особенно неискушенной публикой и околонаучными кругами. И напротив, «бесплодному и заземленному эмпиризму» достаточно легко завладеть симпатиями досужей публики.

Та пропасть, которая отделяет позитивистскую науку от принципа относительности, отделяет и представление о «женщине как таковой» гендерно-феминистской парадигмы – от вскрытых психоанализом структур, которым подчинены отношения между полами.

Рассматривая семью как социальную единицу, где целое не тождественно сумме частей, выделим центральную функцию «имени Отца». «Именно в *имени отца* следует видеть носителя символической функции, которая уже на заре человеческой истории идентифицирует его лицо с образом закона», - пишет Лакан в работе «Функция и поле языка и речи» [2, с.48].

Интересно отметить созвучие лакановского анализа социологической теории Дж.Мида. И Мид, и Лакан говорят об определяющей роли регистра *символического* в человеческом сообществе. «Изначальным Законом, - по мнению Лакана, - является тот, который, регулируя брачные союзы, ставит над царством природы, где господствует закон спаривания, царство культуры. Запрет инцеста является лишь субъективным стержнем этого закона, очевидным благодаря современной тенденции сводить зап-

рещенные для выбора объекты к сестре и матери, хотя нельзя сказать, что все остальное нам уже позволено. Закон этот, следовательно, достаточно ясно обнаруживает свою идентичность со строем языка. Ибо без именований родства никакая власть не в силах установить порядок предпочтений и табу, поколениями плетущих и связывающих нити наследственности» [2, с. 47]

Дж. Мид, анализируя процесс коммуникации, выделяет различные уровни взаимодействия индивидов. Прежде чем говорить о символическом взаимодействии, Мид выделяет парную структуру неязыковой коммуникации. Рассматривая, например, поведение двух враждебно настроенных собак, он говорит о *conversation of gestures* – взаимообразных выступлениях двух особей, между которыми можно было бы установить перевернутое зеркало. Поведение каждой особи коммуникативно, т.е. участвует в действе *сообщения*, однако сама особь ничего об этом не знает. Даже на этом уровне особь вторична по отношению к единству системы сообщения: поведение особи всецело подчинено диктату образа другого, в чем мы можем наблюдать механизм двухчастного сообщения, не выходящего за рамки регистра *воображаемого*.

Подключение языка *регистра символического* придает человеческому сообщению иной характер. Структура символической коммуникации *триадическая*. Благодаря подключению *символа* выступление превращается в высказывание (термины *выступление* и *высказывание* могут быть одними из вариантов перевода английского слова *gesture*, употребленного в разных контекстах). В случае conversation of gestures мы видели *отражение* выступления одной собаки в выступлении другой. В случае передачи сообщения посредством символа происходит *отражение высказывания*. Попросту говоря, тот, кто высказывается *сам же* и слышит свое высказывание. Это и есть ключевой момент, ключевое отличие регистра символического от регистра воображаемого. В этом процессе отражения/отчуждения высказывания и заложено возникновение всего того, что отличает человека от животного: и разума, и совести, и собственного Я.

Благодаря тому, что *я сам* слышу свои слова, между мной и моим слушателем можно поставить знак равенства. В этом суть процесса символической идентификации. Идентификация в регистре символического – это знак равенства между тем, кто произносит речь, и тем, кому она адресована.

Проиллюстрируем сказанное примером, приведенным Дж.Мидом. Допустим, говорит Мид, вы попросили слушателя принести стул для кого-то. Ваши слова вызывают в другом стремление (принести стул), но если тот, к кому вы обратились с просьбой, замешкался, вы приносите стул сами [8, p.67]. Таким образом, считает Мид, ответное стремление принести стул возникает, как в том, к кому вы обратились, так и в вас самих.

Благодаря отражению (отчуждению) высказывания становится возможным осознание его: поскольку тот, кто произносит высказывание, слышит его наравне с другими и его позиция по отношению к его же собственному высказыванию по сути идентична с позицией того, кому это высказывание адресовано. Лакан формулирует данное положение ве-

щей как «передачу сообщения с места Другого» [1, с. 142].

Мы рассмотрели механизм интерсубъективного взаимодействия в самых общих чертах. Нам важно показать отличие двухчастной и трехчастной структуры сообщения. Если рассматривать семью с позиций интерактивного анализа, то трехчастный характер ее структуры предстанет необходимым следствием того, что семья является *символической* формой коммуникации. Функция *имени Отца* является законом отчуждения, действующим в регистре символического. Данная функция обеспечивает возможность символической идентификации и является залогом формирования личности. Поэтому Лакан пишет: «Та самая функция символической идентификации, с помощью которой первобытный человек воплощает в себе носившего его имя предка и которая обуславливает повторение ряда чередующихся характеров у современного человека, у субъектов, отношения которых с отцом оказались тем или иным образом нарушены, вызывает распад Эдипова комплекса, в котором и следует видеть источник дальнейших патогенных эффектов. Даже будучи представлена единственным лицом отцовская функция сосредотачивает в этом лице воображаемые и реальные отношения, которые всегда более или менее неадекватны символическому отношению, конституирующему ее сущность» [2, с.48]

Хотелось бы в заключение отметить, что интерсубъективный анализ семьи предполагает рассмотрение семьи как коммуникативной единицы. В ряде культур эта коммуникативная единица включена в широкую и сложную систему родственных взаимосвязей, в других – вся интерактивная динамика локализована в рамках отношений между несколькими персонажами. Точно также сценическое действо может быть разыграно между большим количеством действующих лиц, а может быть ограничено диалогами между несколькими актерами – драматизм происходящего от этого не зависит. Эмоциональная нагруженность каждой роли будет обратно пропорциональна количеству действующих лиц.

Список литературы

1. Лакан Ж. Значение фаллоса // Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М, 1997.

2. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М, 1995.

3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М, 1983

4. Михель Д. «Ужасные» отражения материнского тела // Гендерные исследования. Харьков, 2004, №4.

5. де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.

6. Тартаковская И. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. Харьков, 2004, №4.

7. Ушакин С. Фокусируя Фуко: феминистские дискурсии // Гендерные исследования. Харьков, 2004, №4.

8. Mead G.H. Mind, Self, and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

9. Ellenberger H. The discovery of the Unconscious: The History and Evolution of Dynamic Psychiatry. New York: Basic Books, 1970.

10. Жеребкина И. Против западного феминизма // Гендерные исследования. Харьков, 2004, №4.

© 2008 г.
В.И. Береговой

Прогнозирование военно–политических конфликтов

В чем принципиальное отличие между социологическим законом и социологической закономерностью? По моему мнению, социологический закон, в отличие от социологической закономерности, не является завершенным «в себе», поэтому нарушение закона не ведет к его изменению, а является, скорее всего, исключением, что происходит в силу определенных обстоятельств. Например, закон о том, что человек является общественным существом и вне общества существовать не может, нарушается через неживое общение (Интернет, книги, видеофильмы, компьютерные игры). Однако нарушение не отменяет существования закона. Социологический закон сохраняет свою фундаментальность в негативных понятиях. Поэтому можно утверждать о существовании нескольких законов и множества закономерности в общественном развитии.

Негативные социологические понятия – внутренне противоречивые, что свидетельствует о нереальности их содержания. Возникают через догматичный характер утверждения, преодолеваются критическим восприятием, интуитивной целостностью (в приведенном выше примере таким негативным понятием будет «неживое общение»).

Однако негативные социологические понятия теряют свою негативность через потерю нереальности, как следствие частого применения и более глубокого понимания содержания понятия.

Негативным социологическим понятиям присуща рефлексивность. Причем под рефлексивностью понимается то, что Дж. Сорос называет одновременной реализацией обеих функций: 1) пассивной, когнитивной функции – когда участники научного процесса пытаются понять ситуацию и создать картину, которая отвечает реальности; 2) активной функции участника – когда участники научного процесса пытаются осуществить влияние, подделывая реальность под их желания[1].

Как происходит процесс окончания социологической закономерности? Социологическая закономерность, в отличие от социологического закона, является завершенной «в себе», поэтому открытие любого негативно-рефлексивного понятия, которое своим существованием нарушает закономерность, по моему мнению, приводит к завершению ее существования. Этот процесс назовем негацией социологической закономерности. Поэтому социологическая закономерность считается закон-

ченной, когда она прошла негацию.

С чего начинается процесс познания новой социологической закономерности, закона? Из сосредоточения внимания участников научного процесса на негативно-рефлексивных понятиях, в силу их внутреннего противоречия. Отсюда можно вывести следующую аксиому: процесс познания новой социологической закономерности начинается с негативно-рефлексивных социологических понятий.

Негативно-рефлексивные социологические понятия неоднородны. По крайней мере, можем выделить два роды таких понятий: субъективные негативно-рефлексивные социологические понятия и объективные негативно-рефлексивные социологические понятия. Совокупность данных понятий составляет два поля: 1) объективное негативно-рефлексивное социологическое понятийное поле; 2) субъективное негативно-рефлексивное социологическое понятийное поле.

Субъективация негативно-рефлексивных социологических понятий тесно связана и, возможно, тождественна усвоению нового социологического знания. Здесь важную роль играют межиндивидуальные отношения между субъектами научного процесса, во время которых происходит передача и фиксация негативно-рефлексивных понятий. Когда объективные негативно-рефлексивные социологические понятия исследуются в научно обоснованных трудах то субъективные негативно-рефлексивные социологические понятия – в научных школах, и такое исследование имеет сходство с традицией.

Определив для себя все это, можем перейти к конкретному анализу границ качественных методов прогнозирования апогея во-

енно-политического конфликта. Начнем с интуитивных (экспертных) методов прогнозирования – ***метода аналитической экспертной оценки.*** Аналитические экспертные оценки предусматривают длительную и тщательную самостоятельную работу эксперта над анализом тенденций, оценкой состояния и путей развития прогнозируемого объекта.

Как пример аналитической экспертной оценки возможности возникновения апогея военно-политического конфликта, можно навести прогноз В. Красильникова[2]. В результате анализа эксперт приходит к выводу о возможности возникновения войны между США и их союзниками, с одной стороны, и Россией, с другой, в 2010 г. Прогноз эксперта основывается на таких аргументах:

1. 2010 год совпадет во времени с достижением Россией наиболее низкого состояния ядерного щита.

2. К 2010 – 2012 г. ядерный потенциал России уменьшится в 600 раз сравнительно с 1991 г. и сравнится с ядерным потенциалом Китая.

3. В 2010 г. США будут иметь возможность нанести внезапный удар с подводных лодок, надводных кораблей, самолетов-невидимок В-2 (не заходя в зону действия российской ПВО), мобильных наземных установок с территории стран, ко-

торые недавно вошли в блок НАТО, десятками тысяч «крылатых ракет» дальностью в четырепять тысяч километров. Несколько сотен таких ракет с ядерными боеголовками малой мощности глубокого проникновения гарантировано, с пятикратным резервированием уничтожат сотню шахтных «Тополей» и командные пункты.

4. В 2010 г. в море в лучшем случае будет находиться одна российская лодка-стратег (с 2–3 «ходячих»), которую от самого пирса будут вести с десяток бесшумных подводных лодок США класса «Сивульф» плюс система раннего распознавания.

5. Стратегическая авиация будет уничтожена на аэродромах базирования в первое же время операции. Даже в случае распыления стратегической авиации все аэродромы могут быть разбиты «крылатыми ракетами» с ядерными боеголовками малой мощности всего с одной подводной лодки, которая подойдет к Новой Земле.

6. Не будет никакого «периода угроз». К 2010 г. в США будет достигнута постоянная мобилизация. Никакой наземной операции. Никакого предыдущего развертывания группировок. План удара без срока, без конкретной даты, в любое время.

7. После развала СССР единственная система воздушного контроля прекратила свое существование. Сегодня над территорией России имеются зоны, которые не контролирует РЛС, что превышают по размеру территорию Франции.

8. Америка, как и в прошлом, рассматривает Россию как своего главного врага и не собирается отказаться от этой доктрины. Америка не может себе позволить риска возрождения России, но она не способна полностью и навсегда уничтожить Россию без прямой агрессии.

9. Российскую ракету, которая прорвется в космос, будет ожидать система американских спутников–истребителей баллистических боеголовок. Даже если этот заслон будет пройден, боеголовку уничтожат противоракетные установки ПРО наземного и морского базирования.

Приведем еще один пример аналитической экспертной оценки возможности возникновения войны В. Ансимова[3]. Анализируя прессу, автор выделяет ряд позиций, которые, по его мнению, подтверждают достоверность прогноза возникновения войны между США и Россией:

1. США создают систему ПРО в Европе.

2. США создают вблизи границ России новые военные базы.

3. США ведут разработку и испытание новых видов ядерного оружия и ПРО.

4. США поддерживают антироссийские информационные кампании в мировых СМИ. Россия в освещении западных СМИ выдается как страна, которой руководит диктатор, отсталая, тоталитарная которая пытается владеть всем миром посредством энергетической монополии и ядерной угрозы, вместо того чтоб уничтожать в себе советское прошлое и двигаться к демократии (во внутренней политике) и союзу с за-

падными странами (во внешней). Для иллюстрации этого образца используются следующие главные информационные темы: 1) Кто победил во Второй мировой войне, ее причины, последствия и итоги, перенесение негативных оценок с нацизма на «сталинизм».

2) «Имперские амбиции России» - раздувание истерии вокруг «энергетической монополии России» и ее «стремления доминировать на постсоветском пространстве».

3) «Тоталитарная Россия», подтемы: «нарушение прав человека», «нарушение свободы прессы», «нарушение демократии».

5. Под воздействием США НАТО расширяется к востоку. К 2007 г. членами НАТО были 26 государств: Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Испания, Исландия, Италия, Канада, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша Португалия, Румыния, Словакия, Словения, США, Турция, Франция, Чехия, Эстония. На очереди, по мнению эксперта: Хорватия, Македония, Албания, Грузия, Азербайджан, Молдавия, Украина.

6. На фоне молчания Европы США активно выразили свое недовольство намерением России выйти с ДОВСЕ, в то же время сами отказываются его ратифицировать. Сегодня Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) подписали около 30 государств Европы но ратифицировали только 4 страны СНД – Беларусь, Казахстан, Россия и Украина. Однако, согласно с международными нормами, этот документ вступает в силу только после ратификации парламентами государств-участников Договора. Вообще не подписали ДОВСЕ вновь прибывшие члены НАТО – постсоюзные прибалтийские страны и Словения. Если эти государства не подпишут ДОВСЕ, то НАТО, сможет на их территории концентрировать любое неограниченное количество войск и вооружения не в нарушение каких-то формальных договоренностей. В то же время США неоднократно заявляли, что не будут ратифицировать ДОВСЕ, пока Россия не выведет свои войска из Грузии и Молдовы, а также не спишет молдавский долг за газ в размере 100 млн. долларов. В то же время даже подписание ДОВСЕ Эстонией, Латвией и Литвой не делает невозможным появление ударных сил НАТО вблизи российских границ: согласно с ДОВСЕ Эстония, Латвия и Литва получают квоты по 500–600 танков 800 бронетранспортеров и по 100–200 самолетов. Использовать эти квоты самостоятельно, учитывая возможности их совокупного ВПК, прибалты не смогут. Однако они могут вполне легально передать эти квоты другим членам НАТО – прежде всего США так же как передали свое воздушное пространство для патрулирования боевым самолетам Бельгии, Дании и Англии.

Подведя итоги, эксперт отмечает, что единственные возможные цели ПРО в Восточной Европе – российские ракеты удара в ответ. Что роль России во Второй мировой войне может быть пересмотрена только для того, чтобы выставить ее в виде угрозы. С этой целью Россия настойчиво изображается тоталитарным государством, которому необходимая «демократизация». Ведь никакая широкомасштабная война невозможна без подготовки соответствующей общественной мысли: войны финансируются государствами за счет своих граждан. И в этом смысле,

отмечает эксперт, антироссийская кампания западных СМИ ничем не отличается от предыдущих антиюгославской, антисербской и антииракской. Единственной целью расширения системы военных баз на территории Восточной Европы может быть только поддержка военных действий в этом регионе. Единственной причиной отказа от ратификации договоров об ограничении вооружений может быть только сознательный агрессивный план на ближайшее будущее.

Рассматривая дату начала войны, В. Ансимов отмечает, что война произойдет не раньше, чем будут созданы и начнут функционировать в полном объеме системы ПРО в Восточной Европе, Украина и Грузия вступят в НАТО, а побежденный Иран будет находиться на той стадии, что и нынешний Ирак. То есть, пишет эксперт, необходимо чтобы прошло несколько лет. «План о перебазирования «постоянных и ротационных» сил спецназа США на новые базы на юге Европы» переносит срок начала войны, отмеченный Красильниковым, на дату не раньше 2015 г. Хотя эксперт позже отмечает, что дело даже не в сроках, а в общей направленности внешней политики США их курса на создание однополярного мира любой ценой. Через 10, 15, 20 лет но война произойдет и, по мнению эксперта, готовиться к ней необходимо сейчас чтобы дежурное 22 июня не повторилось в еще более ужасных и разрушительных масштабах ядерной войны.

Главным недостатком данных прогнозов является акцент только на военные (прогноз В. Красильникова) или только на политические (прогноз В.Ансимова) аспекты прогнозируемого события, исключая анализ социальный, экономический, исторический психологический. И этот недостаток касается не только данного экспертного прогноза, но и всех прогнозов, построенных на основе интуитивных методов. Подобный недостаток свидетельствует о степени подготовленности эксперта (специализации). Поэтому негативным понятием является межсистемное суждение (суждение, которое лежит на стыке военной науки, социологии, политологии, психологии, философии, логики). Такое суждение либо отбрасывается сразу как заведомо неправильное, либо сразу отрицается, хотя по существу оно само своим существованием отрицает существование закономерности: *возникновение войны тяжело спрогнозировать, поэтому необходимо опираться на профессиональный опыт и интуицию эксперта*.

Субъективация негативно-рефлексивного понятия «межсистемное суждение» происходит в среде социологов, которые признают важность межсистемных исследований.

Следующий качественный метод прогнозирования апогея военно-политического конфликта - ***метод коллективных экспертных оценок.*** Он заключается в определении согласованности суждений экспертов относительно перспективных направлений развития объекта прогнозирования, сформулированных раньше отдельными специалистами, а также в оценке аспектов развития объекта, которая не может быть определена другими методами (например, аналитическим расчетом, экспериментом).

Метод коллективной экспертной оценки имеет существенный недостаток. Его сложная методика и процедура не может изменить того обстоятельства, что он строится в значительной мере на „усредненной интуиции" со все-

ми ее недостатками. Усредненная экспертная оценка лишь помогает в концентрированном виде формулировать представления, которые уже сложились и преобладают.

Прогнозы, полученные путем экспертного опроса, строятся не столько на объективном исследовании реальной обстановки, которая сложилась, и объективных данных о процессах и тенденциях их развития, сколько на уже накопленных знаниях и интуиции специалистов, т.е. на отождествлении научной истины с мнением большинства опрошенных специалистов, знания которых сами по себе ограничены. Прогноз в данном случае получается без углубленного изучения объекта, основывается лишь на суждениях специалистов о будущем, на выявлении преобладающей (усредненной) оценки. Необходимость более глубокого познания объективных законов и тенденций развития существующей социально-политической обстановки требует использования экспертных оценок в комплексе с другими методами анализа и прогнозирования.

В основе коллективной экспертной оценке возможности прогноза апогея военно-политического конфликта лежит закономерность: *рассмотрение принципов развития военно-политического конфликта посредством системного и контролируемого обсуждения экспертами и оценка такого обсуждения ведет к прогнозу войны*. Поэтому субъективным негативно-рефлексивным социологическим понятием по отношению к данной закономерности будет понятие «рекурсивной петли»[4]. Оно выявляет невозможность точного прогнозирования возникновения войны путем экспертного обсуждения, поскольку существует разница в уровне принятых экспертами решений. Мышление экспертов ведет к дополнительным слоям и уровням сложности в системе. Участники обсуждения формируют свои взгляды и принимают решение на одном уровне, а результаты их деятельности регистрируются на другом. Результаты отбиваются на более поздней часовой точке, на уровне принятия решений устанавливая петлю обратной связи. Если уровень, на котором принимается решение, является субъективным, а уровень, на котором становятся ощутимыми последствия, является объективным, то мы получим столько субъективных уровней одного объективного уровня (процесса возникновения апогея военно-политического конфликта) сколько имеется участников экспертного обсуждения.

Следующим качественным методом прогнозирования апогея военно-политического конфликта, который поддадим анализу, будет ***метод коллективной генерации идей («мозговая атака», «мозговой штурм»)***, впервые внедренный в 1975 г. А.Осборном. Сущность метода заключается в актуализации творческого потенциала специалистов при „мозговой атаке" проблемной ситуации, где сначала происходит генерация идей, а затем они критикуются с формулировкой контр-идей. В основу положена закономерность: возникновение войны можно спрогнозировать путем актуализации творческого потенциала специалистов посредством быстрой генерации идей, с последующей их критикой и формулировкой контр-идей. Негация закономерности начинается с изобретения субъективного негативно-рефлексивного социологического понятия «пассионарной индукции».

Пассионарная индукция – явление трансформации поведения

апассионарных людей в присутствии пассионариев (людей, которые владеют врожденной способностью организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде труда, т.е. осуществлять негентропийный прорыв, способных к целеустремленному сверхнапряжению, которое часто ломает инстинкт самосохранения (как индивидуального, так и видового) и сопровождается действиями, ведущими к резкому изменению как природной среды, так и отношений внутри социальной системы) под воздействием пассионарной энергии.

Еще в середине 1950-х гг. американские социологи П.Лазарсфельд и Р.Мертон говорили о том, что послание аудитории достигает сначала «лидера группы» внутри группы, а затем, через него, других членов группы. То есть апассионарные специалисты, находясь в непосредственной близости от пассионарного специалиста, поддаются влиянию его идей и начинают себя вести так, будто они пассионарные, но как только достаточное расстояние отделит их, апассионарии переходят в свое природное поведенческое состояние. Поэтому роль коллективной мозговой атаки сводится к мозговой атаке одного, или, редко, нескольких пассионариев. Важную роль при этом играет состояние социальной системы в котором находятся специалисты. Если система характеризуется наличием пассионарной дисперсности (фактора конфликтности, состояния пассионарных групп, в котором отсутствует афилиация (удовольствие от общения) между пассионариями и присутствует избыточное апассионарное давление (безразличное отношение к достижениям пассионария), то это ведет к снижению прогностических возможностей, основанных на любом коллективном обсуждении, в том числе и на «мозговом штурме».

Следующий качественный метод прогнозирования апогея военно-политического конфликта поддадим анализу ***синектику.*** Он предложен У. Гордоном в 1960-х годах. По его мнению, наиболее верные решения могут предлагать не специалисты, а скорее, напротив, дилетанты в исследуемых вопросах. Ученые-эксперты всегда придерживаются рамок своей науки, не выходя за ее границы, что не позволяет им рассмотреть принципиально новые горизонты знания, посмотреть на проблему с неожиданной нетрадиционной точки зрения. Поэтому У. Гордон считает, что группа абсолютно разных по профессии людей может производить решение в самых разнообразных областях. Для этого ее необходимо вооружить определенными приемами, посредством которых можно будет продуцировать новые нестандартные решения.

В основе метода синектики лежит следующая закономерность: возбуждая и используя аналогию как средство смещения процесса обсуждения военно-политического конфликта с уровня сознательного мышления на уровень подсознательной активности не специалистов в предмете обсуждения, можно спрогнозировать возникновение войны. Она стала следствием концентрации внимания автора на субъективном негативно-рефлексивном социологическом понятии межсистемного суждения. Негация данной закономерности началась с изобретения упомянутых выше субъективных негативно-рефлексивных понятий: «пассионарная индукция» и «пассионарная дисперсность».

Последний метод прогнозирования – ***дельфийская техника***,

созданная в 1960-х годах сотрудниками корпорации «РЕНД Далки Н.С.». Эксперты вносят оценки того или другого международного события в центральный орган, который проводит их обобщение и систематизацию, после чего возвращает экспертам. Проведенная несколько раз, такая операция позволяет констатировать более или менее серьезные противоречия в указанных оценках. С учетом проведенного обобщения эксперты или вносят поправки в первые оценки, или убеждаются в своей позиции и продолжают настаивать на ней. Изучение причин расхождения в оценках экспертов позволяет выявить незаметные раньше аспекты проблемы и зафиксировать внимание как на наибольшие (в случае совпадения экспертных оценок), так и на наименьшие (в случае их расхождения) вероятные последствия развития проблемы. В соответствии с этим принимается конечная оценка и практические рекомендации. Сущность метода заключается в его организации: каждый участник остается анонимным и отделенным от других участников на весь период эксперимента; связь с экспертами поддерживается посредством почты с целью исключения влияния пассионарной индукции.

Для изучения вероятности возникновения войны в 1960-х гг. была создана группа из 83 экспертов, в состав которой входили сотрудники корпорации «РЕНД» и приглашенные специалисты. Исследование проходило в четыре последовательных цикла опросов, между которыми был перерыв в два месяца. Как только вопросы, относящиеся к специфическим событиям, повторялись в каждом цикле, мнения экспертов становились все более согласованными. Система «Дельфи» принуждает специалистов оценивать и пересматривать свои взгляды, знакомясь с мнением и возражениями других участников.

В основе прогнозирования апогея военно-политического конфликта лежит догматичное суждение: разработанная общая позиция экспертов, после анонимного ознакомления с мнениями других членов экспертной группы, относительно будущего развития той или другой международной ситуации, ведет к прогнозу войны.

Пока еще оно не поддается негации, а все указанные выше субъективные негативно-рефлексивные понятия не ведут к его изменению. Поэтому можно допустить, что это субъективный закон прогноза апогея военно-политического конфликта. Субъективное негативно-рефлексивное поле состоит из таких социологических понятий, как-то: «межсистемное суждение», «рекурсивная петля», «пассионарная индукция», «пассионарная дисперсность». Концентрация внимания субъектов научного процесса на данном поле может привести к изобретению новой закономерности прогнозирования войны, а соответственно и нового метода. Пока же наиболее подходящим для прогнозирования апогея военно-политического конфликта в среде качественных методов прогнозирования есть метод «Дельфи».

Ссылки

[1] Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М, 1999.

[2] Красильников В. Америка готовит удар... по России? (www.rustrana.ru).

[3] Ансимов В. Оборона как национальная идея. 21.05.2007 (www.rustrana.ru).

[4] Сорос Дж. Утвердження демократії / перекл. з англійської О. Коваленка – К.: Основи, 1994. с.138.

© 2008 г.
О.С. Семакова, В.Н. Ходырев

Социальный статус врачей и реализация Национального проекта здравоохранения

Долгие годы приоритетным направлением развития здравоохранения было укрепление и совершенствование стационарной службы, поскольку там сконцентрированы самые тяжелые больные, которые требуют большого внимания не только со стороны лечащих врачей, но и от организаторов здравоохранения. В поликлиниках работа строилась на старых стереотипах, отработанных 10 и 20 лет назад, страдала доступность первичной медицинской помощи. Более того, профилактическая работа сводилась к принудительной иммунизации населения и вторичной профилактике уже имеющихся заболеваний. Мы забывали, что существует первичная профилактика, которая полностью зависит от санитарного просвещения, от индивидуальной работы врача с больным, основанной на взаимном доверии и на высоком профессионализме. Все это привело к ослаблению профилактической направленности в работе первичного звена. Причин тому много, и в первую очередь низкая заработная плата участкового врача, не соответствующая реальному трудовому вкладу, снижение престижа профессии и отток врачебных кадров. Не удивительно, что основными задачами Национального проекта в сфере здравоохранения[1] явились:

1. Повышение доступности первичной медико-санитарной помощи, а именно: принципиальное изменение системы и формы оплаты труда, материального стимулирования медицинских работников по конечным результатам их профессиональной деятельности; укомплектование кадрами первичного звена здравоохранения; масштабное оснащение учреждений диагностическим оборудованием.

2. Усиление профилактической направленности здравоохранения, формирование у населения культуры здоровья, повышение мотивации к его сохранению, а также проведение углубленной диспансеризации, массовых и доступных противоэпидемических мероприятий.

Вместе с тем реализация поставленных задач столкнулась с большим количеством проблем, без решения которых невозможно эффективное воплощение в повседневную работу участкового врача идеи Национального проекта. Одной из основных проблем следует назвать недостаточную психологическую готовность участковых врачей к работе в условиях повышенного внутреннего и внешнего контроля.

Целью нашего исследования явилось изучение социального статуса участковых врачей в условиях реализации Национального проекта в области здравоохранения и влияние на него социальных и психологических факторов.

Материал и методы

Изучение влияния психологических и социальных факторов на мнение участковых врачей по реформированию амбулаторно-поликлинической помощи в рамках Национального проекта проведено методом сплошного анкетного опроса участковых врачей города Первоуральска Свердловской области. Опрос проводился по специально разработанной анкете, включающей 27 вопросов, отражающих: социальное положение, отношение к профессии, ее престиж, мнение о состоянии правовой защиты участкового врача, вопросы служебной этики, отношение к Национальному проекту в области здравоохранения, вопросы организации работы поликлиник и карьерный рост, отношение к повышению заработной платы и организация досуга. Анкеты заполнялись анонимно участковыми врачами без какой-либо помощи.

Задачи исследования:

1. Изучение социального статуса участковых врачей на момент начала реформирования амбулаторно-поликлинической помощи населению прикрепленной территории.
2. Сравнительное изучение отношения врачей и фельдшеров к уровню заработной платы после ее повышения в рамках Национального проекта в сфере здравоохранения.
3. Изучение отношения участковых врачей к состоянию правовой защиты врача.
4. Изучение мнения участковых врачей по вопросам организации реализации Национального проекта в сфере здравоохранения.

Опрошено 63 (100%) участковых врача города Первоуральска, из которых 31 врач и 32 фельдшера, работающих на должности участкового врача. Недостаточная укомплектованность врачебными кадрами характерна для большинства территорий. Поэтому одной из первостепенных задач Национального проекта в сфере здравоохранения является укомплектованность врачебными кадрами первичного звена амбулаторно-поликлинической службы здравоохранения. Разделение участковых врачей по уровню образования преследовало цель сравнительного изучения мнения по некоторым из поставленных вопросов. Возрастно-половая структура и трудовой стаж участковых врачей отражены в табл. 1.

В целом участковые врачи равномерно распределилась по всем возрастным группам. Однако среди врачей 83,8% имели возраст старше 40 лет, 50% из них были старше 50 лет. В связи с этим среди врачей, по сравнению с фельдшерами, в 2 раза больше лиц, имеющих стаж работы более 20 лет. Семейное положение врачей и фельдшеров не имело существенных различий.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего мы попытались выяснить мнение участковых вра-

Таблица 1

Половозрастная структура и трудовой стаж участковых врачей (n=63)

Образование	Пол		Возраст (годы)				Стаж (годы)		
	Муж. %	Жен. %	< 30 %	30-39 %	40-49 %	? 50 %	< 10 %	10-19 %	? 20 %
Врачи (высшее) (n=31)	12,9 (4)	87,1 (27)	3,3 (1)	12,9 (4)	41,9 (13)	41,9 (13)	6,5 (2)	19,4 (6)	74,1 (23)
Фельдшера (ср. спец.) (n=32)	6,25 (2)	93,75 (30)	31,3 (10)	40,6 (13)	28,1 (9)	—	34,4 (11)	28,1 (9)	37,5 (12)
Всего:	9,5 (6)	90,5 (57)	17,5 (11)	27,0 (17)	35,0 (22)	20,5 (13)	20,5 (13)	23,9 (15)	55,6 (35)

чей о своем социальном статусе после повышения заработной платы в рамках Национального проекта в сфере здравоохранения. Результаты опроса участковых врачей, по некоторым вопросам социального статуса представлены на табл. 2.

Так, по уровню дохода на одного члена семьи, после повышения заработной платы в рамках Национального проекта, участковые врачи в 60,3% случаев отнесли себя к среднему уровню обеспеченности, 31,7% к уровню ниже среднего, остальные затруднились ответить на этот вопрос. Оценка этого показателя врачей в отличие от фельдшеров носила более сдержанный характер. Вместе с тем значимых различий в ответе на этот вопрос среди врачей и фельдшеров не было. Сравнить полученные результаты расклада мнений, к сожалению, не представляется возможным в связи с отсутствием подобных исследований в Российской Федерации.

Затраты на продукты питания по результатам опроса врачей и фельдшеров не имели значимых различий и лишь подтверждали мнение большинства участковых врачей о принадлежности к среднему уровню обеспеченности.

К чрезвычайно актуальным вопросам социального положения участковых врачей следует отнести оценку соответствия уровня заработной платы реальному трудовому вкладу. Ответы врачей и фельдшеров разошлись. А именно, врачи в 1,5 раза были менее оптимистичны в оценке приемлемости заработной платы реальному трудовому вкладу. Более того, они в 48,4% респондентов отнесли оплату своего труда к категориям: «не вполне приемлемая» и «недостаточная». Сдержанная оценка повышения оплаты труда врачами, по-видимому, вызвана несколькими причинами. В первую очередь это связано с тем, что 67,7% врачей являются основными поставщиками средств в семейный бюджет. Другой причиной явилось самоуважение. То есть, несмотря на недооценку роли труда медиков в обществе (которая, в частности, проявлялась в неадекватной заработной плате), сами врачи уважают себя за свой труд, высоко оценивают свою роль в обществе. Профессия врача гуманна, благородна и дает много возможностей испытывать самоуважение, поскольку это ничто иное, как показатель отношения к себе по достигнутым результатам.

Таблица 2
Оценка аспектов социального статуса участковых врачей, в %

Вопросы	Врачи	Фельдшера	Участковые врачи
Уровень дохода на 1 члена семьи:			
- выше среднего	3,2	-	1 (1,7%)
- средний	51,6	65,6	37 (58,7%)
- ниже среднего	35,5	28,1	20 (31,7%)
- низший	3,2	-	1 (1,7%)
- затрудняюсь ответить	6,4	6,3	4 (6,3%)
Соответствие уровня зарплаты трудовому вкладу:			
- достойный	9,7	6,3	7,9
- приемлемый	41,9	65,6	54
- не вполне приемлемая	8 (25,8%)	15,6	20,6
- не достаточный	7 (22,6%)	12,5	17,5
Затраты на продукты питания в семейном бюджете:			
- более 80%	-	-	-
- больше половины (50-80%)	70,9	68,8	69,8
- меньше половины (30-50%)	12,9	6,3	9,5
- затраты от 20 до 30%	16,1	25,0	20,6
- менее 20%	-	-	-
Престиж профессии участкового врача с позиции общественного мнения			
- достаточно высокий	12,9	21,9	17,5
- высокий	19,4	9,4	14,3
- невысокий	38,7	21,9	30,2
- низкий	22,6	21,9	22,2
- затрудняюсь ответить	6,4	25,0	15,8

Престиж участкового врача в глазах общественности - одна из основных составляющих его социального статуса. Результаты нашего исследования убедительно свидетельствуют, что большинство врачей (61,3%) убеждены в «низком» и «невысоком» уровне престижа участкового врача. Причем, основной причиной снижения престижа, 64,5% врачей назвали низкий уровень оплаты труда, не соответствующий реальному вкладу. На втором месте тяжелые условия труда участковых врачей (22,6%) - преимущественно в эмоциональном и физическом плане. Весомый вклад в снижение престижа вносит отсутствие системы правовой защиты участкового врача при одновременном действии в целой системы защиты прав пациента. Значимость этой проблемы становится еще более очевидной в условиях реализации Национального проекта в сфере здра-

воохранения, предусматривающего усиление внутреннего и внешнего контроля качества работы первичного звена амбулаторно-поликлинической службы.

Как уже подчеркивалось, вопросы социально-правовой защищенности чрезвычайно актуальны в условиях реформирования первичного звена здравоохранения. При оценке степени социально-правовой защищенности по сравнению с работниками других сфер результаты нашего исследования показали, что 63,5% участковых врачей оценили ее как «хуже» и «намного хуже», а 27% - «на уровне других». Таким образом, две трети участковых врачей склонны думать о значительном отставании социально-правовой защиты врача от работников других сфер. Тем не менее, 52,4% опрошенных склонны обратиться за защитой своих прав к вышестоящему руководителю, 25,3% - в суд, а 17,5% - к друзьям. Подобный расклад мнений по вопросу правовой защиты говорит если не об отсутствии таковой в здравоохранении, то во всяком случае о значительном ее отставании.

Приведенные выше данные лишь в некоторой степени характеризует социальный статус участкового врача на момент начала реформирования амбулаторно-поликлинической службы в рамках Национального проекта в сфере здравоохранения. А каково отношение самих участковых врачей к этому проекту и его реализации? Ответы на поставленный вопрос, по нашему мнению, должны оказать неоценимую помощь руководителям здравоохранения по организационным вопросам реализации основных положений проекта.

В первую очередь нас интересовало мнение участковых врачей о реальности выполнения основных задач Национального проекта. Так, в целом 71,4% участковых врачей уверены в реальности и выполнимости этой программы (табл. 3). Сдержанный оттенок ответов врачей (58,1%) на поставленный вопрос по сравнению с фельдшерами (84,4%), по-видимому, связан с инерционным психологическим настроем и недостаточным информационным обеспечением врачебных кадров в плане необходимости и обоснованности принятия Национального проекта в сфере здравоохранения.

Интересные результаты получены при анализе ответов на вопрос: «Реализация Национального проекта изменила ли Ваше отношение к профессиональным обязанностям?». Так, утвердительно на этот вопрос ответили 25,4% опрошенных. Не оказалось неожиданным для нас количество не изменивших свое отношение к профессиональным обязанностям (58,7%). Это связано с тем, что в городе Первоуральске в течение 2005 года (до принятия Национального проекта в сфере здравоохранения) уже проводилась реорганизация амбулаторно-поликлинической службы, основной целью которой являлась повышение качества и эффективности работы всех структурных подразделений поликлиник. В городе выстроена система ведомственного контроля качества лечебно-диагностического процесса. Большинство участковых врачей знакомы с основными критериями качества их труда. Вот почему особых усилий в перестройке отношения к профессиональным обязанностям у многих врачей не требовалось. В 19,4% случаев врачи оценили доплаты, не соответствующими дополнительным требованиям Национального проекта, а в 2 случаях (6,4%) врачи не увидели при-

Таблица 3

Отношение участковых врачей к Национальному проекту в сфере здравоохранения и его реализации, в %

Вопросы	Врачи	Фельдшера	Участковые врачи
Национальный проект это реальная задача?			
- да, уверен	58,1	84,4	71,4
- не уверен	41,9	15,6%)	28,6
- затрудняюсь ответить	-	-	-
Реализация Национального проекта изменила ли Ваше отношение к профессиональным обязанностям?			
- да, я стал более ответственным	22,6	28,1	25,4
- нет, отношение не изменилось	48,4	68,8	58,7
- доплаты не соответствуют дополнительным требованиям	19,4	3,1	11,1
- нет желания менять своё отношение к работе	6,4	-	3,3
- затрудняюсь ответить	3,2	-	1,7
Вас удовлетворяет организация работы поликлиники?			
- не удовлетворяет	54,8	59,4	57,1
- полностью удовлетворяет	22,6	37,5	30,2
- удовлетворяет не полностью	22,6	3,1	12,7
Какова помощь зав. отделением по организации работы на участке?			
- помогает в постоянном режиме	25,8	65,6	46,0
- совершенно не помогает	12,9	3,1	7,9
- помогает при необходимости	3,2	-	1,7
- помогает, но редко	29,0	15,6	22,2
- только в чрезвычайных ситуациях	22,6	15,6	19,0
- в помощи не нуждаюсь	6,4	-	3,3
Уровень участия в принятии управленческих решений			
- моё мнение всегда учитывается	-	12,5	6,3
- моё мнение может влиять на решение	29,0	37,5	33,3
- моё мнение никогда не интересует администрацию	41,9	9,4	25,4
- не высказываю своего мнения	6,4	15,6	11,1
- считаю себя бесправным	22,6	25,0	23,8

чин для изменения отношения к профессиональным обязанностям. Подобный нигилизм и повышенная самооценка врачей - ни что иное как результат многолетнего действия негативных факторов на уровне общества (недооценка роли труда медиков), на уровне отрасли (особенности профессиональной деятельности, несовершенная система оплаты труда), на уровне коллектива (пассивный социально-психологический климат). Особого внимания заслуживает неадекват-

ная заработная плата врача, порождающая ощущение социальной несправедливости и приводящая к таким негативным последствиям, как смещение акцентов с цели на средство.

Реформирование амбулаторно-поликлинической службы невозможно без изменения организации ее функционирования. В связи с этим мы попытались выяснить отношение участковых врачей к вопросам организации работы поликлиник. Так, 69,8% участковых врачей существующая организация работы поликлиник не удовлетворяла или удовлетворяла не полностью. Основными трудностями в работе 38,1% участковых врачей отметили увеличение объема работы с документами, 19,1% - организационные причины (трудности в параклиническом обследовании больного, отсутствие оборудованного рабочего кабинета, отсутствие компьютера) и 12,7% - недостаток нормативного времени на осмотр пациента. Справиться с повседневными проблемами участковым врачам в 46,0% случаев помогает заведующий отделением, причем фельдшера ощущают помощь в 2,5 раза чаще, по сравнению с врачами. Материальное стимулирование медицинских работников по конечным результатам их профессиональной деятельности, предусмотренное Национальным проектом, должно осуществляться при качественно выполненной работе в соответствии со стандартами, и рассчитано на врачебные кадры. В действительности низкая укомплектованность первичного звена врачебными кадрами привела к заполнению существующей бреши участковыми фельдшерами, которым не хватает знаний для качественного выполнения функциональных обязанностей участкового врача. В такой ситуации резко возрастает значение заведующих участковыми отделениями. Это утверждение нашло свое подтверждение в результатах нашего исследования, где произошло перераспределение внимания заведующего участковым отделением с акцентом на фельдшеров.

Чрезвычайно интересные данные мы получили при анализе результатов опроса по участию участковых врачей в принятии управленческих решений, которые дают повод для размышлений по этой проблеме многим руководителям. В нашем исследовании 39,6% участковых врачей считают, что их мнение может влиять на принятие управленческого решения, а 49,2% отнесли себя к категориям «бесправных» и «мое мнение никогда не интересует администрацию», среди лиц с высшим образованием ответы на этот вопрос были более сдержанными - 29,0% и 64,5% соответственно. Иная картина наблюдалась у фельдшеров, мнение которых учитывалось в 1,7 раза чаще, чем мнение врачей. Совершенно не высказывали свое мнение 6,4% врачей и 15,6% фельдшеров. Полученные нами результаты согласуются с данными В.А. Мансурова и О.В. Юрченко[2], изучавшихи этот вопрос в трех регионах России. Более того, уровень беспокойства участковых врачей своим бесправием в Первоуральске несколько меньше уровня этого показателя среди врачей Москвы (55,0%) и значительно ниже, чем в Республике Коми (69,7%) и Кировской области (71,3%). Проблема ограничения прав врачей в принятии управленческих решений, по-видимому, одна из актуальных в современной России, однако она относится к проблемам управляемым.

Таким образом, на основании анализа анкетного опроса участковых врачей по некоторым наиболее актуальным вопросам реализации Национального проекта в сфере здравоохранения можно сделать следующие **выводы:**

1. Повышение заработной платы в рамках Национального проекта в сфере здравоохранения позволила большей части участковых врачей отнести себя к среднему уровню обеспеченности по уровню дохода на 1 члена семьи. Вместе с тем, 48,4% врачей считают оплату своего труда не соответствующей реальному трудовому вкладу.

2. По мнению большинства респондентов, на сегодняшний день престиж участкового врача ниже по сравнению с работниками других сфер. Причинами снижения названы низкий уровень оплаты труда не соответствующий реальному вкладу, тяжелые условия труда участковых врачей и отсутствие системы правовой защиты.

3. Подавляющее большинство участковых врачей считает Национальный проект в сфере здравоохранения реальной и выполнимой задачей как для государства, так и для практического здравоохранения.

4. Особого внимания руководителей требует проблема широкого привлечения участковых врачей к общественной жизни коллектива учреждения, к принятию управленческих решений по организации работы первичного звена амбулаторно-поликлинической службы и к распределению материального стимулирования их труда по конечным результатам.

В заключении необходимо сказать, что, предвосхищая результаты анкетного опроса участковых врачей в городе Первоуральске, Городским управлением здравоохранения принята программа по реформированию первичного звена амбулаторно-поликлинической службы в рамках Национального проекта в сфере здравоохранения, включающая: материальное стимулирование медицинских работников по конечным результатам их профессиональной деятельности; рациональную организацию работы амбулаторно-поликлинической службы города, включая первичное звено; компьютеризацию рабочих мест участковых врачей; проблему правовой защиты участковых врачей (организация работы Комиссий по этике); вопросы совершенствования профессиональных знаний и др. Достаточно сказать, что представленный выше анкетный опрос был проведен в рамках городской конференции участковых врачей (в рамках настоящего сообщения рассмотрены лишь небольшая часть опроса).

На наш взгляд, только изменение социальных установок врачей, занятых в государственном секторе, их стремление увеличить собственный потенциал во всех направлениях в сочетании с адекватной оценкой их труда обществом, может привести к повышению социального статуса участкового врача.

Ссылки

[1] Национальный проект в сфере здравоохранения. Методические материалы. Екатеринбург, 2006.

[2] Мансуров В.А., Юрченко О.В. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе. Социологические исследования, 2005, №1, С.66-77.

© 2008 г.
В.К. Шумилов

Будущее Российской демократии

Современные российские реалии весьма пессимистично оцениваются некоторыми специалистами. Видимо, поэтому они считают, что подлинная демократия в России будет построена только в отдаленном будущем. К примеру, С.В. Цирель полагает, что «в революционном варианте люди вступают в большую политику рано, например в возрасте около 30 лет. Тогда начала перемен можно ожидать примерно к 2030–2035 гг. В более спокойных эволюционных вариантах вступление в большую политику происходит позже, и тогда перемен следует ожидать в 2040-х гг. В общем, самая близкая критическая дата – 2035-2040 гг. или даже более поздние годы» [1, С.95].

В своих предыдущих работах автор склонялся примерно к этой точке зрения. Однако это мнение явно не учитывает вторжение в жизнь общества непредвиденных факторов, которые могут кардинально менять траекторию социального развития. Порой невозможно предугадать их появление. Тем не менее развитие современных информационных технологии, Интернета явно ускоряет общественное развитие. Мера его воздействия на общество сопоставима только с переходом социума к индустриальному труду. Поэтому чрезвычайно важное значение приобретают исследования, направленные на изучение воздействия на общество современных информационных технологии.

Соответственно изучение состояния массового сознания молодого поколения современной России приобретает чрезвычайно важное актуальное значение. Именно от молодого поколения российского общества зависит, «вернется ли вновь Россия к сверхцентрализованной изоляционистской авторитарной системе, хотя, возможно, это будет нечто отличное от классического азиатского деспотизма, скорее новая модификация европейского фашизма, выросшего на руинах неудачных демократических преобразований. Либо же Россия сможет интегрироваться в европейскую цивилизацию и стать многонациональной континентальной Федерацией – своеобразным подобием Соединенных штатов» [2, С. 233].

Практически во всех исследованиях отмечается, что группы молодежи с прозападными ценностями составляют явное меньшинство в сравнении с традициона-

листскими (советскими) группами молодых людей. Отмечено также, что ценности «новых молодых», как правило, больше привлекают девушек, хорошо образованных. Не разделяют подобные поведенческие установки чаще всего юноши, респонденты с невысоким уровнем образования, выросшие в менее образованных семьях [3, С. 81]. В целом данная картина массового сознания молодежи показана автором в работе «Современная студенческая молодежь: вызовы модернизации» [4].

В своей новой работе автор продолжает исследование студенческой молодежи, начатое в 1999 году. В исследовании, проведенном в ноябре 2007 года, были охвачены студенты II–V курсов четырех наиболее крупных вузов Чувашской Республики. Согласно квотной выборке было опрошено 446 респондентов.

Следует отметить, что в этих вузах обучаются не только представители Чувашской Республики, но и почти всех регионов России. Особенно много студентов из близлежащих регионов, таких, как Нижегородская губерния, Мариэл и Татарстан.

Современное состояние массового сознания молодого поколения во многом складывается из исторического пути, пройденного обществом. В объяснении исторического развития российского социума в настоящее время конкурируют между собой три основные концепции: формационная, цивилизационная и модернизационная. Данное обстоятельство во многом определяет теоретико-методологическую неопределенность ведущихся исследований.

Поэтому автором предпринята попытка интерпретации современного состояния массового сознания, социокультурных ценностей молодого поколения, исходя из положений модернизационной концепции теоретической мысли. Теоретико-методологической базой исследования являются синергетическая парадигма, принцип системности, которые опираются на многофакторность в развитии любой открытой социальной системы, обеспечивающую ее вариативное развитие в рамках категории свобода / несвобода.

Данное исследование не является чисто социологическим, так как анкета, применяемая при опросах студентов, составлена преимущественно в форме категориального аппарата, то есть носит социально-философский характер. Это позволяет, прежде всего, интерпретировать полученные результаты исследования исходя, из концепции развития общества от несвободы к свободе.

Некоторые исследователи весьма обеспокоены нулевой отдачей российского высшего образова-

ния, с сравнении с турецким, в плане модернизации ценностного мира студенчества и выдвигают гипотезу, что таким фактором может служить не само образование, а подготовка к нему [5, С.97]. Данная гипотеза заслуживает определенного внимания. Для ее проверки следует обратиться к основным факторам, которые формируют мировоззрение молодого человека.

Вполне определенно можно сказать, что к таким факторам можно отнести некоторую часть родителей, общественную ситуацию и Интернет. Из списка факторов можно исключить средства массовой информации, книги и религию, которые особенно негативно воздействуют в плане вестернизации молодого поколения. Средства массовой информации исключаются в силу их принадлежности государству. Книжная литература, на данный момент, способна привить молодым людям только националистическое мировоззрение.

Достаточно взглянуть на полки книжных магазинов, где почти вся выставленная литература наполнена откровенно националистическим содержанием. «Поскребите наших авторов – вы увидите империалистов. Русский империализм подкожное, подсознательное явление. Он в крови (в обоих смыслах) – говорит В. Ерофеев» [6, С.175].

Для проверки воздействия вышеуказанных факторов на формирование массового сознания студенческой молодежи были выбраны религия, книги и Интернет. Для тех, кто выбрал в качестве источника формирования своего мировоззрения книги и религию, авторитет родителей находится на среднестатистическом уровне (75,4/79,3%). В группе «интернетчиков» заметно гораздо меньшее влияние родителей на формирование мировоззрения студентов (58,3%).

Проведенное исследование среди выделенных групп студенческой молодежи показало существенную разницу в их ценностном мировоззрении. Как и следовало ожидать, наиболее консервативное ценностное восприятие оказалось у молодых людей с религиозным мировоззрением. Интернетовское восприятие мира существенно влияет на изменение ценностных характеристик студентов, модернизирует их сознание. У студентов с книжным мировоззрением ценностные нормы остаются в пределах среднестатистической погрешности.

Интернетное восприятие мира прежде всего индивидуализирует ценностные нормы юношей и девушек. Так, у них ценностей коллективизма придерживаются всего 25,0% опрошенных, а ценности свободы и индивидуализма привлекают 75,0% респондентов. Обратная картина наблюдается у студентов с религиозным мировоззрением. Коллективистов среди них оказалось 48,3% опрошенных, а индивидуалистов – 51,7% респондентов.

Можно, конечно, сказать, что «интернетчики» понимают свободу и индивидуализм в традиционном российском понимании ? «жить по своей воле». Но таких молодых людей оказалось у них в пределах среднестатистической нормы (33,1%). Совсем в небольшом числе среди них присутствуют эгоистически настроенные студенты (8,3%). Намного выше среднестатистических показателей у «интер-

нетчиков» оказалось понимание свободы и индивидуализма, как служение людям, обществу (47,1%). Студенты с религиозным мировоззрением напротив понимают свободу, как возможность жить по своей воле (37,9%).

Характерно, что именно «книжники» и студенты с религиозным мировоззрением настаивают на введении в системе образования предмета «Основ патриотизма» (42,9 / 44,8%). Студентов с интернетным образованием абсолютно не заинтересованы, чтобы в системе образования присутствовали «Основы православия и патриотизма» (0,0 / 8,3%). Для них более насущной задачей является изучение предмета «Основ демократии и прав человека» (75,0%). Именно эти 75,0% респондентов считают, что патриотизм должен прежде всего основываться на достойном уровне жизни граждан страны. В сравнении с «интернетчиками» значительная часть студенческой молодежи ориентируется на патриотизм, основанный на великих достижениях нашей страны, прежде всего СССР (36,7%).

Для большинства студенчества нужна своя особая демократия, соответствующая национальным традициям России (51,1%). Демократию образца развитых стран Европы и Америки желает всего одна четверть студентов (25,0%).

Наиболее консервативными в плане понимания демократии являются студенты с религиозным мировоззрением. Демократию западного образца поддерживают всего 13,8% респондентов. Также не особенно охотно стремятся к демократии стран Европы и Америки «студенты-книжники» (22,9%). Им гораздо больше нравится демократия, отвечающая национальным традициям России (54,3%).

«Интернетчики» в этом вопросе разделились поровну: 50,0% опрошенных остаются верными идее об особой демократии для России, но 50,0% респондентов стремятся к демократии западного образца. Среди них только одна четверть опрошенных считает чуждым для себя западный образ жизни.

В то же время почти для половины студенческой молодежи западный образ жизни чужд (45,3%). Особенно он непривлекателен для студентов с религиозным мировоззрением (51,7%).

Как и следовало ожидать, наиболее горячими поклонниками русских ценностей для России являются студенты с религиозным мировоззрением (75,9%). В пределах статистической погрешности находятся результаты молодых людей с книжным фактором

(65,7%). И только «интернетчики» не питают особого доверия к российским ценностям (33,3%).

Опять-таки наибольшее доверие к европейским ценностям среди российских студентов испытывают «интернетчики» (33,3%). Показатели доверия к европейским ценностям для России примерно одинаковы у молодых людей с религиозным и книжным фактором (13,8/14,3%).

В целом большинство студенческой молодежи ориентируются на чисто русские традиционные ценности для России (61,1%). Число сторонников европейских ценностей для России составляет всего 17,0% респондентов.

Провозглашенный российской элитой курс на «особость» развития страны, государственный патриотизм не мог не сказаться на социально - экономической сфере общества. В сравнении с 1999 годом произошло увеличение числа эгалитаристов среди юношей и девушек (10,9/18,4%). Также произошло увеличение количества студенческой молодежи, считающей, что имущественное неравенство допустимо в обществе только в случае равных стартовых возможностей для всех людей (32,7/39,9%). Правда, в пределах статистической погрешности осталось число студентов, полагающих, что государство не должно ограничивать доходы своих граждан (33,6/31,8%).

За эгалитаризм ратуют прежде всего молодые люди с религиозным фактором (20,7%). Они также предпочитают общество равных возможностей (44,8%). Соответственно, у них гораздо меньший энтузиазм вызывает имущественное неравенство (27,6%).

У «студентов-книжников» гораздо большей симпатией пользуется общество равных возможностей (50,0%). Чуть меньше среднестатистических данных ими приветствуется эгалитаризм (14,3%). В пределах статистической погрешности число студентов, допускающих имущественное неравенство (30,0%).

Совершенно иную точку зрения на проблему имущественного неравенства имеют молодые люди с интернетовским мировоззрением. Среди них только 8,0% респондентов полагает, что государство не должно допускать имущественного неравенства, все блага должны распределяться поровну. Не вызывает у них восторга и общество равных стартовых возможностей для всех людей (33,3%). «Интернетчики» явно против вмешательства государства в процесс социального расслоения общества (50,0%).

Современное поколение студенческой молодежи фактически лишено мотиваций к достижительному труду. Подавляющее большинство юношей и девушек стремится хорошо зарабатывать, но со всеми праздниками, выходными и отпусками (76,7%). Обратим внимание на то, что современное поколение молодежи просто не хочет много зарабатывать. Трудоголиков в студенческой среде насчитывается всего 11,7% респондентов.

Много зарабатывать можно, только жертвуя своим свободным временем, праздниками, выходными и даже отпусками. Однако такая перспектива не вдохновляет это поколение молодых людей. Современная рыночная экономика требует именно такого труда. Процветание любой страны зависит от количества людей, нацеленных на достижительный труд. Поэтому внимание элиты общества, российской влас-

ти прежде всего должно быть обращено не столько на воспитание духовности, патриотизма, а сколько на развитие стимулов к достижительному труду. Если на это не будет обращено внимание именно сегодня, то придется просто ждать и надеяться на следующее поколение молодежи.

Определенные надежды в этом плане имеются. Дело в том, что именно группа интернетовской молодежи настроена на достижительный труд, на желание много зарабатывать (58,3%). Остальные группы студенчества на такой труд настроены в незначительном количестве: «религиозники» (6,9%), «книжники» (10,0%).

Таким образом, можно констатировать, что зафиксированные Р.Инглхартом увеличение достижительной мотивации в развивающихся странах связано не столько с процессами смены поколений, сколько революционизирующей ролью, широкого внедрения современных информационных технологий [7]. Поэтому следует ожидать, что следующее поколение студенческой молодежи будет гораздо более нацелено на достижительный труд.

Следовательно, надежда на будущее России сохраняется. Она связана в первую очередь с развитием современных информационных технологий. Наступившая в истории развития человечества информационная эра индивидуализирует труд, качественно повышает уровень самоценности личности, его ответственность за результаты своих действий.

Проведенные исследования в выделенных группах студенческой молодежи со всей очевидность показывают, что Интернет является чуть ли не единственным и самым мощным фактором, который в сложившихся условиях современности вестернизирует сознание индивида. Такую функцию, по тем или иным причинам, не могут в данное время выполнять средства массовой информации, высокая культура, система образования, книги. Возможно, в незначительной мере такую функцию выполняют родители молодых людей.

На данный момент интернетным мировоззрением охвачено около 5,0% студенческой молодежи. По самым скромным подсчетам, Интернет придет в каждую российскую семью не ранее 2015 года. Именно тогда начнется формирование нового поколения молодых людей, с иными ценностными ориентирами.

Литература

1. Цирель С. В. Когда в России будет демократия, или Наказ внукам. // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 92–99.

2. Биллингтон Д.Х. Лики России. Страдание, надежда и созидание / Пер. с анг. О.А. Алякринского. – М.: Логос, 2001. – 248 с.

3. Ядова М.А. Поведенческие установки молодежи постсоветского поколения // СоЦис, 2006. – №10. – С.78–88.

4. Шумилов В.К. Современный студенческая молодежь: вызовы модернизации. / В.К. Шумилов. Чебоксары.: Изд-во Чув. ун-та, 2006.

5. Латова Н.В., Латов Ю.В. Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран // СоЦис, 2007. – № 11. – С. 90–98.

6. Чупринин С. Русская литература сегодня : Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007.

7. Инглхарт Р. Постмодерн // Полис, 1997. – № 4. – С. 6–32.

© 2008 г.
Б.Ф. Мухамедьянов

Социальная, историческая и нравственная память как формы развития исторического самосознания личности

Проблемы философии истории находятся в связи с этикой и культурой, задачи исследования которых вне истории больше не могут оказаться решёнными. Философия истории, интегративным образом объединяющая исторические, социально-политические, естественнонаучные исследования, есть не поздний плод научного развития. Она, как замечает Э. Трёльч, возникла именно тогда, когда в ней нуждались, когда её потребовала необходимость, возникшая в мировоззрении. Она относится скорее к области мировоззрения, чем исторического исследования, и оба они сблизились лишь в тот момент, когда размышление о существенных целях духа потребовало знания истории, а история - включения в философское мышление. С обеих сторон эта потребность возникла в один и тот же момент и по одной и той же причине. Культурное сознание «требовало понимания становящейся всё более известной и значимой смены больших культурных периодов, а история стала требовать ответа на вопрос о единстве, цели и смысле, как только она распространилась на достаточно многообразные области. То и другое было следствием разрыва со средними веками и церковью и связано с активностью мыслящего бюргерства, которое видело, что наступает новое время, и должно было размежеваться со старым»[1].

Историческое мышление не связано с чем-то вневременно-субстанциальным, с неким историческим откровением, а следовательно, с достижением полной конечной цели, реализуемой в Божественном царстве конца истории. «Отсюда - высшее усиление исторически-позитивного, неповторимо-индивидуально, цели истории и познания Бога в его вливающейся в мир, творящей в истории любви. Это, безусловно, вело к огромному изменению и к важному значению истории для воззрения на мир»[2]. Однако в сущности эта история не есть подлинная история, и это мышление о принципах истории не философия истории. В центре этого находится мысль, что выведенное из каждой действительной истории, каждого исследования и каждой временности чудо, богочеловек – это одновременно историческое явление и вневременное чудо, чудо спасения, космическое событие в исторической и культурной оболочке. В этом, в сущности заключено удивительное соедине-

ние прежней вневременности и метафизической субстанциальности с новой временно-индивидуальной жизненностью, которое продолжает оставаться смыслом христианского чуда и отличает его от древней и повсюду существующей веры в чудо, (по крайней мере как в центральное чудо, народов античности и язычников).

Данное учение совершенно неспособно сверх определённой меры охватить также светскую культуру и внерелигиозную жизнь. Поэтому оно заимствовало у стоиков догмы естественного нравственного закона, применяя их с помощью теории об их релятивизации греховности к реальным условиям поздней античности и средневековья.

Следует сказать, что так называемая материалистическая история философии была с самого начала призвана ограничиться культурной сферой наблюдателя и пронизывать её с точки зрения настоящего. В результате весь исторический процесс представал как ведущий к настоящему в своей внутренней непрерывности. Настоящее же, в свою очередь, представало как сформированное в своей глубинной структуре всем этим прошлым. «Поскольку целое, - пишет Э. Трёльч, - являет себя как переживание единого субъекта, постигающего своё сиюминутное состояние, исходя из связи предшествующих состоянии, то это не просто телеология, которая рассматривает положение наблюдателя как цель целого»3.Напротив, оно предстаёт наблюдателю как определенный результат.

Речь идет о едином процессе жизни, к которому наблюдатель становится в правильное отношение, ощущая себя одновременно его определённым результатом и резюмирующим и продолжающим его в настоящем. Подобно тому,

как все научные понятия приходят, в конце концов, к антиномиям, выражающим их только человеческий конечный характер так мы и обнаруживаем, несомненно, сложную антиномию, которая состоит в том, что мы толкуем прошлое из настоящего и одновременно настоящее из прошлого, исходя из предпосылки их единства.

Сказанное выше даёт постижение материального содержания настоящего как единства гетерогенного понятия, точнее сказать, идеи, вырастающей непосредственно из понятий исторической логики, а тем самым из эмпирической истории.

Заметим, что можно фаталистическим образом просто принимать и утверждать историческое, апеллируя чаще всего к историческому «я» личности. Можно чисто релятивистски рассматривать его как достаточно интересный случай среди иных исторических возможностей (отличительное свойство случая состоит в том, что он «относится к самому себе»), можно преувеличить роль «гения» и «гениальности». Однако всему этому противостоит позиция, ощущающая себя предназначенной для синтеза и развития духа долженствования в своем стремлении ко всеобщему, которая, в принципе отбирает то, что ему соответствует в настоящем и прошлом и формирует его в направ-

ленности к растущей внутренней значимости и необходимости, культурных событий.

В данном отношении идея развития социальной памяти заключает в себе огромные культурные и духовные энергии. Такая память представляет собой совокупность действий, предпринимаемых общественным субъектом в целях ценностно-символической реконструкции прошлого в настоящем, что, безусловно, способствует преодолению негативного и сохранению позитивного элементов в сознании и самосознании человека[4].

Человек, с одной стороны, стремится совершенствовать социальную жизнь, а с другой - ощущается недостаточный уровень его нравственного развития. В данном отношении мы должны обратить внимание на недостаточно активный уровень существования самой духовной способности. Ведь, по большому счёту, социальная память связана с самой способностью субъекта сохранять не столько образы прошлого, сколько конструировать данные образы, в результате чего память становится предпосылкой социального и духовного развития человека и общества.

Социальная память, безусловно, связана с исторической памятью. Дискредитация сугубо-сциентистского подхода к исследованию развития исторической памяти как бы «придала» второе дыхание идее социокультурного характера эволюции памяти. В данном случае обнаруживается квазипозитивное содержание идеи социальной памяти, которая означает, по большому счёту, концентрацию на мысли о воспроизводстве памяти о том или ином обществе, о духовных универсалиях, «высвечивающих» его магистральные, культурные пути развития. Выясняется, что, ставя на одну доску в смысле эволюции науку и другие формы духовной деятельности (в том числе и историческое сознание), фактически уравнивая в правах и донаучное мышление, и эстетическое сознание, и нравственно-религиозную эволюцию человечества, мы вплотную приближаемся к тому, что потом было названо постмодернизмом - гуманитаристскую концепцию, которую можно, перефразируя Дидро, назвать наиболее абсурдной, но, к несчастью, труднее всего опровергаемой. Немудрено: позиции постмодернизма выражаются максимой «Всё дозволено», а это значит, что смена позиций на любые другие - единственный закон этого логического беззакония. Попробуйте играть в шахматы, если дозволяется в любой момент перевернуть доску - в том числе и на голову сопернику...

Тяжёлым следствием реализации такого сценария для отечественной мысли (само собой, запаздывающей относительно западной с лагом в полтора-два десятилетия) стали, во-первых, фактическое уравнивание в правах научной философии и православной теологии и, во-вторых, снятие табу с принципиального эклектизма, равносильного отказу от принципа запрета противоречия. Оправдание эклектики в «родных палестинах»[5] находится в таком отношении к западному постмодернизму, в каком тот, кто слышит звон, да не знает, где он, находится к тому, кто ударил в набат. Ибо для Запада само собой разумеется, по известному изречению, что тот, кто сознательно оправдывает эклектику, релятивизм или толерантен к красным кхмерам, - должен сразу переселяться в квартал красных фонарей... Не имея возможности вдаваться в анализ социальных причин в таком развёртывании теоретических событий, отметим

лишь, что оно было закономерным при непонимании эстафетно - стадиального характера всемирно-исторической эволюции. В данном отношении заметим, что социальная память - форма воспроизведения социального времени и представляет собой совокупность возможностей творческой реконструкции прошлого, которая, естественно, задаёт в свою очередь перспективу формирования социокультурных отношений.

Однако возникает следующая проблема: куда уходит память о событиях? Социальная память, в данном отношении наполняет позитивным содержанием архетипические структуры. Следовательно, эта память частично проявляется в деятельности коллективного бессознательного. Общество вполне может существовать, не замечая утраченных пластов памяти. Однако именно в тот момент, когда потери в культуре становятся значительными и необратимыми, всё общество вступает в состояние духовного кризиса.

Часто искусственным образом прерывается связь прошлого и настоящего (например, навязывание культуры извне). Данное прерывание разрушает ценностные ориентиры в развитии духовного мира личности и общества. Вместе с тем человеку свойственно чувство единства исторического потока жизни, которое укрепляется посредством социальной памяти. Эта память выступает основой, на которой формируется внутренний космос личности и в котором реализуется свобода человека, а тем самым преодолевается зависимость субъекта от социокультурной среды. Тем не менее, в обществе часто осуществляется морально-ригористический дух, так что возникает нормативная избыточность, которая выступает признаком духовной бедности, поскольку исчезает дух грациозности, ослабляющий нравственное напряжение.

Социальная память выполняет функцию отбора ценностей и, в конечном счёте, направлена против личностного и общественного недугов. Эта память борется с тем, что, препятствует жизни как ценности сверх ценностей. В силу этого нравственная память, обогащённая исторической компонентой, воспринимается ещё и как нравственная сила добра. Социальная же память мобилизует нравственный потенциал прошлого и настоящего. Но при всем при этом социальная память - процесс творческого поиска всеобщих универсалий культуры и в конечном счёте связана с процессом переживания субъекта по поводу выбора конкретных способов действия.

Социальная память, как форма существования исторического сознания, есть важнейший способ отношения людей, общества к системе ценностей. Эта память выражает то, насколько данные ценности соответствуют условиям жизни общества.

Социальная память есть в то же время и нравственная субстанция самосознания. Она становится духовной не в тот момент, когда отделяется от природного и социаль-

ного мира, а тогда, когда оказывается в состоянии приподняться над внешним миром, когда концентрирует в своих «недрах» разум и тем самым выстраивает жизнь человека по законам «самости», чистой субстанции самосознания.

Вполне естественно, что далеко не все ценности, воспроизводимые в ходе развёртывания духовной деятельности, воплощаются в жизнь. В данном отношении социальная память, как способ существования исторического сознания, определяется знаниями человека, его чувствами, его способностью выходить за границы повседневности, которая, как правила, «приземляет» человека, не позволяет ему возвыситься над реальными, земными отношениями.

К этому можно добавить, что историческое мышление усиливает полифункциональный характер социальной памяти. Последняя выполняет гуманистическую, социально-познавательную, мировоззренческо-аксиологическую, коммуникативную, социально-преемственную функции. Социальная, как и историческая, память есть форма существования гуманитарной культуры. А последняя не только хранит, но и воспроизводит социокультурный опыт.

Но при этом мы не можем игнорировать, то обстоятельство, что нравственная память, на наш взгляд, выступает «субстанцией» любой формы памяти вообще.

Нравственный индивидуум мыслит «не сам по себе и не посредством своей силы, но как Единое и не уничтожением своей индивидуальности»[6]. Другими словами, нравственная личность озабочена проблемами всего человеческого рода, развития единой духовной жизни и таким образом, ей удаётся соотнести свою нравственную память с иными формами мыследействия.

Итак, можно сделать следующие выводы.

1. Историческое самосознание обладает потенцией преодолевать страсти и пороки людей. Не следует спрашивать историю о том, стали ли люди в общем нравственнее!

Люди могут достичь громадной, значительной духовной производительной силы. Но их положение почти необходимо заставляет их употреблять эту силу во зло.

2. В данном отношении нравственность, выступая в качестве интегратора социальной и исторической памяти, оказалась в настоящее время деформированной экономическим, социальным отчуждением. В то же время это отчуждение связано с человеческим переживанием как памятью - тоской об ушедших временах. Но учтём и то обстоятельство, что нравственность, как субстанция исторической памяти, задаёт саму перспективу формирования социальных, общественных отношений.

Ссылки

[1] Трёльч Э . Историзм и его проблемы / Пер. с нем. – М.: Юрист,1994. С.17.

[2] Там же. С.19.

[3] Там же. С. 61.

[4] Давлетшина Д.Г. Социальная память как основа нравственности человека. Автореф. дисс... канд. филос. наук. Уфа, 2006. С. 6.

[5] Муравьёв Ю.А. Философия истории: постмодернистская догматика и трансмарксистская диалектика // Философия и будущее цивилизации. В 5 т.: т. 3. М.: современные тетради, 2005. С. 215.

[6] Фихте И.Г. Факты сознания / / Он же. – Соч. в 2-х т.: т.2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 688.

© 2008 г.
Г.Э. Говорухин

Пространство Дальнего Востока: ретроспектива освоения российских территорий

В условиях экономического кризиса, когда государство предпринимает попытки выявить механизмы стабилизации системы управления, насущным становится понимание эффективного использования собственного пространства. Проблема освоения пространства и проблема заселения территории поднимается с отчаянной настойчивостью как раз в тот момент, когда обществу требуется осмыслить причины слабой хозяйственной активности государства. Постановка этой проблемы идет рука об руку с оценкой хозяйственной перспективности территорий государства, а именно: развитие государства зависит от равномерности развития всех территорий, входящих в его границы. Как итог, проанализировав пути развития этих территорий, можно вывести общую характеристику всего государства.

Эта классика редукционизма становится основанием для понимания всех сложных как политических, так и социальных процессов. Однако, анализ территории такого, прямо скажем, нетипичного государства как Россия не дает гарантии того, что эти территории могут быть вообще оценены в рамках одной политической системы. Эти территории, а главное, условия их освоения, развития и использования кардинально различны. Как подтверждение этой различимости – высказанная Д.Н. Замятиным [5] гипотеза о различных исторических моделях управления территориями России на протяжении всего периода новой и новейшей истории. Отсюда проблемная ситуация такова: Россия включает в свою орбиту столь несхожие территории, что попытка уравнивания их (территорий) с целью создания единой системы социально-экономического управления приводит Россию к гибели. Сама же проблема должна быть скорректирована. Пространство России не просто огромно. Оно по своей политической и экономической природе неоднородно. В этой неоднородности заключен успех поиска резервных фондов борьбы с экономическими кризисами в самом государстве и за его пределами.

Дальний Восток, в этой связи, является одной из возможных лабораторий, где можно проанализировать условия освоения и организации пространства.

Территория Дальнего Востока, в том виде, как это представля-

лось в процессе ее заселения, являлась пространством потенциально, но не реально, необходимым. «...При наличии государства густо населенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше не придет туда русский» [9: 122]. Перспективой освоения такой территории становится не обживание, а захват, не обустройство, а заселение. Согласно такой позиции на территории достаточно расселить жителей, которые, уже только потому, что являются носителями русской культуры, будут отражать интересы своей страны и делать территорию русской. Однако существовало также и понимание того, что такая территория должна содержать в себе привычные для всей России условия хозяйствования. Чаще всего эти условия определялись «крестьянизацией» территории [8] и освоение, даже формальное, осмысливалось с позиции «приращения пахотной земли» [6].

Целью освоения такой территории становится военно-крестьянская колонизация. В этом смысле русский Дальний Восток в принципах своего системного освоения оправдывает все мыслимые о нем аспекты русскости. При этом возникает вопрос, насколько он (Дальний Восток) оказался освоен в реальности, и насколько он оправдывает ожидания о собственной освоенности.

Несколько слов о принципах рассмотрения вопроса. Пространство, о котором идет речь, рассматривается как объект исследования. Освоение пространства – это процесс заселения и «обживания» [3: 15] территории, принадлежащей либо одному государству, либо нейтральной территории, т.е. не принадлежащей ни одному из государств. Формально – это процесс естественного окультуривания физического (географического) пространства [10]. Содержательно – это процесс социальной (и даже глубже – символической) организации коммуникативного взаимодействия территорий внутри или вне политического системы.

«Разбивка» процесса освоения пространства в координатах формальной логики на формальное и содержательное совпадает с выбором критериев оценки результата освоения. Главным показателем формального освоения становятся, например, сооружения, воздвигнутые на той или иной территории или обработка земли и разведение скота на этой же территории. С оценкой формального освоения чаще всего нет никаких проблем. Именно таким формальным критерием руководствуется государство, принимая во внимание принципы хозяйственного и юридического управления территорией. С содержательным освоением пространства дело обстоит сложнее. Критерием содержательности становится интенсивность взаимодействия людей на данной территории, что замерить труднее. В шкалу замера будет входить количество народонаселения на квадратный километр – плотность расселения людей, а также транспортные развязки, делающие доступными районы осваиваемого пространства.

В основу анализа освоения пространства входят основные положения, которые можно рассмотреть в трех тезисах.

Тезис первый. Освоение пространства осуществляется в условиях отраслевого охвата территории региона. При освоении территории работают центростремительные силы, аккумулирующие насе-

ление (как и его активную хозяйственную деятельность) вокруг крупных населенных пунктов. Обращает на себя внимание тенденция: чем ближе к крупному центру, тем выше плотность населения.

Возникновение административных центров на Дальнем Востоке имеет те же самые законы. Появление административных центров приводит к аккумулированию населения и привязки экономики Дальневосточного региона к настоящим центрам. Это можно проследить, например, по двум учетным годам 1927-1928 и 1928-1929 в динамике численности работающего населения на предприятиях, находящихся в тех или иных дальневосточных центрах. Выбор именно этих периодов обусловлен тем, что это наиболее типичные периоды заселения советского Дальнего Востока. Строго говоря, именно по такой схеме, о которой речь пойдет ниже, развивался регион в наиболее благоприятные периоды своего становления.

Численность городского населения Дальнего Востока на 1 января 1928 г. – 1354, 2 тыс., горожан – 372,7 тыс.; на 1 января 1929 г. – 1443,5 тыс., горожан – 390,1 тыс.; на 1 января 1930 г. – 1478,9, горожан – 413,6 тыс. чел. Общее число населенных пунктов (по данным переписи 1926 г.) – всего 5189, из них численностью до 19 человек – 1962; от 20 до 499 человек – 2600; от 500 до 990 человек – 327; от 1000 и более человек – 161 [7]. Аккумулирование населения происходит только в тех районах, которые используются в качестве отраслевых центров. Формирование таких центров в советское время меняет саму структуру ведения хозяйственной деятельности региона, как, впрочем, и всей страны в целом. На смену землепашеской России приходит Россия индустриальная, но принцип жесткого отраслевого хозяйствования сохраняется.

Сосредоточение основной массы населения происходит в районах, максимально ориентированных на государственный заказ. Формально на отдаленных от центра территориях наибольшее значение имеют поселения с активным работающим населением. Именно такие поселения или такие районы, включающие в себя значимые цензовые предприятия, становятся важными промышленными и административными центрами Дальнего Востока. В этой связи в районах на территории таких центров (в указанный период самым крупным из них был Владивосток) мы и отмечали наличие крупных цензовых предприятий.

Большая часть таких районов, ориентированных на поддержание только одной определенной сферы экономического или социального направления центра, рассматривается как узкоотраслевая. Они используются лишь в этом одном направлении. Подобное использование этих районов делает их экономически и социально моноцентрическими, т. е. ориентированными на одно предприятие, необходимое для обеспечения конкретного города – экономического центра района.

Экономический центр района (районного поселения) в советские годы, а если смотреть шире, и в досоветский период, также был сфокусирован на конкретном добывающем предприятии. Как следствие, доминирующей производственной группой становятся работники данного предприятия. Отсюда последующее закрытие предприятий в таких поселениях (что происходило в 90-х гг. XX в.) приводило к тому, что большая

часть населения не имела возможности социально, а главное – производственно, переориентироваться. В то время как административный центр – Владивосток – представляет собой город «широкого профиля» в социальном и экономическом плане, что делает его стабильным и жизнеспособным в условиях «разрухи» 1990-х годов.

Наиболее самостоятельными экономическими и административными центрами территории Дальнего Востока становятся города, находящиеся на максимальном удалении от Владивостока и не втянутые в орбиту его непосредственных интересов. Это города Хабаровск, Благовещенск, Николаевск, Советская Гавань и др. Они являются самостоятельными центрами «колониальной» политики правительства в своих районах.

В этой связи процесс коммуникации дифференцирован на всей территории региона. Тем не менее, можно отметить и некоторые его закономерности. Это коммуницирование и интенсивное функциональное взаимодействие в центре региона, слабое отраслевое взаимодействие (по принципу определенного функционала) в районах примыкающих к центру и относительно стабильное, но менее развитое взаимодействие населения относительно независимых от центра районах. Процентное отношение территорий, на которых сохранялось и реализовывалось полноценное «становление основ государственности России» с созданием промышленных или сельскохозяйственных видов деятельности было ничтожно мало. Такие территории чаще всего были зависимы от государственной конъюнктуры, обеспечивающей загруженность немногих предприятий территории, но главное – эти территории по-прежнему окружали пространства, которые были далеки от заселения.

Тезис второй. В самом освоении пространства скрыты механизмы его потери. Явление освоения пространства, которое характерно только для советского периода, связано с организацией городского пространства советского города. Особенностью советского города становится его организация и строительство вокруг промышленных предприятий. Собственно появление города было естественным явлением, вызванным необходимостью обслуживания заводов, фабрик, шахт и т. д. Город рос вокруг очередных производственных объектов. В этой связи появление города было вторичным, первичным всегда оказывалось строительство самих предприятий. По такому принципу строились все советские города, многие из которых, например, города Амурск, Артем, Арсеньев и т. д. с численностью до 100 тыс. человек становились моноцентрическими (см. выше), где единым центром оказывалось то единственное предприятие, вокруг которого и разрасталось городское поселение. Города свыше 100 тыс. человек чаще всего содержат несколько предприятий, и как следствие, несколько формальных градообразующих центров. К таким городам относится Комсомольск-на-Амуре.

Первоначальная сегрегация населения такого города осуществлялась не по принципу социальной дифференциации, что было бы типичным для «старых» городов, а вследствие профессионально-производственного расселения. В «старых» городах промышленные предприятия являлись частью окраинных или, по крайней мере, не центральных (градообразующих) частей, и потому расширение города вокруг этих предприятий было затруднительным.

В советских городах появляются новые принципы организации пространства. Эти принципы были привязаны к главным сегрегационным условиям организации города. Один из них четко обозначил еще в 1932 г. А.Х. Зильберталь – это принцип концентрации населения вокруг места работы. Данный принцип выводится из положения города как места жительства трудящихся. Здесь следует акцентировать внимание на слове «трудящиеся». Город – это агломерация трудового населения страны, основным видом деятельности которого (населения) становится сфера промышленного производства. Собственно, такая оценка города приводит к формированию приоритетных критериев выделения основ городского пространства. Отсюда, появляются поселки, в которых жили рабочие определенных заводов и фабрик. Впоследствии такое локальное «профессиональное» расселение стирается, однако структура организации физического пространства города к этому моменту уже четко обозначена и не претерпевает существенного изменения. В этой связи коммуницирование населения в рамках такого городского пространства осуществляется преимущественно в направлении производственных предприятий. В свою очередь исчезновение этих предприятий приводит к разрушению маршрутов коммуникации, разрушению сети инфраструктуры (по пути маршрутных трасс) и пр., а как следствие – оттоку населения из таких городских районов [1]. Более стабильными оказываются города старой застройки.

Закладка новых городов по производственному принципу позволяет по крайней мере, гипотетически, снизить затраты на строительство транспортных развязок, а значит, искусственно определить и сегрегацию населения в селитебных районах города. При таком развитии города «служащие предприятий и учреждений распределяются пропорционально общему числу работающих в соответствующих местах труда» [11: 8]. Как следствие, проектируется «зависимость (распределения населения. – Г.Г.) от удаленности мест труда» [11: 4]. Настоящая гипотеза выводится из принципов интенсификации труда и оптимизации всего рабочего процесса и становится теоретическим обоснованием организации пространства еще с 20-х годов, т. е. до начала строительства новых городов.

В результате изменения государственной системы хозяйствования такие советские города оказываются в капкане собственной организации и труднее адаптируются к новым не только экономическим, но и социальным явлениям. Больше того, изменение принципов государства приводящее к изменению в основе целесообразного заселения города требует перестройки городского пространства. Такая перестройка позволила бы реорганизовать город под новые задачи современной экономики, где наиболее заселенными районами должны стать как раз районы за пределами промышленных зон. В современных условиях такая перестройка города весьма дорогое удовольствие, что приводит к продолжающемуся оттоку населения. Этот отток, видимо, остановит только отсутствие денег у людей и естественному ограничению, в связи с этим, их передвижения.

Нельзя забывать, что исходным условием заселения Дальнего Востока в Советское время было заселение промышленных центров, т.е. городов. Исход жи-

телей из городов – это процесс опустошения и без того незначительных по численности населения территорий региона.

Тезис третий. Единого освоенного пространства Дальневосточного региона попросту не существует. Территория Дальнего Востока – это не пространство, которое Россия теряет. Это пространство, которое Россия, в строгом смысле слова, и не приобрела. На этой территории так и не сложилась система полноценного единого взаимодействия населения, а значит, не может быть создан и единый принцип управления и развития Дальнего Востока. Заселение региона осуществлялось по принципу челночной миграции [2], вахтового метода. Основой данного процесса было втягивание в орбиту экономических задач государства в этом регионе наибольшего числа людей, не прижившихся в силу определенных причин на своих собственных территориях. Эти, по своей сути, маргинальные группы за редким исключением не сумели создать за время своей «вахты» нормальную систему взаимодействия друг с другом [4].

Наброски к решению проблемы. Наиболее оптимальной формой освоения региона могла бы стать система, хорошо отработанная на протяжении всего дореволюционного и советского периода. Эта форма выражена в принципах вахтового заселения экономически целесообразных территорий Дальнего Востока. При таком подходе освоения, правда, системы налаживания коммуникативных взаимодействий не произойдет. Это будет путь экстенсивного опустошения участков региона. Путь, безусловно, тупиковый, но в сложившихся условиях единственный, хоть как-то осмысленный путь сохранения такой огромной территории, как Дальний Восток.

Список литературы

1. Берлинер, Дж. Советское прошлое и российская экономическая трансформация // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 9–20.

2. Бляхер, Л.Е. Концептуальные основания региональной социальной политики: монография. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 2005.

3. Говорухин, Г.Э. Власть политики. Власть пространства (принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во ГОУ ВПО «КнАГТУ», 2008.

4. Говорухин, Г.Э. Пространственная лакунарность: социально-фиософский аспект // Преподаватель XXI век. 2007. №2. С. 75–81.

5. Замятин, Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004.

6. Любавский, М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд- во Моск. ун-та, 1996.

7. Районы Дальневосточного края (без Камчатки и Сахалина). Хабаровск: Книжное дело, 1931.

8. Ремнев, А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX-начала XX века / [Ресурсы Интернет].

9. Столыпин, П.А. Нам нужна великая Россия: Сборник речей и выступлений. М., 1993.

10. Филиппов, А.Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы / [Ресурсы Интернет]

11. Хауке, М.О. Расселение в городе. Основные закономерности и метод расчета. М., 1965.

© 2008 г.
А.В. Баликоев

Системное насилие как самоупорядочивающийся социальный процесс

Вопрос об агрессивности и склонности к насилию как видовом качестве человека с давних пор является предметом довольно бурной полемики ученых и философов, впрочем, полемики, носящей больше идеологический и этический подтекст, нежели гностический. Суть полемики можно концептуализировать в нескольких дилеммах.

Первая дилемма конституирует проблему источника агрессивного поведения. Либо это *сам по себе* индивид, либо *наученный обществом* индивид.

Вторая дилемма затрагивает сущность организованного насилия и предполагает либо его аддитивно-конвенциональный, либо радиально-эманационный характер. Иными словами в первом случае индивиды, суммируя свои агрессивные потенции и интенции в рамках договора, формируют общий потенциал и интенциональность уже социальной агрессии. Во втором случае агрессия индивида формируется под влиянием некоего, уже сформированного, социального агрессивного начала и предустановок, проецируемых на него значимым окружением в период социализации.

Разумеется, каждая дилемма логично перетекает в некую *объединительную* идею.

Так в случае первой дилеммы более правильным будет полагать, что индивидуальная агрессия является естественным свойством человека, чему есть неопровержимые доказательства, те не менее, социальные установки задают этой «недифференцированной» «чистой» агрессии определенные культурные рамки. Суть «окультуривания» «ядерной» агрессии состоит в дифференциации объектов агрессии, а также степени (нормы) насилия, допустимого (или даже необходимого) в отношении каждой конкретной категории этих объектов.

В случае второй дилеммы синтетическое утверждение будет заключаться в том, что социальная обусловленность становления индивида обусловливает тенденцию и к социализации агрессии, то есть, во-первых, к объединению в группы для совместной реализации агрессивных стремлений, во-вторых, к формированию дифференцированной структуры воплощения аг-

рессивных интенций (разделение функций, этапность, планирование, прогнозирование и т.д.).

Термин «насилие», несмотря на то, что часто употребляется в смыслах, близких термину «агрессия», то есть, приблизительно как совокупность целенаправленно организуемых действий, характер которых предполагает игнорирование или подчинение воли противодействующих достижению цели субъектов, все же имеет отличное от последнего социальное значение.

Эмпирически суть насилия заключается в *намеренном* причинении ущерба, при этом означенное причинение ущерба может быть лишь *средством* достижения цели, а может явиться и *целью*, как таковой (то есть «злокачественной», аномальной агрессией – насилие ради самого насилия).

Многие, по-видимому, понимают насилие именно в последнем варианте, как *намеренное и немотивированное (объективно не обоснованное) причинение страданий*. И это верно в том смысле, что вынужденный ущерб не может считаться насилием, если причинение ущерба не подпитывается влечением.

Очевидно, что насилие на индивидуальном уровне есть производное *инстинкта*, *склонности* и *мотивации*.

Инстинктом здесь можно полагать совокупность генетически закрепленных поведенческих схем причем не определяющих, а лишь *обслуживающих* экспансивные и агрессивные действия индивида, которые социализация *наполняет содержанием*, но *не сообщает* ему целиком и полностью. Инстинкт – всего лишь механизм действия, и не имеет отношения к его причинности.

Сущность *склонности* к насилию заключается в том, что люди вопреки рациональным соображениям и при вполне очевидных альтернативах в качестве способа разрешения проблем чаще всего выбирают именно насилие. Склонность к насилию определяется генетическими (темперамент), микросредовыми (семья, ближайшее окружение) и макросредовыми (культурными) влияниями. По мнению Ломброзо даже случайность действует лишь совместно с внутренней склонностью человека, склонностью, являющейся плодом либо наследственности, либо воспитания, либо обеих причин вместе, но, во всяком случае, под прямым или косвенным влиянием общественной среды, в которой провели свою жизнь предки преступника или он сам [2. С.181].

Мотивация обеспечивается характером ситуации (нападение или же, напротив, оборона) и в какой-то степени определяет характер применяемого насилия. Не следует забывать, что насильственные действия часто являются и *самостоятельным* источником мотивации, вне зависимости от ситуации, в которой вынужден действовать индивид.

При этом, нельзя сбрасывать со счетов и то, что при достижении цели силовым путем дополнительный эффект от *демонстрации* насилия часто превышает прямой эффект от самого по себе акта насилия.

Однако насилие на индивидуальном и системном уровне принципиально различаются между собой. Индивидуальное насилие предполагает прежде всего непосредственный контакт субъекта и объекта насилия. Здесь важную роль играет уже обозначенная двойственность цели насилия, вследствие которой насилию присваивается либо инструментальная функция, либо функция причи-

нения страданий как реализации определенно психопатической интенции, либо, как это бывает чаще всего, обе функции могут интерферировать. При этом самим субъектом насилие может восприниматься как положительно, так и резко отрицательно

Системное насилие, то есть, осуществляемое, во-первых, посредством специфической социальной структуры, во-вторых, через специальную (стандартизированную) схему действий-процедур и, в-третьих, при помощи технических средств представляет собой феномен качественного иного рода.

Иными словами чем более сложно опосредована-структурирована социальная экстенция между субъектом и объектом насилия, чем более она рационализирована и прагматична, тем легче это насилие осуществимо, тем менее оно эмоционально затратно. Последнее резко усиливает интенциальность индивидуального «включения» в «цепи (структуры) насилия». Если выражаться предельно схематично, то уровень насилия в данном социуме прямо пропорционален «длине» и обратно пропорционален «интенсивности» «средней» социальной связи. Иными словами, там, где социальная связь «растягивается» или опосредуется «сильными» (фундаментализированными) идеологиями или техническими (прагматическими) процедурами уровень насилия качественно изменяется. Согласно логике изложенного, здесь можно выделить два рода опосредующих насилие структур – идеоструктуры и техноструктуры, различия между которыми на первый взгляд весьма условны. И те и другие конституируются в качестве некоторой схемы, трансформирующей насилие. Но если техноструктура механически удаляет или отстраняет субъекта насилия от объекта насилия и в определенном смысле от *непосредственного акта насилия*, превращая его в своеобразный технический прием (процедуру), то идеоструктуры кроме чисто опосредующей функции, превращают самого субъекта насилия в элемент социальной функции. Иными словами индивид становится субъектом насилия не в силу внутренних интенций, а в силу влияния интенций системных, функционализирующих этого индивида в качестве звена деструктивной социальной экстенции.

Однако идеоструктуры и техноструктуры не просто растягивают социальную связь, чтобы трансформировать, обезличить акт насилия, отдалив субъекта от объекта и опосредовав экстенцию насилия. Роль этих структур социально парадоксальна, поскольку вообще дискредитирует интенцию насилия на «входе» и ее экстенцию на «выходе» системы путем ее вульгарной формализации. Иными словами субъект насилия оказывается вообще безотносителен к его объекту. Простейший пример – палач. Палач реализует акты летального насилия в силу возложенной на него социальной функции, при том, что его личное отношение к казнимому может быть абсолютно нейтральным. Субъект индивидуального насилия всегда эмоционально связан со своей жертвой, палач – практически никогда. Насилие это его работа, а, следовательно, требует эмоционального отстранения, хотя разумно предполагать в каждом профессиональном палаче скрыто садистскую натуру.

Но все же палач – фигура, лично осуществляющая акт насилия и его контакт с жертвой всегда непосредственен. Иное дело

судья или присяжный, принимающие решение о применении насилия или же решение, подразумевающее дальнейшее применение насилия. Хотя термин «принятие решения» здесь абсолютно неуместен, поскольку судья не принимает решения, а лишь конституирует его согласно внешним предписаниям. Он еще более отстранен от самого акта насилия, он эмоционально должен быть отстранен также и от судимого, он вообще руководствуется установленными дескрипциями и соотносит их с фактами дела. Иными словами эти люди осуществляют акт социального насилия, которое никоим образом не является их *личным* возмездием, более того это даже не возмездие *пострадавшей* в результате преступления стороны, поскольку кроме суда шариата личное возмездие дискредитируется и репрессируется современной судебной системой. Следовательно, перечисленные функционеры являются простыми *элементами* саморегулирующейся структуры системного насилия, чистого от всякой причины и цели. Преступление и наказание – всего лишь триггерные казусы, благодаря которым система бесконечно самовоспроизводится. Плюс ко всему большая часть преступлений и наказаний является продуктом этой системы, поскольку любое ограничение укрепляет ее основы. Поэтому системное насилие всегда самокультивируется через продукцию и дифференциацию все новых форм ограничений и кодексов. Иными словами норматив всегда стремится воспроизвести другой норматив, а поскольку норматив есть производное контроля, то такое стремление иррационально бесконечно и может регулироваться только внешним контекстом.

Армия, а также внутренние репрессивные и карательные органы являются *техноструктурами* системного насилия. При этом насилие - их *основная* функция. Охранительная и завоевательная функции являются подчиненными. Это очевидно, поскольку армия больше не является ассоциацией свободных захватчиков и свободных защитников. Это либо тоталитарная, либо профессиональная техноструктура со строжайшей субординацией и приматом приказа. Иными словами это организация, так же абстрагированная от целей и задач, и точно как в примере с судебной системой – *производящая* цели, задачи и угрозы.

Отсюда мы можем сделать вывод, что системное насилие есть саморегулирующийся надконвенциональный процесс. Системное насилие не имеет внешних оснований, оно формирует эти основания само по себе, потому как насилие и порождающая насилие *сила* сами по себе служат источником приобретения и укрепления выгоды, власти и влияния. Однако насилие не является в полном смысле *средством* для достижения упомянутых преимуществ, но, наоборот, через достижение преимуществ сила *самокультивируется*. И здесь необходимо отметить, что применяемая сила всегда воплощается в аутодифференцирующихся качествах – *экстенсивность* и *интенсивность* и наименее рациональная из них это экстенсивная сила. А поскольку любой конфликт и логически и даже математически есть функция и мера экспансии как минимум одной из его сторон, то очевидно, что он есть и мера и функция экстенсивной силы, поскольку интенсивная сила всегда направлена на оптимизацию внутренних связей и высвобождению большего опера-

тивного потенциала условно ограниченного социального пространства. Эти два рода сил *объективно* находятся в отношениях доминирования-подчинения и знак этих отношений и их качество определяются спецификой оперативно обособленного социального пространства. Данная специфика также тройственна и определяется факторным полем «природа-культура-история». Сущность проблемы, однако, заключается в том, что экстенсивная сила, которую мы и понимаем как *насилие* является исторически более древней, она прямо проистекает из характера и смысла организованной летальной агрессии приматов и, несмотря на гигантскую культурную и технологическую *надстройку*, не потеряла своей базовой ценности как самодифференцирующегося смысла.

Так, М. Л. Бутовская в своей работе «Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека» со ссылкой на многих авторов сообщает, что данные о поведении некоторых приматов (обыкновенные шимпанзе), хищников (львы, пятнистые гиены, волки), грызунов (крысы, мыши) говорят о том, что «запрет» на убийство представителей своего вида не всегда соблюдается и в животном мире[1]. У шимпанзе самцы предрасположены к тому, чтобы объединяться в группировки и совершать набеги на соседние территории, убивая соперников (самцов).

...Группировки могут распадаться или укрупняться в зависимости от экологических условий (что позволяет с максимальной эффективностью использовать пищевые ресурсы), однако платой за такую свободу становится потенциальная опасность, что коалиции малого размера будут жертвой агрессии более крупного социального объединения. Именно численность является ведущим оружием в межгрупповой агрессии. Агрессоры во время нападений на членов другой группы ничем не рискуют, ибо подстерегают жертвы, когда те не способны оказать реального сопротивления... Случаи рейдов, сопровождаемых убийством самцом из соседних сообществ, описаны приматологами в разных национальных парках Африки, что указывает на видоспецифичность такого поведения[2]. Львы, гиены и волки применяют ту же стратегию... Соблюдение паритета, постоянный баланс власти (на индивидуальном и межгрупповом уровне) - такова основная адаптация, препятствующая распространению практики убийства себе подобных у животных (и, возможно, у человека). У человека способы поддержания такого баланса различны и во многом определяются культурой. Сам феномен, однако, универсален и в значительной мере определяется социально-экологическими факторами [1].

Авторы в своем исследовании блестяще показывают (авто)рациональный характер насилия в «естественных условиях», уже выдающий несомненные черты самоупорядоченного действия, ибо наивно полагать, что подобные весьма сбалансированные действия есть следствие конвенционально-рациональной или сознательной деятельности перечисленных животных.

Отсюда еще один вывод: насилие представляет собой самодифференцирующийся интенциональный смысл, через конкретную культуроспецифически «оформленную» реализацию которого, оперативно замкнутое социальное пространство обретает свою структуру.

Это противоречит распространенным концепциям когда насилие

объявляется, во-первых, *функцией* и, во-вторых, *«экстремальной» функцией*, следствием и продуктом кризиса социально-коммуникативного процесса. Это утверждение, заманчиво упрощающее логику генезиса системного насилия, однако, имеет тот изъян, что в действительности не существует такого проблемного состояния оперативно замкнутого социального пространства, которое не имело бы рационального решения. Поэтому вооруженное насилие и насилие вообще не является *функцией* и следствием межгрупповых противоречий. То есть, между этими противоречиями и вооруженным насилием нет *прямой причинно-следственной* связи, а есть связь исключительно *культурного* характера. Насилие *присваивается* социальными группами, как исключительно архаический способ доминирования и структурирования оперативно замкнутого социального пространства. Иными словами системное насилие это *универсальная* форма саморегуляции этого пространства.

Насилие есть самоподдержание *структуры* деструктивного действия, проявление его инерционности. В то время как интенциональность «чистой» деструкции направлена на скорейшее уничтожение объекта или объективной связи (и то и другое – структура) то насилие, иррационально зацикливающееся на самовоспроизведении, объективно стремится к тому, чтобы финал деструкции был как можно более отсрочен и сосредотачивается на *структурировании деструкции*. Таким образом, например, вооруженная сила не есть продукт общества в прямом смысле этого слова, не есть его *функтор*, хотя она и выполняет определенные функции, - она есть *продукт структурирования деструкции* как системного самоупорядочивающегося процесса.

Самоупорядочение насилия будет заключаться и в том, что смещающаяся финальность деструкции порождает и дифференцирует новые социоструктуры и техноструктуры, а также их регуляторы-идеоструктуры, которые на современном этапе вырождаются в симулякры, создающие «ложные направленности» дифференциации техноструктур насилия только для того, чтобы эта дифференциация бесконечно самовоспроизводилась. При этом техноструктуры отчуждают различные общественные отправления, присваивая себе роль социальных функторов, которые быстро фальсифицируются фактом подчинения социальной функции иррациональной аутодифференциации самой техноструктуры, по сути свое превращающейся в паразита на «теле» означенной функции.

Литература

1. Бутовская, М.Л., 1998, Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека. //Общественные Науки и Современность, 6:149-160.

2. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА М, 2004. – 320 с. С 181.

Ссылки

[1] Ссылается на Wrangham A., Peterson D. Demonic Males. Boston-New York, 1996.

[2] Ссылается на Nishida T.. Haraiwa-Hasegawa M., Takahala Y. Group Extinction and Female Transfer in Wild Chimpanzees in the Mahale National Park, Tanzania // Zeitschrift fur Tierpsychologie. 1985. V. 67. P. 284-301.

© 2008 г.
А.Ю. Байбородов

Коэкзистенциальное общение как символическая реальность

Понятие «коэкзистенциальное общение» логически вытекает из общего понятия общения, обозначающего «взаимодействие между людьми (субъект-субъектное отношение) и характеризующее базовую потребность человека – быть включенным в социум и культуру» [5, с. 480]. Без сомнения, взаимодействие – ключевое понятие, каркас, вокруг которого впоследствии строятся любые концепции касательно общения. Но взаимодействие – понятие довольно широкое, которое требует необходимых уточнений сообразно специфике самого общения. Общение может быть рассмотрено как социально-экономическая категория, предполагающая экономические способы взаимодействия. В более широком смысле общение (в философском ракурсе) включает в себя непосредственные и опосредованные формы взаимодействия и носит по преимуществу социальный характер.

Нас же проблема общения интересует в несколько ином ракурсе. Выдвигая новый концепт «коэкзистенциальное общение», считаем нужным более рельефно очертить его контуры и обозначить те наиболее существенные признаки, которые отмечают и выделяют именно подобную форму общения.

Впервые понятие «коэкзистенция» было введено итальянским философом Н. Аббаньяно, который известен как основатель «позитивного» экзистенциализма. Нетрудно заметить, что термин «коэкзистенция» образован от «экзистенции» и недвусмысленно указывает на совместность, со-существование. Самореализация личности, как справедливо полагает Аббаньяно, невозможна вне конструктивного общения с себе подобными, а потому a priori предполагает ориентацию на другого, признание и уважение его «инаковости». «Я могу понять самого себя, только понимая других. И понимать других означает не сводить других к самому себе, а признавать их именно *как других* (курсив мой – А.Б.) и искать в их инаковости побудительные причины и возможности симпатии, солидарности и борьбы» [1, с. 52]. Примечательно, что «инаковость» как раз и составляет ценность бытия другого и коэкзистенциального общения. Уникальность, непохожесть общающихся и создает основу коэкзистенции в ее динамике. Экзистенция, формируясь в своей уникальной и неповторимой задаче, постигает существование себе подобного непосредственно, дорефлексивно. «На вопрос: Что такое другие? я могу ответить, лишь отвечая на другой

вопрос: что такое я для самого себя?» [2, с. 140].

Коэкзистенция всегда предполагает восприятие и переживание другого в его «инаковости». Решающее значение приобретает внутренне принятая установка *доверия*, открытости по отношению к себе подобному. С целью прояснения специфики коэкзистенциального общения можно вычленить следующие его основные признаки:

1. Признание самоценности и самодостаточности Другого (субъект-субъектный характер). Это едва ли не самый главный, сущностный признак коэкзистенциального общения. Другой, *мне* подобный, признается как уникальный и самоценный субъект. Другой ценен именно в своей непохожести, уникальности, связан со *мной* посредством общего дела, чувства, одним словом, общим контекстом жизни. Признавать другого – значит некоторым образом *утверждать* его бытие, утверждать самый факт его существования. Поначалу факт существования другого открывается непосредственно, «лицом к лицу», в опыте непосредственного бытия-события, которое мы не подвергаем какой бы то ни было теоретической рефлексии. Другой открывается через *способ* собственного *существования*. Для того, чтобы сделать какой-то вывод о внутреннем мире другого, нужно воспринять его способ бытия «как он есть» через «феноменологию телесности». «Иметь или поставить себе задачу значит признать за другими возможность иметь или ставить задачу себе. Формировать и утверждать собственную индивидуальность значит признавать и уважать в других ту же способность выступать как индивидуальность» [3, с. 200].

2. Познание другого в его непосредственном способе существования осуществляется не научно-дискурсивным путем, а непосредственно, через способ бытия. Другой же удостоверяет свое существование через акты существования, в том числе через «феноменологию телесности». Существование другого открывается непосредственно в нашем опыте со-бытия и не подвергается сомнению: «К существованию других я прихожу не благодаря какому-то дискурсивному или теоретическому методу; оно жизненно необходимо связано с моим собственным существованием» [4, с. 140].

3. Коэкзистенциальное общение следует понимать через диалектическое соотношение «символ – смысл», а не «знак – значение». Отметим, что символическая природа коэкзистенциального общения далеко не сводится только к тому, что доступно непосредственному наблюдению. Сам *другой* интерпретируется как *символическая* реальность, далеко не тождественная наблюдаемому «телу». Коэкзистенция обнаруживает свои предельные смыслы (любовь, смерть, взаимопонимание, самоидентификация) вне *предметных* значений. Эти «сверхсмыслы» коэкзистенции переживаются непосредственно, intra pectus, и лишь задним числом выражаются в предметных значениях.

4. Коэкзистенциальное общение обретает особую остроту и предельно *человеческий* смысл перед лицом *смерти*. Смерть в рамках экзистенциальной «аналитики» означает *негативную* возможность, могущую положить конец индивидуальному существованию, и, соответственно, сосуществованию с себе подобными.

Проблема коэкзистенциального общения, проявляя себя в различ-

ных ракурсах, не допускает однозначного толкования. Коэкзистенция так или иначе являет себя *феноменально*, воплощаясь в конкретных явлениях, доступных непосредственному наблюдению. В самом общем виде можно вычленить два плана рассмотрения коэкзистенции. Назовем их условно *феноменальным* и *ноуменальным*. Феноменальный план, как уже отмечалось ранее, проявляется через восприятие наблюдаемого. Первоначально мы постигаем другого через способ его существования, поскольку именно последний впервые сигнализирует о его бытии. Очевидно, другой доступен непосредственному наблюдению как целостный образ. Так, взгляд, жест, речь, мимика недвусмысленно говорят не только о существовании другого как простой части предметного мира, но и о присущей ему «внутренней жизни». Поначалу мы можем наблюдать хотя бы двух общающихся людей, ведущих между собой разговор, мы можем видеть их выражение лица, прикосновение друг к другу, проявление чувств и т.д. Эта совокупность феноменов может быть описана самым различным образом: на обыденном языке, на языке научной терминологии, через художественные образы и т.д. Мы обозначаем процесс общения посредством тех или иных понятий и суждений. Каждой вещи или явлению соответствует то или иное понятие или суждение. Но сперва это значение чисто предметное, не «отсылающее» ни к каким «сверхчувственным» смыслам. Например, значение слова «взгляд» следующее: «Направленность зрения на кого-что-нибудь» [11, с. 76]. Эта формулировка фиксирует лишь первичное, *предметное* значение данного понятия. Предметное значение первично именно в силу того, что обеспечивает первичную же ориентировку в мире, помогает соотносить вещи, явления, события, процессы в пространстве и времени, воспринимать мир сквозь призму «здравого смысла». Но в то же время первичное предметное значение не сообщает никаких иных смыслов, выходящих за рамки непосредственного опыта. Здравый смысл как форма мышления генетически первичен, и уже потом, гораздо позднее, становится возможным «прорыв» в сферу смысла. Уже здесь явственно вызревает почва для размежевания «сферы значений» и «сферы смыслов». Как известно, символ в широком смысле есть «понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать идеальные содержания, отличные от их чувственно – телесного бытия» [6, с. 614]. Символ имеет знаковую природу, и ему присущи все свойства знака. Если знак указывает на нечто большее, чем есть он сам, то символ отражает в себе гораздо большее, нежели видимое «тело». Символ не есть наименование какой-то отдельной частности (вещи, явления, события), он объемлет в себе целостную связь этой частности со множеством других , подводя в конечном счете эту связь под единый принцип, подчиняя их некой единой универсалии. Эта единая универсалия есть нечто «незримое», до поры непроявляемое, то, что не кажет себя в отдельных частностях. Каждая отдельная частность, в свою очередь, есть конкретное проявление «сверхчувственной» реальности, ибо несет в себе ее наиболее существенные черты. Но это «незримое» не есть нечто мистическое, а есть как раз то общее, неразло-

жимое, что составляет основу для вычленения частных спецификаций. Символ – это самостоятельное, обладающее собственной ценностью, обнаружение, постижение той самой «сверхчувственной» реальности, на которую он, в отличие от знака, указывает. Эту единую основу мы можем себе представить, но даже не столько представить, сколько непосредственно *переживать*. Этот «сверхчувственный» смысл наблюдаемых нами форм, который в то же время объединяет последние, переживается спонтанно, intra pectus, и, кроме того, непосредственно сопрягается с нашим жизненно-конкретным опытом. Объединяя различные частные проявления в единое целое, которое до поры может никак себя не проявлять, символ представляет собой довольно сложную многоуровневую реальность, адекватное прочтение которой требует от воспринимающего работу с кодами различного уровня.

Крупнейший исследователь проблемы символа К.А. Свасьян выдвигает *диалектическую* концепцию символа, которая зиждется на представлении об органической связи между его компонентами. Он опирается на диалектический метод, стремясь вскрыть всю глубину и цельность символического восприятия мира. Мы не делаем попытку экстраполировать диалектический метод на экзистенциальные переживания; мы рассматриваем диалектический метод с тем, чтобы прояснить глубинную диалектику «сверхчувственной» реальности. В структуре символа Свасьян выделяет два смысловых пласта – *морфему* и *метаморфему*. Автор использует «негативный» метод определения символа, ибо мы движемся к познанию «сверхсмысла» a contrario (от противного). Пока что мы можем судить о символе по его частным проявлениям, идя от частного к общему. «О метаморфеме мы пока ничего существенного не знаем, кроме того, что она является тем *нередуцируемым остатком* (курсив мой.- *А.Б.),* который сопровождает всякий акт разложения символа на морфему» [7, с. 93].

«Метаморфема» определяется через то, чем она *не* является. «*Что* она есть, должно уясниться через то, *что* она *не* есть» [8, с. 92]. Пока мы оставляем в стороне вопрос об онтологических основаниях «метаморфемы», не пытаясь подвести под нее мистическую основу, но мы переживаем «сверхсмысл» коэкзистенциального отношения intra pectus. Так, коэкзистенция, как уже отмечалось ранее, объемлет в себе два пласта: «неверифицируемый» смысл, остающийся пока что «за кадром», и конкретные наблюдаемые формы. Если же символ, следуя логике Свасьяна, разложить на составляющие «морфемы», то далее неразложимый «остаток» тем или иным образом «просвечивает» сквозь отдельные манифестирующие его формы. С одной стороны, «морфема» позитивно указывает на неразложимый далее «сверхсмысл», но, с другой стороны, она же диалектически отрицает этот смысл в отдельной форме. Таким образом, неизвестный, но положительный пласт раскрывается через отрицание пласта известного, явленного через восприятие. «Символ не делится без остатка ни на одну из своих форм» [9, с. 91].

Поставим следующий вопрос: чем же является «сверхсмысл» коэкзистенции? Коэкзистенциальное общение можно «расщепить» (чисто искусственно) на два плана: онтический и онтологический.

«Сверхсмысл» коэкзистенции, не воспринимаемый непосредственно, лишь косвенно «просвечивает» через наблюдаемые формы. Эти внешние проявления коэкзистенции суть взгляд, жест, мимика, интонация, рукопожатие и т.п. Онтологический «сверхсмысл», проявляясь через конкретную форму, осуществляет *акт бытия*. Коэкзистенция охватывает в себе не только действия и не только внутренние переживания. «Сверхсмысл» коэкзистенции не тождествен своей сущности, но и проявляет себя как раз в существовании.

Так что же есть «сверхсмысл» коэкзистенции? Для начала попробуем определить его в самом общем плане через предикацию существования. «Сверхсмысл» коэкзистенции – это прежде всего внутренне-личностное отношение «Я – Ты». Его весьма трудно артикулировать внешне, и мы сможем сказать, что он *просто есть*, просто существует. Этот смысл до определенного момента себя не кажет, не являет в реальном отношении, и, более того, может существовать двояко: с одной стороны, никоим образом о себе не напоминать, не воплощаясь в видимых формах, но, с другой стороны, проявлять себя в реальном существовании через эти самые видимые формы. Сущность через существование осуществляет акт бытия. Говоря о сущности коэкзистенции, мы все же не имеем права полностью отождествить последнюю с «чтойностью» (quidditas). Если «чтойность» предполагает чисто общее, теоретическое суждение о коэкзистенции, то сущность так или иначе *бытийствует*, проявляя себя через существование. Какой-то отдельный modus бытия общающихся являет себя непосредственно нашему нерефлексирующему восприятию. В том-то и дело, что наше воспринимающее сознание *нерефлексивно*, поскольку не предполагает теоретико-дискурсивного подхода.

Итак, мы можем наблюдать непосредственно отдельные проявления коэкзистенциального общения, составляющие его онтическое измерение (жесты, мимика, интонация, взгляд и т.д.). Но нужно как-то подвести это видимое многообразие под некое единое основание, единый организующий принцип. Нечто похожее мы находим у М. Хайдеггера: «Уже разбор значения слова existentia показывает, что actualitas отсылает к деятельности некоторого неопределенного субъекта, или, если мы будем исходить из нашей терминологии, что имеющееся в наличии (das Vorhandene) как-то соотносится с тем, *кому до него есть дело* (курсив мой.- *А.Б.*), кому оно попадается под руку (vor die Hand kommt), кому оно сподручно (ein Handliches ist). Даже, казалось бы, обьективная интерпретация как actualitas отсылает в основе своей к субъекту, ... в смысле отношения к нашему Dasein как деятельному, а еще точнее – созидающему и производящему» [12, с. 92].

Опять налицо «взаимосвязь отсыланий». Очевидно, необходимо заглянуть за пределы видимого. «Феноменологический ряд» наблюдаемых форм отсылает к иной, «онтологически первичной», фундаментальной реальности. Но не нужно придавать этой сверхреальности самостоятельный онтологический статус или пытаться ее субстантивировать; эта реальность конституируется сознанием, которое, в свою очередь, и является в нашем случае началом «созидающим и производящим».

Всякий жест, улыбка, интонация, отсылающие к единому «сверхсмыслу», всегда суть неотторжимая органичная часть единого целого, в рамках которого отдельная форма и может быть тем, что она есть. Всякая отдельная форма проясняет свою сущность не иначе как в целостной структуре отсыланий. Выстраивается «вертикаль», идущая от отдельных форм к «сверхсмыслу», а в основании этого восхождения лежит как раз *явленность* последнего через рукопожатие, взгляд, жест и т.д. Утверждая единую «сверхреальность» коэкзистенции, мы должны иметь в виду «акты индивидуации, акты, полагающие сущее как одно» [13, с. 144].

Но это «одно» реализуется в явленном не с неукоснительной необходимостью, а становится возможным благодаря силе сознания, сопрягающего онтический и онтологический ряды. «Феноменологический ряд» является в связи с этим «смыслоосуществляющей цельностью». Чтобы как-то схватить этот единый «сверхсмысл», мы опять-таки применяем тот самый «негативный» метод путем отрицания единого смысла в отдельной форме. С определенной долей условности этот метод можно назвать апофатическим. Так, видя перед собой обнимающихся или обменивающихся многозначительными взглядами, мы вычленяем единый «сверхсмысл», который переживаем непосредственно в глубинах сознания. Роль сознания в данном случае амбивалентна. Сознание может как узреть и выявить этот смысл, так может и оставить видимые формы «безжизненными», нейтральными. Переживание «сверхсмысла» только и возможно в сознании. Само участие, «небезразличие» сознания есть возможность и условие «оживания» смысла. Таким образом, воспринимающее сознание *телеологично*, ибо есть «проективность», в которой совпадают два момента: «в-направлении-чего» и «для-чего» существования и со-существования. Это есть и специфическая направленность сознания, и «самопроектация» со-существования, поскольку сознание и существование становятся по сути тождественными.

Переживаемый непосредственно «сверхсмысл» никогда не замыкается в пределах видимой формы, поскольку никогда не равен себе, интенционален и «запределен». Объятие, рукопожатие, взгляд суть феноменология «сверхсмысла», его зримое воплощение, откуда мы и совершаем восхождение к «первосущности». Смысл, с одной стороны, ограничен видимой формой, с другой стороны, всегда ускользает за пределы видимого. В этой связи весьма характерно замечание К.А. Свасьяна, отмечающего различие между глаголами «смотреть» и «видеть». «На холст и краски я именно *смотрю*, но их-то я и не вижу» [10, с. 99]. Можно *смотреть* на краски и холст, но *видеть* при этом идею. «Смотреть» значит обращать взгляд на что-либо непреднамеренно, не задаваясь целью узреть смысл. «Видеть» же значит иметь интенцию сознания на постижение смысла, не фиксируемого непосредственно.

Та же интенциональность сознания лежит в основе узрения «сверхсмысла». Именно интенциональность делает возможным постижение смысла через взгляд, интонацию, мимику и т.д. Таким образом, можно обозначить особый онтологический «центр» коэкзистенциального общения, укорененный в измерении нашего же сознания. Со-

знание и есть та онтологическая почва, в недрах которой вызревает коэкзистенциальное отношение. Последнего нет и не может быть вне сознания: нет интенциональной установки, нет и «сверхсмысла» коэкзистенции. Силой сознания мы «изымаем» этот смысл из череды наблюдаемых форм как telos, *цель* этого отношения, и полагаем его в качестве субстанциальной основы отдельных форм. Речь идет о выстраивании онтологии коэкзистенциального общения, причем в основу кладется вышеозначенный «сверхсмысл», который мы вычленяем из множества видимых форм.

«Сверхсмысл» коэкзистенции всегда трансцендирует за пределы видимого. В этом отношении он трансцендентен. В известном отношении он устойчив, неизменен, в то время как феномены изменчивы и текучи. Этот «сверхсмысл» мы прозреваем и через взгляд, и через рукопожатие путем утверждения и отрицания одновременно. Отрицание заключается в том, что единосущный смысл не исчерпывается лишь видимыми формами и превосходит их, утверждение – в том, что мы все же сможем его «считать» с этих самых форм. Путем отрицания полноты смысла в отдельном взгляде мы приходим к его же утверждению. Если поначалу мы постигнем «сверхсмысл» в конкретной форме, то впоследствии, если будем все более «изымать» его, то может возникнуть иллюзия полного отрыва смысла от «феноменологического ряда». Смысл «воспаряет» за пределы зримого, но в то же время бытийствует, проявляя себя через конкретные формы.

Вообще, довольно трудно переживать «сверхсмысл» в отрыве от внешних проявлений. Изымая последний из череды отсыланий, мы переживаем, ощущаем в себе нечто «чистое», аморфное, нечто свободное от каких бы то ни было предметных объективаций. Это и есть исконное, первичное отношение «Я-Ты», не замутненное эгоистическим интересом. Пока мы утверждаем бытие этого «сверхсмысла», что он «просто есть», предицируем его существование опять-таки через конкретные проявления. Этот «незримый» сверхсмысл есть непосредственное отношение, которое может быть выражено словами «доверие», «любовь», «признание», «открытость» и др. Оно получает впоследствии различные спецификации в знаковых формах. Отношение «Я-Ты», переживаемое спонтанно, неотчуждаемое от нашего внутреннего опыта, есть по сути особый инвариант, который опять же благодаря установке сознания может получить множество самых многообразных зримых проявлений.

Примечания

1. Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм. СПб., 1998.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Новейший философский словарь. Минск, 1999.
6. Там же.
7. Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии. Ереван, 1980.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
12. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
13. Черняков А.Г. Онтологическая дифференция и темпоральность // Вопросы философии. 1997. № 6.

© 2008 г.
Ю.В. Клюев

Степень закрепления маркетинговых технологий в организационной структуре музеев Кемеровской и Омской областей и Алтайского края

Для определения наличия в структуре музейного учреждения отдела маркетинга, нами было проведено исследование. В 3 регионах Западной Сибири: Кемеровской, Омской областях и Алтайском крае. Выборка была основана на количественном подходе, где бралась во внимание численность государственных музеев в регионе. В среднем на каждый регион в 2007 году приходилось по 42 музея.

Нами были проанализированы данные по каждому региону по включению отдела маркетинга в организационную структуру музея, которые затем были сведены в сводную табл. 1. Также мы проанализировали данные по каждому региону по включению специалиста по маркетингу в организационную структуру музея, которые затем были сведены в сводную таблицу 2. Рассмотрим эти данные более подробно.

Согласно данным представленным в табл. 1 видно, что из 42 музеев Кемеровской области отдел маркетинга есть в 2 из 3 музеев областного значения и в 7 из 22 музеев муниципального значения; из 42 музеев Омской области отдел маркетинга есть только в 3 из 4 музеев областного значения; из 42 музеев Алтайского края отдел маркетинга есть в 1 из 2 музеев областного значения и в 5 из 13 музеев муниципального значения.

Таким образом, по сводным данным рассматриваемых регионов Западной Сибири отделы маркетинга есть в 66,7% (6 из 9) областных музеях, в 25,5% (12 из 47) муниципальных музеях и в 0% (0 из 70) районных музеях, что в совокупности составляет 14,3% (18 из 126 музеев). Несомненным лидером является Кемеровская область - 21,4%, затем Алтайский край - 14,3% и замыкает список Омская область - 7,1%.

Однако рассмотрим организационную структуру музеев по наличию в ней специалистов по маркетингу (как дипломированных, так и не дипломированных сотрудников, выполняющих эти функ-

Таблица 1

Государственные музеи по включению отдела маркетинга в организационную структуру музея

	Всего	Имеют		Не имеют	
		Кол-во	%	Кол-во	%
Кемеровская область					
Областные	3	2	66,6	1	33,4
Муниципальные	22	7	31,8	15	68,2
Районные	17	0	0	17	100
Итого	42	9	21,4	33	78,6
Омская область					
Областные	4	3	75	1	25
Муниципальные	12	0	0	12	100
Районные	26	0	0	26	100
Итого	42	3	7,1	39	92,9
Алтайский край					
Областные	2	1	50	1	50
Муниципальные	13	5	38,5	8	61,5
Районные	27	0	0	27	100
Итого	42	6	14,3	36	85,7
Сводные показатели по регионам					
Областные	9	6	66,7	3	33,3
Муниципальные	47	12	25,5	35	74,5
Районные	70	0	0	70	100
Итого	126	18	14,3	108	85,7

Таблица 2

Государственные музеи Кемеровской, Омской областей и Алтайского края по включению специалиста по маркетингу в организационную структуру музея

	Всего	Имеют		Не имеют	
		Кол-во	%	Кол-во	%
Кемеровская область					
Областные	3	3	100	0	
Муниципальные	22	16	72,7	6	27,3
Районные	17	4	23,5	13	76,5
Итого	42	23	54,8	19	45,2
Омская область					
Областные	4	4	100	0	0
Муниципальные	12	9	75	3	25
Районные	26	3	11,5	23	88,5
Итого	42	16	38,1	26	61,9
Алтайский край					
Областные	2	1	50	1	50
Муниципальные	13	5	38,5	8	61,5
Районные	27	1	3,7	26	96,3
Итого	42	7	16,7	35	83,3
Сводные показатели по регионам					
Областные	9	8	88,9	1	11,1
Муниципальные	47	30	63,8	17	36,2
Районные	70	8	11,4	62	88,6
Итого	126	46	35,5	80	64,5

Таблица 3

Численность населения региона и количество посетителей музейных учреждений в 2007 году

	Всего музе-ев	Числен-ность населения региона (тыс. чел)	Кол-во посет. музе-ев (тыс. чел)	Кол-во посети-телей на 1 музей (тыс. чел)	Посеща-ет музей один из … (ст.3 / ст. 5)	Доля всех посети-телей музеев от числен-ности населения региона всего, % (ст. 4 * 100) / ст. 3	Доля посетителей на 1 музей от числен-ности населения региона, % (ст. 5 * 100) / ст. 3
1	2	3	4	5	6	7	8
Кемеровская область	42	2855,0	1050,0	25,0	114	36,8	0,88
Омская область	42	2079,2	882,0	21,0	99	42,4	1,01
Алтайский край	42	2565,5	567,0	13,5	190	22,1	0,53
Итого	126	7499,7	2499,0	59,5	126	33,3	0,79

ции). Она представлена в табл. 2.

Как мы видим в Кемеровской области из 42 музеев 23 имеют специалиста, занимающегося проблемами маркетинга, что составило 54,8% из которых 3 музея (100%) областного значения, 16 музеев (72,7%) муниципального значения и 4 музея (23,5%) районного значения.

В Омской области из 42 музеев 16 имеют специалиста, занимающегося проблемами маркетинга, что составило 38,1% из которых 4 музея (100%) областного значения, 9 музеев (75%) муниципального значения и 3 музея (11,5%) районного значения.

В Алтайском крае из 42 музеев 7 имеют специалиста, занимающегося проблемами маркетинга, что составило 16,7% из которых 1 музей (50%) областного значения, 5 музеев (38,5%) муниципального значения и 1 музей (3,7%) районного значения.

Если посмотреть на сводные показатели по регионам по обеспечению музеев «специалистами по маркетингу», то вырисовывается несколько иная картина, более оптимистичная. Так, музейные специалисты по маркетингу есть в 88,9% (8 из 9) областных музеях, в 63,8% (30 из 47) муниципальных музеях и в 11,4% (8 из 70) районных музеях, что в совокупности составляет 35,5% (46 из 126 музеев).

Исследование показало, что в районных музеях нет отдела маркетинга, а в большинстве музеев нет специалиста, занимающегося маркетингом. В муниципальных музеях нет отдела маркетинга, а специалист по маркетингу есть в каждом втором музее. В основном, отделы маркетинга существуют в

крупных музеях областного уровня, однако, также не во всех. В большинстве своем отдел маркетинга в чистом виде существует в очень ограниченном количестве. Как правило, отдел маркетинга является составной частью информационного отдела, отдела по связям с общественностью или отдела развития.

Если сравнить взаимозависимость применения «маркетинга» в организационной структуре музеев региона и количества посетителей этих музеев, то получатся результаты, представленные в табл. 3.

Так, согласно данным представленным в табл. 3. Кемеровская область и Алтайский край имеют практически одинаковую численность населения, чуть меньше - в Омской области. Однако количество посетителей на один музей в Кемеровской области в два раза выше чем на Алтайском крае (25 тыс.чел против 13,5 тыс. чел.).

Данные столбца №7 говорят не о реальной численности посетителей музеев региона, а об интенсивности посещений музеев данного региона. Таким образом, интенсивность посещения музеев Омской области незначительна, хотя опережает Кемеровскую область на 5,6%, а Алтайский край - на 20,3%.

При этом, по реальной численности посетителей на первом месте находится Кемеровская область, на втором – Омская область, на третьем – Алтайский край.

Полученные данные, представленные в табл. 3 позволяют сделать вывод, что эффективность применения маркетинговых технологий в музеях Омской области выше, чем в Кемеровской области. Так, в Кемеровской области - 23 музейных специалиста занимаются музейным маркетингом, а в Омской области таковых 16, при этом в Кемеровской области музей посещает каждый 114 житель региона, а в Омской области - каждый 99 житель региона. Согласно табл. 3 Омская область занимает последнее (третье) место по наличию отделов маркетинга в музеях (7,1%). Этим она доказывает, как эффективно могут работать не только созданные отделы маркетинга, но и специалисты по музейному маркетингу.

Менее эффективно представлен Алтайский край и это не удивительно, так как там из 42 музеев только 7 имеют специалистов, занимающихся музейным маркетингом, поэтому музеи Алтайского края посещает каждый 190 житель региона.

Хроника научной жизни

Социологический форум в Барселоне

Делегация социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова участвовала в работе Первого международного форума Международной социологической ассоциации «Социологические исследования и общественная полемика» (First ISA Forum of Sociology «Sociological Research and Public Debate»), который проходил 5-8 сентября 2008 г. в Барселоне. International Sociological Association (ISA), образованная под эгидой ЮНЕСКО в 1949 г. и объединяющая ученых 109 стран мира, впервые обратилась к новому для себя формату – социологическому дискурсу. Вызвано это, как заявили организаторы, желанием не просто подвести итоги прошедших эмпирических исследований, отчитаться за определенный отрезок времени, а найти общий концептуальный язык и взаимопонимание между социологами разных идеологических ориентаций, научных традиций и культурных миров – Африки и Америки, Азии и Европы. Совместное обсуждение ключевых вопросов, заранее объявленных в программе Форума, представителями различных исследовательских групп, секций и сессий явилось центральным событием для многотысячной социологической общественности.

На Форуме обсуждался практически весь спектр современной социологической проблематики – от теоретико-методологических вопросов познания до приземленных проблем прикладной урбанистики. Научная практика Международной социологической ассоциации организована по исследовательским комитетам (Research Committee), рабочим группам (Working Group) и тематическим группам (Thematic Group), по разным специализациям. В рамках ISA действует 53 исследовательских комитета по всем отраслям социологии. Однако в центре внимания находилось главное для нас – взаимоотношение социологии и общества: какова роль социологии в изменяющемся мире, может ли

она реально влиять на происходящие процессы, что ждут от нее власти и общественность, оправдывает ли она возлагаемые на нее надежды?

При подведении итогов ведущие западные социологи, а именно А.Турен, М.Боровой, А. Мартинелли, обратили внимание на то, что в течение четырех дней в Барселоне состоялся активный и плодотворный обмен мнениями ученых со всего мира. Сблизили позиции или, по крайней мере, нашли взаимопонимание представители противоположных научных ориентаций и школ. Тому способствует и участие в международных эмпирических проектах, в частности в Китае, итоги которых освещались на Форуме.

Майкл Буровой, социолог из Беркли, предложил достаточно новаторскую классификационную схему познавательной роли нашей науки в современном мире.

По его мнению, существуют четыре центральных оси или позиции – профессиональная, критическая, политическая и публичная, – по которым разворачивается взаимодействие социологии и общества. На первой оси (Professional) выражена институциональная роль академической социологии, а именно университеты, институты, журналы, конгрессы и т.п., которые способствуют профессиональному становлению социологов и защищают их групповые интересы. На второй оси (Critical) отраженная рефлексивная роль профессиональных социологов, которые взирают на общество с высоты птичьего полета, замечают его недостатки и призывают к их устранению. Третья отображает помощь социологического сообщества, преимущественно в качестве консультантов, в принятии управленческих решений во всех областях политики, и не только международной, но прежде всего в семейной, демографической, национальной, социальной, культурной, религиозной и экономической политике. Наконец, на четвертой позиции разворачивается двухсторонний диалог. С одной стороны, профессиональные социологи апеллируют к широкой пуб-

Professional	Policy
Critical	Public

лике, стремясь быть ею понятой через популярные книги, статьи в газетах и журналах, выступлениях на радио и телевидении, желая получить не только широкий резонанс, но и максимальное влияние на формирование общественного мнения. С другой стороны, публика, почувствовав свою вовлеченность в развитие социологической науки, сама выступает в роли эксперта и начинает советовать, в каком направлении ей развиваться, что следует ей изучать, а что нет. То, в какой мере социология сумеет справиться с противоречиями и проблемами, возникающими на каждом из четырех полей, во многом зависит ее будущее.

В своем выступлении Альберто Мартинелли (Италия), покритиковал некоторые положения доклада М.Бурового, поддержав его центральные идеи. Патриарх современной социологии 83-летний Ален Турен отметил главную тенденцию: центр мировой социологии ныне не просто переместился из США, он исчез или перестал выполнять функцию законодателя научной моды. Сформировалось и продолжает формироваться несколько центров развития социологии на разных континентах и в различных регионах мира. Особенно активной заявляет о себе азиатский субрегион. Именно там в ближайшее время следует ожидать исследовательские и теоретические новации.

Материал подготовил
А.И. Кравченко

Наши авторы

Афанасьев Валерий Владимирович - доктор политических наук, доцент социологического факультета МГУ

Бажин Игорь Иванович - доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики государственного и муниципального управления Института повышения квалификации Волго-Вятской академии государственной службы при Президенте РФ, Н.Новгород

Байбородов Алексей Юрьевич - кандидат философских наук, доцент, Пермский государственный технический университет

Баликоев Асламбек Владимирович - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, педагогики и психологии, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (НГАСУ-Сибстрин)

Беляева Мария Алексеевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы УрГПУ, г. Екатеринбург

Береговой Василий Иванович – аспирант, Волынский национальный университет им. Леси Украинки

Бессчетнова Оксана Владимировна - кандидат социологических наук, доцент Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Василенко Ирина Александровна – преподаватель кафедры социальных технологий, инноваций и управления факультета социологии Алтайского государственного университета

Говорухин Григорий Эдуардович - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, декан факультета истории и юриспруденции, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре)

Гольцова Евгения Викторовна - кандидат философских наук, г. Иркутск

Дзуцев Хасан Владимирович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологических исследований СОИГСИ им. В.И. Абаева, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов СОГУ им. К.Л. Хетагурова, директор Северо-Осетинского Центра социальных исследований ИСПИ РАН

Епархина Ольга Валерьевна - кандидат политических наук, доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета

Зайцева Татьяна Вячеславовна - кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова

Клюев Юрий Владимирович - преподаватель кафедры экономики социальной сферы Социально-гуманитарного института Кемеровского государственного университета культуры и искусств

Маленькая Марина Анатольевна – старший преподаватель кафедры теории и практики государственного и муниципального управления Института повышения

квалификации Волго-Вятской академии государственной службы при Президенте РФ, зам.директора по информатизации ИПК ВВАГС, Н. Новгород

Медков Виктор Михайлович - доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ

Мухамедьянов Булат Фаридович - аспирант Башкирского государственного университета, г. Уфа

Никифоров Я.А. - кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Панченко Надежда Викторовна - ассистент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский Государственный Университет

Романович Нелли Александровна - кандидат социологических наук, генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас», г. Воронеж

Семакова Ольга Сергеевна – заведующая оргметодотделом МУ «Городская больница № 1» г. Первоуральска, Свердловская обл.

Смакотина Наталия Леоновна - доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии молодежи социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Смирнова Татьяна Вячеславовна - кандидат социологических наук, доцент кафедры международных бизнес-коммуникаций, докторант кафедры социологии Саратовского государственного технического университета

Снежко Светлана Валерьевна - аспирантка факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, координатор отдела продаж ЗАО КБ «Ситибанк»

Тараданов Александр Ардалионович - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии ГОУВПО «Челябинский государственный университет»

Титова Людмила Григорьевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политической теории Ярославского государственного университета

Титова Мария Александровна – аспирант кафедры социологии семьи социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Тогунов Игорь Алексеевич - доктор медицинских наук, профессор кафедры управления Владимирского филиала Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры биомедицинской инженерии Владимирского государственного университета

Устян Артур Рустамович - кандидат политических наук, декан факультета экономики Института «Высшие столыпинские курсы государственного права и управления»

Ходырев Виталий Николаевич - заместитель главного врача по медицинской части МУ «Городская больница № 1», главный внештатный терапевт ГУЗ г. Первоуральска, Свердловская обл.

Шабунова А.А. – кандидат экономических наук, зав. отделом исследования социальных проблем ВНКЦ ЦЭМИ РАН

Шумилов Владимир Константинович - кандидат философских наук, Чувашский государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Щебланова Вероника Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета